

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1951 Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

I. ДОКЛАДЫ

С. В. КИСЕЛЕВ

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА
В СВЕТЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

(Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета ИИМК АН СССР
28 декабря 1950 г.)

Выдающимся событием в истории советской науки является выход в свет работ гениального ученого, вождя советского народа и всего прогрессивного человечества И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании¹.

Значение этих исторических трудов И. В. Сталина выходит далеко за пределы проблем одной языковедческой науки, где они сыграли решающую роль в борьбе за марксистско-ленинское языкознание против так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра и его «учеников», упрощавших и вульгаризировавших марксизм.

Работы И. В. Сталина имеют огромное значение для развития марксизма, который «есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества»². Давая определение марксизма, И. В. Сталин подчеркнул, что «марксизм, как наука, не может стоять на одном месте, — он развивается и совершенствуется»³. Со всей силой и глубиной И. В. Сталин показал, что «марксизм не признаёт неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма»⁴.

Руководствуясь этими творческими принципами, И. В. Сталин обогатил марксистско-ленинскую науку новыми положениями, имеющими огромное значение для всех общественных дисциплин. И. В. Сталин с предельной ясностью решает важнейшую проблему базиса и надстройки, соотношений между ними, изменения базиса и надстройки и особенностей языка, который «коренным образом отличается от надстройки»⁵. Глубочайшее историческое значение имеют положения И. В. Сталина об особенностях диалектического развития общества в условиях классового строя, когда общество разделено на враждебные классы и в условиях развития общества, «не имеющего враждебных классов»⁶.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950.

² Там же, стр. 54—55.

³ Там же, стр. 55.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 7.

⁶ Там же, стр. 29.

Для советских историков древности, археологов, этнографов и языковедов, имеющих прежде всего дело с первобытно-общинным строем и раннеклассовыми обществами, исключительно важное значение представляют выводы И. В. Сталина о ходе развития языков «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...»¹. Определяя основные этапы этого развития, И. В. Сталин показывает всю его сложность. «За это время,— говорит он,— племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми. Всё это внесло ещё больше изменений в язык и его развитие.

Однако было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путём уничтожения существующего и построения нового. На самом деле развитие языка происходило не путём уничтожения существующего языка и построения нового, а путём развёртывания и совершенствования основных элементов существующего языка»².

Всем работающим в области истории культуры и археологии необходимо особенно руководствоваться положением И. В. Сталина о том, что «культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остаётся в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую»³. Особое положение языка И. В. Сталин подчеркивает и там, где он останавливается на вопросе о скрещивании языков, которое «даёт не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и даёт ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития.

Правда, при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счёт побеждённого языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его»⁴.

Благодаря глубокой разработке И. В. Сталиным важнейших проблем социально-экономического, историко-культурного, этнического и языкового развития открываются широчайшие пути для конкретного исследования древних родов, племен и народностей, населявших территорию нашей Родины в древнейшие времена. Советскими учеными проделана большая исследовательская работа, позволяющая начинать историю народов Советского Союза с глубокой древности. Однако в этой области сказалось вредное влияние так называемого «нового учения о языке». Его сторонники, пропагандируя отвлеченные «стадии» и «палеонтологический анализ» по четырем элементам, уводили некоторых исследователей от изучения живых общественных организмов, от конкретного исследования исторического развития и тем самым обедняли результаты анализа, делали выводы абстрактными, искажающими действительность.

Для правильного понимания исторического развития крайне важно разрешение вопросов о сложении народностей. И. В. Сталин определил место народностей в историческом процессе; дело историков-археологов, этнографов и языковедов конкретно показать пути сложения народностей и особенности их развития. При этом должны быть целиком использованы прежние указания И. В. Сталина о том, что «элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д.— не с неба упали, а создавались

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 12.

² Там же, стр. 27.

³ Там же, стр. 21—22.

⁴ Там же, стр. 30.

исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем, при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами»¹.

Задача историков древности, археологов, этнографов и языковедов заключается в том, чтобы изучить существовавшие в докапиталистический период (до образования наций) более древние «общности людей» — народности, племена и роды. Необходимо выделить их особенности и показать причины, обусловившие их возникновение и развитие, их упадок и зарождение новых более высоких форм.

Изучение этих «общностей людей» не следует подменять историей империй, которые возникали в период рабства и в средние века (особенно в раннее средневековье). Еще в 1913 г. И. В. Сталин подчеркивал их отличие от наций, сложившихся гораздо позднее, с развитием капитализма и характеризовал их, как «случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»².

В своих новых работах И. В. Сталин вновь подчеркнул, что эти империи «представляли временные и непрочные военно-административные объединения». При этом он отметил, что они «не имели своей экономической базы»³. Это замечание имеет исключительно важное значение, так как заставляет обратить большее внимание, чем это делалось до сих пор, на «те племена и народности, которые входили в состав империи, имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»⁴. И. В. Сталин во всех своих работах, касающихся истории, всегда исключительное внимание обращает на производителей материальных благ и подчеркивает определяющую роль трудящихся масс в историческом процессе. Поэтому он выделяет племена и народности, входившие в империи, поскольку именно они представляли в докапиталистический период те «общности людей», которые имели свою экономическую базу, жили своей сложной и противоречивой общественной жизнью, создавали свою культуру, искусство и науку, развивали свой язык и героически отстаивали свободу и государственную независимость в борьбе против порабощавших их империй.

Этими выдающимися достижениями творческой мысли И. В. Сталина в области марксизма необходимо постоянно руководствоваться в практической работе над историей нашей великой Родины.

Советская археологическая наука с самого начала своего развития слагалась как наука историческая, ставящая перед собой задачи исторического исследования археологических материалов с целью создания марксистской древнейшей истории народов нашей Родины.

Вместе со всеми историками советские археологи боролись за марксистско-ленинские позиции в истории, против вредного воздействия так называемой «школы Покровского», преодолевали влияния вульгарного материализма, схоластики и начетнического схематизма.

С огромным творческим подъемом встретили советские археологи исторические замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории и создавшее перелом в развитии советской исторической науки постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». С тех пор началось особенно успешное развитие

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 336.

² Там же, стр. 293.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 12—13.

советской археологической науки, выразившееся в необычайном размахе экспедиционных исследований, покрывших всю необъятную территорию нашей Родины и, главное, в разработке добываемых материалов на основании марксистско-ленинского учения об общественном развитии.

Выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» вызвал новый подъем в археологической исследовательской работе. В 1939 г. были созданы Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР первые два тома «Истории СССР», осветившие древнейшие периоды истории народов нашей великой Родины на основании разработки огромных архивов нового вида — коллекций археологических памятников и экспедиционных материалов.

Это издание как бы подвело итог двадцатилетнему развитию советской археологии, продемонстрировав ее большие достижения и вместе с тем обнаружив ее слабые стороны.

Одним из недостатков этого труда несомненно было сильное влияние, оказанное на авторский коллектив и на редакцию, порочных «теорий» Н. Я. Марра и прежде всего так называемой «теории стадиальности». Этим объясняется, например, антиисторическое объединение в один раздел о неолите самых различных по уровню культур от раннеолитических до энеолитических «трипольских» и других, хозяйство, общественный строй и культура которых весьма сильно отличались друг от друга и, главное, развитие которых происходило в совершенно разное время и в различных исторических условиях. Вследствие этого целая эпоха в истории СССР была изображена в статическом состоянии, лишена исторического движения.

Этим же объясняется вся та путаница, которая была внесена последователями Марра, составлявшими раздел о готах, в этот очень важный вопрос, имевший тогда и весьма актуальное значение. Сторонники «теории стадиальности» и применения результатов так называемого «элементного анализа» рассматривали процесс происхождения древних и современных народов СССР как бесконечную вереницу фантастических скачкообразных превращений. В рассматриваемых томах «Истории СССР» нашли свое отражение и другие «открытия» Н. Я. Марра, как, например, классовый язык и кинетическая речь.

В настоящее время эти тома «Истории СССР» уже не удовлетворяют и самих авторов. Между тем много труда потрачено на сбор и обработку гигантского материала. Работа велась со стремлением создать исторический труд на основе марксистско-ленинской методологии. Однако воздействие порочных «теорий» Марра лишило этот труд подлинно научного значения.

Авторы древней истории СССР недостаточно овладели марксизмом-ленинизмом и не смогли критически отнестись к Н. Я. Марру, который «был всего лишь упрощителем и вульгаризатором марксизма»¹.

Эта теоретическая слабость особенно ярко проявилась в «Истории первобытного общества» В. И. Равдоникаса — учебнике для вузов, ставившем Н. Я. Марра в один ряд с основоположниками марксизма-ленинизма.

К сожалению, такое положение не изжито и до сих пор.

Более того, влияние так называемого «нового учения о языке» на некоторых представителей археологической науки в последние годы даже усилилось.

Это несомненно связано с тем аракчеевским режимом, который установился в языкознании. Последователи Марра окончательно поставили знак равенства между его «теориями» и марксизмом. В такой обстановке последователи Н. Я. Марра ринулись в бой за распространение его «учения», перешли к пропаганде так называемого «нового учения о языке».

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

В этом малопочтенном деле приняли участие и сотрудники нашего Института, из его Ленинградского Отделения.

Первым примером этого является второй том «Истории первобытного общества» В. И. Равдоникаса, вышедший в 1947 г. Мне уже пришлось расценивать эту работу как проявление космополитизма и преклонения перед иностранщиной. Здесь я должен добавить, что эта книга целиком построена на основе марровских «теорий». Характерно, что автор почти нигде этого и не оговаривает, считая, что «теории» Марра — марксистские теории. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть главу XV «Общественные представления низшей ступени варварства», где преподносится в качестве марксистского анализа весь букет марровских идеалистических представлений о языке, о кинетической речи, о языке и мышлении, о языке и письме и т. п. Студенту и преподавателю предлагается безоговорочно принять за марксистское учение эту идеалистическую стряпню, обильно уснащенную от себя В. И. Равдоникасом ссылками на заклятых врагов революционного марксизма — буржуазных этнологов.

Из стенограммы ноябрьского пленума Ученого совета ЛОИИМК видно, что В. И. Равдоникас и теперь считает страницы своей работы, посвященные Марру, «далеко не полностью ошибочными».

В 1948 г. в издании Академии Наук СССР вышла книга В. А. Миханковой «Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности». В 1949 г. эта книга была уже переиздана. При этом характерны те дополнения, которые были внесены в это новое издание в результате обсуждения книги на Ученом совете ЛОИИМК. В. А. Миханкова внесла дополнения о лингвистических элементах, о палеонтологии речи, о стадильности «в той мере, в какой это возможно в работе общего характера». Таким образом, последнее издание в особенно сильной степени пропагандировало все наиболее порочные стороны работ Н. Я. Марра.

В том же 1949 г. последователи Н. Я. Марра воспользовались для новой пропаганды в археологии его порочных идей пленумом ИИМК, состоявшимся в Ленинграде по случаю тридцатилетия Института. Они превратили его в посмертный апофеоз Н. Я. Марра. Прочитанный на этом Пленуме доклад руководителя Ленинградского отделения ИИМК А. П. Окладникова «Н. Я. Марр и советская археология», впоследствии опубликованный отдельной брошюрой¹, совсем не осветил пути, пройденного нашим Институтом и всей советской археологической наукой, ее достижений и недостатков. Это было славословие Н. Я. Марру; он объявлялся основоположником советской археологии, которая только через его посредство будто бы смогла пойти по марксистско-ленинскому пути. Советские археологи призывались нести имя Н. Я. Марра «как символ своего единства (?!), как боевую программу».

Следует признать, что дирекция Института, поставленная, правда, организаторами Пленума перед совершившимся фактом, не обратила должного внимания на недопустимый апологетический по отношению к Марру характер, который приняло это собрание. Будучи на Пленуме, я также не принял мер к его направлению по верному пути, ограничившись лишь последующим осуждением.

Между тем славословия Н. Я. Марру не прекращались. Два крупнейших исторических журнала «Вопросы истории» (редактор П. Н. Третьяков) и «Вестник древней истории» (редактор С. В. Киселев), поддавшись этому течению, поместили статьи о Н. Я. Марре, написанные в апологетическом тоне и содержащие утверждения, что теория Н. Я. Марра развивалась на основе марксизма-ленинизма.

¹ А. П. Окладников. Н. Я. Марр и советская археология, изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1950.

Такая обстановка пропаганды и постоянного восхваления так называемого «нового учения о языке» не могла способствовать развитию критического отношения к Н. Я. Марру и его последователям.

И действительно, в послевоенные годы в работах историков, археологов и этнографов, особенно занимавшихся вопросами происхождения народов, определенно отразились вульгарно-материалистические и идеалистические положения Н. Я. Марра.

П. Н. Третьяков в статье «Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании» отметил этот недостаток как в своих работах о происхождении славян, так и в работах А. П. Окладникова, М. И. Артамонова, В. В. Мавродина, А. Д. Удальцова, С. П. Толстова и Н. С. Державина¹.

Особенностью исторической работы археологов является известная фрагментарность археологического материала и ограниченность его возможностей для ответа на ряд вопросов, касающихся, например, деталей общественно-экономического строя и т. п. Археолог вынужден в таких случаях обращаться к смежным дисциплинам, к лингвистике, этнографии, письменной истории и другим.

В обстановке апологетической пропаганды так называемого «нового учения о языке» и при господстве в языковедческой литературе сторонников Н. Я. Марра было очень затруднено критическое отношение к лингвистическим материалам. Даже ученые, не принимавшие основных положений теории Марра, в отдельных вопросах испытали его влияние. Так я писал свою «Древнюю историю Южной Сибири» вразрез с основными положениями Н. Я. Марра и прежде всего с его идеалистической теорией стадильности. Историю южносибирских племен я излагал по эпохам, ничего общего не имеющим со стадиями Марра и прямо противоположным им. Стадии Марра строились исходя из его положения о том, что язык в ходе исторического процесса претерпевает коренные качественные изменения подобно тому, как старая надстройка в ходе исторического процесса сменяется новой. Отсюда следовало, по Марру, что современным языкам и этническим группам предшествовали другие языки и этнические группы, образывавшие другие стадии. Для меня уже давно было ясно, что эти стадии (большие и малые, всеобщие и производные, яфетические и скифские) не отражали действительного развития народов и языков и находились в противоречии с основным содержанием исторического процесса — смесью общественно-экономических формаций. Эпохи в моей книге характеризуют не фантастические стадии Марра, но конкретное состояние исторически определенных сообществ людей в реально существовавших общественно-экономических условиях и в обстановке, сложившейся в данное время и в данном месте. Это прекрасно понял до сих пор остающийся на позициях теории Марра А. Н. Бернштам. В своей рецензии на мою книгу он упрекает меня в том, что я веду изложение по эпохам, а не по стадиям². Не оставляет сомнений то, на отсутствие каких «стадий» сетует А. Н. Бернштам. Очевидно, он печется именно о порочном теоретическом «наследстве» Н. Я. Марра.

Так обстоит дело с эпохами истории Южной Сибири. Однако это вовсе не означает, что моя книга свободна от влияний так называемого «нового учения о языке». В тех случаях, где приходилось пользоваться данными языков, я не провел четкой грани между языком и культурой и поэтому давал столь же ошибочные объяснения, как и последователи Н. Я. Марра. Обращаясь к данным языка древних текстов орхоно-алтайских тюрков и

¹ «Вопросы истории», 1950. № 10.

² Вестник Ленинградского Университета, 1950, № 4.

енисейских кыргызов, я некритически использовал результаты исследования социальной терминологии, приведенные в работах А. Н. Бернштама и С. П. Толстова, применявших метод элементного анализа и «теорию» классового языка Н. Я. Марра. Это несомненно вредно отразилось на моих определениях общественного строя южносибирских народностей в V—X вв. н. э. В частности, это способствовало изображению господствующего класса, как еще очень близкого к трудящимся массам, ослабляло картину социальных противоречий.

При изучении археологических памятников, особенно произведений древнего изобразительного искусства, я также некритически использовал приемы семантического анализа, развивавшиеся последователями Марра в археологии.

В настоящее время я работаю над новым изданием моей книги. В этой работе я стремлюсь преодолеть ее недостатки и в первую очередь влияния, оказанные на мою книгу порочными взглядами Н. Я. Марра и его последователей.

Мой пример некритического использования ошибочных положений Н. Я. Марра, к сожалению, не единичен. За последнее время вышел в свет ряд больших исследований по древнейшей истории, основанных на археологических материалах: таковы «История Якутии», т. I А. П. Окладникова, «Периодизация Трипольских поселений» Т. С. Пассек; сборник «Тешик Таш», с основной работой А. П. Окладникова, и ряд статей, опубликованных в «Советской археологии» и других изданиях. Ознакомление с ними показывает, что в той или иной степени их авторы также отдали дань порочным взглядам Марра.

Отмечая этот факт, я должен в то же время подчеркнуть, что, нанеся несомненно вред, влияние Марра и его учеников не смогло обесценить большой работы советских археологов, следовавших в основном по пути марксизма-ленинизма.

Приведенные мною факты с несомненностью говорят о необходимости самого пристального и глубокого внимания со стороны советских археологов к теоретическим вопросам. Совершенно очевидно, что антинаучное увлечение «теорией» Марра и попытки ее пропагандировать, объявляя ее марксистской, могли существовать только из-за недостаточной вооруженности советских археологов теорией марксизма-ленинизма. Наша основная задача должна состоять в том, чтобы усилить теоретическую работу, сделать невозможным проникновение в наше сознание антимарксистских идей. Само собой разумеется, мы должны вести самую решительную борьбу с теми, кто проявляет упорство, не желает расстаться с порочным багажом и надеется, вроде А. Н. Бернштама, отсидеться и затем вновь приняться за применение и распространение антимарксистских идей Н. Я. Марра и его «учеников». Так, А. Н. Бернштам 23 ноября 1950 г. на заседании Ученого совета ЛОИИМК призывал археологов вместо критического разоблачения заняться выискиванием положительных сторон «наследия» Н. Я. Марра. А. Н. Бернштам предлагал при этом пользоваться взглядами Марра «без цитат из Марра», т. е. звал к прямому обману.

Самый список «взглядов» Марра, которые А. Н. Бернштам призывал бережно сохранить, не оставляет сомнения в его намерениях и впредь протаскивать в советскую науку вреднейшие стороны «учения» Марра. Тут и стадильность, и скрещение, и марровская семантика, и фантастические упражнения Н. Я. Марра с Иштарью.

В этой связи я считаю необходимым остановиться еще на одном вопросе.

Уже после дискуссии в «Правде», после выступления И. В. Сталина, не оставивших никакого сомнения в истинной роли Н. Я. Марра в языкознании, получила распространение версия о том, что Марр, наделавший

столь много ошибок в языкознании, на самом деле является выдающимся археологом. Эта версия нашла свое отражение в докладе А. П. Окладникова и в прениях по его докладу на ноябрьском заседании Ученого совета ЛОИИМК.

Необходимо самым решительным образом отбросить эту версию. Конечно, Н. Я. Марр потратил много труда на организацию Академии истории материальной культуры. Однако это делалось прежде всего в интересах развития собственного «учения». Во всех выступлениях Н. Я. Марра по вопросам истории материальной культуры на первом месте стоит требование к археологам идти по его пути, разрабатывать те проблемы, которые нужны так называемому «новому учению о языке», пользоваться теми методами, которые являются методами этого «учения». По Марру, марксизм в приложении к археологии — это, прежде всего, так называемое «новое учение о языке». Всем памятли те драконовские меры, которые применялись в ГАИМК ко всем, кто не желал следовать по пути Марра. Изгнание из ГАИМК крупнейших ученых: А. А. Спицына, В. А. Городцова, В. В. Бартольда, вызвано было не борьбой за марксизм, как это утверждали сторонники Марра, а тем, что их пути не совпадали с намерениями, взглядами и теориями Марра.

То же испытывали и молодые советские археологи, пытавшиеся по своему, без Марра, строить советскую археологию. Против них велась беспощадная борьба. За пять лет, которые я вынужден был проработать под главенством Н. Я. Марра, в его многочисленных печатных органах были напечатаны только две моих работы, одна с целью опубликовать вместе с нею опорочивающее меня предисловие и другая только потому, что в ней я по поводу одной группы памятников применил анализ «по Марру».

Что же касается идей, проводившихся Н. Я. Марром в среде археологов настойчиво и беспощадно, то это были все те же порочные идеи, в основе которых лежали крупнейшие теоретические заблуждения их автора, столь ясно и исчерпывающе показанные И. В. Сталиным.

Но, может быть, ошибаясь теоретически, Н. Я. Марр был все же крупным археологом-практиком, полевым работником? С Н. Я. Марром связаны археологические исследования в Ани, где он был четырнадцать раз. Ознакомление с общим отчетом об этих наиболее крупных археологических работах Н. Я. Марра, опубликованным дважды, убеждают в том, что методика его раскопок была весьма не высокой. То же следует сказать и о раскопках Н. Я. Марра в Варнаке на оз. Севан.

Другие археологические исследования Н. Я. Марра хотя и дали известные результаты благодаря счастливым находкам, но не выходили за рамки обследовательских работ.

Наконец, нельзя не упомянуть и о последней работе Марра, в свое время громко разрекламированной именно с археологической стороны. Я разумею отчет «О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье», осуществленной Н. Я. Марром незадолго до его смерти.

В этой брошюре напрасно искать археологических наблюдений таких первоклассных памятников, как Троя, Сарды, Эфес, Пергам, Афинский акрополь, Элевзин, Кносс и др. Н. Я. Марр ничего не смог сказать о виденных им археологических памятниках. Главы «О Трое и Хиссарлыке», «Заметки в Смирне», «Греция», «По Греции» и другие почти совершенно проходят мимо археологии и наполнены заумным изложением этногенетической фантастики, основанной все на той же стадильности и элементарном анализе. Единственно, что напоминает в этом отчете об археологии — это фотографии памятников, кстати неправильно определенных.

Мне представляется, что приведенных фактов более чем достаточно. Н. Я. Марр не мог быть и не был создателем советской археологии, не

был ни ее теоретиком, ни крупным археологом-практиком. Археология была ему нужна только в качестве возможной подпорки его лингвистических «теорий».

Все изложенное накладывает на нас обязательство самым строгим образом отнестись к своей работе, преодолеть до конца свои заблуждения, навеянные Марром, и с особой энергией взяться за теоретическое вооружение, которое одно только может предохранить нас от подобных ошибок.

Мы должны с новой силой приняться за дальнейшую творческую работу, развертывая ее в тех благоприятных условиях, которые созданы в нашей стране для науки. Перейду теперь к тем задачам, которые, как мне представляется, должны быть поставлены перед специалистами первобытной археологии.

До недавнего времени при распространенности «теории» Н. Я. Марра наши задачи крайне принижались. Нам, археологам — историкам эпохи первобытно-общинного строя доставалась в удел работа над неким безликим «субстратом», на котором впоследствии, путем чудесных превращений, как бактерии на питательном бульоне, выростали народы.

Мне уже не раз приходилось выступать и устно и в печати с протестом против такой трактовки матриархально-родовой ступени первобытно-общинного строя. С удивительным упорством ее проводит В. И. Равдоникас, начиная со своей антиисторической, разоружавшей советскую науку статьи о готской проблеме, являющейся образцом марровского «творчества» в области истории и кончая его учебником «История первобытного общества». Теперь ясно, что причина этого не только в присущем В. И. Равдоникасу схематизме, а также и в его приверженности «теории» Марра, для которой древняя история это — собрание безликих выдуманных стадий и субстратов.

Гениальные работы И. В. Сталина кладут предел применению марровской теории стадиальности в археологии. Это открывает перед нами новые широчайшие перспективы.

В своей конкретной работе мы давно показали, что никаких субстратов и фантастических стадий в древности не было, а была конкретная история родов, племен и народностей, над которой мы только приоткрыли краешек вековой завесы.

Выступления И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании открывают в этом отношении перед нами широчайшие возможности работы. Падают те перегородки, которые настроили последователи Марра между современными языками, нациями и народностями и древними эпохами развития этих языков еще при племенной и родовой организации. «...Язык, его структуру, — говорит И. В. Сталин, — нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох. Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»¹.

Таким образом конкретное содержание древнейшей истории имеет прямое отношение к истории развития современных наций.

Однако те задачи, которые перед нами ставит новое положение, вовсе не из легких.

Чего мы уже достигли, руководствуясь теорией исторического материализма, исходя из объективных историко-археологических фактов, хотя временами и сбиваясь с правильного пути под влиянием Марра и его последователей?

В настоящее время для большинства областей нашей страны установлена хронологическая классификация богатейших археологических

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

материалов. Для очень многих из этих областей мы имеем и первичную историко-археологическую периодизацию древности. Исторический процесс предстает перед нами не безликим и монотонным, но в виде системы так называемых археологических культур, которые выражают особенности социально-экономического, политического и культурного развития на различных территориях нашей Родины на протяжении определенных отрезков времени. Мы различаем связи этих культур друг с другом, их генетическое родство. Обнаружены нами и случаи передвижения крупных людских масс, случавшиеся в те отдаленные эпохи.

Но все это только контуры той картины, которую мы еще должны создать.

Мы еще точно не знаем, деятельность каких древних сообществ людей отражают наши культуры и другие археологические комплексы.

В одних случаях, очевидно, мы имеем дело с культурой отдельных племен, в других перед нами более широкие объединения племенных союзов, в третьих мы, может быть, имеем дело с той ступенью развития общества, когда еще не было племенного устройства, когда роды были разобщены и только законы экзогамии скрепляли даже весьма отдаленные из них узами брачных, а следовательно, и культурных и языковых связей.

Таким образом, перед нами возникает задача направить все наши усилия на создание древнейшей конкретной истории родов и племен.

Могут сказать, что наши источники недостаточны и фрагментарны. Но нет такой эпохи, от которой до нас дошли все источники в полном виде. Задача заключается лишь в том, чтобы суметь использовать археологические памятники для этой цели, интерпретируя их в свете марксистско-ленинской теории, пользуясь достижениями всех смежных дисциплин — истории, этнографии, антропологии и лингвистики.

Мы должны давать точное определение того уровня общественно-экономического развития, на котором находилось то общество, остатки материальной культуры которого мы исследуем, выяснять, какие реальные сообщества людей представляет наш материал.

При этой работе недостаточно тонкой окажется наша современная археологическая методика. Ее совершенствование — важнейшая задача, которая должна быть разрешена в ходе нашей работы по новому пути.

Определение реальных древних сообществ людей наиболее сложное и ответственное дело, но мы должны в своей практической работе все силы и умение приложить для достижения этой цели.

Конечно, я далек от мысли, что мы уже к концу открывающейся перед нами пятилетки сумеем составить карту всех древних сообществ, живших на территории нашей страны в ту или иную эпоху древнейшей истории. Это дело многих лет. Однако если мы в течение пятилетки научимся выделять эти древние сообщества и дадим первые работы по этой важнейшей стороне нашей деятельности, — мы достигнем многого.

Выделенные древние сообщества должны быть подвергнуты всестороннему изучению (с их базисом и важнейшими надстройками) с тем, чтобы выявить основные направления общественного развития.

При этом должны найти свое место вопросы генезиса определяемых обществ и связь их с позднейшими. Именно в этой части исследования должны выделяться те племена и те роды, которые станут ведущими в процессе дальнейшего этногенеза, языки которых выйдут победителями.

Особое внимание разумеется должны привлечь те основные изменения в общественно-экономической сфере, которые влекли за собой изменения социально-экономического строя или продвижение на новую ступень в пределах того же первобытно-общинного строя.

Эта работа над основными сторонами процесса исторического развития будет сочетаться с выяснением всех других сторон жизни древних: их

межплеменных (и межродовых) связей, военных столкновений, изменений территорий, передвижений, процессов сегментации, культурных связей, воздействий и заимствований.

Должно быть обращено внимание и на проблемы идеологии. Эти проблемы мы должны сейчас разрабатывать настолько, насколько это нужно для решения основных стоящих перед нами проблем.

Отмечая это, я должен, однако, подчеркнуть, что при определении объема наших работ в области идеологических и других надстроечных явлений, мы должны прежде всего исходить из того, что эти явления имеют огромное значение в общественном развитии. Мы всегда должны помнить имеющее величайшее значение для развития марксистско-ленинской теории и для нашей практической работы историков-археологов слова И. В. Сталина о надстройке и ее отношении к базису: «Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы»¹.

Наша обязанность возможно скорее ликвидировать при помощи критики и самокритики последствия влияния на нас, советских археологов, вульгаризаторских немарксистских теорий Марра и его учеников. Перспективы дальнейшей работы раскрыты перед нами И. В. Сталиным, величайшим ученым нашей эпохи. Мы должны с удвоенной энергией приняться за творческий труд и ответить новыми исследованиями на то внимание и помощь, которые нам оказывает наша партия и наш вождь и учитель И. В. Сталин.

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 7.

II. СТАТЬИ

Н. Я. МЕРПЕРТ

О ГЕНЕЗИСЕ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

История формирования салтовской культуры не получила еще достаточно четкого освещения в нашей литературе. Многолетние исследования Верхне-Салтовского могильника¹, успешно возобновленные в последние годы², дали огромный материал, исключительно важный для исследования раннесредневековой истории юго-востока Европейской части СССР. Между тем в работах, посвященных могильнику, определяется лишь общий характер представленной в нем культуры, причем определения эти, в ряде случаев правильные³, не подтверждаются исследованием материала.

Это сделало возможным использование салтовского материала Феттихом⁴, Арендтом⁵, Вернадским⁶ и другими лицами, умышленно извращавшими историю нашей страны. Несмотря на отдельные различия в своих «теориях», все они согласно считают салтовскую культуру принципиально новой для нашего Юго-Востока, «неожиданно появившейся в конце VIII —

¹ А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I, 1905, стр. 465 сл.; В. А. Бабенко. Раскопки катакомбного могильника в с. В. Салтово, Волчанского уезда Харьковской губ. Сб. Харьк. ист.-фил. об-ва, т. 16. Харьков, 1905. Его же. Дневник раскопок в В. Салтове, произведенных в 1905—1906 гг. Тр. XIII АС, т. I, 1906, стр. 387. Его же. Дополнение к докладу «Что дали нового последние раскопки в В. Салтове». Там же, стр. 394. Его же. Новые систематические исследования В. Салтовского могильника в 1908 году. Тр. XIV АС, т. III, 1911, стр. 216 сл. Его же. Дневник раскопок. Там же, стр. 232. Его же. Продолжение тех же раскопок. Там же, стр. 238. Его же. Памятники хазарской культуры на юге России. Тр. XV АС, т. I, 1912, стр. 435. Его же. Древние памятники хазарской культуры в с. Верхнем Салтове. Там же, стр. 446. Его же. Каменный город. Там же, стр. 464. Его же. Дневник раскопок в 1912 г. Там же, стр. 473. Его же. Археологические исследования памятников древней культуры в селе В. Салтове. Волчанск, 1913. Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губ. ИАК, 1906, вып. 19, стр. 122. А. С. Федоровский. Дневник раскопок Верхне-Салтовского могильника. Вестн. ХИФО, вып. V, 1914. Г. М. Тесленко. Розкопки Верхньо-Салтівського могильника 1920 року. Наукові записки науково-дослідчої кафедри історії Української культури, № 6, 1927.

² С. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 року. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, стр. 112 сл.

³ А. А. Спицын. Историко-археологические изыскания. ЖМНП, 1909, т. 1 (январь). Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе, 1930. Его же. Кто были обитатели Верхнего Салтова. ИГАИМК, т. V, 1927, стр. 65 сл. М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии. СА, вып. VI, 1940. А. В. Арциховский. Введение в археологию. 1947.

⁴ N. Fettich. Bronzenguss und Nomadenkunst. Prague, 1929. Его же. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. Archaeologia Hungarica, Bd. XXI. Budapest, 1937.

⁵ A. Zakharow u. W. Arendt. Studia Ledevica Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Alungarn in IX Jh. Archaeologia Hungarica, т. XVI. Budapest, 1935.

⁶ G. Vernadsky. Ancient Russia. Yale, 1944.

начале IX в., ни в какую внутреннюю связь с местной культурой не вставшей и столь же неожиданно исчезнувшей в конце IX века»¹. Этот «вывод» они используют для доказательства появления на нашем Юго-Востоке очередного пришельца, одного из «народов-господ», которые, согласно их общей концепции, были единственной активной силой нашей политической истории и истории культуры.

Для разоблачения указанных фальсификаций прежде всего необходимо исследование происхождения салтовской культуры.

* * *

Салтовская культура является результатом длительного процесса развития. В формировании ее участвовали разнообразные племена, населявшие обширную территорию и находившиеся в постоянном культурном общении. Это общение было одним из важнейших факторов в процессе культурного развития племен и обеспечило единство процесса формирования культуры на значительной территории от Днепра до Южного Приуралья. Единство это позволяет нам при исследовании истории формирования салтовской культуры обращаться к памятникам различных районов нашего Юго-Востока и использовать наиболее определенные и достоверные факты.

Уже в первые века нашей эры у сарматских племен Поволжья, Прикубанья, Предкавказья и Украины как в погребальном обряде, так и в инвентаре имелся ряд элементов, которые легли в основу формирования салтовских форм. Камерный обряд погребения существовал в это время во всех указанных областях. Наряду с камерами, встречаются и другие формы погребального сооружения. Иногда группы различных по типу погребений сосуществовали на сравнительно небольшой территории, что свидетельствует о племенной пестроте сарматского мира. Но инвентари этих групп в силу указанных выше причин, обусловленных общностью социально-экономического развития, очень близки между собой.

В I—IV вв. н. э. были уже широко распространены лощеные кувшины с одной ручкой. Наиболее ранние экземпляры (из погребений близ хутора Шульц² и Суловского могильника) имеют сильно раздутое тулово, вогнутую или прямую шейку, широкое горло, снабженное носиком, маленькую вертикальную ручку. Орнамент состоит из горизонтальных и вертикальных лощеных полос. Форма этих сосудов изящнее, чем у большинства салтовских: наибольший диаметр тулова — посредине, дно сравнительно небольшого диаметра.

Далее развитие этой формы прослежено в погребениях I — начала II вв. н. э. у сел. Советское (погребение № 21), Харьковка (погребение III 16) и др. Во II — III вв. н. э. одноручные сарматские кувшины хорошо известны на обширной территории. Мы встречаем их и в Поволжье (близ хутора Шульц, Д. 2, Суловский могильник, № 56 и пр.), и в Приуралье (Джанатан)³, и на Северном Кавказе (курган у гор. Грозного)⁴, и на Харьковщине (катакомба в Изюмском уезде)⁵. У некоторых экземпляров (кувшин из кургана близ Грозного) нижняя часть тулова сильно раздута, что приближает их к более поздним формам кувшинов. Появляются широкие орнаментальные пояса, ограниченные вдавленными горизонтальными линиями и заполненные лощеными треугольниками.

¹ А. Zakhарow u. W. Arendt. Указ. соч., стр. 71.

² Р. Рау. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga. 1927, стр. 28 рис. 30.

³ МИА, СССР, вып. 1, 1940, стр. 131.

⁴ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII. М., 1948, рис 23, 15.

⁵ Тр. XII АС, т. I, 1905, стр. 210.

В Поволжье и Прикубанье, где сарматские памятники первых веков нашей эры изучены лучше всего, найдены длинные кавалерийские мечи, эволюция которых привела впоследствии к появлению сабли. В погребении № 46 Суловского могильника найден боевой топор — удлиненный, изогнутый, с вытянутым обухом. Нельзя не отметить сходство его, с одной стороны, с боевыми топорами скифов, с другой — с более поздними топорами салтовского типа.

Наконечники стрел — типично сарматские, маленькие, черешковые, трехперые. Большие трехперые наконечники, характерные для более позднего времени, лишь начинают распространяться. Наконечники копий — листовидные, с широким пером. Тесла-мотыжки, столь характерные для салтовской культуры, появились уже в последние века до н. э. в Волжско-Уральском районе, Причерноморье и на Северном Кавказе¹.

Наряду со старой формой зеркал, снабженных боковой петлей, в сарматских погребениях появляются зеркала с ушком — петлей посередине, с рельефным орнаментом на обратной стороне. Орнамент состоит из концентрических кругов, радиусов и т. д. Распространяются провололочные разомкнутоконечные браслеты. Серьги в основном еще старых форм — кольцевидные и калачевидные, но появляются уже и серьги с утолщенным нижним концом, которые впоследствии под воздействием восточных форм развились в серьгу с каплевидной, а потом и более сложной подвеской.

Для изучения специально интересующего нас района особенно важно погребение, открытое в 1901 г. В. А. Городцовым у Червоной балки, в 3 км к югу от слободы Мечебеловой, в Изюмском уезде Харьковской губ. Курган, содержащий это погребение, стоял изолированно и имел полушарную форму насыпи. Катакомба, однако, оказалась не в центре, а далеко от него, под южной полою². «На глубине 2¹/₂ арш. открыта яма длиной 2 арш., 2 верш., шириною 1 арш., глубиною 1 арш. Под северо-западной стеною обнаружено устье катакомбы, имевшее в ширину 1 и ³/₄ арш. и высоту 7 верш. Дно катакомбы ниже дна ямы на 1 арш. Размеры катакомбы в длину 2¹/₂ арш., ширину — 1¹/₄ арш., высоту — 1 аршин. На дне катакомбы, в северо-западном углу, у самого устья, стояли рядом три глиняных кувшина, из которых один оказался весьма больших размеров. Перед серединою устья стоял большой горшок с полированной черной поверхностью. Все сосуды сделаны на гончарном круге и могут быть отнесены ко II в. по Р. X.»³.

Кувшины относятся к типичным сарматским формам⁴. Погребальное сооружение и керамика, встреченные у Червоной балки, характерны для позднесарматского периода и особенно распространены в Поволжье.

Как любезно сообщил мне Ю. В. Кухаренко, чрезвычайно интересные погребения в развитом подбое были исследованы в 1928—1929 гг. И. Н. Луцкевичем у сел. Нещеретова, на р. Белой, в Харьковской обл.⁵ Здесь были открыты труположения головой на юг, под костяками — типичная для сарматов подсыпка из извести и угля. При костяках найдены: сарматский меч, пряжки, сосуды, среди которых типичный сарматский кувшин. Погребения датируются II — III вв. н. э.

Следует учитывать и несомненный сарматский элемент в керамике «полей погребальных урн» черняховского типа. Среди керамики, найденной у с. Черняхова, имеются кувшины нескольких типов⁶. Б. А. Рыбаков,

¹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII. М., 1948, стр. 44.

² Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 211.

³ Там же, стр. 336.

⁴ Каталог выставки XII АС, 1902, № 336—338.

⁵ Об этих работах см.: Итоги и перспективы развития советской археологии (Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания). М., 1945, стр. 49.

⁶ ЗРАО, 1901, тт. 1—2, табл. 21 и 23.

описывая керамику «полей», очень метко называет кувшины с одной ручкой облагороженной сарматской формой¹. «Поверхность посуды,— пишет Б. А. Рыбаков,— томленая, черная, лощеная; орнамент состоит из блестящей лощеной решетки на фоне матовой темносерой глины»². Эта система орнаментации близка к салтовской и порождена той же сарматской традицией.

Характерным отличием кувшинов, найденных в могильниках черняховского типа, является высокое качество теста, формовки и отделки. Совершенная техника их, как указывает Б. А. Рыбаков, «завершает длительный период предшествующего развития, но не находит продолжения в последующем, так как керамика VI—IX вв. несравненно грубее и примитивнее»³.

Салтовские кувшины по технике производства уступают кувшинам поздних «полей погребений», но сходство обеих групп сосудов по форме и орнаментации совершенно очевидно. Это сходство заставляет учитывать определенные элементы культуры полей погребений при решении вопроса о генезисе салтовской культуры.

Чрезвычайно интересны и важны для нас в этой связи погребения у с. Кантемировка, исследованные в конце 20-х годов М. Рудинским⁴. Кантемировка расположена в северо-восточной части Полтавской обл., по соседству с Харьковской. Здесь были раскопаны 3 могилы. Все они находились под невысокими (0,45—0,66 м), расплывшимися (диаметр — до 22 м) курганами. Из трех погребений одно совершено в яме (№ 2), одно — в развитом подбое (№ 1) и одно в камере. Камера имеет большую входную яму (3,28 × 1,82 м), по размерам приближающуюся к могильному коридору. Величина камеры довольно значительная — 3,13 × 2,47 × 1,40 м.

Таким образом, мы встречаем здесь такое же погребальное сооружение, как и у Червоной балки, но большего размера и усложненное. Близок к камере и подбой могилы № 1. Он также имеет большую входную яму — 3,58 × 3,43 × 2,80 м, сам подбой расположен на глубине 3,07 м и имеет размеры 1,53 × 2,25 × 1,90 м.

В подбое покойник был погребен в сидячем положении, причем в ногах его была подсыпка из угля; положение костяка в других могилах установить не удалось. На стенах могил видны следы инструмента аналогичного, очевидно, теслу-мотыжке. Инвентарь всех могил однороден. Больше всего керамики, среди которой преобладают горшки и миски⁵, но есть и кувшин, по форме близкий к сарматским⁶. Сосуды сделаны тщательно, поверхность чернолощенная и серолощенная.

Помимо керамики, здесь найдены кольчатые железные удила, полукруглые пряжки со щитками и без них, плоские перстни, серебряные штампованные поясные накладки, обувные пряжки, гребень и пр. Инвентарь этот очень интересен: наряду с формами, характерными для «полей погребений» (горшки, миски), он включает и сарматоидные вещи (кувшин, поясной набор, пряжки). С сарматскими связаны и формы могильных сооружений двух погребений — в развитом подбое и в камере.

М. Рудинский датирует могильник III—IV вв. н. э.⁷ Кантемировский могильник является свидетельством несомненного соприкосновения и взаимопроникновения сарматской культуры и культуры «полей погребений».

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 44.

² Там же, стр. 45.

³ Там же.

⁴ М. Рудинский. Кантемирівські могили римської доби. Записки Всеукраїнського археологічного комітету, т. 1, Київ, 1930, стр. 127 сл.

⁵ Там же, табл. 1.

⁶ Там же, рис. 4.

⁷ Там же, стр. 155.

Явное сходство погребального обряда Кантемировского могильника и части его инвентаря (пряжки, поясные бляхи, кувшин) с салтовскими позволяет предполагать, что культура кантемировского типа (подобные погребения найдены и у с. Воронцовки) явилась одним из компонентов, сыгравших значительную роль в генезисе салтовской культуры и вошедших в ее состав.

Следующий период развития культуры сарматских племен Поволжья, Прикубанья, Предкавказья и Украины с конца IV до начала VII в. лучше всего представлен памятниками материальной культуры Кубани и Северного Кавказа. Усиливающийся натиск тюркских племен и передвижение отдельных сарматских групп на запад способствовали значительному понижению активности поволжских сарматских племен. Но сармато-аланские племена обитали там и в более позднее время и, как показал в своих исследованиях А. П. Смирнов¹, приняли участие в этногенезе волжских булгар и формировании булгарской культуры.

Материальная культура и погребальный обряд сармато-аланских племен в это время совершенно определенно связаны с описанными выше более древними сарматскими формами и, с другой стороны, еще более приближаются к салтовским. Для первой половины периода, т. е. для IV—V вв., характерны могильники Поволжья, где, наряду с прежним обрядом погребения, встречен обряд трупосожжения², а также разнообразные могильники Северного Кавказа и Прикубанья, среди которых особый интерес для нашей темы представляют гялячские могильники в верховьях Кубани, изученные Т. М. Минаевой в 1939 г.³ Среди погребальных сооружений этих могильников встречены камеры с куполообразным верхом; могильного коридора, обычного в погребениях салтовского типа, еще нет; к камере ведет колодец.

Среди керамики этого времени преобладают кувшины с лощеной поверхностью, небольшим дном, расширяющимся кверху туловом, низкой шейкой и одной ручкой. Орнамент таких сосудов состоит из лощеных полосок, желобков и т. д. Из этих элементов создавались различные геометрические узоры: треугольники, кайма в косую клетку, ряды вертикальных линий. Подобные элементы (в частности, треугольники и кайма в косую клетку) вошли впоследствии в состав орнаментики салтовских кувшинов. В погребениях этого времени, наряду с длинными мечами, встречаются прямые однолезвийные палаши. Такой палаш найден Т. М. Минаевой в Поволжье, в погребении с сожжением⁴. Это оружие уже отличается от меча по характеру удара и представляет собой переходную форму от меча к сабле.

Наконечники стрел в погребениях встречаются как мелкие — плоские и трехлопастные, так и крупные — трехлопастные, черешковые. У более ранних стрел лопасти внизу образовывали с черешком прямой или острый угол, теперь же нижние края лопастей отодвигаются от черешка вверх и углы становятся тупыми. Копья все еще имеют широкое перо, втулка присоединена к нему с помощью двух охватывающих перо щечек⁵. Зеркала-подвески с боковой петлей очень редки, зато широко распространены дисковидные зеркала с ушком в центре обратной стороны. Орнамент зеркал, как и раньше, состоит из концентрических кругов и радиусов; наряду с ними появляются и мотивы более сложные, в том числе пятиконечная звезда.

¹ А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар. Тр. ГИМ, т. XI, 1940.

² Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ Покровска. Уч. зап. Саратовск. ин-та, т. VI, вып. III. Саратов, 1927.

³ Т. М. Минаева. Археологические памятники верховьев р. Кубани. Диссертация на соискание степени кандидата историч. наук, защищенная на заседании Ученого совета ИИМК 12 июня 1947 г. Архив ИИМК, дело 747.

⁴ Т. М. Минаева. Погребения с сожжением. Табл. 1, рис. 1.

⁵ Такое копьё найдено в Поволжье в Покровском речном погребении. И. В. Синицын. Поздне-Сарматские погребения Нижнего Поволжья. Изв. Саратовск. Нижне-Волжск. ин-та краеведения, т. VII. Саратов, 1936.

Браслеты сделаны из толстого бронзового прута, иногда с раструбами на концах. Концы их украшены нарезками в елочку, а иногда кружочками. Серьги имеют еще старую форму — калачиком, но в небольшом количестве встречены уже серьги с каплевидной подвеской.

Вторая половина указанного выше периода охватывает весь VI в. и самое начало VII в. Для погребений этого времени характерны камеры могильника «Песчанка»¹, наиболее ранние камеры Чми² и первая группа погребений Борисовского могильника³. Как и прежде, у различных сармато-аланских племен встречается разный погребальный обряд. Камеры распространены в значительном числе, причем по форме своей они уже значительно ближе к салтовским, чем ранние камеры поволжских могильников, Алхастинского селища и гилячских могильников.

Особенно характерен могильник в местности Песчанка на Северном Кавказе, открытый И. А. Владимировым в 1898 г. Его овальные в плане сводчатые камеры с примыкающим к ним узким дромосом очень близки к салтовским, хотя у последних могильный коридор развит значительно сильнее: у камер Песчанки средняя длина коридора не превышает 1,5 м. Это скорее узкая прямоугольная яма, а не коридор.

Кувшины с лощеной поверхностью в погребениях этого времени встречены в значительном количестве. Формы их — прежние, лишь к концу периода они несколько изменяются: дно кувшинов увеличивается, тулово раздается вширь (особенно внизу), шейка вытягивается и оканчивается расширенным горлом. У некоторых кувшинов имеется носик. В могильнике Песчанка найдены высокие изящные кувшины с узкой шейкой, широким горлом и длинным узким носиком⁴. Эти кувшины заметно отличаются от салтовских. Много ближе к последним небольшие кувшины с лощеной поверхностью, сильно раздутым низким туловом, очень широкой прямой вогнутой или воронкообразной шейкой и ручкой в виде ушка или сильно стилизованной фигурки зверя⁵.

Длинные мечи сосуществуют с прямыми однолезвийными палашами. Оба вида оружия представлены среди находок первой группы погребений Борисовского могильника. «Длинные обоюдоострые мечи с шипами на рукоятях» найдены здесь трижды: в погребении № 30 и среди плантажных находок; прямые палаши «с лезвием на одной стороне» найдены дважды, оба раза, к сожалению, среди плантажных находок⁶.

Топоры — с длинным, несколько изогнутым лезвием и коротким обухом. Стрелы — черешковые, трехлопастные, большие. В небольшом числе встречаются и маленькие наконечники стрел. Продолжают бытовать тесламотыжки, известные, как уже указывалось, и в значительно более раннее время.

Зеркала — только дисковидные, с ушком посредине. Орнамент геометрический: концентрические круги, шестиконечная и пятиконечная звезда, зигзагообразные линии между концентрическими кругами.

Браслеты — круглые в сечении, массивные, концы украшены насечкой в елочку, у некоторых экземпляров концы отделаны очень тщательно и представляют собой стилизованные головки животных.

Серьги — уже той же схемы, что и салтовские: овальное кольцо с навершием и подвеской⁷. Эти серьги массивнее салтовских, навершие расположено точно на вершине кольца (в противоположность более поздним

¹ ОАК за 1898 г., стр. 124 сл.

² МАК, вып. VIII, стр. 111 сл.

³ ИАК, вып. 56, стр. 75 сл.

⁴ ОАК за 1898 г., стр. 129, рис. 21 и 36.

⁵ Там же, рис. 1, 14, 23, 30а, 41.

⁶ ИАК, вып. 56. СПб., 1914, стр. 125 сл., рис. 17.

⁷ Чми, камеры № 3, 6, 14, раскопки Д. Я. Самоквасова. Коллекция ГИМ.

типам серег, у которых навершие несколько скошено вбок); подвеска в виде бутона или шарика, иногда она уже членится, но не так резко, как в более позднее время. В Песчанке и Чми, наряду с описанными вещами, характерными и для предшествующих веков, появляются некоторые новые виды, которые еще ближе подводят нас к салтовским формам. Это многочисленные бронзовые поясные бляшки, металлические наконечники ремней, бляхи с изображениями животных и человека. Кроме того, в конце периода начинают распространяться литые бронзовые и серебряные бляшки с гладкой поверхностью и вырезами, имитирующими, может быть, в отдельных случаях человеческие черты. Такие бляшки особенно распространены в VII в., ко второй половине VIII в. они полностью заменяются другими формами.

Гладкие прорезные бляшки распространены на очень широкой территории; изначальные формы их следует, скорее всего, искать у тюркских народов Алтая¹.

Наконец, могильники VII — первой половины VIII в. дают материал, с одной стороны безусловно генетически связанный с более древними памятниками, с другой — непосредственно предшествующий салтовскому и генетически с ним связанный. Пестрота погребальных обрядов сохраняется; камера в еще более развитом виде продолжает существовать. Мы встречаем ее в Чми и других северокавказских могильниках. Инвентарь очень характерен. Керамика почти тождественна салтовской.

Некоторое изменение формы кувшинов можно проследить при исследовании керамики из могильника Чми. При раскопках Д. Я. Самоквасова там было найдено 18 сосудов. Все они хорошо датируются монетами и комплексами. По ним можно довольно четко проследить разницу между кувшинами VI—VII и VIII вв. К VI—VII вв. относятся 5 сосудов. Четыре из них (из камер №№ 7, 12, 14 и 16) имеют очень широкую, прямую или несколько расширяющуюся кверху, высокую шейку, тулово такой же или несколько большей высоты, слабо раздутое; диаметр его немногим превосходит ширину шейки. В камере № 12 найден небольшой сосуд с более раздутым туловом, но шейка его много короче, и весь он как будто сплюснен. Сосуды VIII в. найдены в камерах №№ 6, 8, 15, 21, 22, 24—26. Их шейка короче и более заметно расширяется кверху. Переход от шейки к тулову значительно более резкий. Само тулово более раздуто.

Наряду с мечами и палашами, в начале VIII в. появляется сабля, формой полосы и особенностями рукояти, несомненно, генетически связанная с указанными выше двумя видами оружия. Древнейшая для рассматриваемой территории сабля найдена Е. И. Крупновым в могильнике Галиат (в Северной Осетии)². Там же найдены удила с высокими прямоугольными петлями и прямыми псалиями, такие же удила, но с эсвидными псалиями и стремяна с высокой пластинчатой петлей для подвешивания и резко выгнутой вверх подножкой.

Таким образом, уже в начале VIII в. встречаются близкие к салтовским формы наиболее характерного оружия (сабля) и предметов конского снаряжения. Топоры однотипны с салтовскими. Стрелы черешковые, трехлопастные, с порошком или шариком между черешком и пером. Тесла-мотыжки широко распространены. Наряду с наконечниками копий, резко расчлененными, подобно более ранним формам, на втулку и перо³, в начале VIII в. появляются наконечники со значительно более мягким

¹ С. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. Матер. по этногр., т. III, вып. 2. 1927.

² Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ (по материалам Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1935 г.). Изв. Сев.-Осетинск. научно-иссл. ин-та, т. IX 1940.

³ ИАК, вып. 33, рис. 23, 1.

членением; место перехода отмечено у них небольшими шипами¹. Последний тип является переходным от копий старой листовидной формы к салтовским копьям.

Форма зеркал и покрывавший их орнамент не претерпели заметных изменений. Браслеты из бронзового прута все еще толстые и массивные, концы их украшены насечками и иногда выполнены в виде стилизованных головок животных.

Серьги — бронзовые и серебряные — довольно массивные, кольцо их овальное с навершием-колпачком в верхней точке. Подвеска каплевидная, причем верхняя часть ее оканчивается колпачком, аналогичным навершию и входящим внутрь кольца. Пряжки с вытянутым плоским щитком, украшенным иногда растительным орнаментом.

В это время широко распространяются серебряные и бронзовые литые бляхи, о которых шла речь выше².

Важнейшим памятником этого периода в лесостепи является могильник близ Маяцкого городища, расположенного при впадении р. Тихой Сосны в Дон. Камеры чередуются здесь с погребениями в круглых и четырехугольных ямах. А. Милютин, работавший на городище и могильнике в 1906 г., вскрыл 7 камер³. Среди них тождественных салтовским нет. Первая камера («камера с коридором»)⁴ имела очень широкий и сравнительно короткий коридор (1,5 × 3 аршина), сама камера, судя по приведенному чертежу, мало похожа на салтовские и напоминает скорее сильно развившийся подбой. Покойник, очевидно, погребен в сидячем положении⁵.

Наиболее оригинальна четырехугольная могила с 3 камерами⁶. Она представляет собой большую яму в виде неправильного четырехугольника, в северной, восточной и южной стенках которой высечены погребальные камеры. В 2 последних камерах лежало по одному костяку в скорченном положении, один — на левом, другой — на правом боку. В северной камере были положены два покойника: один — на спине, другой — на правом боку.

Таким образом, ни устройство камер, ни положение костяков не позволяют считать могильник у Маяцкого городища тождественным по обряду Салтовскому, где чаще всего встречались захоронения покойников в вытянутом на спине положении со свободно лежащими вытянутыми конечностями. Инвентарь Маяцкого могильника близок к инвентарю Салтовского, но весь облик его более ранний; особенно характерны бронзовые Т-образные фибулы, позволяющие относить могильник к первой половине VIII в.⁷

Таким образом, мы вплотную подошли ко второй половине VIII в., т. е. ко времени существования Салтовского и синхронных ему могильников. Очень краткие замечания о погребальном обряде и инвентаре предшествующих периодов развития культуры юго-востока Европейской части СССР, приведенные выше, показывают, что и камерный погребальный обряд, и основные формы салтовского инвентаря отнюдь не были новостью для этой территории.

¹ ИАК, вып. 33, рис. 23, 2—4.

² Особенно характерны в этом отношении находки в камерах №№ 11 и 12 могильника Чми.

³ А. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 155 сл.

⁴ Там же.

⁵ В этой связи интересно отметить, что погребенный в сидячем положении покойник найден в подбойной могиле в Кантемировке. В Салтовском могильнике два погребенных таким же образом костяка найдены Н. Е. Макаренко в 1905 г. (в камере № 5).

⁶ А. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 158 сл.

⁷ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, вып. 8, 1948, стр. 7.

На приложенных к статье сводных таблицах я пытаюсь представить ход развития погребальной камеры (рис. 1) и важнейших категорий инвентаря, начиная с позднесарматских памятников вплоть до могильников

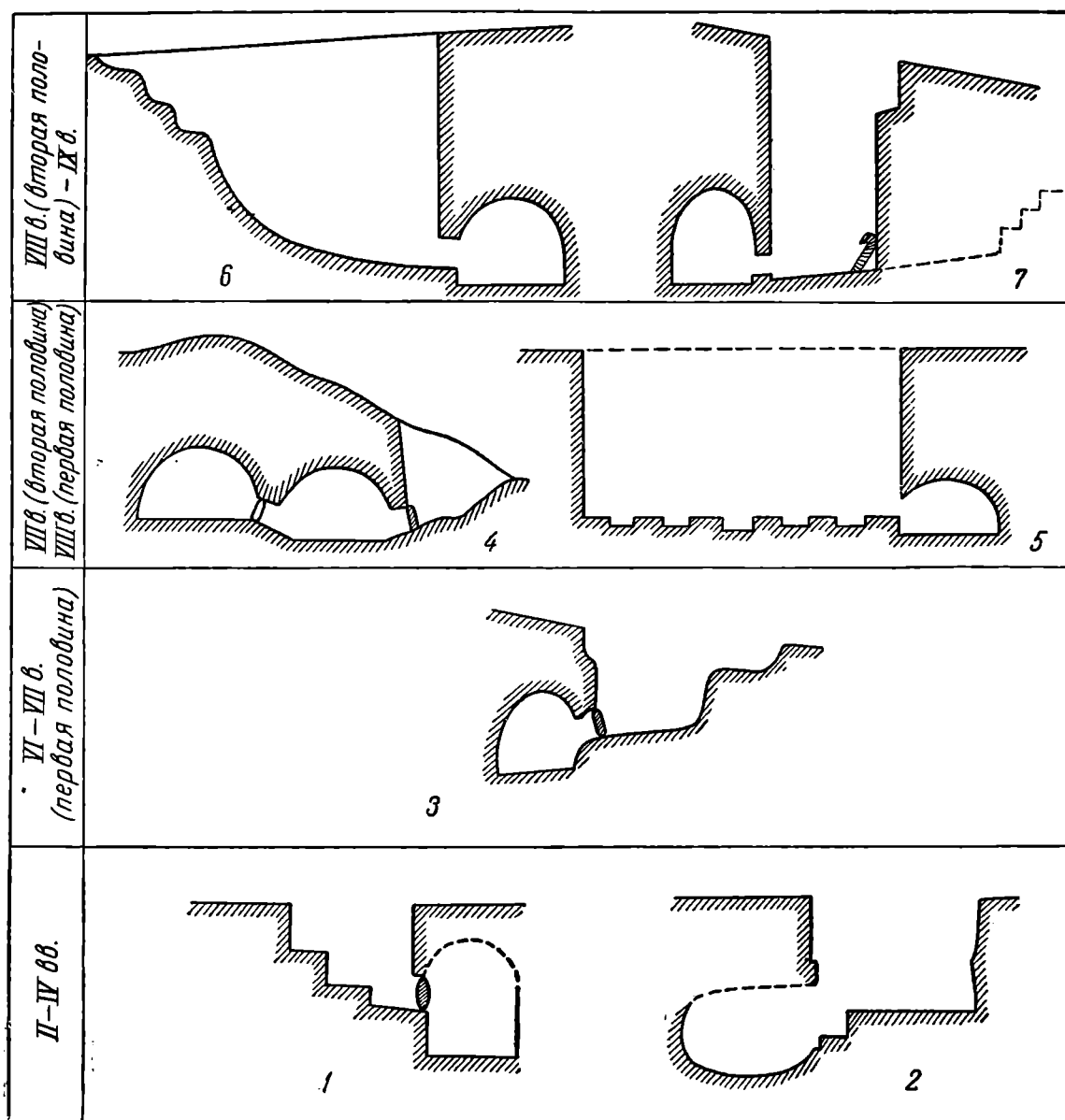

Рис. 1. Погребальные камеры на юго-востоке Европейской части СССР. I тыс. н.э.

1 — Алхастинское селище (Северный Кавказ); 2 — Кантемировка (Полтавская обл.); 3 — Песчанка (Северный Кавказ); 4 — Чмя (Северный Кавказ); 5 — Маяцкое городище (Воронежская обл.); 6 — В. Салтов, раскопки Н. Е. Макаренко, 1905 г., камера № 5 (ИАК вып. 19, стр. 127); 7 — В. Салтов, раскопки С. А. Семенова-Зусера, 1946, камера 16 (Археологічні пам'ятки УРСР, т. 1, 1949, стр. 131)

салтовского типа (рис. 2). При этом, как уже указывалось выше, мне приходилось обращаться к различным районам, привлекая главным образом памятники Северного Кавказа и Прикубанья. Привлечение этого материала представлялось закономерным в силу общности культурного развития указанных областей и Харьковщины в сармато-аланскую эпоху, приведшей к появлению в обоих районах очень близких памятников.

Несравненно труднее проследить формирование культуры VIII—IX вв. не на всей указанной территории, а непосредственно в Харьковской обл., в бассейне Северского Донца и в смежных районах.

Археологические памятники предшествующих веков здесь гораздо менее полны, они не дают той стройной картины непрерывного развития, которую удастся проследить в более южных районах. Разрозненность и неполноту археологических данных здесь следует объяснять не только недостаточностью исследования сарматских памятников Украины, но и общеисторическими условиями, частыми перемещениями племен и появлением восточных пришельцев, воздействие которых в степи и лесостепи было гораздо чувствительнее, чем на Северном Кавказе. Влиянием этих условий можно объяснить как значительные перерывы в наших сведениях о развитии культуры степи и лесостепи, так и разбросанность и неполноту памятников.

Но несмотря на это, мы можем и здесь с уверенностью говорить о сармато-аланской этнической и культурной среде, сложившейся в первых веках нашей эры. Об этом свидетельствуют немногочисленные, но достаточно характерные археологические памятники¹ и письменные источники², среди которых наиболее определенные указания дает «География» Птолемея. Согласно этим указаниям, степь и лесостепь к северу от Меотиды во II в. н. э. были заселены скифо-сармато-аланскими племенами. Между Днпром и Доном Птоломей помещает роксолан (§§ 7 и 10), живших здесь отдельными группами по соседству с другими, очевидно родственными им, племенами: амадоками, наварями, тореккадами (III, 5, §§ 10, 13 и 14). «Основная масса племен скифо-сармато-аланского типа,— пишет А. Д. Удадьцов,— жила в степях Северного Причерноморья и Подонья, примыкая на северо-западе к массиву протославянских племен, вступая, вероятно, с последними в культурные взаимоотношения, быть может, частью сближаясь с ними в этническом отношении»³.

Мне представляется, что эта мысль А. Д. Удадьцова находит подтверждение в археологическом материале. В начале настоящей статьи я упоминал уже об одном из интереснейших для нашей темы сарматском памятнике Харьковщины — камерном погребении у Червоной балки, а также говорил о сарматоидном элементе в культуре поздних «полей погребений» и о сочетании элементов сарматской культуры и культуры «полей» в погребениях Кантемировки, относящихся к III—IV вв. н. э.

Взаимодействие этих двух культур, сложное сочетание различных элементов мы наблюдаем и в памятниках более позднего времени. Наиболее характерны и важны в этом отношении находки у с. Ново-Покровского Чугуевского района, Харьковской области, где исследования производились И. Ф. Левицким в 1936—1937 гг. и Ю. В. Кухаренко в 1949 г.⁴ Открытые здесь поселение и могильник, несомненно, связаны с культурой «полей погребений». На это указывают и наземные жилища с глиняными стенами на деревянном каркасе, типичные для этой культуры, и погребальный обряд — бескурганное погребение с трупосожжением, и наличие на поселении и в погребениях керамики, связанной с наиболее поздними типами керамики «полей».

Но некоторые вещи, найденные в погребениях, могут с уверенностью рассматриваться как «предсалтовские». Среди них особенно характерен кувшин с одной ручкой, сильно раздутым в нижней части туловом, резко

¹ К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1.

² А. А. Спицын. Историко-археологические изыскания. ЖМНП, 1909, т. 1 (январь), стр. 62 и 69. В. Латышев. Известия греческих и римских писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1, стр. 484. Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 11 и 13.

³ А. Д. Удадьцов. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. Сов. этнография, 1946, № 2, стр. 46

⁴ Приношу глубокую благодарность Ю. В. Кухаренко, любезно ознакомившему меня с результатами этих исследований.

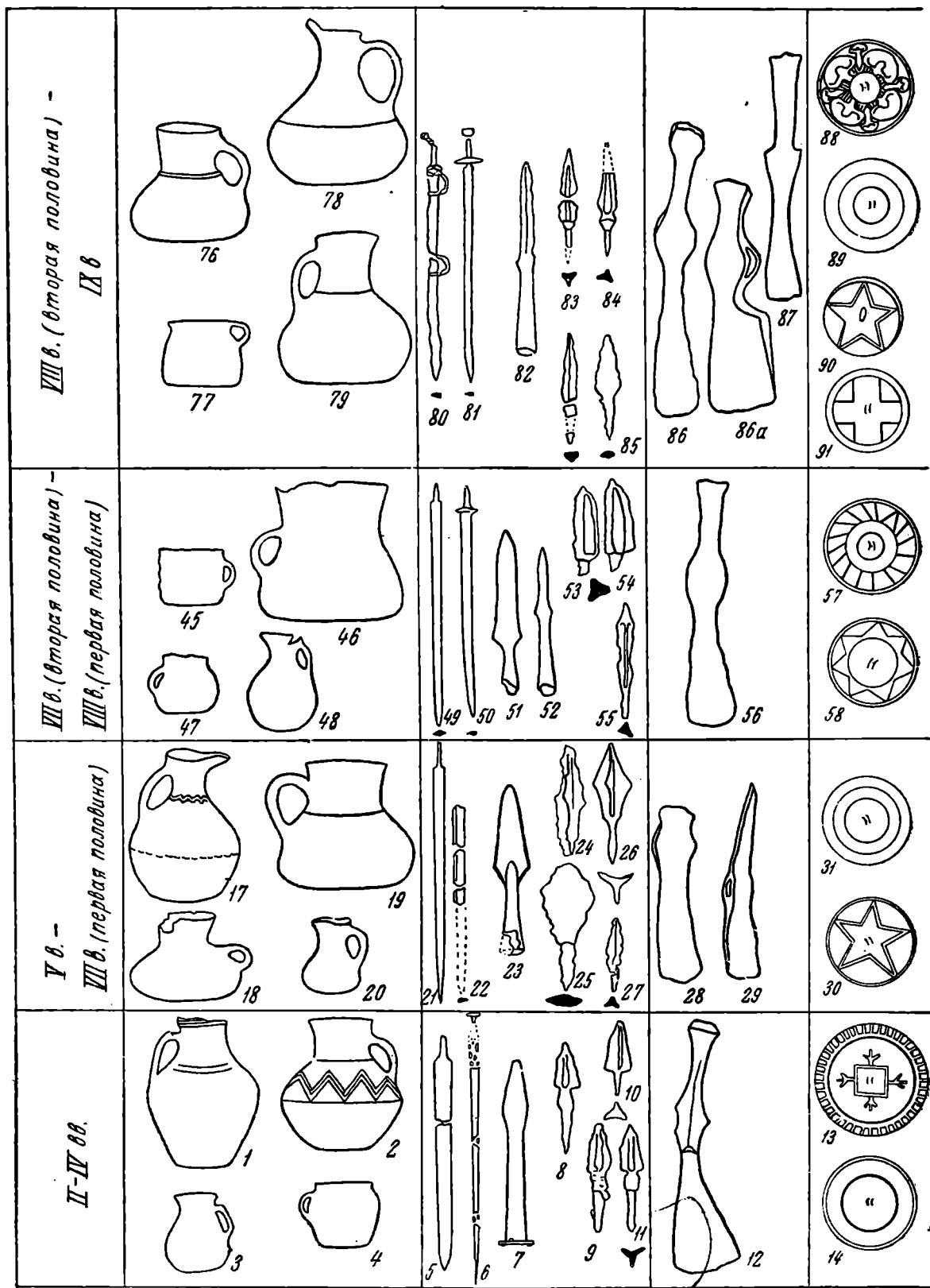
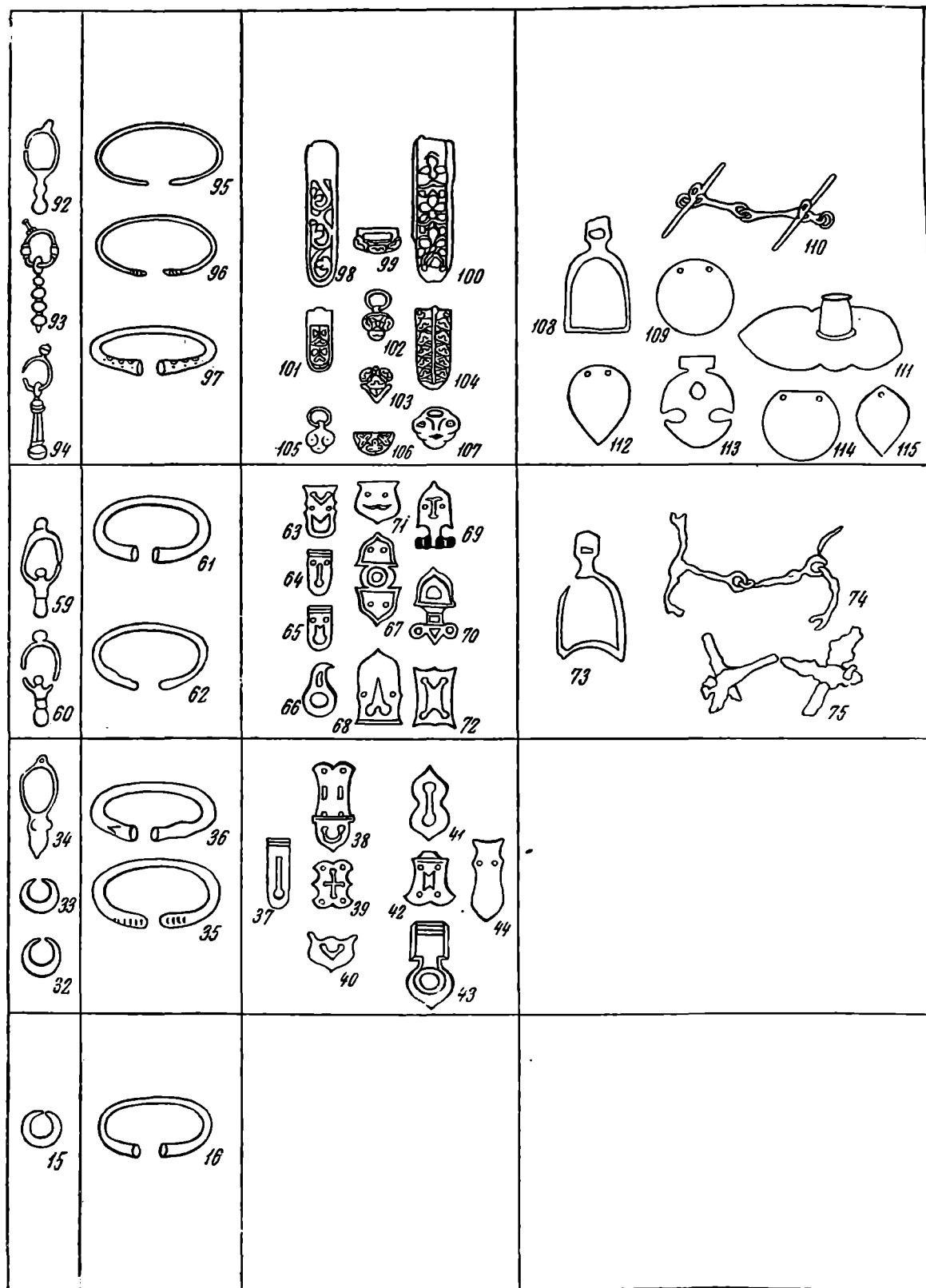

Рис. 2. Вещи из сармато-аланских погребений, характеризующие

Вещи из погребений: 1 — Блюменфельд, А. 7; 2 — Шульц, Д. 2; 3 — Ершовка, № 1; 4 — Фалюки, С. 6; 5 — Фриденберг на Еруслане; 6 — Альт-Веймар, Д. 16; 7 — ст. Казанская (Кубань), курган 17; 8, 9, 11 — станция Казанская; 10 — Аткарский округ; 12 — Суловский могильник; 13 — Суловский могильник; 14 — Три брата; 15, 16 — Шипово; 17, 18 — Песчанка; 19 — Пашковский могильник; 20 — Борисовский могильник, I группа; 21 — речное погребение у Энгельса; 22 — палаш из погребения с сожжением у Энгельса; 23 — речное погребение у Энгельса; 24 — погребение с сожжением у Энгельса; 25 — погребение с сожжением у Энгельса; 26 — Новогригорьевка; 27 — Борисовский могильник, I группа, погребение № 52;

формирование салтовской культуры

28, 29 — Борисовский могильник, I группа; 30 — Песчанка; 31 — Борисовский могильник, I группа; 32 — речное погребение близ Энгельса; 33 — Борисовский могильник, I группа; 34 — Песчанка; 35, 36 — Борисовский могильник, I группа; 37 — 40 — Чми, камера 12; 41 — 44 — Борисовский могильник, I группа; 45, 46 — Чми, камеры 17 и 22; 47 — Чми, камера 22; 48 — Агойский аул; 49 — Чми, камера 11; 50 — Галват; 51 — Агойский аул, погребение № 13; 52 — Агойский аул, погребение 18; 53, 54 — Галват; 55 — Агойский аул; 56 — Чми, камера 11; 57 — Чми, камера 7; 58 — Чми, камера 2; 59 — Чми, камера 20; 60 — Чми, камера 22; 61 — Чми, камера 22; 62 — Чми, камера 7; 63 — 70, 72 — Чми, камера 11; 71 — Чми, камера 17; 73 — 75 — Галват; 76 — 115 — В. Салтов

очерченной вогнутой шейкой и широким горлом. Поверхность кувшина покрыта лощением. Связь формы этого кувшина с формами салтовской керамики можно считать несомненной. Помимо керамики, к «предсалтовским» формам могут быть отнесены большие трехлопастные стрелы, браслет с разомкнутыми концами и насечкой на них, обломок реберчатого бубенчика, металлические пряжки. Основная масса находок у с. Ново-Покровского, судя по найденным здесь фибуле и большим стрелам, относится к V—VII вв. Ниже этих погребений обнаружены характерные для сарматской культуры маленькие трехлопастные черешковые наконечники стрел.

Огромный интерес представляют открытые в 1949 г. на территории Ново-Покровского могильника 2 комплекса вещей салтовского типа, относящиеся, очевидно, к середине VIII в. Оба комплекса найдены в совершенно чистом слое песка, без признаков захоронений. В состав комплексов входят: сабли, очень близкие к саблям поздних погребений Борисовского могильника; большие черешковые стрелы с порошком, среди которых есть стрелы трехлопастные; наконечник копья, близкий к салтовскому, без всякого перехода между втулкой и пером; удила с эсвидными псалиями; стремена с прямой подножкой; серпы и др.

Абсолютно такой же отдельный комплекс был найден в 1891 г. близ слободы Тополи б. Купянского уезда Харьковской губ.¹ Там найдены обломки сабли, тождественной новопокровским. Сабля эта была, очевидно, умышленно согнута, так же как и обе сабли указанных комплексов из Ново-Покровского. Попутно отмечу, что для Салтовского могильника, как и для большинства могильников Северного Кавказа, умышленно изогнутые сабли не характерны; они встречены в виде исключения. Лишь в третьей группе погребений Борисовского могильника сабли, находившиеся либо в погребениях с сожжением², либо в составе отдельных комплексов вещей, очень близких описанным выше и не имевших следов погребения³, были сильно изогнуты⁴.

Помимо сабли, в комплексе из слободы Тополи найдены: кинжал с перекрестием той же формы, что и у сабли (подобный кинжал найден и в Борисовском могильнике⁵), массивный топорик салтовского типа; большие черешковые стрелы с порошком; фибула; наконечник копья описанной выше формы; удила с эсвидными псалиями; стремена с несколько вогнутой подножкой; большая, железная фибула; серп, рукоять которого заканчивается ушком (два таких же серпа найдены в Борисовском могильнике, причем один — в комплексе с саблей⁶); железная пряжка; железная цепь; обломки бляшек.

Изучение комплексов, найденных на Ново-Покровском могильнике, и прежде всего решение вопроса о связи их с остальным могильником⁷, позволит конкретно говорить о взаимопроникновении салтовской культуры и культуры, связанной в более раннее время с «полями погребений». Но и сейчас указанные выше памятники («поля погребений» черняховского типа, Кантемировка, Ново-Покровский могильник⁸) позволяют с достаточным основанием говорить о том, что, наряду с основным сармато-аланским

¹ Вещи хранятся во 2-м археологическом отделе ГИМ № XIX, 642.

² В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, 1914, погребения №№ 90, 99, 103.

³ Там же, погребения №№ 125, 134, 144.

⁴ Там же, стр. 143.

⁵ Там же, табл. III, рис. 23.

⁶ Там же, погребение № 134.

⁷ Такое исследование подготовлено сейчас к печати Ю. В. Кухаренко.

⁸ Как сообщил мне Ю. В. Кухаренко, керамика, подобная найденной в Ново-Покровском могильнике и сочетающая салтовские черты с чертами керамики «полей погребений», открыта в поселениях в районе Северного Донца (Мартова, Малиновка, Ст. Салтов, Писаревка и пр.).

культурным элементом, в состав салтовской культуры вошел определенный элемент, связанный с культурой «полей погребений». Сармато-аланские племена, населявшие в первой половине I тысячелетия н. э. Харьковщину и смежные с ней районы, а также некоторые племена, оставившие указанные «поля погребений», явились той этнической и культурной средой, в которой формировались древние насельники Верхнего Салтова и их культура.

В полном соответствии с данными археологических источников находятся и данные антропологии. Уже обмер 44 черепов из Салтовского могильника, произведенный в 1927 г. Г. И. Чучукало, не дал никаких черт, чуждых палеоантропологии жителей наших южных степей и лесостепей¹.

Исчерпывающее исследование салтовского краниологического материала произведено Г. Ф. Дебецом². Им были учтены данные обмеров Г. И. Чучукало; кроме того, он сам обмерил ряд салтовских черепов в музеях Москвы, Ленинграда и Одессы (всего 45 черепов). Выводы Г. Ф. Дебеца сводятся к следующему. Все черепа имеют европеоидное строение. Никаких следов монголоидной примеси нет. Различия между черепами сводятся к типам второго порядка. Основным для могильника является долихокранный тип, близкий тому, который определен на краниологическом материале приднепровских «полей погребальных урн». В общих чертах черепа этого типа сходны со скифскими, но абсолютные размеры их меньше, а лицо уже. Г. Ф. Дебец считает, что это уменьшение является следствием расогенетического процесса, общего для самых разнообразных групп. Долихокранные черепа из Верхнего Салтова и «полей погребальных урн» являются, по его мнению, близкими формами, восходящими к морфологически однородному прототипу³.

Археологические данные вносят некоторые коррективы в последний вывод Г. Ф. Дебеца: мы можем поставить вопрос и о генетической близости «салтовцев» к племенам, оставившим некоторые из приднепровских «полей погребений».

К салтовским черепам основного типа (черепной показатель 75,3—76,9) примешан небольшой процент брахикранов (черепной показатель 82,5—85,4), которые Г. Ф. Дебец рассматривает не как индивидуальные отклонения от долихокранного типа, а как представителей иного типа, тоже европеоидного, но отличного от долихокранов. Брахикранные черепа совершенно идентичны черепам из Зливкинского могильника⁴, погребения которого близки к салтовским по составу инвентаря, но заметно беднее последних и совершены не в камерах, а в ямах. Незначительная примесь зливкинских черепов согласуется с наличием в Салтовском могильнике небольшого числа погребений в ямах и свидетельствует о связи между двумя различными, но культурно близкими племенами, оставившими эти два могильника.

Таким образом, археологические данные полностью согласуются с данными антропологии. И те и другие указывают на несомненную генетическую связь «салтовцев» с древним населением южнорусских степей и лесостепи. Соответственно и культура, столь ярко представленная в Верхне-Салтовском могильнике, находится в тесной связи с культурой предшествующих периодов, кратко охарактеризованной выше.

¹ Г. И. Чучукало. Черепа из Верхне-Салтовского могильника. Матер. по антроп. Украины, т. II, 1927.

² Г. Ф. Дебец. Черепи з Верхне-Салтівського могильнику. Антропология, т. 4, 1931, Київ. Его же. Палеоантропология СССР. М., 1948, стр. 252 сл.

³ Палеоантропология СССР, стр. 252.

⁴ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губ. Тр. XII АС, 1905, т. I, стр. 211—213.

Господствующий тип погребального сооружения в Салтовском могильнике — развитая подземная камера. В ряде случаев встречены камеры значительного размера, со сводами различных видов, с порошками и пилястрами у входа; к камере ведет длинный узкий могильный коридор с гладким или ступенчатым спуском. Эти сооружения значительно сложнее более ранних камер, но генетическая связь между ними несомненна. В Салтове мы встречаемся с наиболее поздним и развитым видом того погребального сооружения, которое бытовало у сармато-аланских племен, начиная с первых веков н. э.; начало же этой погребальной традиции восходит к значительно более раннему времени, к раннескифской эпохе. Между тем, ни для одного из пришлых народов, которым приписывалось создание салтовской культуры, этот обряд не характерен.

Анализ погребального инвентаря Салтовского могильника показывает, что весь массовый инвентарь, все основные категории вещей продолжают собой традиции местного ремесла, уходящего своими корнями по крайней мере в сарматскую эпоху.

Лучше всего это прослеживается на керамическом материале. Наиболее характерную и многочисленную группу салтовских сосудов составляют кувшины. Они делятся на две подгруппы. К первой относятся большие кувшины с сильно раздутым (чаще всего в нижней части) туловом, плавно переходящим в заметно суженную шейку; горло расширено и снабжено носиком; ручка вертикальная, идет от середины шейки или от самого края горла к середине тулова. Поверхность большинства кувшинов покрыта лощением, некоторые орнаментированы вдавленными линиями и лощеными полосами; из последних создавались разные геометрические узоры, в том числе треугольники, широкая кайма в косую клетку, ряды вертикальных линий. Ко второй подгруппе относятся кувшины меньших размеров, с менее четкими формами. Салтовские кувшины по своей форме, орнаменту и технике изготовления являются результатом развития исконного сарматского типа, хорошо известного в предшествующую эпоху на всей обширной территории распространения сарматской культуры. Основные этапы этого развития были описаны выше.

Другие виды салтовских сосудов (кружки, горшки, туалетные сосуды и пр.) менее характерны, но и они связаны с керамикой сармато-аланской эпохи¹.

Оружие Салтовского могильника, неоднократно привлекавшееся для доказательства инородного происхождения салтовской культуры, в частности, «венгерской теории», всеми своими формами неразрывно связано с сармато-аланским оружием. Наиболее распространенный вид оружия — топоры — результат развития того типа, который уже в скифскую эпоху хорошо известен в лесостепной полосе и на Кавказе и ведет свое начало с эпохи кавказской бронзы.

Наконечник копья, найденный в Салтовском могильнике, значительно отличается от сарматских копий с широким пером: его перо является непосредственным продолжением втулки, и переход между ними отмечен лишь двумя небольшими шипами. Формирование этого типа прослежено выше (рис. 2). Наконечники стрел в большинстве своем трехлопастные, черешковые, с валиком; этот тип, как мы видели, также не является новостью для культуры интересующей нас территории.

Салтовские сабли отнюдь не являются специфически восточным оружием, как утверждали Феттих, Захаров и Арндт. В корне неправильно

¹ Так, кружки известны в сарматских погребениях Поволжья и Приуралья первых веков нашей эры (хутор Шульц, погребение № 132; Фалюки, погребение № С-6), в первом Пашковском могильнике — IV—VI вв. н. э., в могильнике «Песчанка» и др. Исходные формы горшков следует искать среди позднесарматских сосудов (Сусловский могильник, погребение № 58; Аткарск, погребение № 11 и др.).

противопоставление сабли сарматскому мечу и утверждение о вытеснении меча саблей. Появление сабли есть результат эволюции определенной формы меча, постепенно приближавшегося по характеру своего удара к сабле. Основные звенья этой эволюции были указаны выше.

Длинные кавалерийские мечи были известны уже в скифское время; более всего их найдено в Поволжье. Сарматские длинные мечи этого района сохраняют и развивают рубящую функцию меча как основную. В IV—V вв. появляются однолезвийные палаши — переходная форма от меча к сабле. Этот процесс можно наблюдать и в Прикубанье, в частности на материале Борисовского могильника.

Сабли салтовского типа увязываются рядом переходных форм с сарматскими мечами. С другой стороны, было бы методологически неправильным выделение единого центра происхождения сабли. Сабля, как некогда меч, появилась на обширной территории, в местах, связанных, несмотря на географическую разобщенность, общим уровнем хозяйственного развития и общностью военных условий: преобладанием конной тактики, наличием больших масс легкой кавалерии, действовавшей в основном рассыпным строем. Непосредственным материальным условием появления сабли было распространение нового вида конского снаряжения, прежде всего стремян.

В Салтове мы встречаемся с одним из вариантов той системы конского убранства, которая в VIII—X вв. была распространена на огромной территории от Монголии до Венгрии. Начало этой системе было положено в южной Сибири, где, как показал С. В. Киселев, впервые появилась важнейшая ее деталь — стремяна¹.

В Восточной Европе, в частности в Салтове, на Северном Кавказе, Кубани, в Тамбовской и Казанской обл., мы встречаемся с формами стремян, удила и сбруйных блях, производными от сибирских форм, но не тождественными им.

Здесь следует говорить не о появлении восточных вещей, сменивших исконный местный инвентарь, а о выработке под известным восточным влиянием некоторых новых форм. Противник с востока был главным противником для племен интересующего нас района. Появление в наших южных степях легкой и подвижной азиатской кавалерии, действовавшей рассыпным строем, неизбежно вызвало перевооружение и изменение тактики местных племен. перевооружение явилось одним из основных элементов внутреннего процесса культурного переформления, который пережили эти племена в результате нашествий азиатских орд в раннесредневековую эпоху. Форма сабли, развившаяся на местной основе и, несомненно, связанная с предшествующими местными формами оружия, является одним из наиболее ярких примеров, доказывающих внутренний характер этого процесса. В противоположность некоторым принадлежностям конского снаряжения, сабли в Восточной Европе не были производными от южносибирских форм.

Вряд ли можно согласиться с С. В. Киселевым, считающим, что в причерноморской степи древнейшие сабли едва ли старше IX—X вв., тогда как у алтайских тюрок сабля стала применяться уже в VII—VIII вв.²

Е. И. Крупнов убедительно доказал, что открытый им в Галиатском могильнике комплекс, содержащий саблю, относится к самому началу VIII в.³ Переходные же формы — однолезвийные палаши — относятся к значительно более раннему времени: в Поволжье они датируются IV в.

Браслеты — наиболее массовый и характерный вид салтовских украшений — результат эволюции форм, распространенных у сарматов, в

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА СССР, вып. 9. М., 1949, стр. 291.

² Там же, стр. 291.

³ Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ.

частности у восточных сарматов в первые века н. э. В V—VII вв. эти браслеты были массивными, концы их утолщались в виде раструбов или представляли собой стилизованные головки животных. Во второй половине VIII и IX вв. браслеты становятся значительно более тонкими, стилизация их концов встречается гораздо реже, но раструбы, насечки и кружки на концах встречаются часто.

Некоторое воздействие восточных, в частности алтайских, образцов должно быть учтено при рассмотрении салтовских серег. Но это воздействие имело место в значительно более раннее время. Развитие местной формы серьги с подвеской хорошо прослеживается на нашем Юго-Востоке, начиная с IV—V вв. Салтовские серьги значительно тоньше более ранних, подвеска сильно вытянута и у некоторых экземпляров подвижна, наверхше обычно помещается несколько сбоку.

Характерные для предшествующего периода литые прорезные бляхи исчезают, их сменяют литые и штампованные бляхи с разнообразными растительными узорами; реже встречаются изображения птиц, животных и человека, причем последние относятся к тому типу, который представлен уже в Песчанке¹.

Особенно характерно распространение орнамента в виде стилизованных листьев водяной лилии. Этот вид орнамента в VIII—IX вв. был распространен на огромной территории от Дальнего Востока до Дуная; в разных местах мы встречаемся с различными его вариантами. Вопрос о происхождении и развитии этого орнамента должен решаться отдельно для каждого варианта.

Среди фигурных привесок, найденных в Салтовском могильнике, наибольший интерес представляет фигурка птицы («уточка»), иногда заключенная в кольцо. Дальнейшее развитие этого мотива следует связывать с болгарским, а позднее с русским, художественным ремеслом. У волжских болгар такие привески известны уже в салтовское время². А. П. Смирнов справедливо причисляет их к тем вещам, которые «считаются в археологической литературе характерными для болгарской культуры»³.

Очень характерны салтовские зеркала — дисковидные, с ушком посредине и орнаментированной обратной стороной. Как указано выше, зеркала этого типа известны уже в позднесарматских могильниках, например в Сусловском. Можно говорить об известном влиянии в это раннее время сибирских образцов, но уже тогда дисковидные зеркала получили на нашем Юго-Востоке специфическое оформление. Некоторые виды орнамента зеркал (звезды, концентрические круги и пр.), характерные для Салтовского могильника, возникли в более раннее время. Наряду с ними в конце VIII в. появились новые орнаментальные мотивы — растительный узор, изображение дракона.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о местном характере основной части салтовского инвентаря и генетической связи его с исконными культурами Юго-Востока Европейской части СССР. Совершенно очевидно, что никакой культуры, «неожиданно появившейся в конце VIII века и ни в какую связь с культурой местного населения не вставшей», здесь не было, и только умышленное игнорирование археологического материала предшествующих эпох могло привести к подобным измышлениям.

¹ ОАК за 1898 г., стр. 131, рис. 33.

² Одно из них хранится в ГИМ (коллекция Ешевского).

³ А. П. Смирнов. Очерки по истории древних болгар, стр. 109.

Е. М. ШТАЕРМАН

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ ТИРЫ

(В связи с вопросом о клеймах неизвестных центров)

До сих пор было известно всего около 70 керамических клейм из Тиры, изданных в 1924 г. Никореску¹. По такому незначительному количеству трудно было составить представление о торговых связях этого города. Между тем, вопрос этот представляет известный интерес, так как Тира была крайним западным греческим городом нашего Причерноморья; в частности, через нее шла торговля со степью. Кроме того, войдя впоследствии в состав римской провинции Нижней Мезии и будучи местом стоянки отрядов I Итальянского, V Македонского и XI Клавдиева легионов, она была более тесно связана с империей.

В 1948 г. мною было списано в музей гор. Белгорода-Днестровского 588 клейм из Тиры. Не зарегистрированы ни точное место, ни дата находки клейм, большая часть которых поступала в музей не из раскопок, а благодаря случайным находкам.

Из списанных мною клейм: родосских — 310, фасосских — 28, книдских — 15, косских — 39, синопских — 93, гераклейских — 32, херсонесских — 8, неизвестных центров — 63.

Принимая количество родосских клейм за удвоенное, поскольку на родосских амфорах клейма ставились на обеих ручках, мы получаем для изучаемых клейм из Тиры следующее отношение (в %):

Родос	—36	Гераклея	— 8
Фасос	— 6	Херсонес	— 2
Книд	— 3	Неизвестных	
Кос	— 9	центров	—14,5
Синопа	—21,5		

Сравним эти цифры с данными других ближайших мест Северного Причерноморья. Для Фракийского побережья мы имеем только неполные данные. Найденные там клейма в незначительном количестве (217) опубликованы Шкорпилом². В процентном отношении они распределяются по центрам так: Родос — 20%, Фасос — 23,5%, Книд — 1%, Синопа — 23%, Гераклея — 13,5%, Херсонес — 1,5%, неизвестных центров — 17,5%. Мы видим, что количество клейм из Синопы здесь почти совпадает с количеством синопских клейм из Тиры, Родос дает их значительно меньше, зато преобладают клейма из Фасоса и Гераклеи.

¹ Ephem. Dacoromana, II, 1924, стр. 379 сл.

² Изв. на Българск. арх. инст., 1934.

Для Ольвии, по данным Б. Н. Гракова¹, на 1939 г. по основным центрам можно установить следующее: Родос дал 47% всех найденных клейм, Фасос — 8%, Книд — 6%, Синопа — 28%, Гераклея — 6%, Херсонес — 5%. Итак, мы видим, что по распределению клейм между клеймящими центрами Тира ближе стоит к Ольвии.

При просмотре данных Тире нам сразу бросается в глаза значительный процент косских клейм. Однако, как мы увидим далее, это объясняется отчасти случайной находкой большого комплекса косских клейм, а отчасти

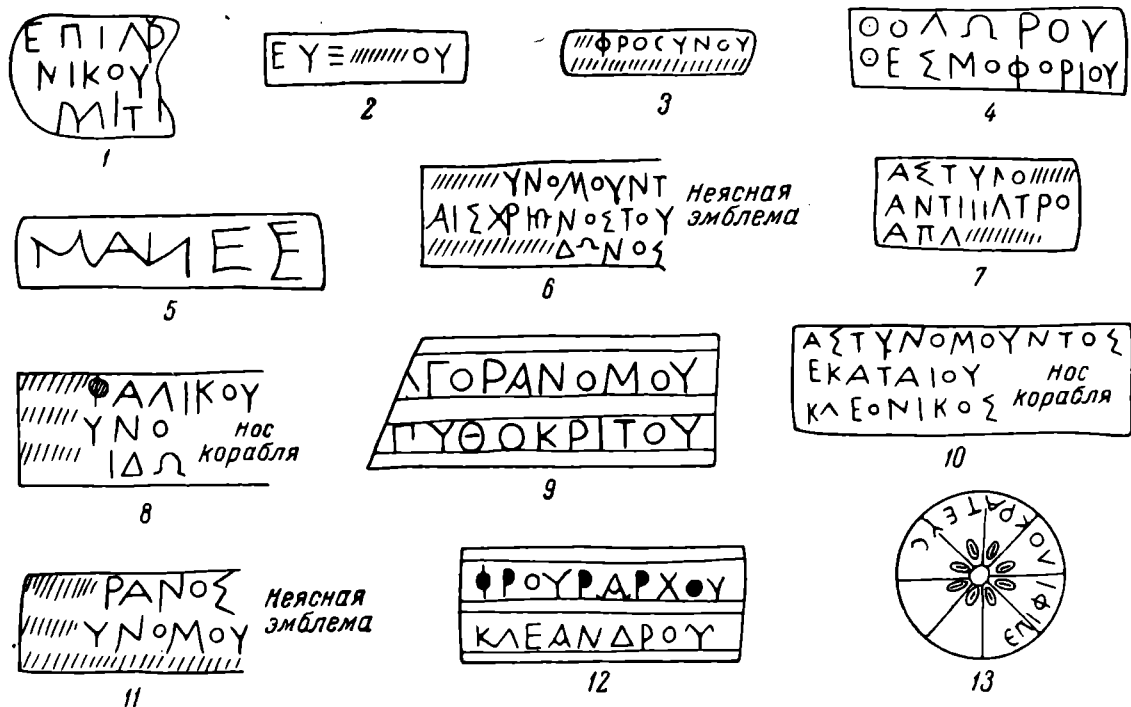

Рис. 3. Некоторые новые клейма из Тире

тем, что до недавнего времени косские клейма не были выделены и при описании клейм из других мест находок часто не учитывались.

По хронологическим группам клейма распределяются так:

Родос. Родосские клейма были датированы Блекманом на основании сопоставления с клеймами, найденными в Пергаме (220—180 гг.) и Африке (180—150 гг.), и по сопоставлению имен эпонимов и гончаров на основании изучения целых амфор, у которых сохранились обе ручки; на одной из них помещалось обычно имя эпонима, на другой — имя гончара. По этой не совсем надежной датировке мы получаем для Тире такие данные: из эпонимных клейм 7 относятся ко времени до 220 г., 54 — к периоду 220—180 гг., 38 — к периоду 180—150 гг., 2 — к 80-м годам I в. и 19 не датированы. На клеймах с именами гончаров 101 имя совпадает с именами на пергамских клеймах, 45 — не датированы.

Итак, в Тире большее количество клейм приходится на 220—180 гг., когда родосский экспорт был наиболее интенсивен. Однако, в противоположность городам Боспорского царства (например, Мирмекию и Тиритак), в Тире довольно значительно и количество родосских клейм II в., тогда как в городах Боспорского царства оно несколько меньше. Это и понятно: в боспорских городах родосские клейма быстро вытесняются синопскими, которые там господствуют безраздельно; в Тире же, как и в Ольвии, Родос не уступал своих позиций. Однако, повидимому к I в., и здесь родосский

¹ Докторская диссертация Б. Н. Гракова.

импорт падает. Конечно, учитывая ненадежность датировки только по совпадению имен, эти выводы нельзя считать окончательными. Более же точная хронология родосских клейм еще не разработана.

В Тире встречается один новый эпоним — Аристоник, если только клеймо прочитано верно (рис. 3—1).

Из имен гончаров прежде не встречались Евксен (рис. 3—2), Евфросин (рис. 3—3), Феодор (рис. 3—4) с пропущенным Е, Манес (рис. 3—5).

Значительное количество имен эпонимов и гончаров повторяется по несколько раз. Наиболее часты эпонимы Кратид, Писистрат (по 4 раза), Алексимах, Питодор (по 5 раз), Никасагор (7 раз). Гончары: Агафокл, Марсий (по 4 раза), Гима, Гиппократ, Наний (по 6 раз), Аристократ, Дий (по 7 раз), АнTIMах (9 раз). Большинство из них относится к периоду 220—180 гг. Очевидно, именно в это время производились массовые закупки родосского вина. Только эпоним Питодор, 5 раз встречающийся на клеймах из Тире, относится к 180—150 гг. Имена тех же эпонимов и гончаров наиболее распространены и по всему Черноморскому побережью. Следовательно, большие партии амфор привозились не специально для Тире, а вероятно для Ольвии, откуда и расходились по другим местностям.

Перехожу к синопским клеймам, хронологически более близким к родосским. Найденные в Тире синопские клейма следующим образом делятся по хронологическим группам, установленным для синопских клейм Б. Н. Граковым¹:

I группа	— конец IV в.	— 270 г.	— 6	клейм
II	„	270—220 гг.	—11	„
III	„	220—180 гг.	—27	„
IV	„	180—150 гг.	—10	„
V	„	150—120 гг.	— 6	„
VI	„	120— 70 гг.	—12	„

Эти данные интересно сравнить, например, с данными боспорских городов Мирмекия и Тиритаки, где при общем количестве синопских клейм, более чем втрое превосходящем количество синопских клейм из Тире, к I группе относятся только 8 клейм, ко II — 21 клеймо, а затем начинается резкое возрастание количества клейм: в III группе — 61, в IV группе — доходит до 63, в V группе — падает до 39 и снова поднимается в VI группе до 60.

В Тире по количеству клейм преобладает III группа, до которой синопский импорт постепенно возрастает и после которой падает, держась примерно на одном невысоком уровне в течение остальных 100 лет. Возможно, что это было вызвано общим упадком Тире, поскольку, как это мы видели, родосский импорт сюда также достиг наибольшего расцвета в отрезок времени, совпадающий с III хронологической группой синопских клейм. Однако падение родосского импорта было далеко не столь значительно, как синопского. Он в последующие 30 лет (180—150 гг.) оставался в общем почти на том же уровне, что в предыдущие 40 (220—180 гг.). Возможно, что именно родосский импорт не давал развиваться синопскому импорту. Тира, не имея возможности ввозить большое количество вина, отдавала предпочтение Родосу.

Повторяющихся имен астиномов и гончаров сравнительно немного.

Наибольшее количество повторений падает на II и III группы, когда, очевидно, вино или масло вывозилось в большом количестве и большими партиями.

9 клейм помещены на черепицах, которые также ввозились сюда из Синопы, тогда как боспорских черепиц в Тире не найдено ни одной. Из этих

¹ Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 102 сл.

черепиц две не могут быть восстановлены, одна принадлежит к I группе, пять — ко II группе, причем три из них имеют один штемпель «астином Феогейт с гончаром Посидонием», и одна с тем же астиномом, но с гончаром Филократом, и, наконец, одна черепица относится к III группе. Новых астиномов два: Эсхрион Леомедонтов (рис. 3—6) и Антипатр (рис. 3—7).

Возможно, что новым является и астином Омфалик, отнесенный Б. Н. Граковым ко II группе, но на клейме из Тире появляющийся с эмблемой V группы — корабельным носом (рис. 3—8).

Новый агораном Питокрит появляется на клейме небольшого кувшинчика (рис. 3—9). Однако я не могу с полной уверенностью отнести это клеймо к синопским. Из имен гончаров прежде не встречались имена: Клеоник — с клейма, принадлежащего к V группе (рис. 3—10), и Койран — с клейма неизвестной группы (рис. 3—11). Остальные имена астиномов и гончаров более или менее часто встречаются и в других местностях Причерноморья.

Из ф а с о с с к и х клейм, согласно хронологии, данной Б. Н. Граковым, старейших клейм, с именем Аристомена и фигурой Геракла, стреляющего из лука (относятся приблизительно к 370 г.), в Тире найдено всего два; к следующей группе, характеризующейся надписью в три строки (из которых в одной — основное имя, во второй — этникон и в третьей — второе имя), всего три. Клейм с надписью по трем сторонам четырехугольника и разными эмблемами, которые Б. Н. Граков относит к 270—220 гг.,—5, на остальных 17, возможно относящихся ко времени между 370 и 270 гг. до н. э., содержатся этникон, одно имя и — между этими строчками — разные эмблемы. Фасосский импорт в Тире очень невелик, особенно по сравнению с таковым во Фракии. Очевидно, Синопа, первые группы клейм которой хронологически совпадают с клеймами Фасоса, успешнее соперничала с последним, чем с Родосом.

Хронология к н и д с к и х клейм еще не установлена. Б. Н. Граков считает их одновременными родосским. В Тире их найдено сравнительно немного, и они не представляют особого интереса. Одно из них (рис. 3—12) напоминает приведенное выше клеймо агораном Питокрита, которое, возможно, также не синопского, а книдского происхождения. Можно отметить также очень изящное клеймо Филократа (рис. 3—13).

Еще меньше здесь х е р с о н е с с к и х клейм. Все они одного типа: содержат имена астиномов без отчества, манера письма широкая.

Относятся они, повидимому, к середине III в., т. е. к тому времени, когда торговля Тире была наиболее интенсивной и охватила наибольшее количество центров.

Значительный интерес представляют найденные в Тире г е р а к л е й с к и е клейма. Большинство из них относится к намеченной Б. Н. Граковым II хронологической группе, т. е. с конца IV в. до 270 г. 5 клейм содержат имена эпонимов с предлогом $\epsilon\pi\iota$, 9 — два имени, остальные — 1 имя.

Одно клеймо, от которого сохранились только три буквы $\gamma\rho\gamma$ (возможно, остаток имени гончара Эргасиона), стоит на очень узком горле амфоры, отличающемся по своим размерам от обычных гераклейских амфорных горл. Интересно новое имя — Метамбрий (рис. 4—14), вероятно принадлежавшее уроженцу Месембрии, может быть рабу. Аналогичных имен в гераклейских клеймах довольно много¹: Кромнит (от пафлагонского города Кромна), Боспорих, Понтик; в Мирмекии в 1937 г. было найдено гераклейское клеймо с именами Перисад и Фанагор.

Наибольший интерес представляют два клейма, найденные в Тире. Одно из них энглифическое, на горле амфоры, списано мною в музее: (рис. 4—15), другое, изданное Никореску из частной коллекции Авакиана (указ.

¹ Б. Н. Граков. Энглифические клейма... Тр. ГИМ, вып. 1, 1926, стр. 181 сл.

соч., № 57), рельефное, на ручке и отнесено Никореску к клеймам неизвестного центра, а Придиком — к Синопе (рис. 4—16). Мы видим, что, за исключением некоторой разницы в изображении сосуда, эти оригинальные клейма совершенно идентичны и к тому же содержат одно и то же имя Етим, более ясно читаемое на рельефном клейме. Это имя, хорошо известное по клеймам из Гераклеи и отнесенное Б. Н. Граковым к середине III в., имеется и на другом энглифическом клейме из Тиры (рис. 4—17).

Сопоставление двух приведенных клейм показывает, что в Гераклее клейма ставились не только энглифические на горле, но и выпуклые на ручках. Это подтверждается и другими клеймами: вдавленным клеймом на горле из Тиры, $\text{H}\mu$ (рис. 4—18) и клеймом на ручке из Ольвии (рис. 4—19), сходным по начертанию, и, вероятно, представляющими собой сокращение одного и того же имени (далее клейма я буду давать по *losPE*, III, по основному тексту и дополнениям).

Рельефное клеймо Епикрата (рис. 4—20) и по начертанию, и по расположению в две строки, и по эмблеме (палице Геракла) — типичное гераклейское клеймо, хотя сделано на ручке рельефно. Клеймо Гермеса с палицей (рис. 4—21) подобно соответствующему гераклейскому клейму (рис. 4—21а). Рельефное клеймо Еванта (рис. 4—22) по начертанию, расположению, эмблеме и палице Геракла сходно с гераклейским клеймом Еварха (рис. 4—23). Сходно с гераклейскими трехстрочными клеймами и клеймо Клеагора (рис. 4—24); клейма Атанодора, Даматрия, Дамосфена (рис. 4—25, 4—82, 83) имеют характерные для Гераклеи начертание, эмблему, а вместо η в имени. Также клейма Силана (рис. 4—26, 26а) характерны по начертанию и типичному для Гераклеи имени.

Часто встречается в Гераклее и имя Филин, которое есть на рельефном клейме на ручке (рис. 4—27). Очень многочисленны в Гераклее клейма с именем Архелай, различно расположенные; они же часто встречаются в виде рельефных клейм на ручках неизвестных центров.

Наиболее характерно сопоставление клейм энглифического (рис. 4—28) и рельефного (рис. 4—29) в форме сердцевидного листа, содержащих это имя. Клейма с этим именем — как энглифические, так и выпуклые — найдены и в Тире. Совпадают также клейма: гераклейское с именем Аристократа и рельефное с тем же именем (рис. 4—30, 31) и палицей (рис. 4—34), гераклейское с именем Дат и рельефное, гераклейское Дионисия и рельефное с тем же именем (рис. 4—32—37), гераклейское Оносима и рельефное с тем же именем (рис. 4—38, 39), гераклейское Стасихора и рельефное с тем же именем (рис. 4—40, 41), гераклейское Демила и рельефное с тем же именем и палицей Геракла (рис. 4—42, 43), гераклейское с именами $\Delta\alpha\mu\alpha\tau\rho\iota\omicron\upsilon. \text{I}\zeta$ (рис. 4—44) и такое же рельефное клеймо на черепице, гераклейское Сатира с палицей и рельефное с тем же именем и эмблемой (рис. 4—45, 46), гераклейское Айакета и рельефное с тем же именем и двустрочным расположением (рис. 4—47), гераклейское Акесия и рельефное с тем же именем (рис. 4—48 и 49), Алканора из Гераклеи и такое же рельефное (рис. 4—50, 51).

Не имеют точных аналогий, но по именам, расположению, сокращениям, форме клейм могут быть отнесены к рельефным гераклейским клеймам: клеймо Евфранора (рис. 4—52), отнесенное Придиком к родосским [однако оно никаких аналогий среди родосских клейм не имеет; напротив, весьма сходно с клеймом Алканора, которое Б. Н. Граков приводит в качестве примера подражания гераклейским клеймам фасосским] (рис. 4—53); два сердцевидных клейма: $\text{A}\iota$ и $\text{A}\iota$ с гроздью и сердцевидное клеймо $\text{T}\iota$ (рис. 4—54—56). Эта форма, кроме родосских клейм, где она носит другой характер, встречается только в Гераклее. Клейма $\text{D}\alpha\tau$ | $\text{T}\upsilon\sigma$; $\text{T}\upsilon\sigma$ | $\text{D}\alpha\tau$; $\text{T}\upsilon\sigma$ | $\text{M}\nu\omicron$; $\text{L}\alpha\varsigma$ | $\text{A}\delta\rho\alpha\sigma\tau$ могут быть сопоставлены с гераклейским клеймом

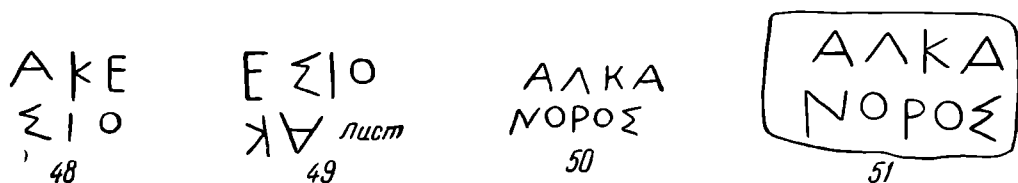
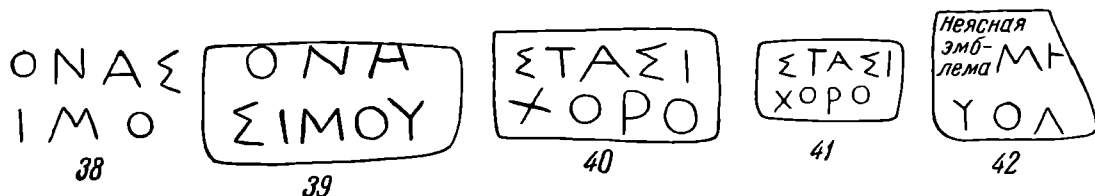
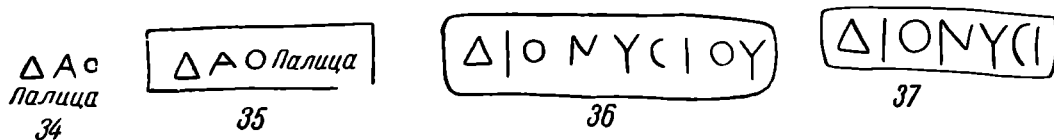
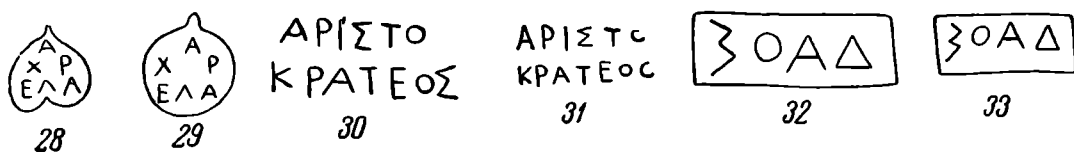
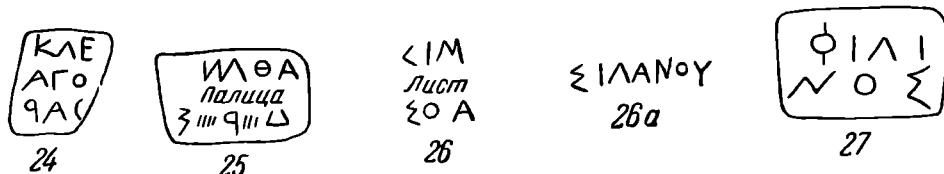
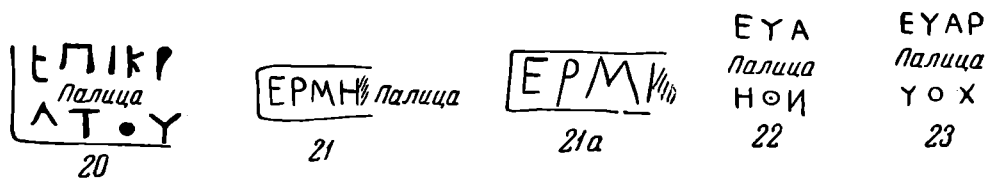
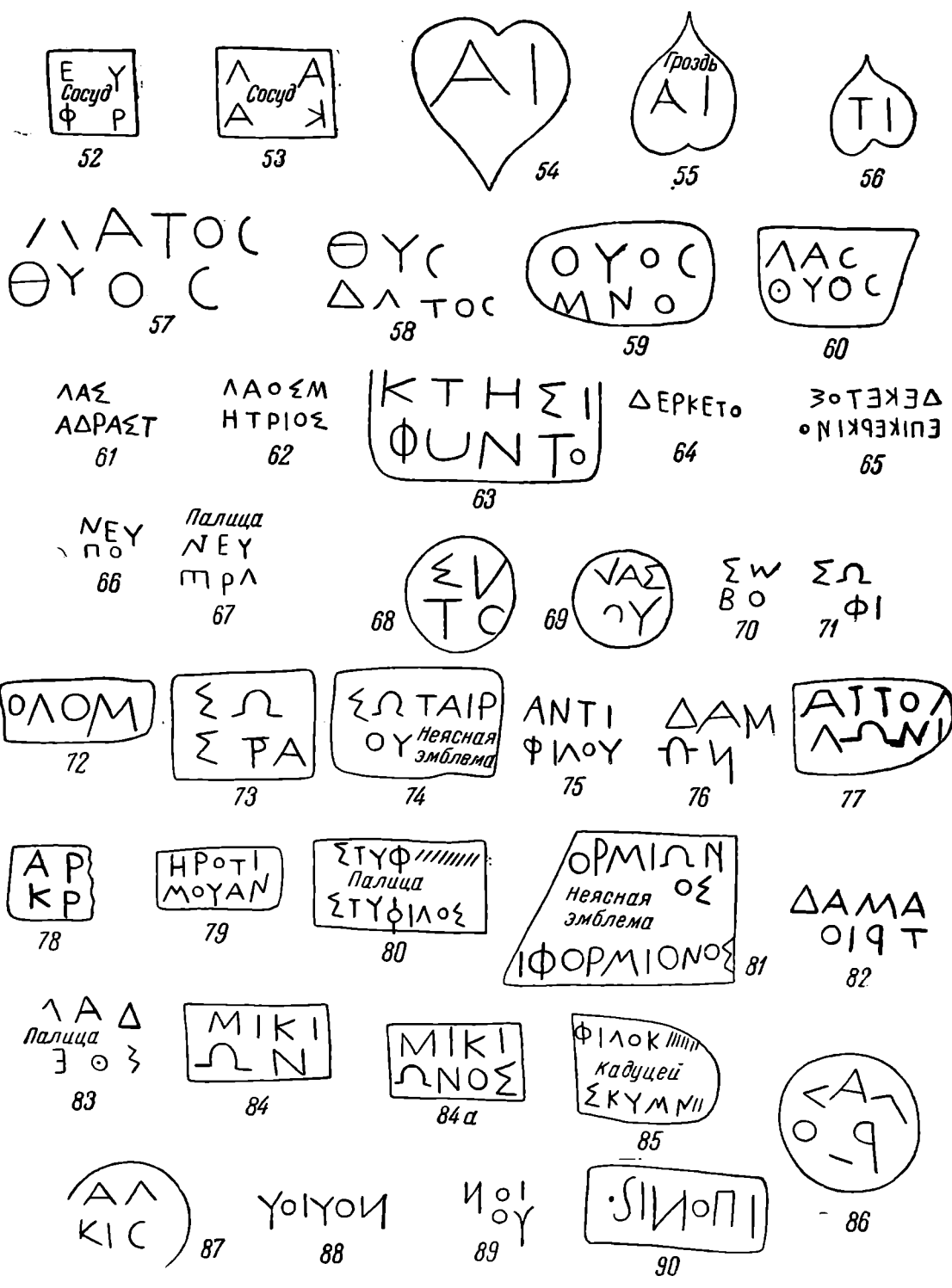

Рис. 4: Гераклеийские клейма на горлаках

Дас/Матрий (рис. 4—57—62). Имена их и расположение также указывают на гераклеийское происхождение. Может быть, из Гераклеи происходит и клеймо Ктесифона (рис. 4—63) и клеймо Деркета (рис. 4—64), поскольку это редкое имя встречается на гераклеийском клейме эпонима Керкина и гончара Деркета (рис. 4—65).

Сюда же можно отнести клейма, представляющие частые в Гераклее сокращения (рис. 4—66, 67), так же как другие клейма (рис. 4—70, 71), в которых второе сокращение, очевидно, представляет типичное для Гераклеи имя Боат (рис. 4—70). Бесспорно гераклеийским можно считать релье-

ручек амфор, английские и рельефные

ефное клеймо (рис. 4—72), которое может быть восстановлено только как имя *Μολισσοῦς*, , вообще очень редкое, но постоянно встречающееся на гераклейских клеймах. Часто встречающееся на ручках неизвестных центров клеймо NI повторяется на гераклейских горлах, но здесь о тождестве их нельзя говорить с уверенностью. Также лишь предположительно можно отнести к Гераклею клейма Сострата (рис. 4—73) и Сотэра (рис. 4—74), клеймо с именем Геротим и сокращением ΑΗ (рис. 4—79), Дамона (рис. 4—76), Аполлония (рис. 4—77), клеймо Антифила (рис. 4—75), встречающееся на многих ручках, и некоторые другие.

Мы видим, что намечающаяся благодаря найденным в Тире двум клеймам Етима группа выпуклых гераклейских клейм довольно определена и будет, конечно, в дальнейшем еще расширена. Так, например, на горле гераклейского сосуда из Тире имеется вдавленная буква θ . Может быть, при ближайшем рассмотрении некоторые из многочисленных ручек неопределенных центров, имеющих эту букву, а также и некоторые другие буквы, также окажутся гераклейскими.

Три клейма, повидимому, могут служить переходными звеньями от английских гераклейских клейм на горлах к рельефным клеймам на ручках. Это — вдавленное клеймо Аристократа на ручке из Херсонеса, к сожалению обломанной (рис. 4—78), соответствующее гераклейским клеймам с этим именем, и два рельефных клейма на горлах: одно с фракийского побережья (рис. 4—80) (Шкорпил, № 209), где первое имя, может быть, является типичным для Гераклеи именем Стифон, причем на Гераклею же указывает палица между двумя строками клейма, и клеймо на горле из Нимфея (рис. 4—81) с именем Формиона, правда не типично гераклейским, но расположение и восстанавливаемый в строчке 3 предлог $\epsilon\tau\iota$ могут указывать на Гераклею. К этой же категории можно отнести рельефное клеймо на горле из Ольвии (рис. 4—68), которое, может быть, расшифровывается как сокращение имени Стифон, и сходное из Мирмекия клеймо на ручке (рис. 4—69), возможно содержащее также одно из типичных гераклейских имен — Онас.

Тогда еще некоторые сходные по типу круглые клейма можно также считать гераклейскими (например, рис. 4—86, 87).

Возникает вопрос о времени этих клейм. Те из них, которые совпадают непосредственно с английскими гераклейскими клеймами (которые все принадлежат ко II хронологической группе), очевидно одновременны им и относятся к половине III в. Возможно, что когда стал развиваться экспорт вина из других мест, Гераклея, и прежде иногда имитировавшая фасосские клейма, приняла тот же метод клеймения, который был в ходу на Фасосе, Родосе, Синопе и т. п., причем рельефные клейма довольно быстро сменили старые английские.

Однако есть несколько клейм, которые позволяют предполагать, что иногда и в более позднее время в Гераклее применялось и английское, и рельефное клеймение. Существует некоторое количество рельефных клейм на ручках неизвестных центров из Ольвии и Пантикапея с одним и тем же именем Noviou (рис. 4—88). С этим же именем имеется гераклейское английское клеймо на горле амфоры (рис. 4—89). Между тем, по мнению Б. Н. Гракова, это имя не греческое, а латинское — Novius. Латинское же имя могло оказаться в Гераклее только значительно позже. Эти же клейма указывают, что гераклейское клеймение, по крайней мере спорадически, продолжалось довольно долго, очевидно до I в., когда на гераклейском клейме могло оказаться латинское или латинизированное имя. Конечно, эти клейма могли появиться и случайно, как, например, в Синопе появляется позднее клеймо (рис. 4—90), где обычное там имя Синопион написано с латинским S вместо Σ , O вместо ω и с точкой, которая могла появиться только под влиянием латинских клейм. В основном же, вероятно, выпуклые гераклейские клейма были современны родосским и синопским клеймам.

В Тире найдены, кроме указанных, и другие клейма, которые можно отнести к разряду рельефных гераклейских (рис. 4—51; 82—84, 84a); с меньшим вероятием — клеймо с именами Филократа и Скимна и кадуцеем (рис. 4—85).

Весьма интересны также найденные в Тире ко с с к и е клейма. Как мы видели, они составляют здесь необычно большой процент по отношению к другим клеймам. Это объясняется тем, что здесь был найден целый комплекс в 30 клейм с одним и тем же именем — Ксенокрит. Клейма эти

разные; часть из них — на двойных ручках, выделенных как косские, часть — на одноствольных, очень похожих на родосские, только значительно более тонких, представляющих как бы один ствол косской ручки. Сделаны они разными штемпелями; на некоторых начертание букв очень простое, без всяких украшений (рис. 5—91), на других буквы снабжены апексами (рис. 5—92); есть клейма с перевернутыми частично буквами (рис. 5—93).

Сближает все эти клейма, кроме общего имени, одинаковое его сокращение и одинаковые контуры очень узкого штемпеля, представляющие собой вытянутый овал. Амфоры, несмотря на различия в клеймах, бесспорно, выполнены одним и тем же мастером и были одновременно доставлены в Тиру при закупке большой партии косского вина.

Остальные — бесспорно косские клейма — на двойных ручках из Тиры отличаются таким же разнообразием начертаний. Есть совсем простые, как клейма Асклепия (рис. 5—94), Дромона (рис. 5—95), Онесикла (рис. 5—96), Сотериха (рис. 5—97), Сопатра (рис. 5—98), есть очень причудливые, как Дамофона (рис. 5—99) или Сатира (рис. 5—100), но всех их объединяют те же признаки, что и клейма Ксенокрита: узкие овальные контуры и, в огромном большинстве, сокращения имен.

Косские клейма выделены сравнительно недавно и еще мало изучены. Бесспорно косскими признаются только оттиснутые на двойных ручках. Таковых, несмотря на огромное распространение косского вина в эллинистический и римский периоды, найдено очень мало. Правда, Б. Н. Граков указывает, что значительное количество косских ручек не клеймилось, и этим объясняется малое количество косских клейм, но все же, мне представляется, что число их можно увеличить.

Просматривая копии клейм, собранные в III томе *IosPE*, мы встречаем клейма, частично отнесенные к категории родосских, но с именами, на Родосе не встречающимися, частично — к клеймам неизвестных центров, причем ручки, на которых эти клейма стоят, описаны как близкие по глине и форме к родосским, но значительно более тонкие. Между прочим, к этой категории отнесены 3 ручки с клеймом Ксенокрита (рис. 5—101, 102) из Ольвии, т. е. с тем же клеймом, только других штемпелей, которые мы встречаем и в Тире.

Такие же совпадения имен на двойных и одноствольных тонких ручках встречаются и еще: двойная ручка с именем Адаия и цветком и то же клеймо на одноствольных ручках (рис. 5—103 и 104); одно клеймо на двойной ручке, одно на одноствольной с кадуцеем и именем Андрос (рис. 5—105—107) и клеймо Аристомена с кадуцеем на двуствольной ручке (рис. 5—108) и такое же клеймо на одноствольной ручке, отнесенной Придиком к родосским (однако на Родосе это имя не засвидетельствовано); имя Гермон на двуствольных ручках (рис. 5—109, 110) и то же имя на 7 экземплярах одноствольных тонких ручек (рис. 5—111 и 112); клеймо Зотика на двойной ручке (рис. 5—113) и на тонкой одноствольной ручке (рис. 5—114) (3 экземпляра, 2 с палицей, 1 с рыбой на двойных ручках); клеймо с именем Менелая (рис. 5—115) и то же имя на тонкой одноствольной ручке (рис. 5—116); имя Нюэмон на двойной ручке (рис. 5—117) и на одноствольной ручке (рис. 5—118); клеймо Оробиона на двойной ручке (рис. 5—119) и то же имя на одноствольных ручках (рис. 5—120); клеймо Сарапиона на двойных ручках (рис. 5—121, 122) и на маленькой одноствольной ручке (рис. 5—123); клеймо Аполла на двойной ручке и совершенно такое же клеймо на одноствольной ручке, подобной родосской (однако такое имя для Родоса не засвидетельствовано) (рис. 5—124); клейма Бориса на 2 экз. двойных ручек (рис. 5—125) и на одноствольной ручке (рис. 5—126); клеймо Лоха на двойной ручке и такое же клеймо на одноствольной ручке (рис. 5—127); клеймо Мос на двойной ручке и 6 экз. такого же клейма на одноствольных ручках

(рис. 5—128); клеймо Никомеха на двойной ручке и на одноствольной ручке (рис. 5—129 и 130); на 2 экз. двойных ручек клеймо Ди с гроздьёю и то же клеймо на 15 экз. одноствольных ручек (рис. 5—131, 132). Хотя и не вполне сходное по начертанию (в первом случае лунарная сигма), но все же подобное по редкому имени Асклепий и по овальной узкой рамке клеймо может быть сопоставлено с упомянутым клеймом на двойной ручке из Тире (рис. 5—94 и 133). Надо указать и клеймо Севта на двойной и одноствольной ручках (рис. 5—134).

Итак, мы видим, что ряд клейм на тонких, сходных с родосскими, ручках совершенно совпадает с косскими, и их косское происхождение более чем вероятно. Ряд клейм на таких же ручках не имеет прямых совпадений с косскими, но форма рамки, начертание, эмблемы (палица, кадуцей, цветок), самый вид и цвет ручек позволяют их также отнести к косским. Это ручки с клеймами: Гиерон (рис. 5—135), Касторид (Придиком отнесена к родосским, но такое имя на родосских клеймах не встречается (рис. 5—136); Ксенотим, клеймо по начертанию совершенно подобно клейму Ксенокрита (рис. 5—137—139); Агатин (рис. 5—140); Аполлон (рис. 5—141 и 142); клейма с именами и сокращениями имен: Ар, Ара, Арис (рис. 5—143—146), Дий (рис. 5—147, 148), Феокрит (?) (рис. 5—149, 150), Мен (рис. 5—151, 157, 158), Никий (рис. 5—159, 159а), Сотер (рис. 5—154), Платон (рис. 5—155), Гиброн [начертание последнего вполне сходно с начертанием Оробиион] (рис. 5—120 и 160), Ермолай (рис. 5—161), Диодор (рис. 5—162), Архелай (рис. 5—163), Афэлей (рис. 5—164), Ясон (рис. 5—165), Ментай (рис. 5—166), Атэнай (рис. 5—167), Дорион (?) (рис. 5—168), Гермий (рис. 5—169), Мнесикл (рис. 5—170), Кердо (рис. 5—171), Артим (рис. 5—172), Мнасимах (рис. 5—173); Епифан (рис. 5—174), Никаситим (рис. 5—177).

Может быть, к этой же категории надо отнести и клейма, найденные в Тире на ручках не столь тонких, еще более похожих на родосские, но с клеймами на последних не встречающимися. Эти клейма мало разборчивы, и чтение их сомнительно (рис. 5—175, 176 и 178). Возможно, что по аналогии с фракийскими именами Адай и Севт, встречающимися на косских клеймах, к косским можно отнести и клейма мастеров Бидза и Дадзиппа.

Часть аналогичных тонких ручек, сходных с родосскими, которые могут считаться косскими, изготовлена в позднее, уже римское, время. Такова одна из указанных ручек с клеймом Ди (рис. 5—132) из Херсонеса, ручки с латинскими именами Гай (рис. 5—180), Лукий (рис. 5—181), Павел; особенно походит на косскую первая. Сюда же можно отнести клейма с греческими именами, дававшимися рабам в римское время — Эпафродит из Тире (последнее клеймо особенно характерно для косских) (рис. 5—179), Гелиос и бесспорно косскую двойную ручку из Ольвии с именем Стих¹, типичным именем римских рабов.

И тут эти клейма могут быть сопоставлены с клеймами на хорошо известных узких конических горлышках сосудов римского времени, центр которых не установлен. Горла аналогичной формы из Африки, Испании, Галлии хорошо известны по находкам в Monte Testaccio и других районах Рима (напр. рис. 6—182—183).

В нашем Причерноморье находится много таких горлышек без клейм и известное количество клейменных. Ни на одном из них не содержится латинского клейма, хотя и попадаются римские имена. Вследствие полного отсутствия на них латинских клейм предположение об их западном происхождении становится сомнительным. Самый характер клейм на них разнообразный: то простого начертания сокращенного имени, как, например Диомед

¹ Последние две ручки даны Коцеваловым в дополнении к IosPE, III, только в транскрипции, поэтому я не имею возможности привести копию этих клейм.

Рис. 5. Косские клейма

(рис. 6—186), сокращения с лигатурами — Асэр (рис. 6—184), Гераклит (рис. 6—185), Магн (рис. 6—187), имена полностью, например Марк (рис. 6—188), причем то же имя и на ручке (рис. 6—189); то — сокращения, не представляющие собой имен: Сом.— на горле и аналогичное клеймо на ручке (рис. 6—190), сфо — на горле, и аналогичные надписи на ручках

Рис. 6. Клейма на узких цилиндрических горлах амфор римского времени

(рис. 6—191—192), на 4 горлах клеймо элит (рис. 6—194). Встречаются также монограммы и сокращения в круглых рамках, как Ай (рис. 6—195), Андре? (рис. 6—196); наконец, клейма, содержащие причудливые лигатуры и монограммы (рис. 6—197—199). Клейма, сходные с описанными выше, мы имеем и на ручках; например, клеймо Мок (рис. 6—200), Мют (?) и Мюр (?) (рис. 6—201, 202), а также клейма на ручках (рис. 6—203, 204) и горле (рис. 6—205), которым могли послужить образцом клейма на

римских светильниках, часто имевшие аналогичную форму и начертание. Однако, несмотря на различия клейм, сходство глины указывает на происхождение сосудов из одного центра их производства. Возможно, что для начертания клейм в этом центре заимствовали различные образцы.

К предположению о центре производства этих узкогорлых сосудов, встречающихся на нашем Причерноморье, нас подводит одна группа клейм со словом τέχνη и τέχνην, что значит «мастерские» или «из мастерских». В Тире найдены два узких горла с маленькими тонкими ручками (по одной на каждом горле) и с клеймами на ручках (рис. 6—206 и 207); в обоих случаях восстанавливается слово τέχνη. Те же слова встречаются на других ручках (рис. 6—208—210) — как одностовольных (τέχνην и τέχνηος), так и двойных. Ἀρ. τέχνη (рис. 6—211) Δα. τέχνηΔ. τέχνη (рис. 6—213 и 215), на экземплярах из Ольвии помечено Α. τέχνη (рис. 6—214), Δα. τέχνη (рис. 6—212), Ειρηνα[ίου]τέχνην (рис. 6—216).

Не подлежит сомнению, что все эти ручки происходят из одного центра, и присутствие в этой группе двойных ручек позволяет считать этот центр Косом. Кстати сказать, и сокращение, которое на одной из них предшествует слову τέχνη (или — ῶν) Δα, также встречается на одной двойной ручке из Керчи. Правда, Дюмон¹ издал одну ручку с клеймом, содержащим то же слово (рис. 6—218), и отнес ее к Книду, но Дюмон вообще был склонен относить к Книду все сомнительные клейма. Наличие здесь эпонима не может свидетельствовать против косского происхождения ручки, так как, правда в редких случаях, эпонимы указывались и на косских ручках. К подобным ручкам, вероятно, относится и ручка, описанная Придиком из коллекции Уварова и помещенная в разделе родосских с эпонимом Эрением и гончаром Апатурием (рис. 6—217).

Иногда слово τέχνη помещалось на ручке совместно с именем владельца или мастера, иногда же они помещались на разных ручках. Само появление этого термина, по всей вероятности, было вызвано влиянием римских клейм со словом officina, что, так же как и сохранившиеся в Тире вместе с ручками узкие горла, говорит об их позднем, римском времени, как и имена Марк, Магн (на горле), Гай, Лукий, Павел — на сходных ручках.

Здесь надо, однако, указать, что некоторые из этих имен, например Гай и Марк, встречаются и на terra sigillata, имя Гай — на нескольких экземплярах сосудов из Херсонеса и Смирны, имя Марк по-латыни и гречески — на посуде, встречающейся почти повсюду и на западе, и на востоке, производившейся, по мнению современных исследователей, в мастерских Галлии и Малой Азии. Такие совпадения имен мастеров на terra sigillata и на амфорах, находимых в нашем Причерноморье, не единичны. Можно указать на имена: Метробий, Аполлоний, Дионисий, Деметрий, Эней, Дам, Кердон (клеймо последнего на ручке из Феодосии имеет столь характерную для клейм terra sigillata форму следа ступни — planta pedis; такую же форму имеет и клеймо Герая (рис. 6—219) на ручке из Ольвии), а также имя Басс, который хорошо известен как «фабрикант» из Грофесенка. Он писал обычно свое имя по-латыни с точкой между обеими буквами: Bas. si (CIL, VIII, 22645 и др.). Одно клеймо с тем же именем по-гречески в сходном начертании с точкой между двумя сигмами (рис. 6—220) найдено на амфорной ручке из Херсонеса. Так же по-гречески написано латинское имя «фабриканта» Кварта на другой ручке из Херсонеса (ИАК, IV, стр. 85). Имя Кварт в латинской транскрипции известно на амфорных клеймах Британии (CIL, VII, 1336, 885 и 886).

Эти примеры, так же как и наличие в нашем Причерноморье известного количества terra sigillata с клеймами других мастеров итальянских, галльских и малоазийских, могут вызвать и предположение о таком же происхождении

¹ Dumont. Inscriptions céramiques de Grèce, 1873, стр. 335.

горлышек и ручек, находимых в нашем Причерноморье. Однако значительное их количество говорит против западного происхождения, так как импорт из западных провинций хотя и существовал, но был невелик. Против их западного происхождения говорит также отсутствие на них латинских клейм. Возможно, что сосуды с именами Гая и Марка происходят из какого-нибудь малоазиатского центра, где некоторые италийские и галльские мастера, в частности Марк, имели свои филиалы. Но имя Марк настолько распространено, что могло легко принадлежать и другому мастеру, носящему то же имя, так же как и имя Гай. Клеймо последнего на нашей ручке (в узком овале с палицей) скорее напоминает косские клейма, чем клейма на terra sigillata. Клейма же Басса, Кварта и некоторых других вполне могли быть и западного происхождения, тем более что ручки, на которых они оттиснуты, носят другой характер: они массивны и широки, самое клеймо — в широкой прямоугольной рамке, буквы большие, без лигатур и апексов.

На Косе же в римское время могли также встречаться мастера с латинскими именами. В пользу Коса, кроме приведенных данных, говорит, во-первых, самая продолжительность косского экспорта, засвидетельствованного в источниках; во-вторых, то, что горла, так же как и косские ручки, встречаются клейменные и неклейменные, т. е. клеймение косских изделий было нерегулярным; в-третьих, то, что наибольшее количество горл амфор встречается в Тире и Ольвии, где более распространены косские ручки и где, очевидно, торговля с Косом шла все время наиболее интенсивно. Также встречаются они на фракийском побережье (у Шкорпила клейма Μέκωυ и Но) и в Танаисе, откуда, так же как из Тирьи и Ольвии, дешевое косское вино шло в степь¹.

Наконец, совпадение некоторых имен на ручках и горлах косских амфор [например, клеймо на горле амфоры из Херсонеса — Асклепий (рис. 6—221) — имя, в других местах не встречающееся; клеймо, к сожалению сломанное, из Тирьи (рис. 6—222) с именем Кир, встречающимся на косских ручках] опять говорит о Косе. Самая манера сокращений имен и узкие, маленькие клейма напоминают косские. Подбор имен на косских ручках соответствует подбору имен на горлах. И там, и тут большинство составляют настоящие греческие имена, и вместе с тем на ручках попадаются такие «варварские» имена, как Адай, Кир, Минния (на ручке, изданной Шкорпилом, № 167). Эти имена, очевидно, принадлежат рабам, изготовлявшим амфоры.

На горлах встречаются и такие имена, как Асэр (рис. 6—184) — имя, распространенное в Палестине и Сирии,¹ Ἴδος — фригийское имя, сокращение Горд, которое может иметь несколько расшифровок, но все они указывают на Фригию, Пальмиру или Армению. Самое разнообразие клейм указывает на центр, связанный с разными частями тогдашнего мира и учтивавший разные вкусы и обычаи.

Наиболее загадочными представляются клейма, которые составлены из монограмм и лигатур и в расшифровке не дают каких-либо известных имен или их сокращений, например встречающееся в 4 экз. упомянутое клеймо ἡλιθ (рис. 6—194). Ни одно имя так не начинается, и лишь небольшое количество греческих слов можно предположить за этим сокращением: ἡλιθιότης — глупость, безумие, ἡλιθα — тщетно, но и в высшей степени щедро, богато (в Thesaur. ling. graec. это слово приравнивается к largiter, copiose).

Так как трудно себе представить, при каких обстоятельствах в клейме могло появиться слово, обозначающее глупость, то надо остановиться на втором значении. Давно было замечено, что некоторые клейма на terra sigillata, особенно восточные, греческие, представляют собой не имена, а

¹ Они изданы в книге Т. Н. Книпович. Танаис, 1949.

девизы, пожелания, как, например, клейма — $\chi\acute{\epsilon}\rho\delta\omicron\varsigma$ прибыль, польза, $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ милость и др.¹ Мы имеем латинское клеймо из Ольвии: *Speramus L. Titi*, составленное по этому же принципу. Возможно, что и клеймо $\eta\lambda\iota\theta$ стояло в связи с пожеланием богатства и изобилия. Может быть, и клеймо на ручке $\sigma\upsilon\mu\phi\omicron$ (рис. 6—193) — испорченное сокращение слова $\sigma\upsilon\mu\phi\omicron\rho\acute{\epsilon}$ — польза, выгода; а клеймо на ручке и горле $\sigma\phi\omicron$ (рис. 5—191, 192) следует читать, как $\sigma\phi\omicron\delta$, и видеть в нем сокращение $\sigma\phi\omicron\delta\rho\acute{\omicron}\iota\eta\varsigma$ — крепость, сила. Все эти понятия одного круга и вполне могут служить девизами — пожеланиями, аналогичными $\chi\acute{\epsilon}\rho\delta\omicron\varsigma$.

Клеймо с монограммой, расшифровывающейся, как $\sigma\omega\zeta.\mu\alpha$ (рис. 6—198), может быть, имеет какое-нибудь отношение к глаголу $\sigma\omega\zeta\omega$ — спасать, хотя это может быть и сокращение двух имен: $\Sigma\omega\zeta\omega\nu$, которое, так же как и $\Sigma\omega\sigma\upsilon$, встречается на ручках (рис. 6—223 и 224), сходных с косскими и по начертанию поздних, и какого-то имени, начинающегося на $\mu\alpha$.

Кос, крупный экспортер вина в различные местности, вполне мог позаимствовать не только различные начертания слов, но и самые клейма, бывшие в моде среди различных групп его покупателей.

Весьма странны клейма, монограммы которых в расшифровке дают $\epsilon\upsilon\tau$ (рис. 6—205), $\tau\epsilon\rho$ или $\tau\rho\epsilon$. $\tau\upsilon$. $\acute{\alpha}\nu$. (рис. 6—197) и $\epsilon\upsilon$. $\tau\upsilon\rho\alpha$ (рис. 6—199). Все они, как мы видим, очень похожи по начертанию и, судя по последнему, как будто имеют какое-то отношение к Тире. Можно было бы, конечно, предположить, что они там изготовлены, но тогда такое же предположение надо было бы сделать и для всех сходных горл, что невозможно, так как нет никаких данных о столь широких торговых связях Тире и о таком расцвете в ней керамической, винодельческой или маслодельной промышленности.

Мы знаем два светильника: один из Аквилей с клеймом *Tanais* (CIL, V, 8114, 128), другой из Рима с клеймом *Tuga* (CIL, XV, 6722). По какому случаю поставлены эти клейма, сказать затрудняюсь, но, конечно, не потому, что они были изготовлены в соответствующих городах. Может быть, мастер хотел почтить свой родной город, может быть, эти светильники предназначались к отправке в Танаис и Тиру. Во всяком случае, как бы там ни было, тот же мотив мог руководить и косским мастером, включившим в свое клеймо имя Тире. Как мы видели, клейма на светильниках служили образцом для клейм на некоторых горлах и ручках: значит, это влияние могло распространяться не только на форму, но и на содержание клейма.

Если признать все эти предположения хотя бы отчасти правильными, то количество известных нам косских клейм (как эллинистического, так и римского времени) значительно возрастет, и наше представление о соотношении косского импорта с ввозом из других центров несколько изменится. Особенно это относится к Тире и Ольвии, где этих клейм больше всего. Как уже можно судить по найденным в Тире косским клеймам Ксенокрита, сюда поступали большие партии косского вина, вероятно потреблявшегося местным бедным населением и переправлявшегося далее, в степь. Если узкие горла также косского происхождения, то значение этой торговли было в римское время не меньше, чем в эллинистическое.

Клейм, теперь считающихся боспорскими и, в Тире найдено всего два. Не найдено здесь пока и боспорских черепиц. Очевидно, вывоз сюда из боспорских городов был невелик и не мог конкурировать с вывозом из других центров. Нет здесь и столь многочисленных в других местах клейм, состоящих из отдельных букв и монограмм, из неизвестного, по мнению Б. Н. Гракова, какого-то причерноморского центра.

¹ Интересный пример — клеймо из римской виллы в Антиохии на Оранте (Antioch. of the Oront., 1941, стр. 17): $\acute{\omicron}\pi\acute{\alpha}\omega\nu\omicron\varsigma$ η $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ — «благодарность сотоварища».

Зато, хотя и в небольшом количестве, имеются клейма в форме колес, известные по всему Причерноморью, включая и Фракийское побережье. Это круглые клейма, перегороженные радиусами на 4 или 5 частей, в каждой из которых содержится по одной, реже по две буквы. Одно из характерных клейм этого типа найдено в Тире (рис. 7—225), но есть и отступления от этой формы (рис. 7—226—230).

Наконец, сочетание букв на одном клейме из Ялтинского музея (рис. 7—231) повторяется на двух ручках из Пантикапеи и Ольвии в форме обычного клейма (рис. 7—232). Все эти клейма помещаются на ручках темнокрасной глины, и относятся, судя по начертанию букв, к середине IV в. Вне Причерноморья они, насколько мне известно, почти не встречаются. В Риме (не в Monte Testaccio) найдено одно сходное клеймо на амфоре (рис. 7—233, CIL, XV, 3389) и одно в Сицилии, на крышке вазы (рис. 7—234, Kaibel inscrip Graecae, № 2406.94).

В раннее время клеймения, как мы это видим по старейшим фасосским клеймам с эмблемой Геракла, стреляющего из лука, и синопским клеймам первой группы с орлом, клюющим дельфина, керамические клейма нередко повторяли монетные типы. Поэтому для установления центра производства амфор с клеймами в форме колес естественно обратиться к сравнению их с монетами. Аналогичные монеты (кроме Пантикапея и Ольвии), все относящиеся к середине IV в., мы встречаем в Калхедоне (рис. 7—235, 236), Аполлонии (рис. 7—237), Месембрии (рис. 7—238), неизвестном городе Фракии (рис. 7—239) и в Аканте (рис. 7—240—242).

Мы видим, что все эти монеты, за исключением калхедонских, указывают на Фракию и Македонию, что позволяет там же искать и центр производства клейм в форме колес. 28 экз. их, найденные в Ольвии, Пантикапее и других местах, совершенно совпадают с монетами гор. Аканта (рис. 7—243), который, кстати сказать, известен как крупный экспортер вина на Черноморское побережье.

Это могло бы свидетельствовать в пользу Аканта, но против этого говорит то обстоятельство, что другие многочисленные клейма-«колеса» не содержат начальных букв названия города. Наиболее часто в комбинации из 4 букв встречается сочетание букв М и Е, что могло бы навести на мысль о Месембрии или засвидетельствованном крупном центре виноторговли Менде, хотя на монетах последнего города первые буквы его названия стоят не в разделенном радиусом круге, а в четырех или более вдавленных треугольниках. Однако и буквы МЕ встречаются далеко не во всех наших клеймах и, кроме того, иногда при сходной комбинации буква М заменяется. Так, наиболее распространены клейма РОМЕ (рис. 7—225), но наряду с этим мы видим 10 экз. клейм, найденных в разных местах со знаком $\overline{\times}$ (рис. 7—244), который означает 5000 и довольно часто встречается в наших клеймах. Эти клейма содержат и другие буквы, входящие в десятичную систему: $\Delta = 10$, $\text{H} = 100$, $\Gamma = 5$. Может быть, в известных случаях и М играет роль числа (10 000).

Иногда эти знаки встречаются в сочетании с одинаковыми парами других букв (рис. 7—245—252, или 253, 254) (сочетание Kv^i наводило иногда на предположение о кидском их происхождении), числовые знаки сочетаются и с комбинацией МЕ (рис. 7—255—257).

Есть клейма, в которых числовые знаки преобладают (рис. 7—229, 258—260), но есть и такие, в которых они совершенно отсутствуют (рис. 7—231, 261—263).

Что могли означать цифровые знаки, непонятно. Для стоимости числа в 5 и 10 тысяч слишком велики; если же они означали вместимость, то ее надо предположить весьма разнообразною. Непонятным остается также, что означает буква Е в комбинациях $\overline{\times}|E$ и МЕ, если признать первые знаки за цифры в 5000 и 10 000. Можно только предположить, что

вторые пары букв, встречающиеся с цифровыми обозначениями, как AP, ΦΙ, ΣΚ, ΘΟ, ΜΑ, представляют собой сокращенные имена мастеров, более расширенные в клеймах буквами, дающими в сочетании φιλῶ

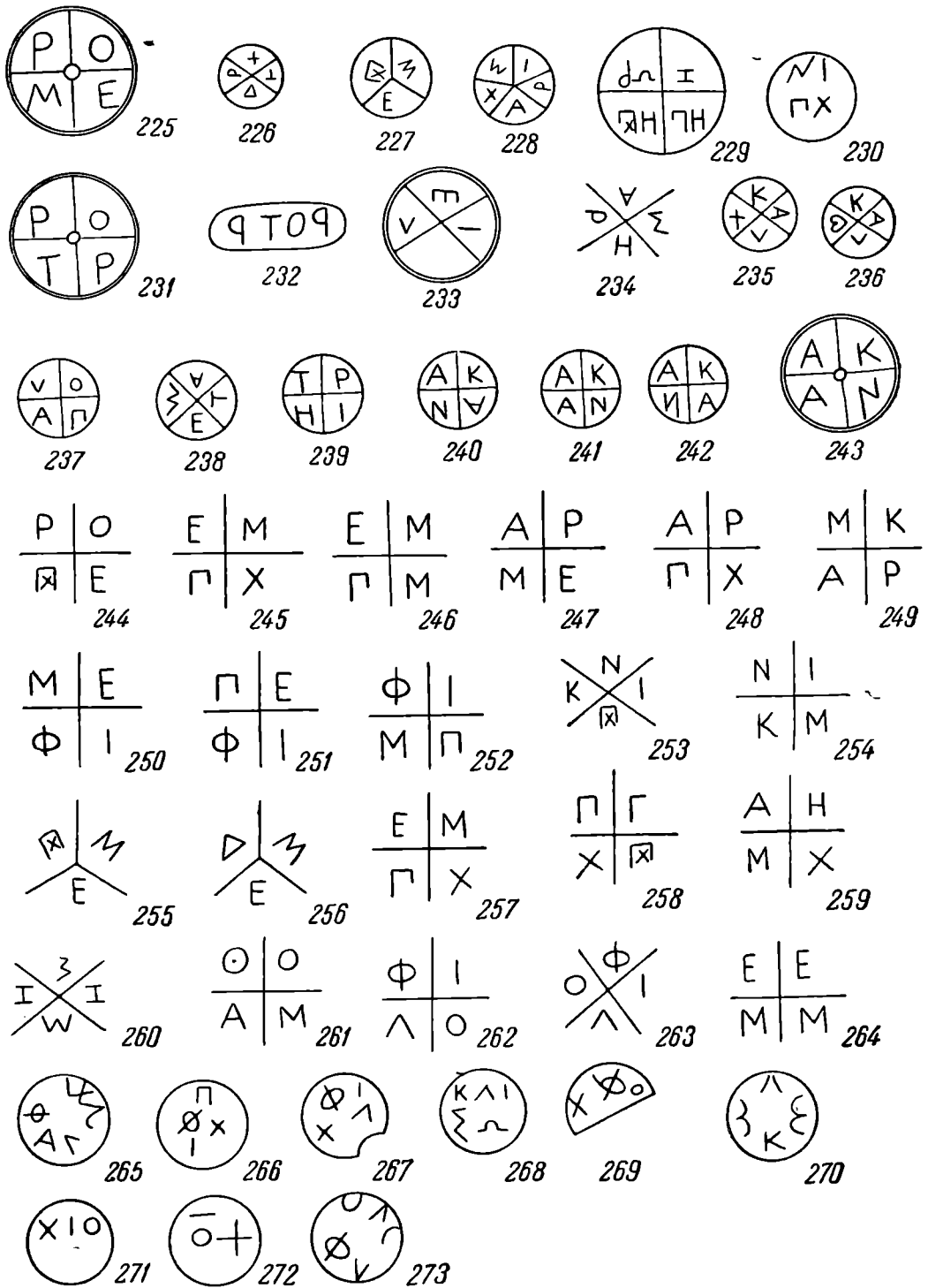

Рис. 7. Клейма в форме „колес“

(рис. 7—262, 263) и χέρης (рис. 7—228), или, как на сицилийской вазе, 'Πραξ или 'Αστρ (рис. 7—234), хотя это клеймо, вероятно, не имеет ничего общего с исследуемыми нами.

В некоторых случаях, конечно, возможно смешение между буквенным и числовым значением знака. Трудно сказать, является ли, например, комбинация ΔΙ началом какого-либо слова, или оно означает число 11; следует

ли всегда видеть в сочетании ME соединение числа 10 000 с E, или иногда это может означать начало имени мастера или города, вроде Мосембории или Менды. Последнее предположение подтверждает клеймо, на котором сочетание ME повторено дважды (рис. 7—264).

Все эти вопросы пока решить не представляется возможным. Можно только констатировать тот факт, что эти клейма содержали различные комбинации цифровых знаков и букв, представлявших сокращенные имена мастеров или название города. Время, в течение которого выпускались эти клейма, очевидно невелико, но экспорт из производившего их центра шел довольно интенсивно в Северное Причерноморье и Фракию. Возможно, что клейма, которые содержат только сокращения имен, как φιλ. χάρις, — более поздние, представляющие дальнейшее развитие тех же клейм. Центр их производства, по видимому, надо искать в Македонии или Фракии, причем наиболее вероятными представляются Акант, Месембрия или Менда.

Есть еще одна разновидность круглых клейм неизвестных центров, одно из которых найдено в Тире; они отличаются и по глине, и по форме от клейм-«колес». Это маленькие клейма, содержащие несколько букв, плохо разборчивых, например клеймо, найденное в Тире (рис. 7—265) или клейма из Фанагории (рис. 7—266), Амадоки (рис. 7—267), Мирмекия (рис. 7—268—270) и др. Высказывалось предположение об фасосском происхождении этих клейм¹. Некоторые аналогии с итальянскими, латинскими клеймами наводили на мысль об их позднем происхождении. Если принять предположение о существовании группы рельефных гераклейских клейм, то рассмотренные выше клейма можно отнести к этой же категории, поскольку близки к ним два гераклейских клейма из Пантикапея (рис. 7—271 и 272); имя Χίο (υ) сходно с распространенным в Гераклее именем Χίωνος.

Странным представляется, что в Тире, входившей в состав Нижней Мезии, полностью отсутствовали латинские клейма не только на амфорах, но и на terra sigillata (последней, впрочем, там нет и с греческими клеймами, хотя неклеяемой terra sigillata в музее г. Белгорода-Днестровского довольно много). Но и в изданных Шкорпиллом клеймах Фракийского побережья имеется всего одно латинское амфорное клеймо.

Если правильно предположение о косском происхождении узких горлышек, то широкие и долголетние связи Тиры с этим рынком вполне объясняют малое развитие торговли с западными провинциями. В этом смысле обнаруживается значительное различие Тиры и Ольвии, в которых найдена большая часть вообще крайне немногочисленных в нашем Причерноморье латинских клейм как на terra sigillata, так и на амфорах.

Между прочим, здесь найдены в нескольких экземплярах и клейма на амфорах из императорских мастерских—caesari и Imp(eratore) A(u)g(usto) Ner(one) II co(n)s(ule) и итальянское клеймо Viselli (ср. на черепицах из Геркуланума, CIL, X, 8042, 109).

Но мне представляется, что известная часть керамики с латинскими клеймами изготовлялась в Ольвии на месте. Это позволяет предполагать, во-первых, группа из 5 клейм на блюдах и лутериях из Ольвии. Все они двустрочные, между строками — большая пальмовая ветвь. В первой строке — имя Филемона, во второй — имя Минней или, более вероятно, — Энней, или слово — petio fe(cit). Очевидно, то же клеймо стояло и на пифосе из Ольвии, где первая строка стерта, затем идет пальмовая ветвь во второй строке — etio fe(cit).

Это клеймо наиболее приближается к нацарапанному на вазе из Сицилии: Filemon Aretio fec(it) (CIL, III, 14215).

¹ У Никореску (указ. соч., примечание к клейму 51), возможно, то же клеймо, что приведено у меня, хотя в его копии оно выглядит иначе (рис. 6—273), и он читает его θα σί[ων].

Мастер Филемон действительно известен нам в Аретцо по двум клеймам: в первом случае как раб некоего Авла (CIL, XI, 6700. 13), во втором — как раб Марка Перенна (CIL, XI, 466). Очевидно, и вторая категория ольвийских клейм Филемона восстанавливается как *Philemo|[A]retio fec(it)*; только вместо латинского г поставлено греческое ρ — смешение, встречающееся на граффити и даже на клеймах (см. выше о клейме Синопииона, рис. 4—90). Можно предположить, что этот Филемон был рабом-гонимым в Аретцо, затем, как это часто случалось, получил свободу и открыл свою мастерскую в Ольвии, присоединив затем сына, компаньона или раба Миннея или Эннея.

Вторая группа состоит из трех клейм отца и сына Пинариев: *S. Pinn (arii) | Epotis, S. Pinn(arii) | Ero[tis] S. Pinari(i) S(ai) f (ilii) | — — of (ficina)* (в первом клейме та же замена латинского г греческим ρ). Отец — Кай Пинарий Ерот, сын — Пинарий (когномен его неизвестен), очевидно, унаследовал его мастерскую. Так как изделия этих мастеров нигде, кроме Ольвии, неизвестны, то закономерно предположение, что мастерская их находилась в Ольвии. Здесь найдены и некоторые другие латинские амфорные клейма, не встречающиеся в других местностях. Возможно, что они изготовлялись переселенцами из Италии, или осевшими на месте ветеранами, которые могли открыть в Ольвии свои небольшие керамические мастерские. Поэтому наличие там сравнительно большого числа латинских клейм не может служить доказательством большого развития итальянского и вообще западного импорта, а различие в этом отношении Тира с соседней Ольвией не должно вызывать особого недоумения.

Таким образом, мы видим, что в Тире набор клейм довольно интересен и разнообразен и характеризует ее как город с весьма обширными связями. Наиболее разветвленными они делаются в конце III и начале II вв., когда Тира ввозит продукты и с Родоса, и из Синопии, и, частично, с Фасоса, Книды и Херсонеса.

До этого периода ее торговля велась в очень небольших масштабах, частично с Гераклеей, немного с Фасосом и с каким-то фракийским или македонским центром (Акантом или Месембрией), характеризующимся клеймами в виде колес. Если принять предположение о наличии группы рельефных гераклеейских клейм на ручках, то выясняется, что торговля Тира с Гераклеей не прекращается и в конце III в., и может быть, и во II в., однако ведется гораздо менее интенсивно, чем другими городами Северного Причерноморья, где процентное отношение гераклеейских клейм — как английских, так и выпуклых — гораздо выше.

В первой половине II в. Тира сокращает свои закупки и поддерживает торговые отношения главным образом с Родосом; ее связи с Синопией резко падают, с городами же Боспорского царства они вообще не налаживаются.

Наиболее интересны косские клейма Тира — и бесспорные, и те, которые, по моему предположению, могут быть отнесены к таковым. Косские клейма показывают, что, по видимому, связи Тира с этим рынком во все периоды античности были наиболее тесными (это относится частично также к Ольвии). Дешевое косское вино потреблялось низшими классами и, вероятно, вывозилось в степь. Этими связями можно объяснить тот факт, что Тира, входившая в состав западной провинции Н. Мезии, не завязала заметных торговых отношений с Италией, Галлией, Испанией и, несмотря на пребывание в ней частей римских легионов и флота, не поддалась романизации. Очевидно, Тира всегда оставалась более тесно связанной с греческой половиной империи, что, вероятно, не могло не повлиять на ее отношения с Римом. При скудости наших сведений об этом городе и вообще об областях, входивших в состав Н. Мезии, даже эти немногие данные не лишены значения.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

РЕЗНАЯ КОСТЯНАЯ РУКОЯТКА ПЛЕТИ
ИЗ МОГИЛЫ АК-КЮНА (АЛТАЙ)

Летом 1935 г. Саяно-Алтайской археологической экспедицией, работавшей под руководством Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева, исследовано на Алтае, в Курайской степи, большое количество древне-тюркских погребений VI — VIII вв.¹ Особенно важен по результатам, полученным при раскопках, курган № 1 (IV группы Курайского могильника). Среди разнообразных вещей погребального инвентаря был найден еще один образчик серебряного

Рис. 8. Костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна. $\frac{4}{5}$ нат. вел.

кувшина местного, южносибирского производства, замечательного по имеющейся на дне его енисейской надписи. Надпись, в переводе С. В. Киселева, гласит: «Человек... [имя?] ...[С] шадом мужественный спутник»². Замечательна и вторая надпись, которая сделала известным для нас даже имя погребенного. Это надпись, обнаруженная на оборотной стороне поясного наконечника: «Хозяина [господина] Ак-Кюна... кушак...»³.

Погребение в колоде, с тремя убитыми лошадьми, разнообразные и ценные предметы погребального инвентаря и, главное, сопроводительное погребение раба — не оставляют сомнений в том, что это могила богатого и знатного человека.

Необычный интерес в отношении художественного ремесла и символики вызывает найденная в тайнике могилы Ак-Кюна резная из кости, слегка изогнутая рукоятка плети, длиной в 7,3 см (рис. 8). По поводу нее С. В. Киселев пишет: «Костяная рукоятка плети, украшенная резным парным изображением хищника и следующей за ним птицы...»⁴.

¹ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI, М., 1941, стр. 75—117.

² Там же, стр. 103.

³ Там же, стр. 105. Перевод С. В. Киселева.

⁴ СА, вып. I. М.—Л., 1936, стр. 284.

Голова зверя с хищно разинутой пастью изображена дважды: сверху на выпуклой, снизу на вогнутой стороне трубки¹, причем оба эти изображения хищной морды выполнены по одному образцу и подобию и расположены строго симметрично. Животное имеет заостренные уши, расположенные вплотную друг к другу; узкую, рельефно и резко подчеркнутую носовую кость. Разинутая пасть усеяна большими острыми зубами. От морды отходит витой многолинейный орнамент в виде плетенки. Орнамент выполнен рельефно со всех четырех сторон кости, но лишь с двух сторон, когда он приходится на спину животного, он подходит к самым ушам, а с боковых сторон он округлен. Это как бы загривок зверя и тело, стилизованное плетенкой. В другом конце трубки этот орнамент переплетается с соседними полосами, образуя уступ, за которым тянется гладкая поверхность трубки, также несущая резные изображения, но не выделенные рельефно.

Сзади вырезана полоска, которая является продолжением плетенки; эта полоска суживается к концу трубки. Она разделена пополам, и каждая половина имеет насечки, сходящиеся под углом к середине, т. е. эта полоска тоже как бы заплетена. По бокам трубки плетенки нет, а вместо этого, заканчивая фигуру, мастер выгравировал заднюю ногу бегущего зверя. Художник изобразил здесь узенькой полоской хвост, загнутый кверху и рассеченный поперечными нарезками. Изображение ноги испещрено штрихами, обозначающими шерсть.

Сильная стилизованность, условность в передаче форм изображаемого зверя не позволяют точно решить вопрос о породе хищника. Однако узкая длинная морда с острыми, плотно прижатыми ушами, задняя нога, переданная как бы в прыжке, и загнутый кверху хвост — могут быть трактованы как условные черты при передаче фигуры волка, с открытой пастью, усеянной острыми зубами. Всей фигуре «бросающегося» хищника придано устрашающее, подчеркивающее его силу, мощь, выражение.

Сзади хищника, на свободном пространстве костяной рукоятки, помещено совершенно неожиданное изображение водоплавающей птицы, как бы плывущей вслед грозному и сильному хищнику. Выгнутый высоко кверху хвост, длинная шея, крупная голова с длинным клювом и черным глазком могут принадлежать скорее всего лебедю (рис. 9—1, 3). Художник аккуратно воспроизвел очертания птицы симметрично, по обеим сторонам трубки, что, повидимому, не случайно.

Гадать в данном случае о семантике изображений довольно трудно. Мне представляется, что возможен следующий наиболее вероятный вариант объяснения. Изображения хищника и птицы являются тотемными изображениями родовых предков, ставшими уже традиционными. Изображение сильного хищника, по моему представлению — волка, заставляет нас вспомнить легенды тюрков-тугю, по которым они себе приписывают происхождение от волка². Поэтому у них были военные «знамена с золотою волчьей головою»³, и поэтому тюрки-тугю телохранителей каганов и военачальников «называют фули», т. е. «бури» — волк, в знак, что они помнят свое происхождение от волка»⁴. Как видим, у тугю сохранились довольно сильные пережитки тотемизма.

Все характерные черты изображения птицы указывают на то, что это лебедь. Если это так, то необходимо вспомнить ку-кижи (алтайское ку — лебедь, кижы — человек), так называемых лебединцев или челканцев, одно из алтайских племен, населяющих ныне долину р. Лебедь, главным образом

¹ Приношу благодарность С. В. Киселеву за любезное предоставление материалов и фотографии.

² И а к и н ф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. СПб., 1851, стр. 257.

³ Там же, стр. 269

⁴ Там же.

ее притока Байгола, в Турочакском аймаке Горно-Алтайской автономной области. Они и сейчас называют себя ку-кижи, рассказывая в преданиях, что их предком был лебедь. Это свидетельствует о больших пережитках тотемизма и в наше время¹.

Конечно, все это еще не дало бы возможности говорить о том, что одно из алтайских племен VII в. называло себя ку-кижи и являлось непосредственным предком нынешних лебединцев, если бы не одно обстоятельство, которое уводит нить этногенеза лебединцев далеко в глубь веков. Название лебедя встречается и в преданиях тюрков-тугю VI—VIII вв., в которых они сами рассказывают о своем алтайском происхождении. Эти древнетюрк-

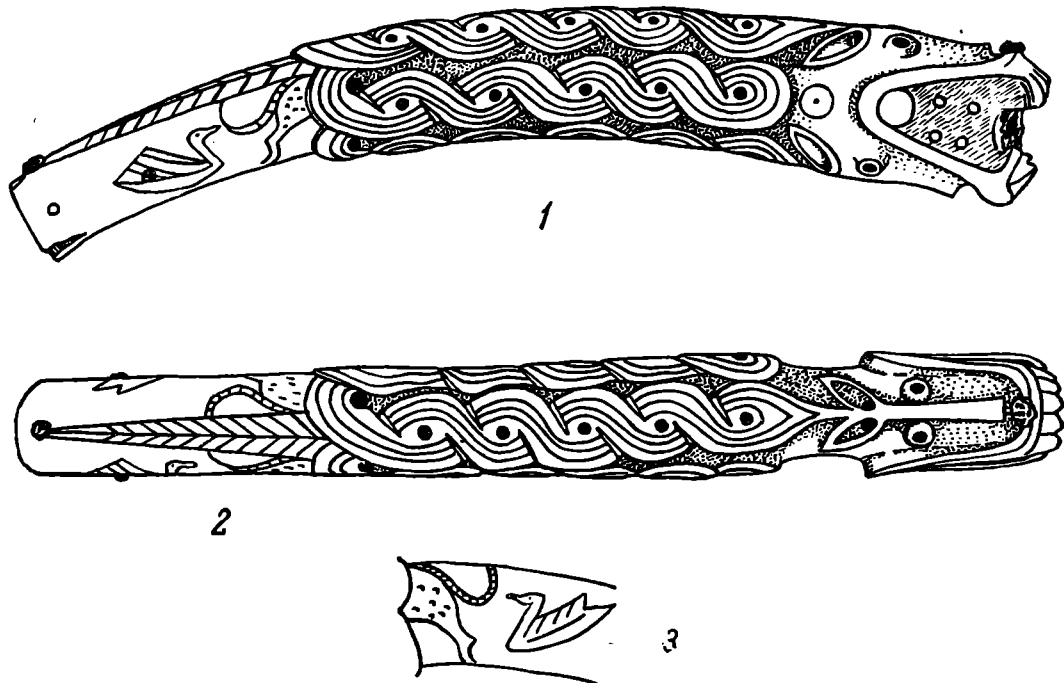

Рис. 9. Прорись рукоятки плети из могилы Ак-Кюна. $\frac{3}{4}$ нат. вел.
1 — вид сбоку; 2 — вид сверху; 3 — фрагмент с птицей с оборотной стороны трубки.

ские легенды сохранили для нас китайские историки, записавшие вместе с историческими событиями, связанными с тюркским каганатом, и их народные предания.

Общеизвестна легенда о четырех братьях, праотцах всех древних тюрко-язычных племен Алтая и Минусинской котловины. По легенде один из братьев — Цигу владел землею кыргызов между Абаканом и Енисеем, два других жили на Алтае, по Чуе и в Чуйских горах Южного Алтая (шад Надулу), а четвертый «превратился в лебедя», от которого, стало быть, и ведут свое начало современные лебединцы².

Несомненно, что эта легенда заслуживает всяческого внимания при изучении вопросов этнического состава и происхождения алтайских тюрков. К сожалению, легенда не указывает, где поселился и какой землей владел этот «лебедь-прародитель». Чтобы этот вопрос не завел нас слишком далеко, остановлюсь на одном наиболее вероятном предположении. Возможно, что «хозяин господин Ак-Кюн», будучи «мужественным спутником» тюркского шад, сам был местного происхождения, знатным человеком из племени лебединцев (ку). Тюркский шад, собирающий на Алтае дань с аборигенных

¹ А. Золотарев. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934, стр. 33.

² «Живая старина», кн. III, вып. III и IV, СПб., 1896, стр. 278—279. Ср.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, МИА СССР, вып. 9, М.—Л., 1949, стр. 276.

племен, был ставленником кагана восточных тюрков, имевшего ставку на Орхоне. Как известно, шадом мог быть лишь очень близкий родственник кагана, обычно сын или племянник, во всяком случае человек из знатных тюрков-тугю.

В свою очередь, шад опирался на богатых и влиятельных людей из местного населения. К числу таких людей, видимо, и относился «господин Ак-Кюн», который носил на костяной рукоятке своей плети изображения грозного волка — тотем шادا, которому он служил, и лебедя — свой тотем. Как Ак-Кюн следовал за шадом, так и лебедь следует за волком. Если предположить, что современные ку-кижи и сейчас живут на землях своих предков, то ничего удивительного нет в том, что Ак-Кюн, нашедший свою смерть в каком-нибудь походе, похоронен был в Курайской степи¹.

О том, что в эту эпоху конские плети у тюрков-тугю были, повидимому, известным символом, знаком власти, говорят сведения, сообщаемые историком Менандром Византийцем в рассказе о поездке в 576 г. византийского посла Валентина к тюркам. Турксанф, правитель западных земель, сын тюркского кагана, упрекая византийцев в поддержке вархонитов (аваров), говорил: «Но вархониты, как подданные турков, придут ко мне, когда я захочу; и только увидят посланную им лошадиную плеть мою, убегут в преисподнюю»². Видимо «лошадиная плеть» Турксанфа, которая посылалась как символ власти, в подтверждение его приказов, чем-то отличалась от плетей других лиц, т. е. рукоятка ее, возможно, несла на себе изображения, указывающие на принадлежность высокопоставленному лицу. Такова, вероятно, и плеть «господина Ак-Кюна».

Вернемся к описываемой рукоятке. Действительно ли эта резная кость служила рукоятью плети? Прежде всего необходимо оговориться, сама рукоятка только внешне кажется полый трубкой. Она представляет собой цельную кость, и лишь тонкий конец ее представляет трубку-втулку небольшой длины, куда вставлялась плетеная из тонких ремешков круглая плеть. На это указывают сохранившиеся железные заклепки. Одна из них проходит трубку сверху вниз, другая — поперек (рис. 9—1,2). Плеть, видимо, исправляли, так как раньше хвостовая заклепка также проходила поперек (сбоку), на что указывают отверстия, одно из которых разделено трещиной. Другой конец, с изображением двух волчьих морд, имеет только небольшое углубление в пасти. В нем также сверху вниз идет железный стержень. Здесь крепились кожаные кисти с бахромой, свисавшие вниз, как это принято у камчей, алтайцев и хакасов. Кисточки, кроме железной заклепки, крепились в гнезде тонкими кожаными шнурками, которые продевались в специальные дырочки в перепонках пасти. Их с одной стороны четыре, с другой — шесть. Кроме того, имеется чрезвычайно аккуратно высверленное, относительно большое, круглое отверстие в самом углу пасти. Сквозь него продевалась кожаная петля для подвешивания плети на руку.

С технической стороны резьба безукоризненна и чрезвычайно искусна. Все отверстия просверлены очень точно, а кружки, вычерченные между ушами верхней и нижней морд, т. е. сбоку, по одному с каждой стороны, свидетельствуют о применении металлического циркуля. Волнистые линии плетенки и тонкие прорезы рисунков заполнены черной краской, которую до сих пор не смогло вытравить время. Вполне аналогичный витой орнамент-плетенка с кружками в середине завитков есть на костяной обойме ножа и на обломке костяной обкладки седла из Кудыргэ³. Это еще больше

¹ Лицо Ак-Кюна восстановлено М. М. Герасимовым. См. его книгу «Основы восстановления лица по черепу», М., 1949, стр. 139, рис. 83.

² Византийские историки. Перевод с греческого Спиридона Дестуниса. СПб., 1861, стр. 419.

³ С. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. Матер. по этногр., т. III, вып. 2. Л., 1927, рис. 17, 3 и 7.

связывает описываемую рукоятку плети с алтайским, близким по времени, материалом.

Костяные поделки, оканчивающиеся мордой хищника, в том числе и волка, более всего характерны для скифского и затем гунно-сарматского времени. Описываемая рукоятка напоминает аналогичные изделия из между-речья Волги и Урала, где найдены и парные изображения морд хищников, и окончания резной кости в виде волчьей морды¹.

На Алтае в гунно-сарматскую эпоху также был очень сильно развит поздний «звериный» стиль. В этой связи нельзя не отметить деревянную резную рукоятку нагайки из второго Пазырыкского кургана с изображением лошади, на которую напал хищник кошачьей породы².

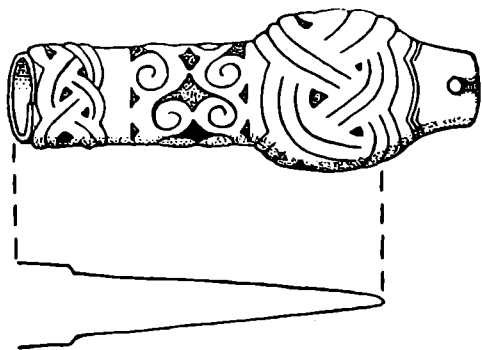

Рис. 10. Костяной наконечник рукоятки с Енисея. $\frac{3}{4}$ нат. вел.

Однако пережиточность звериных изображений, сильные и, видимо, глубоко укоренившиеся традиции «звериного стиля» общеизвестны. В качестве наиболее близкого примера можно назвать резной рог теке из тюркских погребений северной Киргизии³, на конце которого также воспроизведена оскаленная морда хищника. Известны такого рода костяные поделки и на Руси, в домонгольский период, с VIII в. Так, изучавший их А. С. Гущин пишет:

«Плетушка часто сосуществует и связывается с звериными формами, главным образом с головками зверей». И далее: «Головки встречаются и отдельно, но обычно они перепутаны с плетением или вытекают из него... В этом слиянии в общий узор плетушки и стилизованной животной формы мы имеем тератологический стиль...»⁴.

Как видим, описываемая костяная рукоятка плети, сочетающая звериные формы с своеобразным витым орнаментом — плетенкой, вполне подходит под тератологический стиль костяных поделок Восточной Европы.

В самом деле, приводимая тем же Гуциным костяная резная рукоятка зеркала из коллекции Ханенко дает близкую аналогию описываемой рукоятке. Конец этой ручки сделан в виде головы животного, возможно тоже волка, и далее по круглой кости идет витой плетеный орнамент⁵.

Однако такого рода плетеный орнамент на костяных поделках мы находим и в гораздо более близких к Алтаю местах, например, костяной наконечник рукоятки нагайки с Енисея, из древнехакасского погребения, раскопанного в 1903 г. Адриановым у улуса Саргова. Этот наконечник вырезан из кости в виде набалдашника с круглой головкой и орнаментирован плетенкой с нарезными зачерненными линиями, как у описываемой нами плети (рис. 10). На конце его имеется круглое отверстие для кожаной петли, подвешивающейся на руку. Этот конец его тоже напоминает нечто похожее на звериную морду, но уже, видимо, очень сильно стилизованную⁶.

¹ В. Граков. *Mónuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural*. ESA, III, 1928.

² С. И. Руденко. Второй пазырыкский курган, Л., 1948, табл. VI.

³ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Б. Чуйского канала. Фрунзе, 1943, табл. V, рис. 14.

⁴ А. С. Гущин. К вопросу о славянском земледельческом искусстве. Изобразительное искусство. Временник отдела изобраз. искусств, т. 1, Л., 1927, стр. 64.

⁵ Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. XXXIV, № 1204; см. также стр. 56.

⁶ Этот набалдашник издан, правда очень скверно, в ОАК за 1903 г. СПб., 1906, стр. 131, рис. 264. Сейчас он хранится в ГИМ, инв. 43930, хранение 17/386. Приводимый мною рисунок сделан с оригинала.

Итак, изучение резной рукоятки плети Ак-Кюна позволяет нам:

1. Выявить значительные тотемистические представления у древних алтайцев.

2. Зафиксировать в изображениях подтверждение древних легенд о происхождении тюрок.

3. Более реально обосновать наличие у древних алтайцев племени ку¹ и выяснить племенную принадлежность и социальное лицо «господина Ак-Кюна».

Вместе с тем, изучение стилистических особенностей изображений костяной рукоятки плети Ак-Кюна позволяет заключить о генетической связи сибирского тератологического стиля с поздним «звериным» стилем.

Таким образом, описываемая рукоятка с полным правом может занять выдающееся место в едином ряде изображений зверей, столь излюбленных искусством Сибири с древнейших времен.

---

¹ Остатком этого же племени среди современных алтайцев, кроме ку-кижи (лебединцев), можно считать ку-манды (кумандинцев), живущих ныне в том же Турочакском аймаке, а в середине XVIII в. отмеченных на устье р. Лебедь (Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. ИГАИМК, вып. 128. М.—Л., 1935, стр. 12 и 16). Особенно это касается рода верхних кумандинцев ку-банды («бан», «ман» — земля, страна; на это указывал еще Н. А. Аристов; см. «Живая старина», кн. III, вып. III и IV. СПб., 1896. Ср. кетское «бан»: Б. Долгих. Кеты. Иркутск, 1934, стр. 44).

«Академик Радлов... констатировал почти полное сходство языка кумандинцев с шелканцами или лебединцами. Идентичное утверждение находим и у А. Сухотина, исследовавшего кумандинский язык в 1929 г.» (Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 13).

Кроме ку-кижи и ку-манды, остатком древнего племени ку является и тубаларский род ку-зен (кузен), старики которого помнят еще свою прежнюю жизнь в бассейне р. Лебедь, у горы Актыган (Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 11).

О былой многочисленности рода кузен, быть может, свидетельствует существование в недавнем прошлом самостоятельной Кузенской волости в б. Бийском округе (см. В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 8).

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

РАГИНЯНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В Государственном Эрмитаже хранится коллекция вещей из раскопок близ дер. Рагиняны (б. Повенежского уезда Ковенской губ.), добытая И. С. Абрамовым в 1909—1910 гг.

При классификации литовских древностей А. А. Спицын специально выделяет «рагинянскую» культуру. Между тем материалы самого могильника, давшего название этой культуре, до сих пор не опубликованы.

Рагинянские курганы расположены в месте, представляющем большой интерес для исследователя. Вдоль речки Даугавине, на возвышенном плато, находится свыше 600 курганов, отмеченных в свое время еще Дюбуа де Монперье¹. На холмах возвышаются остатки городищ, о которых местные жители рассказывают много легенд.

И. С. Абрамов раскопал 36 рагинянских курганов², из которых большая часть находилась в сосновом лесу и лишь некоторые (№№ 24—26) стояли отдельно на расстоянии 1 км от главной группы, близ городища, называемого Ринк-Калнас.

По форме и величине рагинянские курганы разнообразны, чаще всего встречались полукруглые курганы высотой до 1,5 м и плосковерхие — высотой до 1,9 м. Отмечены курганы-великаны длиной до 40 м; встречаются курганы, слившиеся между собой и образовавшие вал, и т. д.

У оснований курганов, как правило, находились ограждения из различных размеров валунов, плотно пригнанных друг к другу и присыпанных землей.

Довольно часто камни встречаются и в самой насыпи. Так, в кургане № 6 (раскопки 1910 г.), в центре насыпи, на втором штыке, была обнаружена группа камней, поставленных торчком; в кургане № 28 с северной и южной сторон было по одному большому камню; в кургане № 27, выделявшемся своими большими размерами, от центра тремя радиусами шли стены из хорошо подобранных камней, назначением которых было, по всей вероятности, укрепление курганной насыпи, благодаря этому хорошо сохранившейся.

Некоторые курганы отделяются друг от друга камнями-монументами: у подножья кургана № 5 стоял камень в два обхвата; подобные камни встречаются также рядом с другими курганами.

Насыпь курганов состояла по большей части из суглинка, который брали по соседству с курганами, о чем свидетельствовали находившиеся рядом

¹ Ф. В. Покровский, Археологическая карта Виленской губ. 1877, стр. 58.

² Архив ИИМК, № 62/1909.

с курганами ложбинки; употреблялся для насыпи и так называемый «жвир» (галька, смешанная с песком).

В больших курганах насыпь часто состояла из разнообразных почв. Так, в кургане № 26 сверху последовательно прослеживались в насыпи: чернозем, подзол, песок и, наконец, внизу глина. Имелись случаи, когда насыпь состояла из чистой глины, взятой где-то на стороне.

Погребение в рагинянских курганах производилось по обряду труположения. Погребения с трупосожжением, обнаруженные лишь в трех случаях, были помещены в уже существовавшие курганы (№№ 16 и 19 — раскопки 1909 г., № 18 — раскопки 1910 г.)

Рис. 11. Рагинянский могильник. Топоры, серп и нож (железо)

При раскапывании курганов, особенно выделявшихся своими большими размерами, оказывалось, что они много раз перекапывались, в них впускались новые погребения, причем остатки скелетов часто находились в беспорядке. Наблюдались двухъярусные погребения (курганы №№ 15, 17 — раскопки 1909 г.), когда на различной высоте параллельно лежали два костяка с одинаковым обрядом погребения.

Число погребений, лежащих внутри каменного ограждения, непосредственно на земле или на небольшой песчаной насыпи, колебалось от одного до десяти. Преобладающая ориентировка — на запад, хотя встречалась ориентация на восток, северо-восток и северо-запад. Женские погребения имели ориентацию на восток. Обычное положение костяка — вытянутое, на спине, лицом вверх или в сторону, руки сложены на животе или груди. Костяки иногда обложены валунами.

В кургане № 28 (раскопки 1910 г.), который, по свидетельству Абрамова, не был потревожен, в белом песчаном грунте была вырыта ямка, куда были брошены кости человека: череп, нижняя челюсть, кости рук и др.

Мужские погребения Рагинянского могильника отличались от женских наличием оружия. Чаще всего это — узколезвийные топоры, лежавшие в ногах, преимущественно у правой ноги, острием вверх, а иногда у головы или у пояса. Иногда встречаются кельты (рис. 11). Обычный инвентарь мужских погребений составляли также железные серпы, ножи и шилья. Украшениями служили бронзовые браслеты, пластинчатые и с утолщенными концами, спиральные браслеты, гривны, арбалетовидные фибулы и т. д.

Женские и детские погребения (последних было обнаружено очень мало) имели тот же инвентарь, что и мужские, за исключением оружия. Погребенные лежали на подстилке из белого песка.

Керамика ни в одном из погребений не была обнаружена.

Инвентарь Рагинянского могильника характеризуется следующими предметами:

1. Предметы боевого и хозяйственного назначения

Крутлопроушные топоры со следами дерева на стенках проуха, с расширенным обухом, иногда выступающей закраиной, прямым или слегка изогнутым верхним краем и всегда изогнутым нижним краем; топоры кругловтульчатые (кельты) с прямым или слегка расширенным лезвием.

Черенковые пластинчатые ножи.

Черенковые пластинчатые серпы.

Круглые шилья с четырехгранными окончаниями.

Глиняные пряслица, плоские, цилиндрические¹.

2. Украшения, преимущественно, из бронзы

Арбалетовые фибулы с трех-, четырех- и шестигранной дужками (рис. 12), концы которых либо загнуты под прямым углом, либо имеют треугольную пластину, украшенную нарезками². Фибулы обычно бронзовые, но одна из найденных фибул — железная.

Несомкнутые браслеты: а) овальные из круглого или восьмигранного дрота, утолщенные на концах, украшенных гравировкой; б) пластинчатые с насечками на внешней стороне; в) из трехгранной пластины с нарезным и точечным орнаментом на внешней стороне; г) спиральные браслеты (рис. 13) из трехгранной пластины, украшенные нарезками у концов³. Гривны из круглого дрота, обвитые по бокам более тонким дротом. Один конец гривны четырехгранный, уплощенный, согнут в крючок, другой — из тонкой пластины, украшенный нарезками, согнут в виде совочка с продолговатым прорезом для крючка (рис. 13).

Одна из гривен была найдена совместно с арбалетовидной фибулой с удлиненной ножкой. Этот тип гривны широко распространен в Литве⁴. Вне литовской территории эти гривны чаще всего можно встретить в рязаноокских могильниках⁵.

В кургане № 28 петля — фигурная. Вместе с ней найдена арбалетовидная фибула с окончанием в виде большой треугольной пластины с нарезкой по краям.

Среди гривн другого типа встречена серебряная из круглого дрота, на утолщенных, заходящих друг за друга концах которой нанесены фасетки. Эта форма гривны, так же как и гривна с лодочным замком, представляет собой особую восточно-балтийскую форму⁶.

Венчики спиральные из трехгранной бронзовой проволоки, являющиеся частью головного и нагрудного украшения: они соединены в три-четыре ряда и разделены четырехгранными пластинчатыми подвесками, имеющими по три цилиндрических отверстия.

¹ Аналогичные находки, встречающиеся в могильных памятниках Литвы и Латвии, приведены в работе: Н. Моога. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. chr. Тарту, 1938: 1) топоры — стр. 488—498; 2) кельты, стр. 498—508; 3) шилья — стр. 544—545; 4) пряслица — стр. 565.

² Подобные описаны у Н. Моога. Указ. соч., стр. 119—121, 158.

³ Подобные описаны у Н. Моога. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. chr., стр. 425—426, 432, 452.

⁴ Н. Моога. Указ. соч., стр. 315—317.

⁵ МАР, т. 25, стр. 95.

⁶ Н. Моога. Указ. соч., стр. 343.

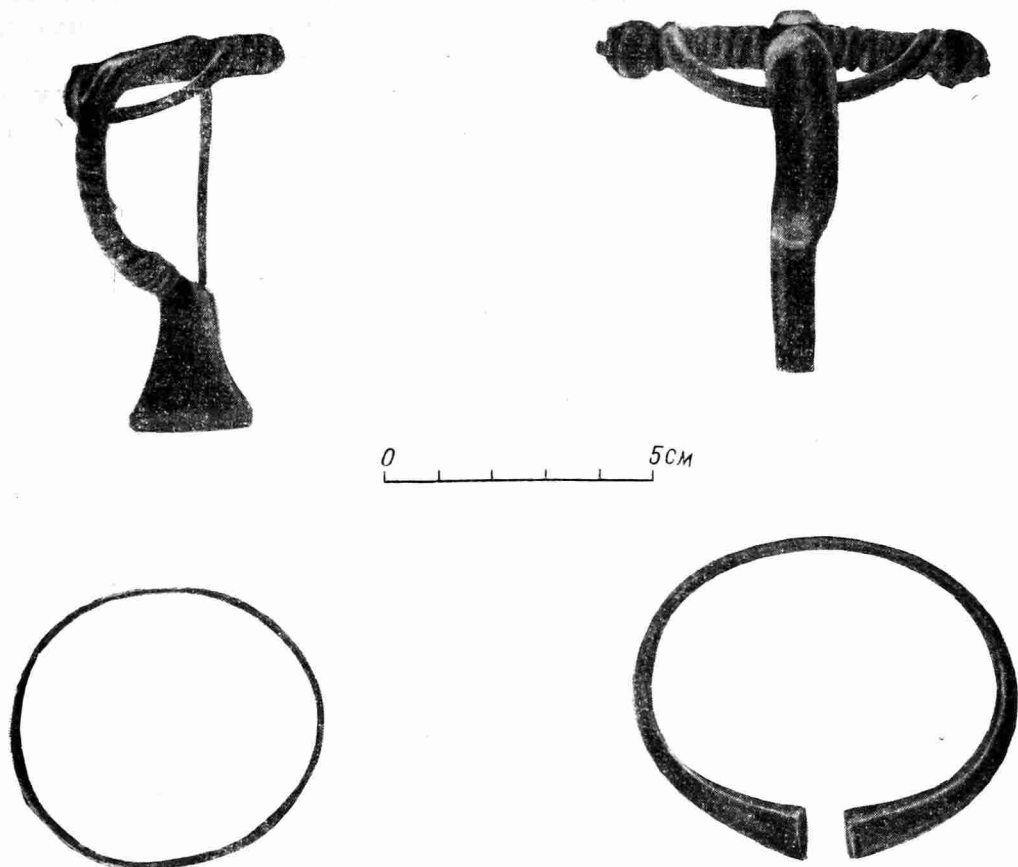

Рис. 12. Рагивнянский могильник. Фибулы и браслеты (бронза)

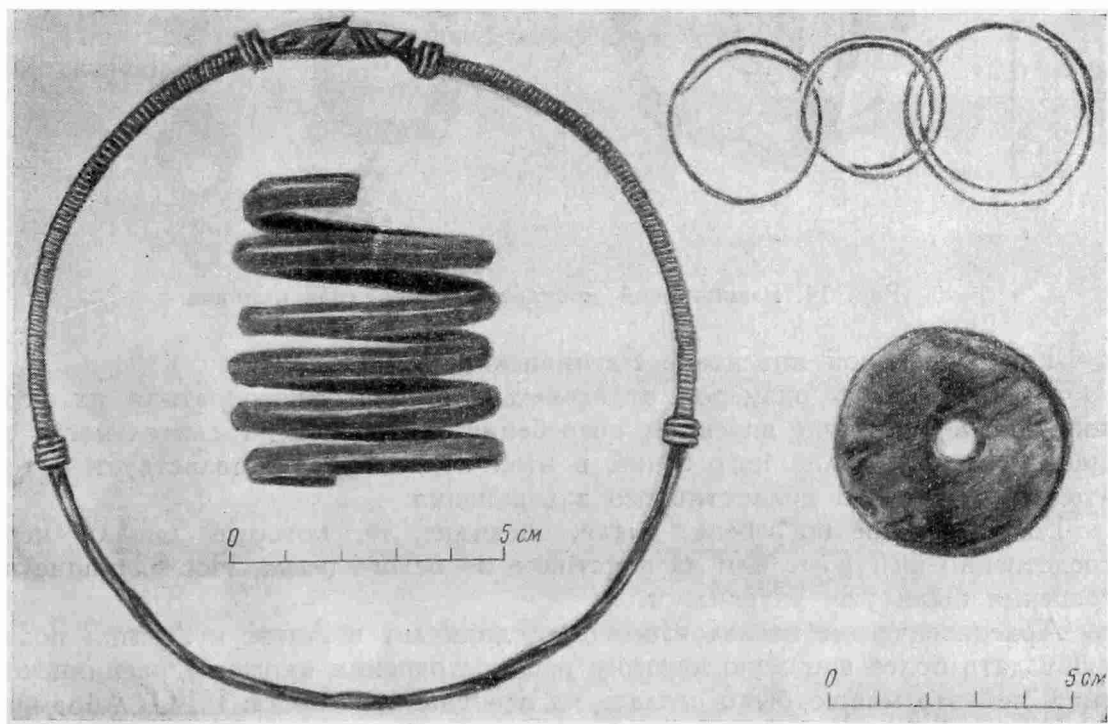

Рис. 13. Рагивнянский могильник. Спиральный браслет, гривна, спиральные кольца (бронза), глиняное пряслице

Цепи. Одна из них, больших размеров, прикреплена к пластинчатой полуовальной подвеске, на которой нанесен чеканный орнамент. К цепи прикреплена длинная бронзовая булавка с круглой головкой на концах. К свободным концам цепи прикреплены лунницы (рис. 14).

Спиральные перстни из трехгранного дрота с уплощенными концами.

Три соединенные друг с другом бронзовых кольца из тонкой бронзовой проволоки.

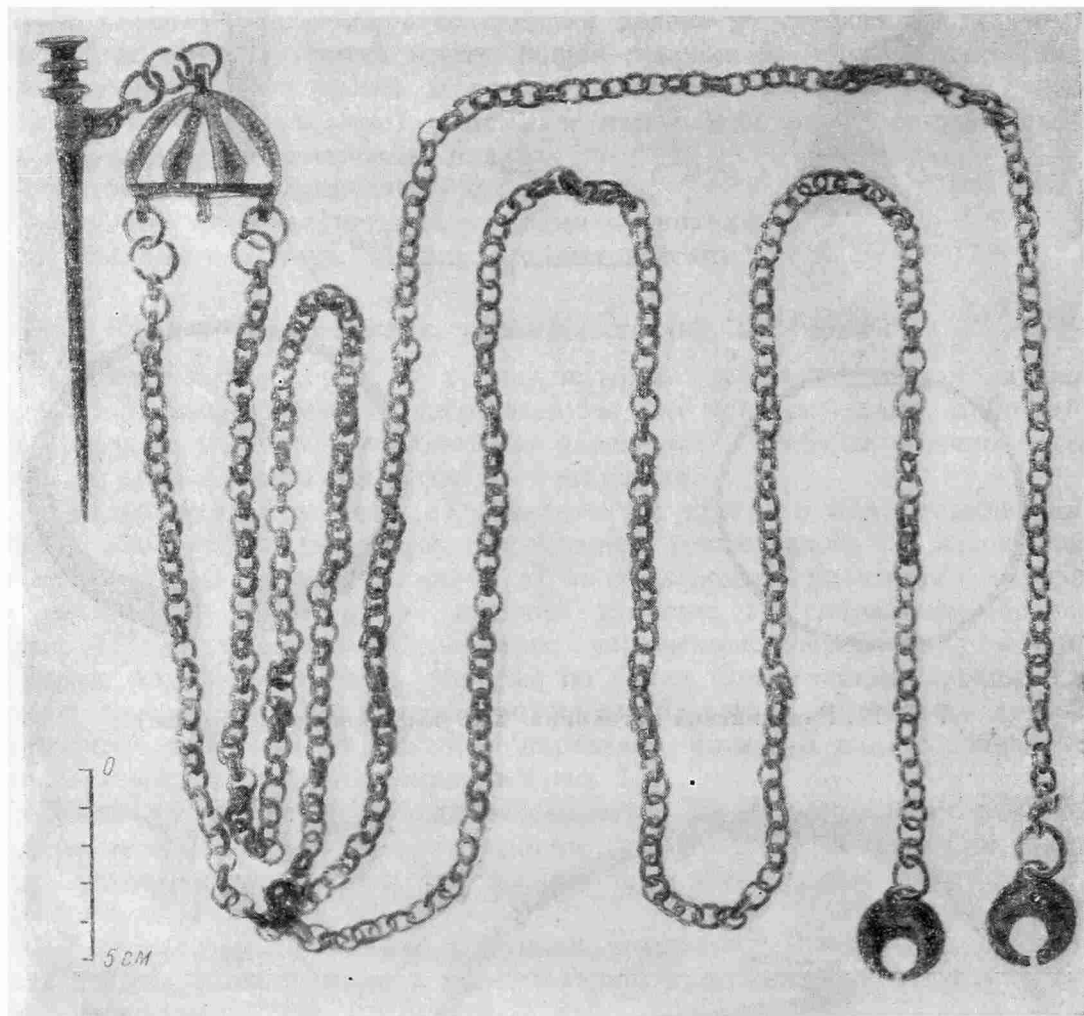

Рис. 14. Рагинянский могильник. Нагрудная цепочка

Таков основной инвентарь Рагинянского могильника.

Значительность размеров отдельных курганов, многократная их перекопанность и наличие впускных погребений указывают на длительность существования. Обилие погребений в этих курганах свидетельствует о том, что это памятники коллективного захоронения.

Более древние погребения были, очевидно, те, которые лежали непосредственно на грунте или на подстилке из белого песка. Последующие погребения были уже впускными.

Археологические исследования последних лет в Литве и Латвии позволяют дать более широкую картину распространения курганов рагинянского типа, чем это можно было сделать на основании раскопок И. С. Абрамова.

Курганы рагинянского (или, как принято называть в прибалтийской литературе, летто-литовского) типа обнаружены на территории средней Латвии, северной и средней Литвы.

В Литовской ССР эти курганы больше всего встречаются в районах Поневежиса и Шауляй. В Павейкай (округ Шауляй) раскопанные курганы имели обычное каменное ограждение. Обряд погребения — труположение. Инвентарь их (профилированные фибулы, гривны с раструбами, массивные браслеты с глазчатым орнаментом и др.) свидетельствовал о том, что этот обряд захоронения существовал на этой территории еще во II—III вв. н. э.¹

Рагинянские материалы не были опубликованы, а в своем кратком сообщении о раскопках автор предполагал, что эти курганы можно причислить к латышским VI—VIII в.²

А. А. Спицын, заинтересовавшись вещами рагинянского типа, писал: «В Литве выступает оригинальнейшая, превосходная, можно сказать восхитительная культура VI—VIII вв., совершенно отсутствующая в соседних западных районах и составляющая истинную неотъемлемую гордость Литвы. В этой культуре наилучшим образом решается задача обработки гладких поверхностей в медных изделиях и техника медной проволоки»³. А. А. Спицын даже считал нужным выделить особую рагинянскую культуру.

В свете новых материалов, появившихся в Прибалтике, становится совершенно несомненным, что датировки И. С. Абрамова и А. А. Спицына являются слишком поздними. Как по обряду погребения, так и по составу отдельных вещей датировка этого могильника должна быть значительно снижена.

Курганный могильник Павейкай, о котором упоминалось выше, датируется II—III вв. н. э., а Рагинянский могильник, с его обрядом погребения, формами арбалетовидных фибул, с гривной, имеющей лодочный замок и другими характерными предметами, должен быть датирован III—IV вв. н. э.

Выделенная таким образом А. А. Спицыным рагинянская культура хронологически отодвигается на три столетия назад.

Рагинянские курганы находятся на территории, которая впоследствии принадлежала летописной зимиголе, упоминаемой автором «Повести временных лет»⁴. В 870 г. упоминается «portus Semigalorum»⁵; руническая надпись в Швеции упоминает некоего Свена, ходившего на своем корабле «til Saemigala»⁶.

---

¹ J. Puzinas. Naujausiu proistorini tyrinejmu Duomenys. Kaunas, 1938, стр. 43, 50, 51.

² ОАК за 1909/1910 гг., стр. 170—172.

³ А. А. Спицын. Литовские древности, *Ере Lituana*, вып. III, Каунас, стр. 135.

⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 2.

⁵ K. Buga. Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme in Lichte der Ortsnamenforschung. Streiberg — Festgabe, Лейпциг, 1924, стр. 25.

⁶ Antiquarisk Tidskrift for Sverige, X, стр. 201.

З. А. ВОЛОДЧЕНКО

ПЕРСТЕНЬ-ПЕЧАТЬ XII в.

В коллекции Львовского исторического музея находится ценный экспонат — перстень-печатка (№ 456). Предмет этот вызывает интерес не только богатством отделки — эмалями и позолотой, но и, особенно, благодаря знаку, начерченному на щитке. Этот перстень — свидетельство о связях, существовавших в XII в. между северо-восточными и юго-западными русскими землями.

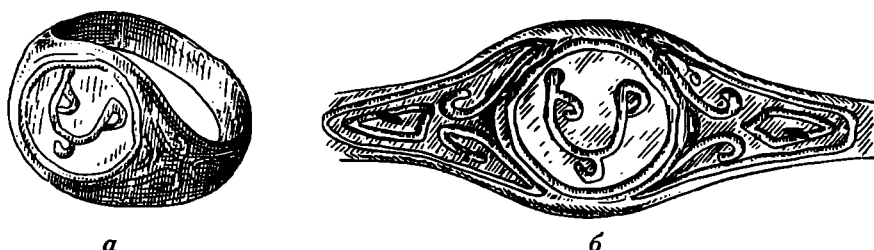

Рис. 15. Перстень-печатка XII в. (а); его вид спереди (б)

Перстень был найден в конце 30-х годов этого столетия в с. Крылосе Станиславской обл. (на территории которого открыт археологами город Галич — столица Галицкого княжества XI—XII вв.) крестьянином Ф. Мельничуком и передан в музей при Научном товариществе им. Шевченко во Львове¹.

Перстень отлит из бронзы, в составе которой большая часть меди, что придавало металлу красноватый оттенок. Массивное кольцо и щиток составляют одно целое, отлиты одновременно в одной форме. Кольцо в разрезе полукруглое, шириной в 4 мм, расширяется у щитка, образуя треугольную площадь, основание которой равно 10 мм. Щиток плоский, овальный (15 × 16 мм), толщиной в 2 мм. Диаметр кольца — 23 мм (рис. 15).

Поверхность перстня, кроме мест, отшлифованных употреблением, — шероховатая, специально обработанная резцом для лучшего соединения позолоты с бронзой; последняя — темного цвета (следствие окисления).

¹ В 1937 г. перстень был вписан в каталог за № 27270 с таким определением: «Перстень бронзовый со следами золочения из середины. На круглом щитке рытый герб (шлем), по бокам щитка следы красной эмали» (Каталог музея Научного товарищества им. Шевченко, теперь сохраняется во Львовском этнографическом музее).

Датировался этот перстень предположительно XVII в. Более подробных сведений об обстановке находки его не имеется. После этой записи в каталог, в 1940 г., перстень при слиянии коллекций музея Научного товарищества им. Шевченко с Историческим музеем попал в коллекцию перстней XVI—XVII вв. В 1948 г., во время инвентаризации, перстень был мною датирован не позднее XII в. и передан в фонды отдела «Киевская Русь», где и был инвентаризирован за № 456.

На щитке выгравирована круглая рамка, посередине которой вырезан княжеский знак. Резьба знака и рамки выполнена умелой, опытной рукой. Рисунок четкий, хорошо углублен. Только раз резец мастера соскользнул — при оформлении верха одного отрога знака. Позолота и теперь хорошей сохранности на внутренней части щитка, частично на кольце, в углублениях рамки и знака (рис. 15). Накладывалась позолота способом амальгамирования (огневого золочения)¹.

Внешняя поверхность щитка и кольца была покрыта эмалью зеленого цвета. Подтверждением этого служат остатки эмали на щитке и кольце; эти остатки не могут быть случайными. На щитке в трех местах вокруг знака остатки зеленой эмали сохранились в неровностях поверхности щитка.

На одной стороне щитка сохранился толстый слой эмали темнозеленого цвета, которая опоясывает щиток. Если бы эта эмаль была случайным напльвом, мастер снял бы ее. На другой стороне щитка эмаль отпала, но о том, что она была некогда на щитке, свидетельствует натек ее на внутренней стороне щитка, сверх позолоты. Остатки эмали есть во многих неровностях поверхности перстня, особенно по краям. Зеленая эмаль, нанесенная на предмет без выемок и перегородок, очень хорошо сохранилась в некоторых местах боковых треугольных плоскостей перстня, являясь фоном для геометрического мотива, нанесенного выемчатой эмалью.

Схема рисунка — два завитка, размещенные на треугольной плоскости и образующие замкнутый полуовал на одной стороне, а на другой — подобие загнутых стебельков. В середине рисунка имеется еще один завиток. Красной эмалью заполнены концы завитков, бирюзово-зеленой — продолжение завитков и треугольник над ними. Такая схема рисунка встречается редко. Перстень в первоначальном виде представлял собой высокохудожественный предмет, богато украшенный многоцветной эмалью и позолотой.

Особый интерес представляет собой знак на щитке. Схема его — двузубец в форме подковы. Левый (от зрителя) зубец — почти прямой, более высокий, — оканчивается круглым утолщением с отрогом вниз. Правый зубец немного меньше, верхняя часть его отогнута вправо. Посредине двузубца, в нижней его части, — отрог вниз, загнутый влево. Это негативное изображение знака полностью аналогично изображению этого знака на каменной кладке Золотых Ворот (1164 г.) в г. Владимире-на-Клязьме и в г. Боголюбове — на пьедестале белокаменного кивория (начало 1160 г.)².

Расхождение в начертании знака наблюдается лишь в мелочах — в оформлении зубцов и отрога. На перстне они более загнуты. Позитивный оттиск этого знака — рельефный, четкий, окруженный рамкой, почти подобный знаку на товарной свинцовой пломбе, изданной А. В. Орешниковым³. Однако имеются расхождения в деталях. Правый (от зрителя) с отрогом зубец на перстне — прямой, оканчивается рельефным шариком. На пломбе зубец отклонен влево. На перстне левый зубец резко загнут влево, на пломбе — слегка отклонен. Кроме того, на перстне нижний отрог загнут вправо, на пломбе — влево и меньше согнут. Так как в трех случаях указанные выше начертания нижнего отрога аналогичны, то можно отклонение от их манеры на пломбе отнести за счет ошибки мастера, который пользовался при резьбе формы для изготовления вислой печати негативным изображением знака.

¹ Ф. Я. Мишук о в. К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в древней Руси. КСИИМК, М.—Л., 1945, вып. XI, стр. 114.

² Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, т. VI, 1940, стр. 247.

³ А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. НОН, Отдел гуманитарных наук, 1930, № 3, стр. 107.

Описанный нами перстень-печать, относится к числу обыкновенных распространенных штампов для восковых печатей Киевской Руси XI—XII вв. Подобные по типу перстни были изданы Н. Кондаковым¹ и Б. Рыбаковым². В коллекциях Львовского исторического музея имеется несколько перстней³ с изображениями знаков собственности. Большинство из них отлиты из бронзы, олова, редко — из серебра. Но описанный выше перстень с его разноцветной эмалью и позолотой — единственный в своем роде.

Не связывая пока перстень с исторической личностью — его владельцем, можно предположительно датировать перстень XII в. Об этой дате свидетельствуют следующие факты:

1. Перстень отлит по восковой модели в плоской двухсторонней форме. На нашем перстне следы такой техники в виде шва от двух форм сглажены мастером. Б. А. Рыбаков о возникновении этой техники пишет: «Не ранее XI в., а вернее всего в XII в., появляется литье в плоских двусторонних литейных формах (по восковой модели)⁴. Таким образом, по технике литья перстень можно датировать XII в.

2. Геометрический мотив, выполненный эмальями, больше приближается к орнаментальным мотивам колта с перегородчатыми эмальями и поливных плиток из Галича⁵, а также Владимиро-Суздальской земли XII ст., чем к традиционным лилейным мотивам Киевской Софии XI в.

3. Техника нанесения эмали без выемок, углублений или перегородок мало известна по материалам домонгольской Руси. Это какой-то новый технический прием нанесения эмали. Подтверждением возможности бытования такого приема может служить боевая гирька из коллекции Львовского исторического музея⁶, богато украшенная серебряной инкрустацией и чернью, нанесенной непосредственно на железный остов гири, поверхность которой предварительно обработана насечкой. Такая техника могла появиться не ранее XII в.

Принадлежность описываемого перстня-печати представителю господствующего класса — князю, по нашему мнению, не вызывает сомнения. Подтверждением этого могут быть следующие положения: данный перстень — не предмет массового производства, а сделан по специальному заказу. Большинство технических процессов выполнялось вручную: гравировка, позолота, украшения эмальями, — все это процессы, требующие от мастера знания своего дела и опыта. Большая художественная стоимость предмета свидетельствует о специальном заказе и об утонченных вкусах заказчика. То обстоятельство, что перстень отлит из бронзы, не имеет, по нашему мнению, особенного значения. Вероятней всего, мастер умышленно выбрал этот материал, учитывая назначение предмета — быть печатью, прочной и долговечной.

Густая позолота внутренней части перстня, знака, рамки на щитке компенсировала неблагородность металла, из которого сделан перстень. Вызолоченное изображение знака на зеленом эмалевом фоне давало гармоничное сочетание красок. Красная и бирюзово-зеленая эмали по бокам щитка сияли, как самоцветы. Позолота и эмаль придавали перстню-печати художественную ценность, которая так характерна для Киевской Руси и особенно Владимиро-Суздальской земли⁷.

¹ Н. Кондаков. Русские клады, т. I, стр. 107.

² Б. Рыбаков. Знаки собственности, стр. 237.

³ № 2962, 2965, 2968, 2970, 566.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948, стр. 278.

⁵ Коллекция Львовского исторического музея, № 3623.

⁶ № 3045; место нахождения — с. Зеленче, Терновельского района, Тернопольской обл.

⁷ Летопись по Ипатьевскому списку. СПб. 1871, стр. 395.

Знак собственности на щитке перстня подтверждает наше мнение, что перстень мог принадлежать только князю.

Естественно, возникает вопрос: кто же этот князь, владелец перстня? Ответ дает схема начертания знака на щитке. Выше нам приходилось упоминать, что подобный знак дважды отмечен на каменных постройках городов Владимира и Боголюбова, строителем которых был Андрей Боголюбский.

Б. А. Рыбаков в своем исследовании говорит: «Самым поздним знаком этой системы (княжеских знаков собственности.— Э. В.) нужно считать знак, открытый Н. Н. Ворониным на каменных постройках городов Владимира и Боголюбова, который можно уверенно (разрядка наша.— Э. В.) отнести к Андрею Боголюбскому»¹.

Таким образом, можно утверждать, что перстень-печать, со знаком собственности Андрея Боголюбского на щитке, найденный в Галиче (с. Крылосе) — столице Галицкого княжества, принадлежал Андрею Боголюбскому.

Схема знака на перстне отлична от других схем знаков собственности, изображенных на предметах, найденных на территории Галицко-Волынского княжества. Так, например, родовые знаки на предметах из раскопок в с. Плеснесько² имеют схему двузубцев и трезубцев, отличную от схемы на нашем перстне.

Внешний вид найденного в Галиче перстня, в отделке которого сочетаются позолота с эмалью, свидетельствует о вкусах Андрея Боголюбского, который, по данным летописи, украшал свои храмы «златом и финиптом и всякою добродетелью... измечтана всюю хытростью»³.

Остается дать ответ на последний вопрос: когда и при каких условиях перстень-печать, который должен быть по своему назначению при князе, попал в Галич — столицу Галицкого княжества? Ответ дает история связей русских северо-восточных и юго-западных земель в период феодальной раздробленности. Связи эти ярко отображены в русских летописях и подтверждаются археологическими материалами.

В середине XII в., в период феодальной раздробленности, между князьями Владимиро-Суздальской земли и Галицкого княжества существовали политические и родственные связи. Обуславливались эти связи общими интересами укрепления могущества земель и сплочения сил в борьбе с иноземными притязаниями. В особенно сложной политической обстановке находилось Галицкое княжество при Володимирке Володимировиче (1142 — 1152 гг.). Борясь против враждебного ему галицкого боярства, охраняя свое княжество от иноземных захватчиков, борясь с посягательством волынского князя Изяслава Мстиславича на Галицкое княжество, Володимирка должен был искать себе такого союзника, который своею верховною властью способствовал бы защите Галицкого княжества.

Таким союзником мог быть только Юрий Владимирович Долгорукий, князь Владимиро-Суздальской земли, сидевший на киевском престоле. Поэтому неудивительно, что между Галицким князем Володимирком и его сыном Ярославом Володимировичем (Осмомыслом), с одной стороны, и Юрием Долгоруким с сыновьями — с другой, существовали теснейшие политические и родственные связи, начиная с 1149 г. до смерти Юрия Долгорукого в 1157 г.⁴ Неудивительно также, что Галицкий князь оказывает постоянную военную помощь Юрию Долгорукому в борьбе последнего со своим племянником Изяславом Мстиславичем за киевский престол.

¹ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности..., стр. 233.

² Материалы из раскопок в с. Плеснесько за 1948 г. находятся в Львовском отделении Ин-та археологии АН УССР.

³ ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 111—112.

⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 80.

За 8 лет борьбы Юрия Долгорукого летопись упоминает 9 раз о военной помощи Галицкого князя Юрию¹.

В этих войнах вместе с другими сыновьями Юрия принимает участие и Андрей Боголюбский. Первое появление Юрия в Киеве относится к августу 1149 г.² Конец 1149 г. и весь 1150 г. проходят в борьбе с переменным успехом. В конце 1150 г. Изяслав Мстиславич занимает Киев, изгнав Юрия³. В 1151 г. Юрий с сыновьями только раз осаждал Киев⁴. Позже мы находим Юрия с сыновьями в Переяславе, куда он ушел после поражения⁵. Но Изяслав принуждает Юрия оставить Переяслав, как позже и последнее пристанище Юрия — Городок (на р. Альте)⁶.

В начале 1152 г. Городок был сожжен. Юрий ответил на это новым походом на Киев, но Изяслав разбил его в марте 1152 г.⁷ В 1154 г. Юрий снова отправился в поход на юг, но падеж лошадей заставил его вернуться в Суздаль⁸.

Только в самом конце 1154 г., после смерти Изяслава Мстиславича, Юрий «пойде к Киеву», а в начале 1155 г. сел «на стол отцов своих и деда»⁹.

Детальный перечень походов Юрия с сыновьями на юг свидетельствует, что они только в первые полтора года, т. е. в 1149—1151 гг., находились в Киеве и вообще на юге.

С начала 1152 г. до конца 1154 г. Юрий с сыновьями находились в Суздале. Именно в годы 1149—1151, кроме связей политических, между Юрием и Галицким князем, существовали близкие родственные отношения.

Осенью 1150 г. Юрий дал своему сыну Андрею, как одному из самых храбрых Юрьевичей, Пересопницу¹⁰, которая находилась в 120 км от Галича.

Маловероятно, чтобы, находясь так близко от Галича, Андрей не посетил его. Под годом 1151 Никоновская (поздняя) летопись, прямо говорит, что Володимирко просил Андрея Юрьевича к себе на «гостьбу»¹¹.

Если это слово понимать, как «в гости», то хотя в этом случае посещение не осуществилось¹², но этим подтверждается возможность посещения Андреем Боголюбским Галича.

В пользу этого мнения говорят и родственные связи. Начиная с 1149 г., Летопись называет Володимирка Володимировича Галицкого сватом Юрия Долгорукого¹³.

Под годом 1150 Летопись сообщает: «Вда Гюрги дчерь свою за Святославича за Ольга, другую за Володимировича за Ярослава в Галич»¹⁴.

Трудно предположить, чтобы братья невесты, а в их числе и Андрей, не проводили сестру в новую семью и не принимали участия в свадьбе, тем более, что все они находились тогда на юге. Кладбище, на котором найден перстень, находится на юго-восток от предполагаемого места княжеского дворца, в границах первых валов, т. е. на территории самого детинца. Именно тут и мог потерять свой перстень Андрей, который посещал дворец и имел свободный доступ на всю площадь детинца.

Прожив 30 лет на севере (во Владимире-на-Клязьме), Андрей только в 1149 г. с войском своего отца впервые попал на земли южных княжеств. Принимая участие в борьбе за великокняжеский стол, он еще при жизни Юрия стремился на север, в родной Суздаль. Когда Юрий вначале про-

¹⁻¹⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 45—80.

¹¹ ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. 185.

¹² Там же, стр. 185—186.

¹³ Там же, стр. 48.

¹⁴ Там же.

играл борьбу с Изяславом и не хотел выполнить условия — оставить Переяслав, а позже Городок, Андрей ушел на север раньше отца¹.

Когда же Юрий, после смерти старшего брата и племянника, обосновался в Киеве и посадил Андрея возле себя в Вышгороде, Андрей, не прожив и полгода в новом уделе, без отцовского разрешения ушел на север и никогда больше его не оставлял².

Допустить, что Андрей мог после смерти отца посетить Галич, у нас нет никаких оснований. Андрей, старший среди сыновей Юрия, имея право на княжение в Киеве, не добивался его для себя. В это время политические и семейные связи между Ярославом Осмомыслом и Андреем Юрьевичем нарушились. После смерти отца Ярослав изменил ориентацию, поддерживая стремление Мстислава Изяславича добиться Киева. Понятно что это настраивало против него Андрея Боголюбского³.

Одновременно происходит разлад в семье Ярослава Володимировича⁴. Галицкие бояре стремятся противопоставить Ярославу жену его Ольгу Юрьевну с сыном Владимиром. Для Ольги Юрьевны это окончилось тем, что ей пришлось оставить Галицкое княжество и окончить свои дни на севере, в Суздале, у брата своего Всеволода.

Учитывая все сказанное, можно допустить, что посетить Галич Андрей Боголюбский мог только при Володимирке Володимировиче, когда тесны были с ним политические и семейные связи, во время напряженной борьбы Юрия Долгорукого за киевский стол, а именно в течение трех последних лет жизни Володимирка Володимировича — 1149—1151 гг. Именно в эти годы Андрей Юрьевич принимал самое активное участие в политической борьбе отца.

Таким образом, потеря перстня могла произойти между 1149—1151 годами, из которых наиболее вероятен 1150 г. — год выхода замуж сестры Андрея — Ольги — за Ярослава Володимировича, на свадьбе которой побывал, конечно, Андрей Боголюбский. Если эту дату взять за исходную, то можно считать, что перстень мог быть сделан в 40-х годах XII ст. Эту возможную дату подтверждает и степень изношенности перстня: наиболее вероятно, что позолота сошла в результате его долгого употребления. Эмаль прочно держится там, где она сохранилась.

Последним подтверждением продолжительного употребления перстня является изношенность той части его кольца, которая прилегает к ладони: она тоньше. Следы эмали и позолоты остались на самых краях перстня, внешняя поверхность кольца перстня сильно вытерта.

Заканчивая наше исследование, мы приходим к следующим выводам:

1. Перстень-печать принадлежал Андрею Боголюбскому, что подтверждается знаком на его щитке и художественным оформлением перстня.
2. Перстень-печать датируется серединой XII ст. — 40—50-ми годами.
3. При украшении перстня эмалью употреблен новый для того времени способ нанесения эмали — без выемок и перегородок, путем специальной обработки бронзовой основы насечкой.
4. Происхождение перстня-печати Андрея Боголюбского, из Галича, столицы Галицкого княжества, — еще одно свидетельство теснейших политических и культурных связей между северо-восточными и юго-западными русскими землями (Владимири-Суздальской землей и Галицким княжеством) в период феодальной раздробленности.

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 65.

² Там же, стр. 78.

³ Там же, СПб., 1871, стр. 373.

⁴ Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 384—385.

Е. С. ВИДОНОВА

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА НАЧАЛА XVI в.

В отдел реставрации тканей Государственного исторического музея в начале 1944 г. были присланы Суздальским музеем фрагменты детской одежды: 1) небольшой спуток обрывков шелковой, темнокоричневого цвета ткани, связанных между собой почерневшей металлической плетеной тесьмой; 2) нагрудное украшение из металлического шнурочка, рядами нашитого на шелковую ткань с разрезом посередине; 3) обрывок металлической тесьмы-плетенки с пришитым к нему сбоку меньшим концом такой же плетенки, оборванным книзу; 4) наподольное украшение из металлического шнурка, рядами нашитого на шелковую ткань, с двумя оборванными концами плетенки внизу; 5) плетеный поясок из некрученого шелка красноватого цвета и металлических нитей с обрывками кисточек на концах.

Со всего этого материала сыпалась сухая земля, смешанная с мельчайшими блестками серебра. Обрывки тканей, металлические нашивки и поясок были покрыты темнокоричневыми пятнами, покоробились и были жестки наощупь. Ткань сморщилась и слежалась. Металлические шнуры и плетенка почернели.

Из сказанного видно, что от детской одежды остались главным образом металлические украшения в виде плетенки и нашивок. В сохранившемся спутке обрывков ткани целой осталась плетенка, которая и удержала от разрушения остатки древней ткани. Кроме того, древняя ткань сохранилась под нашивками.

Ткань после чистки и промывки оказалась довольно плотной шелковой тафтой красновато-коричневого цвета. Плетенка, как и нашивки, оказалась серебряной. На нагрудном украшении серебро почти не сохранилось, остался только шелковый шнурочек коричневого цвета. Серебро сохранилось частично на подольном украшении, в украшениях на мышках и местами на плетенке (отдельном конце ее). Поясок после промывки оказался из шемаханского шелка червчатого тона с пряденым серебром.

По расправлении из спутка слежавшихся обрывков ткани выявился рукав детской рубашки, обшитый у запястья и по швам серебряной плетеной. Ткань на рукаве сохранилась с большими утратами, зато плетенка удержалась полностью, сохранила покрой рукава, его размеры и прием древнего оформления при шитье — накладной шов, прошитый шемаханью в строчку в два ряда.

Плетенка, окаймляющая ластовицу из зеленоватого шелка, менее плотного, чем тафта рубашки, сохранила древнюю ткань только у краев, середина же вся утрачена. От стана остались очень незначительные фрагменты около плетенки, лежащей по пройме рукава, около ластовицы (остатки боковой вставки) и около нагрудного украшения.

Весь сохранившийся материал детской одежды казался на первый взгляд очень недостаточным и неясным для восстановления формы одежды в целом, ее покроя и характера. В процессе работы необходимо было обратиться к разнообразным источникам. Изучая фрески, иконы, миниатюры, исследователь находит большое разнообразие одежд. При этом надо заметить, что изображения детей встречаются редко. Если же и встречаются, то дети на них представлены или без одежды, или — чаще — одетыми так же, как и взрослые. Одежды же взрослых так условны по форме, что, во всяком случае, не могут служить материалом для технического восстановления той или иной из них. Литературные источники крайне скупо освещают эту сторону быта — одежды. Записи иностранцев в этой области носят обычно общий характер. Археологические раскопки редко дают лишь фрагменты одежды и почти никогда не дают ничего целого. Сравнительно обширный материал, оставленный XVII в., кроильные книги, описи царских одежд при парадных выходах, разработанные И. Е. Забелиным, также не могли дать точных и определенных данных, необходимых для нашей работы.

И. Е. Забелин упоминает, что детская одежда почти ни в чем не отличалась от обычной одежды взрослых. Поэтому большую и существенную помощь в нашей работе оказало собрание рубах XVII в. в отделе тканей ГИМ. В этом собрании находятся три рубахи: две мужские и одна детская. Мужские рубашки сшиты из льняного полотна, детская — из бумажного полотна¹.

При сопоставлении сохранившихся частей детской рубашки, хранящейся в Суздальском музее, с рубахами, находящимися в ГИМ, выяснилось, что суздальская рубашка богаче по материалу (шелковая тафта) и количеству серебряных украшений, покрой рукава сложнее, а материал для серебряных украшений лучше и тоньше обработан, чем это делалось в XVII в.

Как было сказано выше, серебряная плетенка на рукаве сохранила его покрой, длину и ширину на ластовице и остатках боковой вставки стана (ее размеры и покрой), а с обрывками ткани в верхней части стана — маленькие обрывки плетенки, идущие вкось от проймы рукава (один фрагмент идет от проймы в нижней части клина рукава, другой фрагмент — много выше клина), дали указание на покрой верхней части стана: накладное полотнище, аналогичное тому, какое было рассмотрено на рубахах XVII в. К тому же положение этих обрывков: одного ниже (на груди), другого выше (на стане), дало понять, что оставшийся рукав — правый.

Для более точного плана работ по реконструкции необходимо было сделать предварительный чертеж, для чего остатки древнего рукава рубашки вместе с обрывками ткани и плетенки стана были перерисованы с возможной точностью на лист ватмана (рис. 16). После выяснения значения обрывка плетенки, идущей вкось от проймы рукава, чтобы выявить покрой накладной части стана, мы продолжили на чертеже линию плетенки. У этого куска плетенки сохранились накладной шов и строчка в два ряда. У нагрудного украшения справа внизу, с угла, на микроскопическом кусочке древней ткани, также сохранился накладной шов, строчка на нем и также микроскопический кусочек плетенки.

Видимо, эти обрывки соединяла некогда одна линия, и на чертеже место нагрудного украшения нашлось при совпадении линии швов со строчкой у обрывка плетенки около рукава с одной стороны и обрывка шва у нагрудных нашивок — с другой.

После выяснения места нагрудного украшения определилась ширина

¹ Фонды ГИМ, № 142/54722, 143/53142, 144/55746.

стана правой стороны. Левая сторона была начерчена по данным правой. Расстояние части стана от проймы до среднего разреза было отложено на левой стороне чертежа. Установлена и начерчена линия проймы. На этой линии найдена была соответствующая точка — место прикрепления плетенки, идущей вкось. Через эту точку проведена линия. На перекрестии правой и левой косых линий установлена центральная линия стана на чертеже.

Так оформилась в виде треугольника накладная верхняя часть стана спереди рубашки.

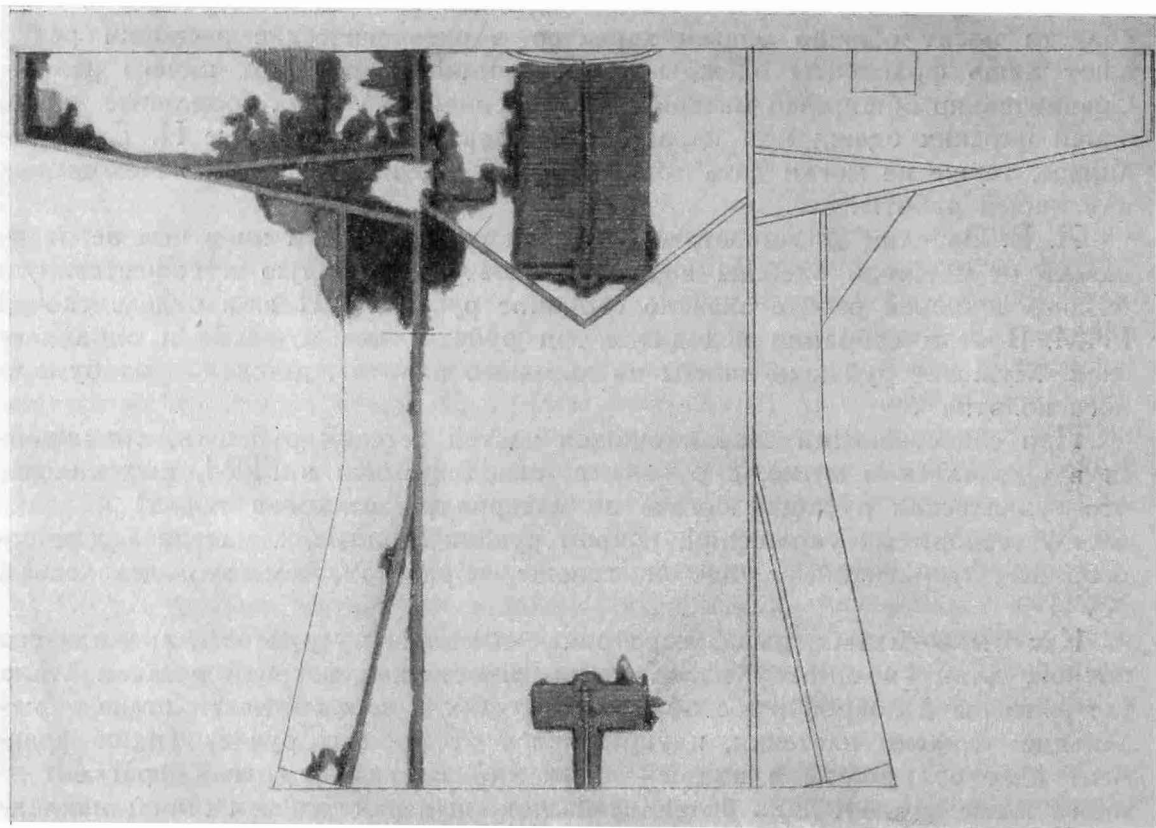

Рис. 16. Чертеж реконструкции детской рубашки XVI в. (из Суздальского музея)

Для выяснения формы и положения накладной части стана сзади сделан такой же чертеж. И там накладное полотнище оформилось в виде треугольника; только треугольник на спине короче, чем на груди.

Когда выяснилась ширина стана и оформление его в верхней части, надо было установить его длину. Для этой цели послужила оторвавшаяся от рубашки плетенка (длиной 30 см) с пришитым к ней боковым концом (24 см), оборванным снизу. У этой плетенки, на микроскопических остатках ткани, сохранился накладной шов со строчкой в два ряда. Шов и строчка совпали с правой боковой линией стана, у которого вверху сохранилась плетенка. Подшитый длинный конец плетенки позволил установить длину рубашки. Короткий боковой, оборванный внизу конец плетенки, повидимому, окаймлял боковой клин рубашки.

В дальнейшем по остаткам боковой вставки между ластовицей и сохранившимся фрагментом стана, по данным ее размера, начерчены были ее недостающие части. Оставшаяся часть нашивок с двумя оборванными концами плетенки нашла свое место на подоле рубашки, по разрезу

установленной центральной линии и в соответствии с рубашками XVII в.¹, покрой которых в основном повторила рубашка из Суздальского музея. Левая сторона рубашки была вычерчена по восстановленной правой, после чего была проведена работа в материале. Современная белая шелковая ткань была окрашена в тон древних фрагментов (коричневый цвет), но оттенки взяты были иной, в целях большего выделения этих фрагментов при укреплении. Ткань была раскроена согласно установленному плану работы в чертеже и сшита с соблюдением всех приемов древнего шитья.

Когда в основном была закончена техническая сторона реконструкции рубашки, приступлено было к реставрации. Остатки древнего правого рукава были наложены на новый правый рукав в соответствующих по крою местах и укреплены на новой ткани шелком в цвет. Обрывки стана и боковых вставок также были наложены на свои определенные места и укреплены. Затем были накреплены украшения: плетенка с правой части стана (в местах соединения его боковой вставкой и клином), нагрудные нашивки с остатками древней ткани у разреза на груди (посередине стана) и надподольные нашивки по центральной линии снизу. При оформлении рукава у запястья в древности была подложена подкладка шириной в 4,5 мм с узенькой выпушкой ее на лицо у края коричневой тафты.

По краю коричневой тафты в строчку прошито в два ряда сильно выцветшим шелком зеленовато-синего цвета. Около рядов строчки положена и укреплена серебряная плетенка. Подкладка у запястья плохо сохранилась². Она дублирована новой шелковой тканью в цвет древней; на новой ткани древняя укреплена шелком в цвет. Серебряные нашивки на мышках также укреплены. Часть нашивок внизу слева (от зрителя) утрачена. Под нашивками существует глухая подкладка, уложенная по ширине и длине нашивок углами. Эта древняя подкладка из той же ткани, что и у запястья, сохранилась частично. При реставрации она дублирована, укреплена и пришита под нашивками в виде шестиугольника. Подкладка (или подплек а) светлозеленоватой ткани подведена и под накладное полотнище в верхней части стана, заканчивающееся на груди и спине треугольниками.

Под нагрудными нашивками сохранилось три слоя ткани. Первая ткань — коричневая плотная тафта — основная ткань рубашки, на которой накреплены нашивки; вторая ткань — род тафты, более тонкой, зеленоватого цвета — подкладка под нашивкой для прочности, через которую насквозь и прошел шов, прикрепляющий нашивки, и третья ткань — самая подоплека, подложенная под все накладное полотнище³.

Древняя подоплека сохранилась частично только на левой стороне под нашивками. После подведения новой подоплеки эта сохранившаяся часть древней ткани была наложена в соответствующем месте на новую и укреплена. Подоплека узенькой полоской выпущена по обеим сторонам выреза рубашки на груди. Надподольное украшение, частично сохранившее свою подкладку, также дублировано новой тканью, на которой и укреплены остатки древней ткани. Разрез в виде узких выпусков подкладки соблюден и здесь.

Ворот рубашки не сохранился. На реконструированной рубашке ворот сделан круглым⁴ и оформлен узкой полоской выпушки подоплеки и строчкой

¹ Фонды ГИМ.

² Шелковая ткань подкладки у запястья и под нашивками и ткань ластовицы — одна и та же ткань типа тафты, только более тонкая и слабая. Для дублировки плохо сохранившихся частей — подкладки и ластовицы — была взята современная белая шелковая ткань и окрашена в светлозеленоватый тон, который имеют фрагменты в настоящее время.

³ На рубахе XVII в., шитой золотом (из собрания ГИМ), подкладки под шитьем нет.

⁴ Круглый вырез — более древний, чаще встречающийся на изображениях.

в два ряда. Также узкой полоской выпушки и двумя рядами строчки оформлен и подол рубашки согласно древнему приему оформления, сохранившемуся на рукаве, у разреза на груди и на подольном украшении. Как у ворота, так и на подоле при первоначальном оформлении была, видимо, проложена серебряная плетенка.

Швы делали накладные, т. е. куски ткани не сшивали один с другим, а накладывали краем один на другой, подогнув предварительно небольшой рубчик, по которому и прошивали в два ряда строчку некрученым шелком. С изнанки шов запошивался с той стороны, на которую накладывался.

Ввиду того, что древняя ластовица сохранилась только в обрывках около плетенки, а средняя часть утрачена, всю ластовицу пришлось дублировать новой шелковой, окрашенной в цвет ластовицы тканью и на ней укреплять остатки древней.

При реконструкции левой стороны рубашки левая ластовица была выкроена из новой шелковой ткани зеленоватого цвета по обмерам ластовицы правого рукава и вшита под мышку левого рукава¹.

Поясок на рубашке плетеный червчатой шемаханью с пряденым серебром. Плетенье косичками в три ряда. Определенное чередование серебряной нити в плетении создает известный геометрический узор². Плетение плоское. Ширина пояса — 1 см. Поясок завязан на одну петлю с двумя концами. Петля была разорвана. После чистки и промывки петля в разорванных своих частях была соединена и укреплена шелком в цвет. Концы пояска в свое время оканчивались кисточками. В настоящее время осталась лишь ворворка с обрывками металлического плетения. У одной ворворки сохранились две металлические нити, длиной в 7 см, на другой — такой же длины и в таком же количестве шелковые нити. Кроме того, на одной ворворке сохранилось низание из нескольких красновато-коричневых бусинок; имеется одна бусинка, напоминающая жемчужину. Бусинка была наполовину оторвана. Теперь и она укреплена³.

• По завершении реконструктивных и реставрационных работ над рубашкой из Суздальского музея выяснился вполне законченный тип детской одежды (рис. 17, А и Б). При сравнении ее с рубашками из собрания ГИМ выявляется разница между ними. Рубашка из Суздальского музея сделана из более дорогого шелкового материала — плотной тафты. Украшения из серебряных нашивок, как бы кованные, выглядят богаче и строже. Швы, помимо строчки шелком, украшены серебряной плетенкой. Покрой, сходный в основном, отличается некоторой сложностью на рукаве, на котором к основному прямому куску ткани пришиты клинья, тоже окаймленные плетенкой. Нашивки на груди по обеим сторонам прямого разреза рубашки расположены горизонтальными рядами⁴.

Ряды выложены узким серебряным шнурочком в следующем порядке. Справа, внизу, на расстоянии 4,5 см от конца выреза рубашки идет в направлении к вырезу линия серебряного шнурочка, прикрепляемого шелковой нитью к основной ткани — тафте; у выреза шнурок делает поворот, образуя свободную петельку, и идет обратно; он плотно прикреплен и к ткани и приложенному шнурочку. У края нашивки оба конца шнурка перегнуты и аккуратно закреплены. Такой двойной шнур образует ряд. Этих рядов — 39; сколько рядов, столько и петелек у выреза. Один ряд внизу, справа, второй от края, утрачен.

¹ Обмеры суздальской рубашки: ширина стана и рукавов — 84 см, ширина стана — 24 см, длина рукавов от проймы до запястья — 30 см, ширина в подоле — 96 см, рукав у кисти — 14 см, длина стана — 53 см, ластовица — 8 × 8 см.

² Аналогичный прием плетения мы обнаружили на шнуре с кистями у плащаницы Боровского монастыря 1558 г. (фонды ГИМ).

³ Объем талии у пояска — 46 см, один конец равен 15 см, другой — 14 см.

⁴ Размер нашивок — 9 × 15 см.

А

Б

Рис. 17. Детская рубашка из погребения в Покровском монастыре г. Суздаля после реконструкции

А — вид спереди; Б — вид сзади

Ряды шнуров прикреплены плотно друг около друга. Слева от выреза шнуры прикреплены в том же порядке с той лишь разницей, что у линии выреза серебряный шнурок при повороте прикручивается довольно плотно, образуя головку-пуговку.

Таким образом, нашивки играют двойную роль: декоративную (служат украшением рубашки) и практическую (оформляют застежку одежды). У самого ворота, по записям XVII в., застежка была на одну пуговку — или металлическую, или обтянутую шелком (были и жемчужинки). На нашей рубашке застежка была, видимо, из металлической плетенки, как и у выреза на груди. Нашивки были застегнуты на три последние головки-пуговицы.

Точно так же были оформлены нашивки на мышках. Размер их 7×5 см. Расположены они тринадцатью вертикальными рядами. Головки-пуговицы наглухо застегнуты. Как говорилось выше, эти нашивки имеют лишь декоративный смысл. Подкладка внизу без прореза это подтверждает. На подольном украшении нашивки расположены восьмью горизонтальными рядами таким же приемом. Все ряды застегнуты, но подкладка внизу — с разрезом (возможно, что застежкой пользовались). Размер нашивок — $7,5 \times 3$ см.

Характерным отличием рубашки является внутреннее оформление разрезом, свидетельствующее о высокой технике шитья. Вырез рубашки на груди под нашивками оформлен следующим образом. Тафта у выреза подогнута, и у ее края выпущена узенькая полоска подоплеки. По краю тафты проложена строчка в два ряда синеватым шелком. Рядом со строчкой прикреплена плетенка, которая, идя сверху справа по линии выреза, загибается полукругом в конце его и идет по левой стороне кверху. Наверху, над вышивками, концы плетенки были оборваны. Такое сложное внутреннее оформление разрезом продиктовано, с одной стороны, высотой техники шитья и стремлением к прочности, с другой — требованиями строгого вкуса. Полукружие плетенки внизу разреза остроумно завершает горизонтальные линии нашивок, нарушая до известной степени их однообразие. Разрез внизу, на подоле, оформлен также выпушкой подкладки, строчкой в два ряда и плетенкой. Плетенка в виде полукружия поднимается над рядами нашивок и вносит известное разнообразие в горизонтальные линии нашивок. На мышках употреблен тот же прием внутреннего оформления прорешки. Плетенка на мышках ввиду двух полукружий выходит из-под нашивок.

Более плотная шелковая тафта, нарядные и в то же время строгие серебряные украшения, тонкая и сложная техника шитья и другие признаки позволяют отнести рубашку к более раннему времени — к XVI в. и скорее к его первой половине.

Рубашку дополняет немаловажная деталь, которая обычно отсутствует — пояс, характер плетения которого может подтвердить эту дату. В отношении первоначальной окраски рубашки можно предположить, что она была червчатого цвета (в настоящее время сохранился красноватый оттенок коричневой ткани), а ластовицы, подкладка с выпушками и подоплека были синего цвета (под нашивками на груди сохранился синий цвет строчки). Известно, что червчатый и синий цвета были излюбленными в XVI — XVII вв. Сохранилось немало памятников шитья с этой гаммой тонов в записи XVII в. о цвете рубашек и одежд. В отделе тканей ГИМ есть палица из погребения XVII в., которая сохранила красноватый цвет лицевой ткани. Подкладка же китайской камки синего цвета сохранила все постепенные изменения этого тона от действия среды, вплоть до того светлого зеленоватого, который совпадает с тонами древних фрагментов рубашки. Судя по материалу, украшениям и всему оформлению рубашки, она принадлежала мальчику в возрасте 3—5 лет из «высшего класса».

Об истории находки, несмотря на весь наш интерес и неоднократные запросы в Суздальский музей, ответа получено не было. Таким образом, наша датировка исходит лишь из данных, полученных при анализе самой рубашки.

Примечание редакции

Описанная в статье Е. С. Видоновой детская одежда первой половины XVI в. происходит из усыпальницы Покровского монастыря в Суздале. Здесь, рядом с гробницей Соломонии Сабуровой (жены Василия III, заключенной в монастырь вследствие бездетности), находилась маленькая надгробная плита, украшенная орнаментом, типичным для первых десятилетий XVI в. С этим надгробием издавна связывались предания о погребении под ним ребенка Соломонии, родившегося якобы уже в стенах монастыря.

Присутствовавший при ликвидации усыпальницы директор Суздальского музея А. Д. Варганов обнаружил под плитой небольшую погребальную колоду, покрытую изнутри толстым слоем извести. В ней оказались остатки описываемой детской рубашки и ислевшее тряпье без каких-либо остатков и следов костяка.

Обстоятельства находки заставили провести реставрацию и определение без сообщения автору реставрации и настоящей статьи условий находки с тем, чтобы датировка одежды была максимально объективной. Датировка одежды совпала с датой плиты надгробия, определив время возникновения этого фиктивного погребения, совпадающее с заключением Соломонии.

В этой связи история развода и заключения Соломонии была подвергнута пересмотру в специальной работе Н. Н. Воронина и А. Д. Варганова. Авторы приходят к выводу о достоверности народных преданий о Соломонии и ее насильственном пострижении.

III. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. З. ПАНИЧКИНА

АШИРАБАДСКОЕ МУСТЬЕРСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ В АРМЕНИИ

В Армении известно в настоящее время значительное количество палеолитических памятников. Исследования последних лет, приведшие к открытию шелльских, ашельских, раннемустьерских, а также верхнепалеолитических остатков, дают возможность наметить теперь для этой территории основные этапы развития первобытной культуры на протяжении палеолитического периода. Обнаруженные в некоторых пунктах Армении ранне- и позднелитические орудия указывают на последовательное и непрерывное развитие первобытной культуры в течение всего каменного века.

Имея теперь достаточное представление о характере орудий начальных этапов нижнего палеолита — шелля, ашеля, раннего мустье — мы почти ничего не знали до сих пор об изделиях конца этого периода, относящихся к развитому и позднему мустье. Отсутствуют пока данные и для характеристики начальных этапов верхнего палеолита. В то же время изучение памятников этого периода, являющегося переходным от нижнего палеолита к верхнему, весьма важно для нас, т. к. материальные остатки его должны отражать те глубокие сдвиги, которые происходили в этот период в общественно-экономическом развитии первобытного общества. Отсутствие в Армении памятников позднему мустьерскому и началу верхнего палеолита объясняется слабой изученностью многих ее районов. Дальнейшие работы, несомненно, дадут новые материалы, которые заполнят существующие пробелы. Некоторым подтверждением этому служат новые находки обсидиановых орудий, сделанные в 1949 г. в окрестностях с. Аширабад. Здесь были обнаружены типичные для развитого мустье орудия, которые дают возможность характеризовать значительно полнее развитие нижнего палеолита на территории Армении.

Сведения о находках мустьерского времени начинают постепенно накапливаться; орудия этого возраста встречены в нескольких пунктах Армянской ССР.

О находках мустьерского типа упоминал еще Ж. де Морган, исследовавший в начале нашего столетия ряд памятников каменного века на западном склоне Арагаца. Собрав там коллекцию обсидиановых изделий, он выделил в ней несколько орудий, напоминавших своим обликом мустьерские формы. На основании преобладающих форм орудий и различий в патине, Морган отнес одну часть собранного им материала, в том числе и изделия мустьерского облика, к верхнепалеолитической (археолитической по его наименованию) эпохе, а вторую — к неолиту. Не допуская мысли о заселении Армении в раннечетвертичное время, Морган не выделяет мустьерские находки в особую, раннюю, группу. Давая суммарную характеристику

собранным им остаткам каменного века в Армении, Морган отмечает: «четвертичная индустрия содержит одновременно мустьерские, ориньякские и мадленские формы, но не дает никаких орудий шельского или ашельского типа. Итак, ее следует отнести к концу четвертичного периода, к археолитической эпохе»¹.

Создавшееся у этого автора убеждение в том, что территория Малого Кавказа была необитаема в раннечетвертичное время вследствие мощного ледникового покрова, не поколебалось и после обнаружения им археологических остатков мустьерского характера, хотя эти находки явно опровергли такую точку зрения. Следствием ошибочного представления о геологической истории Кавказа в раннечетвертичное время и явились неверная характеристика и датировка собранных Морганом материалов. Но, несмотря на суммарное описание находок и неверные в некоторой части выводы, работы Моргана имели существенное значение для направления дальнейших исследований. Обнаруженные им орудия указывали на возможность выявления палеолитических остатков различного возраста, в том числе и раннепалеолитических.

Неоднократно упоминаемый в археологической литературе остроконечник мустьерского типа из Пемзашена (Артикский район), найденный в слое на глубине 6—7 м от поверхности, является уже по одному этому признаку очень интересной находкой, но, к сожалению, точное место залегания и характер отложений, в которых остроконечник найден, не освещены.

При обследовании окрестностей с. Пемзашен в 1949 г. мне не удалось точнее выяснить условия залегания этой находки, так как место находки, видимо, разрушено карьерами для добычи пемзы. Незатронутые разработками склоны холмов состоят из мощных пластов лавы, прикрытых слабым почвенным покровом. На поверхности этих участков и в промоинах палеолитические остатки не прослежены. Слои почвы, перекрывающей напластования туфа, являются, повидимому, образованиями позднечетвертичного и последующего времени. На основании осмотра создается впечатление, что в Пемзашене вряд ли можно ожидать на поверхности находки раннепалеолитического возраста; они могут быть встречены здесь, вероятнее всего, под четвертичными лавами. Не исключена возможность и того, что обнаруженный Гукасяном остроконечник был занесен в Пемзашен водными потоками откуда-то издалика, с более высоких точек рельефа северо-западного склона Арагаца, и был переотложен здесь, а впоследствии перекрыт почвенными наносами.

Вполне достоверные и чрезвычайно важные находки раннепалеолитического времени были сделаны в 1933 г. геологом А. П. Демехиным близ с. Арзни (Котайкский район) в 18 км к северу от Еревана. Позже, в 1946 г., на этом местонахождении работала экспедиция Института истории Академии наук Армянской ССР под руководством С. Н. Замятнина. Дальнейшее обследование (1947—1949 гг.) Арзинского местонахождения велось по поручению Государственного Эрмитажа мною. В результате многолетних работ был собран обильный и типичный для ашеля и раннего мустье материал.

Различные формы орудий и разный характер сохранности их поверхности не оставляют сомнения в том, что в Арзни имеется два разновременных комплекса изделий. Первый, наиболее древний из них, содержит орудия позднеашельского облика — ручные рубила, пластины леваллуа, дисковидные формы и др., а вторая группа орудий относится к раннему мустье. Для датировки мустьерского комплекса наиболее характерны серии

¹ J. de Morgan. Les stations Préhistoriques de l'Alagheuz. Revue de l'Ecole d'Anthropologie de Paris, XIX, 1909, стр. 201.

миниатюрных «ручных рубилец», остроконечники и скребла. Так как описание этого памятника было уже сделано ранее¹, то, я ограничиваюсь здесь только упоминанием о нем.

Орудия мустьерского облика стали известны за последние годы и с горы Артен (Богутлу). В 1947—1949 гг., во время обследования склонов горы, мною были собраны в нескольких пунктах, в том числе и на холме Сатани-Дар, где были найдены орудия шелльского и ашельского возраста, изделия мустьерского типа².

Не ставя перед собой задачи дать в настоящей статье их детальное описание, я отмечу лишь, что среди собранного материала имеются характерные для мустьерского времени отщепы подтреугольных очертаний, дисковидные формы, остроконечники и скребла, изготовленные на тонких отщепах и пластинах.

Мустьерские находки отличаются от ашельских изделий Сатани-Дара более совершенным типом заготовок и лучшей обработкой орудий. Отщепы и пластины имеют сравнительно небольшие размеры, тонкое поперечное сечение и очень правильную треугольную или овальную форму. Большая часть отщепов сохраняет на ударных площадках следы предварительной обработки. Площадки составляют прямой угол с нижней плоскостью отщепа и располагаются в его основании. Остроконечники и скребла оформлены тонкой ретушью; мелкие фасетки ее тщательно покрывают края и придают последним ровное режущее лезвие.

Не менее показателен для определения возраста этих изделий и характер их поверхности. Вследствие сильной выветренности орудия приобрели, хотя и не столь глубокую, как на ашельских изделиях, но все же интенсивную патину. Кроме того, на поверхности заметны мелкие, очень тонкие царапины, образовавшиеся, очевидно, в результате передвижения орудий по площади. Степень патинирования и изношенности поверхности, а также формы изделий и техника изготовления отличают мустьерские находки от других остатков каменного века. Отмеченными признаками они четко выделяются среди каменных изделий более поздних эпох. Среди раннеолитических изделий, обнаруженных на горе Богутлу, наблюдаются формы, сходные с мустьерскими — остроконечники на широких пластинах, но, как отмечалось уже мною³, они имеют иную сохранность поверхности. Неолитические орудия не окатаны и не патинированы, а сохранили первоначальный естественный блеск обсидиана. Преобладающее количество орудий сделано на удлинённых пластинах. Наиболее распространенными формами являются пилки, острия, скребки, изготовленные на конце ножевидных пластинок, призматические нуклеусы с очень правильными узкими гранями по всей окружности и крупные, чрезвычайно длинные, узкие пластинки.

В форме и способе обработки мустьерские изделия с горы Богутлу сохраняют еще некоторые черты ашельской техники. На это указывают двухсторонне обработанные орудья типа ручных рубилец и дисков, напоминающие своим обликом подобные формы позднеашельского комплекса Сатани-Дара. Такая непосредственная связь этих находок свидетельствует о близком возрасте позднеашельских и мустьерских комплексов Богутлу и дает основание относить последний из них к раннему мустье.

¹ С. Н. Замятнин. Находки нижнего палеолита в Армении. Изв. АН Армянской ССР, *Общественные науки*, № 1, 1947, стр. 16—22. М. З. Паничкина. Палеолит Армении. 1950. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. 1949.

² М. З. Паничкина. Древнепалеолитическая стоянка Сатани-Дар в Армении КС ИИМК, в. XXXV, 1950 г.

³ М. З. Паничкина. Находка каменных орудий из Арагаце. Изв. АН Армянской ССР, *Общественные науки*, № 5, 1946.

Очень интересны и важны для характеристики мустьерских остатков в Армении обсидиановые изделия, обнаруженные мною в 1949 г.¹ в окрестностях с. Аширабад (Аштараковский район). Значение этих находок заключается в том, что они, представляя собой типичные для развитого мустье формы, характеризуют впервые для территории Армении конечный этап развития нижнего палеолита.

Аширабадское местонахождение расположено между селениями Джаткран и Аширабад, несколько ближе к последнему, в 23—25 км к северу от Еревана и в 4—5 км вверх по течению Занги от Арзнинского местонахождения. Оно приурочено к правому берегу Занги, непосредственно к обрезу ее современного каньона. Находки связаны с древней речной террасой, хорошо выраженной в этом районе и простирающейся вдоль каньона реки на много километров. По возрасту она одновременна с 80-метровой террасой левого берега Занги, на которой расположено Арзнинское местонахождение, но в то же время правобережная терраса имеет несколько меньшие высотные отметки, чем левобережная.

Различная высота берегов, придающая асимметричность ущелью Занги, вызвана тектоническими нарушениями, происходившими во время пропильвания рекой ущелья.

На правом берегу Занги, в районе сс. Джаткран и Аширабад, намечаются две древние речные террасы, образующие широкую ровную долину. Верхняя терраса удалена от ущелья более чем на полкилометра, возраст ее определяется олигоценом.

Возраст второй террасы, с которой связаны мустьерские находки, определяется раннечетвертичным временем; внутренним краем она упирается в довольно крутую ступеньку верхней, более древней террасы, а внешний ее край образует бровку каньона реки, стенки которого отвесно обрываются к современному руслу и имеют высоту до 80 м. Ширина террасы у с. Аширабад — около 500 м. Близ сс. Джаткран и Аширабад она очень хорошо выражена и представляет почти совершенно ровную плоскость. Поверхность ее имеет сравнительно незначительный (2—3 м) почвенный покров. Весь этот участок террасы использован ближайшим населением под посевные поля.

В сравнении с рельефом долины верхнего течения Занги этот отрезок отличается слабой изрезанностью и мягкими контурами ближайших к нему невысоких гряд, идущих вдоль долины реки и обязанных происхождением различным по времени потокам лав. Коренные породы, слагающие древние террасы Занги, также вулканического происхождения. Давая геологическую характеристику этому району, А. П. Демехин отмечает, что «лавы занимают почти всю центральную часть рассматриваемого района, протягиваясь широким поясом с востока на запад. Доминирующую роль приобретают лавы олигоцена... Подчиненную роль играют четвертичные лавы, одевающие олигоценовые излияния в виде небольших покровов, заполняя пониженные участки рельефа и долины рек».

Палеолитические остатки обнаружены на поверхности распаханного поля. Они были рассеяны вдоль края ущелья на площади, имеющей в длину примерно 300—400 м, а в ширину — около 100 м. Большая часть изделий была сосредоточена небольшими скоплениями в пониженных участках и в промоинах террасы. Этот факт, а также приуроченность находок непосредственно к обрезу ущелья, указывает на то, что палеолитическое местонахождение у Аширабада почти окончательно разрушено, а преобладающая часть культурных остатков смыта в каньон реки водными

¹ Работы велись по поручению и на средства Государственного Эрмитажа. В полевых исследованиях принимал участие аспирант Института истории Академии наук Армянской ССР А. А. Мартirosян.

потоками. В настоящее время осталось незначительное количество изделий, являющихся следами нижнепалеолитического поселения, возможно не менее крупного в прошлом, чем Арзнинское.

На изготовление орудий шла речная обсидиановая галька, встречающаяся в значительном количестве в древних аллювиальных отложениях террасы и на ее поверхности. Обсидиан черного цвета; на тонких краях осколков он довольно прозрачен. Небольшие размеры орудий (в среднем 5—7 см) зависят от величины гальки. Крупные размеры желваков обсидиана (в 15—20 см) представляют для всего участка среднего течения Занги (окрестности сс. Арзни, Нурнуса, Аширабада и Джаткрана) исключительно редкое явление. Этим фактом объясняется и незначительные, в сравнении с нижнепалеолитическими орудиями Сатани-Дара, размеры ашельских орудий Арзни. На использование гальки для изготовления орудий указывают сохранившиеся на многих изделиях участки окатанной ее поверхности.

Собранная в Аширабаде коллекция включает свыше 80 предметов и характеризуется одинаковым по возрасту составом находок. Орудия более раннего времени или более позднего, чем мустьерские, не встречены. В коллекцию входят ручное рубило, двухсторонне обработанные дисковидные орудия, функционально сходные с ручными рубилами, острокопечники, скребла, отщепы и дисковидные нуклеусы. Среди собранного материала преобладают отщепы и орудия, изготовленные на отщепах. Все предметы окатаны и выветрены. Обсидиан покрыт сероватым налетом, придающим поверхности тусклый, матовый оттенок. На некоторых экземплярах вследствие залегания их на поверхности земли имеются свежие выбоины.

Собранные у Аширабада изделия можно подразделить по составу находок на две группы: 1) заготовки, состоящие из отщепов и нуклеусов, 2) орудия.

В составе коллекции имеется 32 отщепа. Их размеры варьируют от 7 до 4 см в длину и от 5 до 3 см в ширину. Преобладающая часть имеет треугольные очертания и хорошо выраженную ударную площадку, как правило, обработанную на нуклеусе (рис. 18—1). Меньшее количество отщепов имеет случайные очертания; у этих экземпляров ширина превышает длину; у большинства их площадка гладкая, но составляет прямой угол с нижней плоскостью отщепа (рис. 18—2). В единичных экземплярах имеются удлиненные отщепы, приближающиеся по своим очертаниям к ножевидным пластинкам, но, наряду с удлиненной формой, эти экземпляры имеют относительно крупные ударные площадки, подправленные, как и на треугольных отщепах, ретушью (рис. 18—3).

Отщепам в целом свойственны хорошо уже выработанные черты мустьерской техники. Кроме треугольных очертаний, для них характерны точное поперечное сечение, изогнутые ударные площадки, указывающие на неоднократное отделение отщепов с одной точки нуклеуса, продолговатые грани, сходящиеся на спинках под острым углом.

Типичные черты мустьерской техники несут и нуклеусы (6 экз.). Для большей части экземпляров характерна правильная дисковидная форма и некоторая уплощенность в поперечном сечении. Крупные широкие фасетки подтреугольных очертаний покрывают всю поверхность (рис. 18—9) или только одну сторону. В последнем случае вторая сторона сохраняет естественную поверхность желвака и только по краям имеет подправку крупной ретушью. Вторичная оббивка выравнивала края нуклеуса и способствовала отделению хотя и широких, но тонких отщепов. Размеры нуклеусов колеблются в пределах 8—5 см.

Кроме дисковидных нуклеусов, в коллекции имеются два экземпляра уплощенно-подтреугольных. От них отделились отщепы в одном направлении и с одной только стороны. Другая сторона сохраняет округло

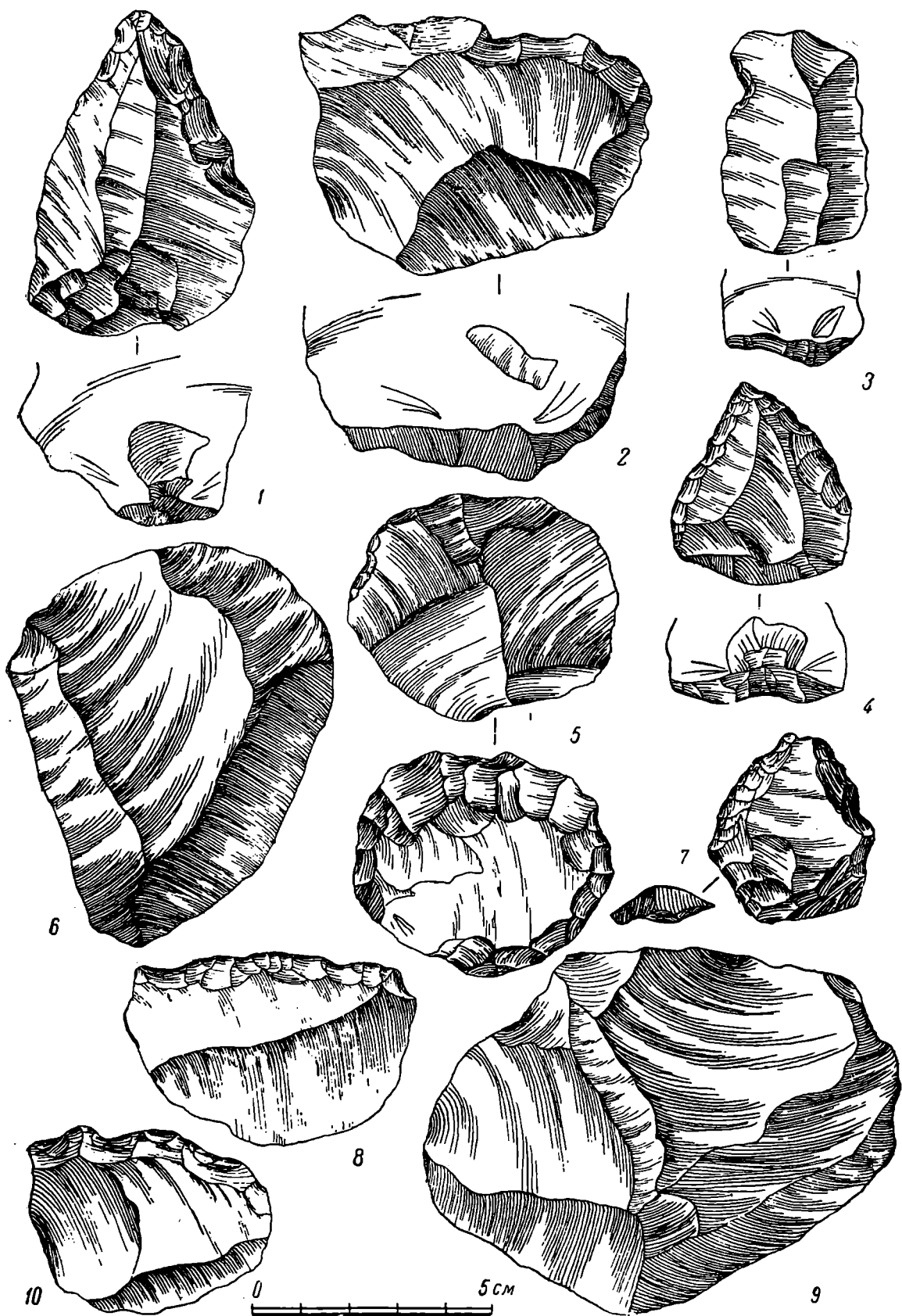

Рис. 18. Мустьерские изделия из Аширабада

заглаженную естественную поверхность обсидиановой гальки. Широкий край нуклеуса, от которого отделялись отщепы, слегка выравнен крупными сколами. Сохранившиеся на сработанной стороне грани от предыдущих сколов (негативы) указывают на отделение удлиненно-треугольных отщепов (рис. 18—6). Эта форма нуклеуса хорошо известна среди нижнепалеолитических местонахождений Армении. Она представлена значительной серией в позднеашельском комплексе Сатани-Дара, а также встречена среди ашельских и раннемустьерских изделий Арзни.

Возможно, что этот тип нуклеуса, бытовавший наряду с дисковидным, сменился еще в мустьерское время более совершенной формой, явившейся прототипом призматического нуклеуса. Подобные типы нуклеусов встречены в Аширабаде (2 экз.). Они имеют значительную ширину (6 см) и округлые очертания. От них отделялись удлиненные пластины ножевидной формы. Как и с треугольных нуклеусов, сколы производились в одном направлении. Но, наряду с этими признаками, они сохраняют еще некоторые черты архаичной техники, выражающиеся в округлой форме, неровных гранях, отсутствии ударной площадки и отделении пластин не со всей поверхности, а только с одной стороны.

Наряду с дисковидными нуклеусами, в коллекции имеются близкие к ним формы изделий — двухсторонне-обработанные и являющиеся, несомненно, орудиями (6 экз.). Эти небольшие (4—6 см) сильно уплощенные диски правильной округлой формы имеют на поверхности, как и нуклеусы, следы сколов широких отщепов (рис. 18—5 и 19—13). Благодаря приострению двух сторон крупной ретушью, края орудий образуют более или менее ровное лезвие. Для дисков использовались окончательно сработанные нуклеусы, которые после дополнительной подправки служили, вероятно, в качестве массивных режущих и скобящих орудий.

Имеющееся в единственном экземпляре ручное рубило сделано из удлиненно-овального желвака (длина — 8 см, ширина — 5,5 см). Обе его стороны почти сплошь обработаны крупными сколами; лишь у основания сохранился незначительный участок окатанной поверхности гальки (рис. 19—17). Рубило имеет сравнительно небольшую толщину и слабоизвилистые края. Одна сторона, более выпуклая, оббита в верхней части короткими широкими сколами, приостряющими продольный край и верхний конец. На другой стороне крупные удлиненные фасетки перекрывают вкось от края до края всю поверхность и придают последней некоторую уплощенность, благодаря которой орудие стало асимметричным в поперечном разрезе. Один край и острие выравнены особенно тщательно дополнительной ретушью, указывающей на то, что рабочей частью рубила было не только острие, но и боковое лезвие.

По характеру обработки ручное рубило не выделяется среди других двухсторонних орудий всего комплекса и весьма типично для конца нижнего палеолита. Небрежной обработкой, небольшими размерами и довольно неправильными очертаниями оно значительно отличается от тонко изготовленных ашельских рубил Сатани-Дара и Арзни. Присущие аширабадскому рубилу признаки типичны для всех почти рубил мустьерского времени. Аналогичные ему формы хорошо известны среди изделий Киик-Коба и мустьерского комплекса Арзни.

Среди изделий с двухсторонней обработкой имеется еще два остроконечника и одно орудие типа долотца. Остроконечники сделаны из широких массивных отщепов треугольной формы (рис. 19—12 и 16). Хорошо выраженная ударная площадка располагается на продольном крае орудия. Края приострены и выравнены с обеих сторон ретушью. Спинка орудий обработана очень тщательно; нижняя сторона подправлена лишь частично — на наиболее утолщенных и неровных участках края. Ретушь имеет характерные для нижнепалеолитической техники заломы на концах фасеток —

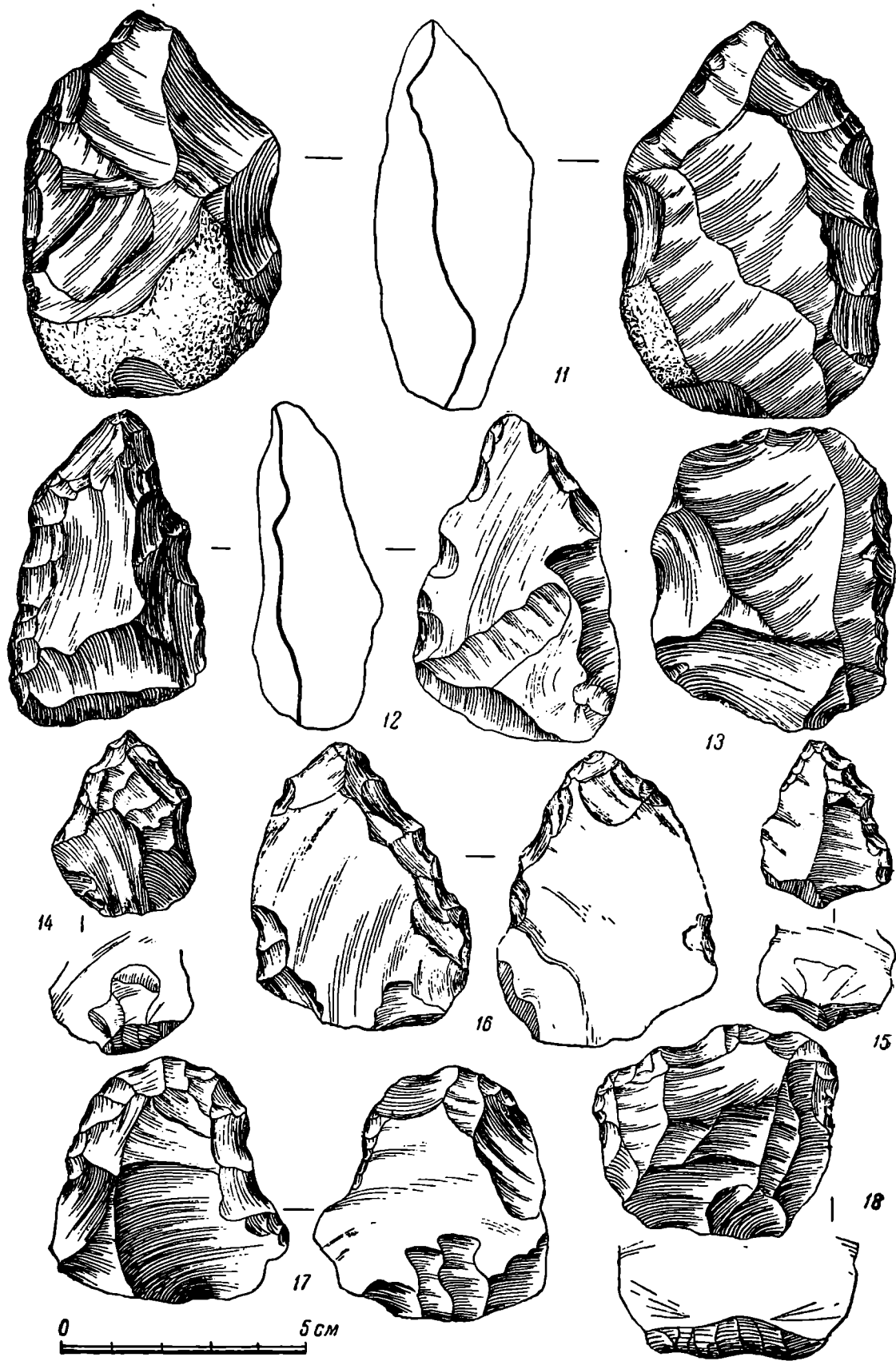

Рис. 19. Мустьерские изделия из Аширабада

хорошо известный по ашельским и мустьерским изделиям Кавказа и Крыма прием обработки (ашельский комплекс Сатани-Дара, Киик-Коба, Ильская).

Несколько иной характер подтески брышка имеет третье орудие, сделанное из массивного отщепа неправильно-овальной формы и напоминающее некоторыми чертами долото. Одна его сторона подправлена по краю обычной крупной ретушью. На другой стороне ретушь состоит из плоских удлиненных фасеток, далеко заходящих на поверхность орудия (рис. 19—17).

Аналогичный прием обработки широко практиковался при изготовлении долотообразных орудий (*pièce écaillée*) в верхнепалеолитическое время. Этот тип ретуши прослежен в Аширабаде на одном только экземпляре, но возможно, что появление его не случайно. Если принять во внимание, что наряду с этим экземпляром в коллекции представлены еще два нуклеуса, имеющие следы сколов ножевидных пластин, то не исключено, что все эти изделия указывают на зарождение здесь новых, характерных для последующего, верхнепалеолитического времени способов обработки камня.

Наиболее многочисленную группу изделий в Аширабаде составляют орудия на треугольных отщепах. Среди них преобладают остроконечники (11 экз.) и скребла (10 экз.).

За исключением описанных выше двух экземпляров, остроконечники изготовлены на тонких отщепах и обработаны с одной только стороны (рис. 18 — 4, 7). Некоторые орудия имеют очень маленькие размеры (3,5 × 2,5), однако отщепы, из которых они сделаны, сохраняют хорошо выраженную площадку, предварительно подправленную на нуклеусе (рис. 19—14, 15).

Тщательная ретушь по краям, тонко оформленное острие и очень правильная треугольная форма остроконечников указывают на твердо выработанные и установившиеся приемы обработки этих орудий. В отличие от двухсторонне обработанных остроконечников, они сделаны на отщепах, имеющих ударную площадку в основании; ось удара, отделившего отщеп от нуклеуса, направлена по длине отщепа. Характерно, что ретушь на большей части остроконечников формирует края не до основания орудия, а лишь в верхнем его конце (рис. 19 — 14). Этот факт указывает, возможно, на укрепление остроконечников в рукояти. На использование орудий в рукояти указывают и небольшие размеры многих экземпляров. Очень тщательно приостренный у некоторых экземпляров верхний конец указывает на то, что эти остроконечники могли использоваться в качестве наконечников копий, а также в виде сверл и примитивных проколов. Остроконечники с наиболее массивным рабочим концом служили, вероятно, режущими инструментами.

Хорошо представлены в Аширабаде и скребла. Для их изготовления использовались наиболее широкие отщепы. Ширина отщепа часто равна его длине или превышает ее (рис. 19 — 18). Ретушь на скреблах менее правильная, чем на остроконечниках. Она состоит из крупных и мелких фасеток, часто перемежающихся между собой. Такая ретушь делает край неровным. Некоторые экземпляры сделаны на пластинах; в этих случаях вторичной подправкой обработан только один край; на втором крае и верхнем конце подправка отсутствует совсем. Ретушь на этих скреблах притупляющая (рис. 18 — 8, 10).

Кроме хорошо оформленных скребел, в коллекции имеются еще отщепы с ретушью или следами употребления по краям. Эти орудия служили для той же работы, для которой предназначались и скребла, т. е. они использовались для скобления и, вероятно, резания.

Таким образом, Аширабадское местонахождение дает набор орудий, весьма характерный для мустьерского времени. Несмотря на присутствие

в коллекции незначительного количества двухсторонних орудий, инвентарь Аширабада в целом имеет четко выработанные, установившиеся формы, типичные для развитого мустье. Основой для такой датировки служит наиболее многочисленная группа изделий — остроконечники и скребла. Как отмечалось уже, остроконечники отличаются тонкой обработкой и очень правильными формами. Не менее показателен для возраста этого местонахождения и тип заготовок. Тонкие треугольные отщепы и правильная форма дисковидного нуклеуса свидетельствуют также о развитой мустьерской технике. Наличие в коллекции единственного экземпляра ручного рубила указывает на то, что эта форма не является ведущей в данном комплексе; ее присутствие свидетельствует лишь о переживании в мустьерское еще время старых приемов обработки камня. Не случайны, конечно, и небольшие размеры аширабадского рубила.

Наиболее близкие к аширабадским формы орудий дают нижние слои Ахштырской и Навалишенской пещер (Адлерский и Сочинский районы). В мустьерских слоях этих пещер преобладают хорошо оформленные остроконечники и скребла. Многочисленные отщепы имеют правильные треугольные очертания и тонкий профиль. В Навалишенской пещере совершенно отсутствуют двухсторонне обработанные формы, а в Ахштырской они представлены очень небольшим количеством экземпляров. Среди них следует отметить два ручных рубила. Наиболее характерное и хорошо обработанное рубило залегало на самом дне пещеры вместе с тонкими остроконечниками и другими изделиями, возраст которых С. Н. Замятнин определяет развитым мустье¹.

Изделия Аширабадского местонахождения имеют во многом сходные черты и с мустьерскими орудиями многих пещер Передней Азии (Хазар-Мерд в Ираке, Шукба, Мугарет-эль-Вад и Табун в Палестине).

Кремневые орудия мустьерского слоя пещеры Хазар-Мерд состоят в основной своей части из остроконечников и скребел. Наиболее тщательно изготовленные остроконечники могли служить, как отмечает Гаррод, наконечниками копий. Отщепы, на которых сделаны эти остроконечники, тонки и хороши. Среди большого количества находок этого слоя встречено всего лишь два грубо сделанных ручных рубила. Одно из них на массивном отщепе, почти не обработанном с брюшка. На основании состава орудий и стратиграфических данных Гаррод относит эти находки ко второй половине мустье².

Аналогичный аширабадским состав находок дают также нижний слой пещеры Шукба, слой G Мугарет-эль-Вад и слой B пещеры Табун.

В хронологически последовательных отложениях пещеры Табун можно хорошо проследить характер изменения состава находок и их процентное соотношение. В то время как нижние, ашельские, слои пещеры Табун содержат в преобладающем количестве ручные рубила и другие двухсторонне обработанные формы, отложения мустьерского времени характеризуются орудиями, изготовленными на отщепах³. В мустьерских слоях ручные рубила встречены в единичных экземплярах. Среди орудий мустьерского слоя B, давшего, как и другие слои этой пещеры, чрезвычайно разнообразные и многочисленные серии находок, преобладают остроконечники, изготовленные на тонких треугольных отщепах, и скребла. Имеющееся в этом слое некоторое количество орудий, таких, как резцы и скребки, свойственных уже верхнему палеолиту, указывает, как и в Аширабаде, на

¹ С. Н. Замятнин. Навалишенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа. Бюлл. Четверт. комиссии, № 6—7, 1941.

² D. Garrod. The Palaeolithic of Southern Kurdistan. Excavations in the caves of Zarzi and Hazar-Merd. Bull. of the American School of Prehistoric Research, N 6, 1930.

³ D. Garrod. The Stone Age of Mount Carmel, т. I. Oxford, 1937.

зарождение в мустьерское время новых приемов обработки камня, характерных для более поздних эпох.

Сходство аширабадских находок с мустьерскими изделиями многих пещер Кавказа и Передней Азии, возраст которых определяется не только археологическими, но также фаунистическими и стратиграфическими данными, подтверждает датировку этого местонахождения временем развитого мустье.

Обнаруженные в Аширабаде среднемустьерские изделия имеют важное значение уже потому, что они заполняют еще один пробел в наших знаниях о культуре четвертичного человека в Армении.

Есть основание думать, что дальнейшие исследования в Армении могут привести к обнаружению мустьерских местонахождений не только открытого типа, но и в пещерах (которые, к слову сказать, не подвергались здесь изучению в археологическом отношении), позволяющих полнее характеризовать как развитие палеолитической техники, так и тех деталей, которые могут быть изучены только на стоянках с ненарушенным культурным слоем (фауна, планировка поселения и т. д.).

Обнаружение в Армении стоянок под открытым небом с ненарушенным культурным слоем можно ожидать, вероятнее всего, под позднечетвертичными лавовыми покровами. В Закавказье известны уже случаи нахождения стоянок каменного века под лавами¹. Будет вполне естественным, если такого рода открытия приумножатся дальнейшими исследованиями.

---

¹ Л. И. Маруашвили. Зуртакетская палеолитическая стоянка в южной Грузии и ее геологическое значение. Природа, 1946, № 12.

Е. А. БЕКИЛОВА

ЭПИПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КУКРЕК
В КРЫМУ

Эпипалеолитическая стоянка Кукрек¹ была обнаружена во время работ экспедиции Зоологического музея АН СССР под руководством Г. А. Бонч-Осмоловского в 1926 г. и исследовалась им в течение 1926—1927 гг. Автор не успел опубликовать довольно значительный и любопытный материал этой стоянки, а ограничился отдельными замечаниями и заключениями, помещенными прежде всего в его сводной работе по палеолиту Крыма² и в статьях³⁻⁶ о характере инвентаря Кукрека и месте данного памятника в ряду известных палеолитических местонахождений Крыма. Отсутствие специальной публикации этого интересного памятника, в котором культурный слой сохранился на месте отложения, побудило нас дать описание этого местонахождения⁷.

Стоянка Кукрек расположена в 3 км южнее селения Кипчак, вверх по течению р. Зуи, на поросшей травой площадке, слегка понижающейся к северу и ограниченной с востока и запада высокими лесистыми горами. На юге площадка круто обрывается к реке, а в северо-восточном направлении обращена к широкому ущелью. Стоянка расположена на высоте 30 м от уровня р. Зуи.

«Деревня Кипчак лежит в предгорной области Крыма, в долине р. Зуи, притоке Салгира, в 25 верстах на восток от г. Симферополя и в 3 верстах

¹ Археологическая коллекция хранится в Ленинграде, в Институте этнографии АН СССР, за № 5396 и 5399. Некоторая часть материалов находится в отделе Четвертичной геологии Института геологических наук АН СССР.

² Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934.

³ Крымская экспедиция Зоологического музея. Отчет о деятельности АН СССР за 1926 г., т. II, 1927.

⁴ Крымская палеонтологическая экспедиция (Зоологического музея). Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г., т. II, 1927.

⁵ Крымская экспедиция по исследованию пещер летом 1926 г. (краткий отчет). Зап. Крымск. об-ва естествоисп. и любит. природы, т. IX, 1927.

⁶ G. Bonch-Osmolovskiy. Le Paléolithique de la Crimée. Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода, 1929, № 1.

⁷ В работе использованы следующие материалы:

а) отчеты о раскопках стоянки Кукрек в 1926 и 1927 гг. Архив ЛОИИМК, фонд 2, арх. № 148 за 1926 г. и арх. № 122 за 1927 г.;

б) чертежи и фотографии, имеющиеся при отчете Г. А. Бонч-Осмоловского и находящиеся в Институте этнографии АН СССР, фотоархив, ф. И-465, № 32—45 и ф. И-574, № 22—27.

в) Г. А. Бонч-Осмоловский. Работы Крымской палеоэтнологической экспедиции в 1927—1928 гг. Журн. «Человек», 1928, № 2—4, стр. 279—280. П. П. Ефименко. Первобытное общество, 1938, стр. 619. П. П. Ефименко и Н. А. Бергманова. Палеолитические местонахождения СССР. МИА СССР, вып. 2, стр. 276 и др.

от селения Нейзац. Склоны довольно тесного и глубокого, до 200 метров, ущелья реки Зуи, прорывающейся здесь с юга на север через предгорья Яйлы, покрыты мелким лиственным лесом. Вверху они переходят в отвесно поднимающиеся массивы верхнеюрских известняков, которые на верхней своей поверхности образуют ровное плато, переходящее в северном направлении в степь. Высшая точка этого плато лежит на высоте 540 м над уровнем моря, возвышаясь на 200 м над руслом реки»¹.

За два года раскопок на стоянке Кукрек была вскрыта площадь около 100 м² (участки № 2—17г—л). Кроме того, в юго-западной части поляны были заложены разведочная траншея и несколько шурфов в разных

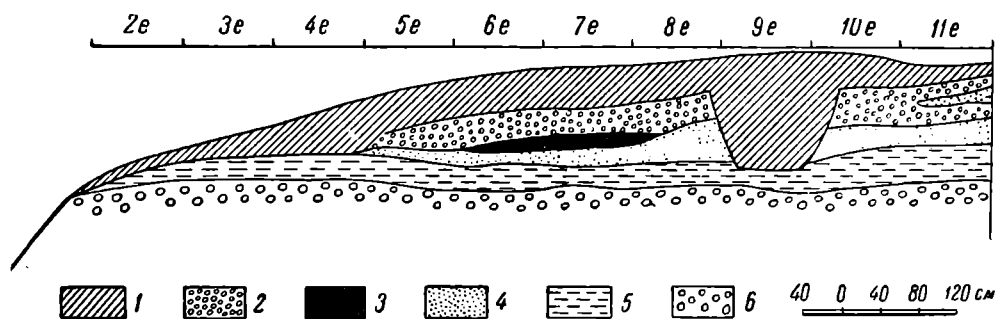

Рис. 20. Стоянка Кукрек. Разрез

1 — гумус; 2 — серый галечник; 3 — погребенная почва; 4 — стерильный слой; 5 — культурный слой; 6 — нижний галечник

местах, в которых не обнаружено культурных отложений. В юго-восточной части площадки оставлены контрольные участки. Стратиграфия слоев стоянки представляется в следующем виде (рис. 20).

1. Гумусный слой черного цвета с находками позднего времени. Мощность	10—40 см
2. Серый галечник делювиального происхождения с редкими находками обработанного кремня. Мощность	20 см
3. Тонкие прослойки погребенного гумуса темного цвета, простирающегося не по всей площади стоянки. Мощность	10 см
4. Стерильный слой желто-шоколадного цвета, состоящий в северной части из песка, в южной—из глины. Мощность	10—40 см
5. Культурный глинисто-песчаный слой темносерого цвета с включением раковин наземных моллюсков. Мощность	10—25 см
6. Нижний галечник. Глубина раскопа	1,5—2 м.

Хотя стратиграфические данные и указывают на наличие на стоянке Кукрек двух культурных горизонтов, располагающихся соответственно во 2-м и 5-м слоях, тем не менее, нет достаточных оснований разделить их слишком долгим промежутком времени. Может быть, верхний культурный слой отложился вследствие кратковременного пребывания здесь охотничьего стойбища, оставившего слабые следы своего пребывания в виде небольшого числа кремневых отщепов и орудий.

Не исключено также и другое решение — допустить некоторое смешение материалов из нижнего и верхнего культурных слоев, особенно на участках, близких к речному откосу. Тщательное сопоставление кремневого инвентаря из верхнего и нижнего культурных слоев убедило нас в их полной тождественности; поэтому мы сочли возможным рассматривать их как единый во времени комплекс.

В разных местах раскопа, чаще в верхнем гумусном слое, при раскопках встречены ямы различного диаметра, относящиеся, вероятно, к византий-

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Остатки древнепалеолитического человека в Крыму. Журн. «Природа», 1926, № 5—6, Изд-во АН СССР, стр. 60.

скому времени. Наиболее глубокие из них прорезали всю толщу отложений, достигая иногда глубины залегания позднепалеолитических остатков. Ямы эти, как правило, были заполнены зольной массой, в которой встречались черепки поливной и неполивной керамики. Кроме того, тут же в верхнем слое найдено несколько предметов, относящихся, вероятно, к кызыл-кобинской культуре: черепки посуды и наконечник стрелы, обработанный двухсторонней отжимной ретушью.

Что касается нижнего позднепалеолитического слоя, то для нас наиболее интересны остатки очагов, видимо находившихся в пору обитания здесь человека в наземных жилищах, а быть может и на открытом воздухе.

Основное позднепалеолитическое кострище находилось на участках № 8 и № 9 гд, № 10 д, где культурный слой утолщается и принимает более темную, почти черную окраску. Второй очаг, диаметром около 80 см, располагался на границе участков № 13 еж, на глубине 140—166 см. Очажная ямка, обрамленная камнями, была заполнена золой темносерого цвета. Находок в очаге не было. На соседних участках № 14 еж, на глубине 140—175 см, был обнаружен третий очаг, диаметром 90 см. Толщина очажного слоя — 35 см. Этот очаг был заполнен крупным гравием с одним большим камнем. Находок в очаге мало.

Эти участки и соседние являлись центром стоянки, о чем свидетельствует концентрация здесь кремневых орудий и расщепленного кремня, а именно на участке № 13 ж — 389 кремней; на участке № 13 е — 186 кремней и т. д. Всего в Кукреке на площади раскопа в 100 м² обнаружено около 1110 кремневых орудий и около 8 тыс. обломков и осколков. Наиболее насыщены культурными остатками были участки № 12—17 еж и № 10 кл.

Всего за два года раскопок найдено¹:

Нуклеусы	50
Сколы с нуклеусов	65
Скрепки на сколах	75
Резцы на сколах	170
Резцы на пластинках	50
Пластинки со скошенным концом	45
Пластинки с выемками	45
Пластинки с боковой ретушью	605
Микролиты	9

Кремень, из которого изготовлены орудия, имеет цвет от белого до темносерого. Большинство орудий изготовлено из светлосерого кремня, обычно покрытого белой патиной. Орудия часто носят следы желвачной корки или известкового натека. Ближайшее месторождение кремня в настоящее время известно, по словам В. А. Городцова², в окрестностях Карасубазара, т. е. в 15—20 км от Кукрека.

Нуклеусы (рис. 21—1—7). Среди них 3 нетипичных дисковидных нуклеуса и 10—15 крупных нуклеусов, приближающихся к призматическим, со следами первичной обработки на разных стадиях.

Разнообразна и интересна серия (более 35 экз.) правильных призматических нуклеусов, либо карандашевидной формы с ровными последовательно расположенными гранями, либо с расширенной ударной площадкой и сильно суживающимся концом. В некоторых случаях на боковых ребрах

¹ Статистические сведения мы даем по отчету Г. А. Бонч-Осмоловского за 1927 г. Архив ЛОИИМК, Ф. 2, арх. № 122; 1927, Л. 20, 21, в котором в приложении даны сводки находок за два года раскопок.

² В. А. Городцов. К определению древности мезолитической стоянки в пещере Книж-коба. Изв. Тавр. об-ва истории, археол. и этногр., т II (59). Симферополь, 1928, стр. 36.

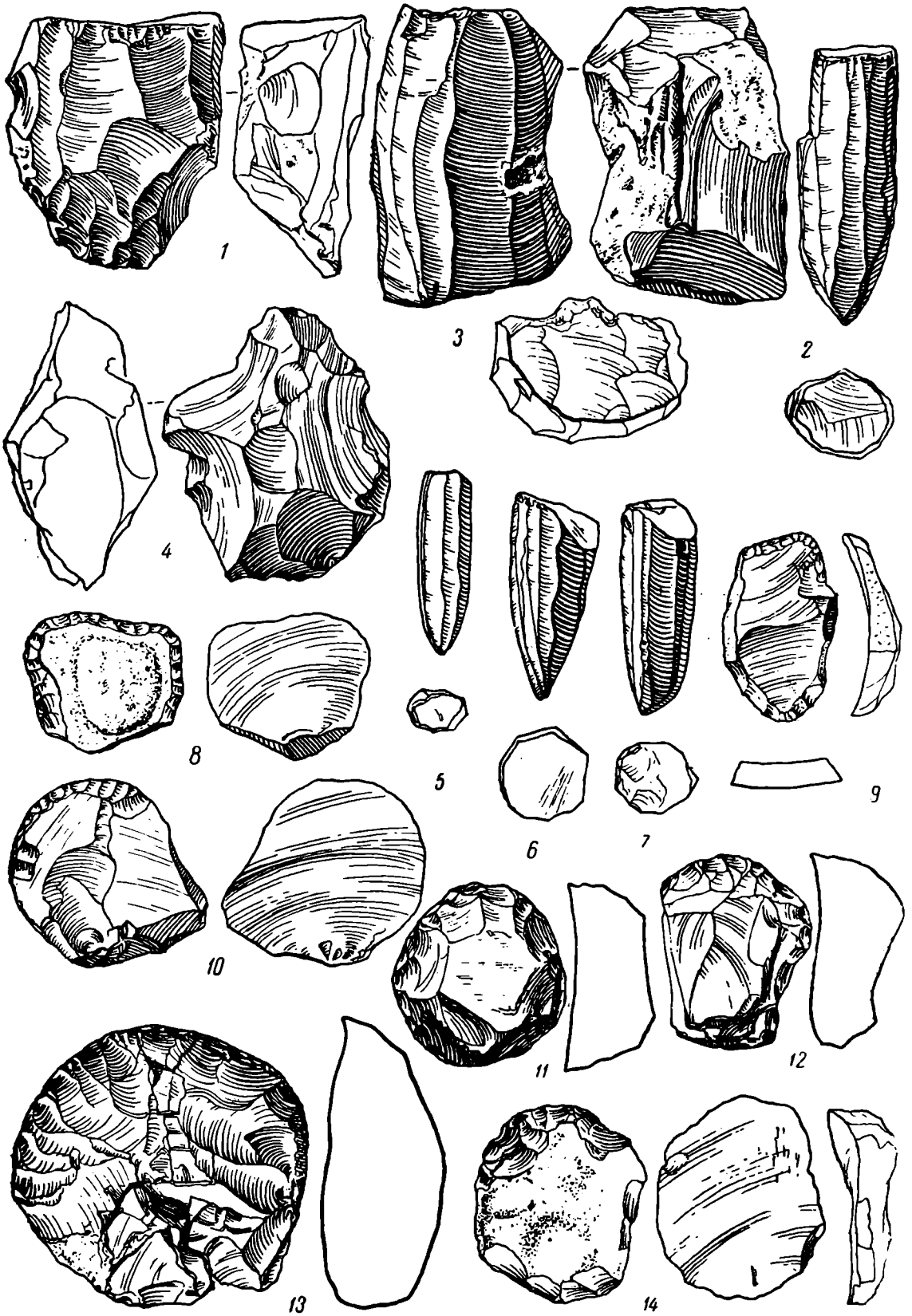

Рис. 21. Стоянка Кукрек. Орудия из кремня

1 — 7 — нуклеусы; 8 — 14 — скребки

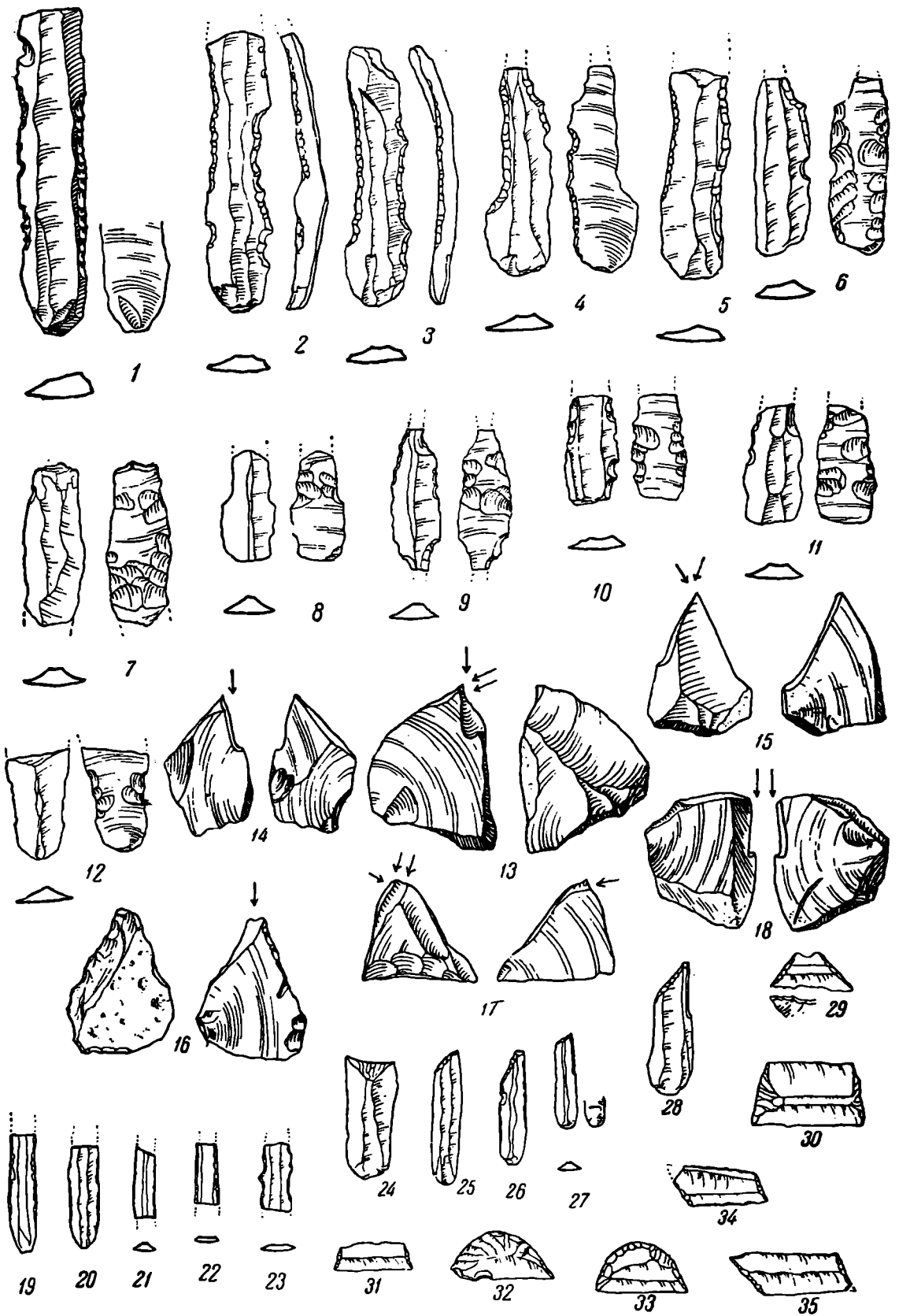

Рис. 22. Стоянка Кукрек. Орудия из кремня

1 — 5 — пластины с выемками; 6 — 12 — вкладыши с ретушью с брюшка; 13 — 18 — резцы; 19 — 28 — микропластинки разных типов; 29 — 35 — микроотщипы

нуклеуса с одной стороны нанесены поперечные сколы. Многочисленна группа нуклевидных обломков и сколов от нуклеусов.

Скребки и скребковидные орудия (рис. 21—8—14). В подавляющем большинстве это скребки на сколах неправильно округлых или овальных очертаний. Рабочий край обычно оформлен частичной ретушью. Имеются два правильных округлых скребка высокой формы и очень большой и массивный скребок с рабочим краем, оформленным ретушью почти по всему краю, кроме пятки у ударного бугорка (рис. 21—13).

Резцы на сколах (рис. 22—13—18). Большое количество резцов на сколах и обломках отличает эту стоянку от всех известных эпипалеолитических стоянок Крыма (да и не только Крыма). Найдены резцы различных типов: чаще всего срединные, а также боковые с подретушевкой, одинарные и двойные; многофасеточные резцы на нуклевидных обломках. Попадаются единичные экземпляры, у которых «резцовый скол скалывался с конца предыдущего, последовательно ограничивая все орудие»¹.

Общим для резцов Кукрека является то, что они изготовлены на сколах, реже — на нуклевидных обломках неправильной формы и имеют архаический вид.

Пластинки с боковой ретушью. Данная группа отличает все стоянки верхнего палеолита. Призматические пластинки являются заготовками для других типов орудий — пластинок с выемками, пластинок со скошенным концом, резцов на углу пластинки, орудий геометрических форм.

В коллекции стоянки Кукрек имеются как обычные правильные призматические пластинки 8—10 см длины и 1,5—2 см ширины, так и исключительно мелкие, узкие микропластинки длиной 3—5 см при ширине 0,3—0,6 см, целые, сломанные и их сечения.

В этой группе выделяется серия поперечных сечений, обычных призматических пластин с боковой ретушью и подтеской с брюшка. Г. А. Бонч-Осмоловский называет их вкладышами кукрекского типа.

Пластинки с выемками (рис. 22—1—5). Серия пластинок с выемками характерна для стоянок позднего палеолита. Кукрекские пластинки с выемками обычно имеют длину 5—9 см при ширине 0,4—1,5 см. Среди них имеются мастерски исполненные.

Резцы на микропластинках (рис. 22—27, 28). Это миниатюрные микропластинки со скошенным концом, оформленным ретушью, и тончайшим резцовым сколом.

Пластинки со скошенным концом (рис. 22—25, 26). Обычно это те же микропластинки длиной 2—3 см, шириной 0,3—0,5 см со скошенным концом, оформленным ретушью. Попадают единичные экземпляры более крупных размеров.

Геометрические формы (рис. 22—29—35). Находки их единичны, а именно: 4 трапеции, 3 сегмента, 2 микролита, по форме напоминающие параллелограм. Микролиты имеют совершенный облик и обработаны тонкой ретушью, которая заходит на большую часть орудия (рис. 22—32).

Костяной инвентарь. В отчетах автора за 1926—1927 гг., так же как и в некоторых статьях Г. А. Бонч-Осмоловского²⁻³, говорится о полном отсутствии костяных орудий в Кукреке. Отсутствуют они и в коллекции, хранящейся в Институте этнографии АН СССР в Ленинграде. Однако в классификационной таблице сводной работы Г. А. Бонч-Осмо-

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 159.

² Крымская палеолитическая экспедиция — отчет о деятельности АН СССР за 1927 г., т. II, Л., 1928, стр. 167.

³ Г. А. Бонч-Осмоловский. Работы Крымской палеоэтнологической экспедиции в 1927—1928 гг. Журн. «Человек», 1928, № 2—4, стр. 280.

ловского по палеолиту Крыма¹ в Кукреке значатся костяные шилья и наконечники. В тексте указанной работы о них сведений нет.

В Зоологическом институте АН СССР², куда переданы на хранение остатки фауны почти со всех стоянок, раскопанных Г. А. Бонч-Осмоловским, имеется только один экземпляр кости *Cervus elaphus* из стоянки Кукрек, тогда как Г. А. Бонч-Осмоловский в упоминаемых отчетах пишет³ о 40 определяемых костях животных, найденных в этой стоянке.

В литературе имеются несколько разноречивые сведения, которые, однако, не меняют общего представления о фауне Кукрека как о фауне современной нам геологической эпохи⁴.

Наиболее полный список фауны дается в таблице к работе⁵ 1929 г., составленной на основании предварительного определения А. А. Бирули, где Г. А. Бонч-Осмоловский приводит фауну из двух культурных слоев с несколько отличным составом:

Нижний слой (5): Волк (*Canis lupus*)
Олень благородный (*Cervus elaphus*)
Кабан (*Sus scrofa*)
Верхний слой (2): Рысь (*Felis lynx*)
Волк (*Canis lupus*)
Олень благородный (*Cervus elaphus*)
Кабан (*Sus scrofa*)
Лошадь (*Equus caballus*)

К этому списку следует добавить рыжего суслика и раковины наземных улиток из рода *Helix*. Фауна из стоянки Кукрек вполне соответствует эпипалеолитической фауне из других стоянок Крыма, однако представлена меньшим количеством видов, чем, скажем, в пещерных стоянках предгорной и горной полосы. Это находит свое объяснение в том, что условия залегания костей в скалистых убежищах значительно более благоприятны для сохранения вещества кости, чем на открытых местонахождениях, каким является стоянка Кукрек.

Среди палеоботанических остатков, собранных в Кукреке, можно отметить только наличие угольков дуба⁶. Его присутствие в эпипалеолитических стоянках Крыма закономерно и отвечает природной обстановке, которая сложилась в эпипалеолитическое время в Крыму.

Не может быть сомнения в том, что Кукрек представляет стоянку, слой которой в основном сохранился *in situ*. Складывается впечатление, что участки № 8—10 гд и № 13—14 еж были центром жилой площадки первобытного человека. Об этом свидетельствуют расположение здесь очагов и концентрация кремня.

Таким образом, Кукрек следует рассматривать как более или менее долговременную стоянку первобытного человека, где изготовлялись орудия (большое количество нуклеусов и расщепленного кремня). О длительности обитания здесь человека свидетельствуют довольно обширная площадь

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 168—169.

² Зоологический институт АН СССР. Ленинград. Книга поступлений, № 15889.

³ Архив ЛОИИМК: 1) Ф. 2 за 1926 г., арх. № 148, лист. 29; 2) Ф. 2 за 1927 г., арх. № 122, лист 21.

⁴ А. А. Бируля. Предварительное сообщение о грызунах из четвертичных отложений Крыма. Докл. АН СССР, 1930, сер. А, № 23 и 618. А. А. Бируля. Предварительное сообщение о хищниках из четвертичных отложений Крыма. Докл. АН СССР, 1930, сер. № 6. В. И. Громов и В. И. Громов. Материалы к изучению палеолитической фауны Крыма в связи с некоторыми вопросами четвертичной стратиграфии. Тр. Советской секции АИЧПЕ, вып. 1, 1937, стр. 65, 70, 92—93.

⁵ G. Bонч-Osmolovsky. Le paléolithique de Crimée. Булл. Комиссии по изуч. четверт. периода, 1929, № 1. Изд-во АН СССР, стр. 34—35.

⁶ А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры по остаткам древесного угля. Тр. II Международной конфер. АИЧПЕ, вып. V, 1939, стр. 70.

стоянки, наличие очагов со значительной прокаленной и обильный инвентарь. Основным способом добывания средств к существованию у обитателей стоянки продолжала оставаться охота в ее новых, в сравнении с верхним палеолитом, формах: с помощью лука и стрел, значительно дополняемая собирательством.

К какой стадии эпилеолита должна быть отнесена стоянка Кукрек?

Кремневый инвентарь Кукрека — призматические нуклеусы, правильные призматические пластинки и микропластинки, серия пластинок с выемками, пластинки со скошенным краем — имеет совершенный облик и отличается исключительно высокой техникой раскалывания кремня, когда путем последовательных отжимов и ударов, очень точных и достаточно сильных, от призматических нуклеусов откалывались правильные пластинки, сначала более крупных размеров, затем — более мелких. Сами нуклеусы приобретали все более правильную форму с точным ограничением фасеток на местах отколотых пластинок.

Однако при первом же знакомстве с коллекцией бросается в глаза своеобразие инвентаря стоянки Кукрек, выражающееся в наличии огромного количества резцов на сколах и единичности геометрических микролитов.

Обычно для позднего палеолита, в особенности для его завершающей стадии, значительное уменьшение резцов. Поэтому бытование их как стойкой формы в Кукреке кажется мало понятным. Почти полное отсутствие костяных орудий, для изготовления которых применялись главным образом резцы, и небольшое количество костей животных не позволяют безоговорочно решить этот вопрос. Хотя отсутствие костяного инвентаря в открытых стоянках обычно, это отнюдь не означает, что первобытный человек не пользовался костью для изготовления орудий, а скорее свидетельствует, как было сказано выше, о плохих условиях сохранности.

Что же касается микролитов, то, действительно, обычных геометрических форм здесь очень мало. Но микролитические орудия, быть может заменяющие геометрические формы, имеются на стоянке в значительном числе. Из 1100 орудий более 350, т. е. 30%, изготовлено из микропластинок и их сечений. Эти многочисленные микропластинки со скошенным краем, иногда с резцовым сколом, сечения обычных пластинок с ретушью солютрейского типа с брющка, а иногда со спинки, придающей им более уплощенный вид, микропластинки и сечения их с ретушью или без нее не могли, конечно, служить самостоятельными орудиями, а были, скорее всего, вкладышами.

Какие выводы можно сделать из анализа кремневого инвентаря Кукрека?

Техника раскалывания кремня в Кукреке достигла исключительного совершенства. В этом отношении Кукрек стоит на первом месте среди всех известных эпилеолитических стоянок Крыма. Кукрек — бесспорно развитая эпилеолитическая стоянка, несмотря на почти полное отсутствие геометрических микролитов, столь характерных для эпилеолитических стоянок Крыма.

Мы не можем полностью согласиться с Г. А. Бонч-Осмоловским, который считал Кукрек стоянкой тарденуазского времени в его начальной стадии и на основании французских, немецких и бельгийских аналогий допускал возможность выделения этих комплексов в «повсеместно распространенный этап тарденуазской стадии».

«Инвентарь Кукрека занимает промежуточное место между инвентарем Сюрени II и тарденуазскими стоянками, — писал Г. А. Бонч-Осмоловский, — приближаясь к первым по наличию резцов и ретуши солютрейского типа на нижнем конце пластин и ко вторым — совершенством пластин и наличием округлых скребков и пластин *encoche*»¹.

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита, стр. 165.

Действительно, указанное сходство типов орудий наблюдается в инвентаре Сюрени II, но техника раскалывания кремня в указанной стоянке заметно отличается. Нуклеусы Сюрени II больших размеров и гораздо менее правильных форм. Поэтому и заготовки пластин менее совершенны: обычно это ребровидные или плоские, но все же довольно крупные и более массивные пластинки. Степень микролитизации инвентаря в Сюрени II значительно меньше, несмотря на примерно одинаковое количество геометрических типов, которые в Сюрени II имеют очень примитивный облик. Столь отчетливые различия не позволяют поставить материал из Кукрека на ступень, следующую за Сюренью II.

Инвентарь Кизил-Коба более близок. Это те же небольших размеров нуклеусы в форме карандаша или конуса, но несколько укороченных пропорций, округлые скребки на отщепках, пластинки с выемками, серия микропластинок, сегментов и трапеций совершенного облика.

Несмотря на указанное своеобразие кремневого материала стоянки Кукрек, Г. А. Бонч-Осмоловский сам отмечает исключительное совершенство техники раскалывания кремня.

В заключение следует еще раз подчеркнуть местоположение стоянки. Кукрек — единственная открытая эпилеолитическая стоянка Крыма, расположенная на границе леса и степи, с сравнительно небольшой высотной отметкой от уровня реки.

Интересно сопоставление материалов из стоянки Кукрек с материалами из других стоянок, расположенных вне территории Крыма. В. И. Даниленко, специально занимавшийся раннеолитическими поселениями на юге Украины, в том числе и в пределах порожистой части Днепра, сообщил мне, что в ряде местонахождений раннеолитического времени отмечены находки большого количества резцов и микропластинок с ретушью, при небольшом количестве геометрических микролитов. Эти раннеолитические комплексы сопровождаются архаической остродонной керамикой.

Обращает на себя внимание и стоянка Песочный ров, исследованная М. В. Воеводским на Украине. Здесь, несмотря на определенно эпилеолитический инвентарь, переходящий уже в раннеолитическое время, в наборе инвентаря все же сохраняется некоторое количество резцов на сколах.

Стоянка Кукрек, располагавшаяся на границе лесостепной полосы, быть может, по своим культурно-историческим проявлениям скорее тяготеет к украинским местонахождениям, чем к специфическим эпилеолитическим памятникам Крыма, отличающимся другими особенностями, в том числе и развитием геометрических форм вкладышей.

Г. А. ЧЕРНОВ

СТОЯНКИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА
В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЫ

Летом 1947 г. мною производились геологические исследования в северной части Большеземельской тундры. Попутно с геологическими работами были произведены поиски стоянок древнего человека.

Стоянки древнего человека были обнаружены мною и раньше¹ в различных местах центральной и южной части Большеземельской тундры (рис. 23), что дало основание искать их и на севере.

В 1947 г. исследованиям подверглась значительная территория северной части Большеземельской тундры от гор. Нарьян-Мара до Хайпудырской губы, включая и морское побережье.

Стоянки древнего человека, на которых были собраны кремневые орудия и черепки глиняных сосудов, группируются в бассейнах трех рек: Куи, Черной и Хейбиде-Пэдара. Всего обнаружено 29 стоянок, с которых собрано около 150 кремневых орудий и 432 глиняных черепка, принадлежащих не менее чем 30 сосудам.

В сборах археологического материала принимали участие сотрудники Большеземельской экспедиции М. И. Шевыренкова и В. Г. Чернов. Все зарисовки на прилагаемых таблицах выполнены Т. Н. Черновой.

Всем лицам, принимавшим участие в данной работе, приношу искреннюю благодарность, а также археологам М. Е. Фосс и В. Н. Чернецову за их ценные советы, которыми я неоднократно пользовался.

Собранный материал передан нами в ГИМ.

I. СТОЯНКИ НА р. КУЕ

На р. Куде и ее притоке Хальмер-ю с речкой Северной и ручьем Ярейшором было обнаружено 12 стоянок.

Долины этих рек выработаны в толще четвертичных отложений, представленных преимущественно ледниковыми валунными суглинками, песками и галечниками.

¹ Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека на р. Колве, Колва-вис и Сандибей-вис в Большеземельской тундре. КСИИМК, вып. IX, 1941.

Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. Тр. Четвертичной комиссии, т. 7, вып. 1, 1948.

Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в низовьях р. Печоры. КСИИМК, вып. XXIII, 1948.

Г. А. Чернов. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. СА, т. XV, 1950.

Основание берегов сложено обычно валунными суглинками, прикрытыми сверху желтыми флювиогляциальными песками, содержащими в нижних горизонтах гальку и прослой галечников. Иногда между песками и валунными суглинками замечаются озерные глины. Желтые пески в верхних горизонтах мелкозернистые и содержат лишь мелкую гальку. На лишенных растительности пространствах пески эти сильно развеиваются ветром, и заключенная в них галька скопляется на развеиваемых поверхностях, которые местные жители называют яреями. Яреи обычно образуются на коренных берегах долин и на древних террасах вблизи реки.

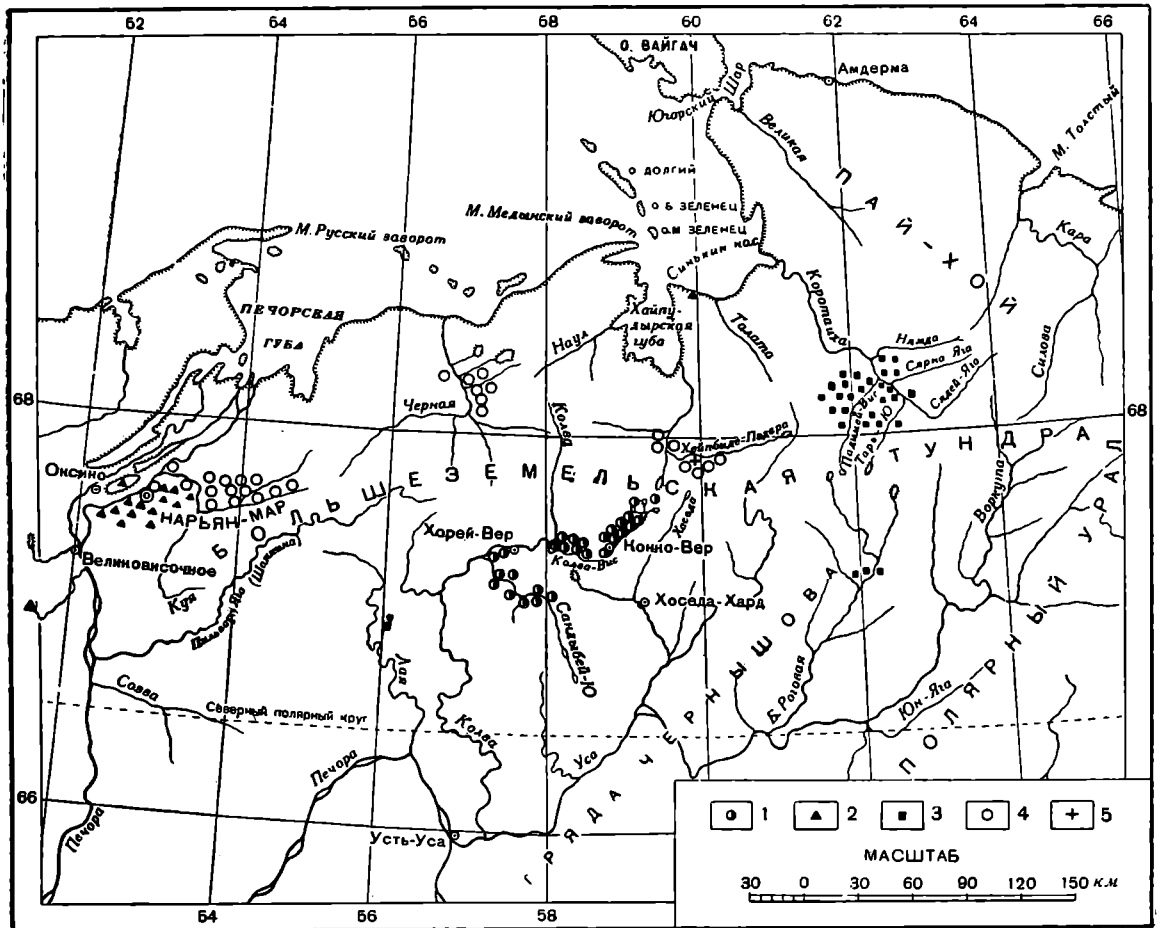

Рис. 23. Схема размещения археологических памятников, обнаруженных в Большеземельской тундре Г. А. Черновым

1 — стоянки древнего человека, обнаруженные в 1939 г.; 2 — то же в 1940 г.; 3 — то же в 1941 г.; 4 — то же в 1947 г.; 5 — жертвенное место, обнаруженное в 1947 г.

Такие котловины, выдуваемые в песках, довольно часто встречаются на р. Куе и расположены по обоим ее берегам.

Пройденный участок р. Куи (от дер. Харитоново почти до устья Хальмер-ю) представляет широкую долину (до 2 км), постепенно суживающуюся вверх по течению. Высота коренных берегов не превышает 20 м. На реке развиты три террасы: пойма до 3 м высоты, надпойма — 6 м и третья древняя терраса — 10 м (высота указана над меженным уровнем реки).

Первая стоянка. Первые кремневые орудия были найдены на левом берегу р. Куи, почти у самой деревни Харитоново. Высота берега — 25—30 м. Здесь, на коренном берегу, располагаются яреи до 7 м глубиной. Вблизи кладбища, на ровных яреях, были обнаружены 2 кремневых обломка наконечников стрел и 1 скребок серого кремня, имеющий круглый

рабочий край (рис. 24—1). Скребок был в употреблении, его рабочий край затуплен.

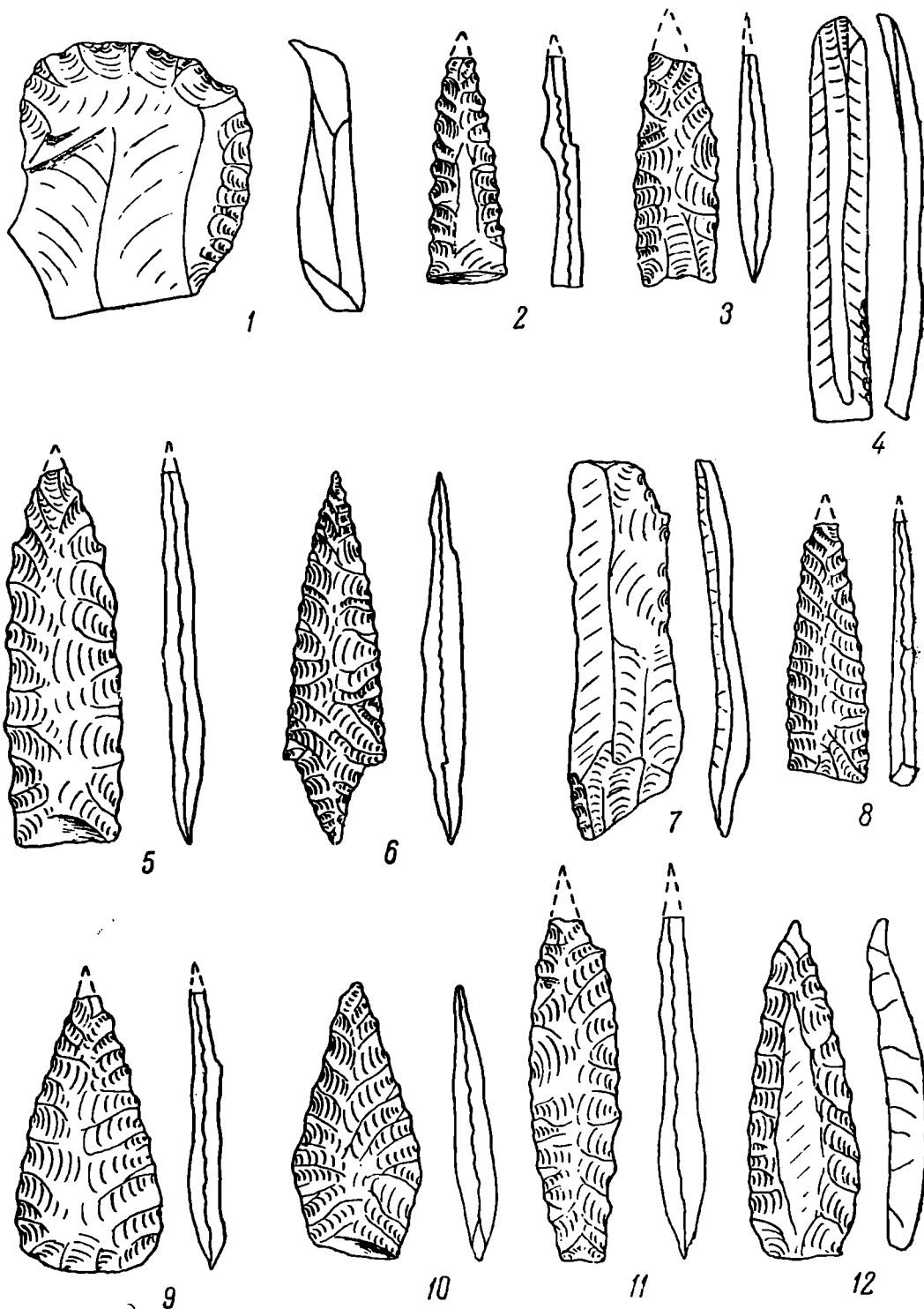

Рис. 24. Кремневые орудия со стоянок Большеземельской тундры

1—скребок; 2, 3, 5, 6, 8—12—наконечники стрел; 4, 7—ножевидные пластины (1—3—с первой стоянки, 4—12—со второй)

Наконечники стрел сделаны из желтоватого кремня; один из них листовидной формы с неглубокой выемкой в тыле, второй — с пальчатыми краями (рис. 24—2).

Вторая стоянка. Вторая стоянка находится на 10-метровой террасе, на правом берегу р. Куи, в 20—22 км выше дер. Харитоново. В желтых песках террасы находится несколько сравнительно небольших яреев. На нескольких яреях, расположенных выше устья двух ручьев, найдены кремневые орудия, и в одном месте — черепки глиняной посуды. Среди большого количества (60) мелких кремневых отщепов были встречены три наконечника стрел, скребок и 3 ножевидные пластинки (рис. 24—4). Один из наконечников листовидной формы с прямым тыльем (рис. 24—5), второй — с двумя жальцами (рис. 24—6), третий — обломанный (рис. 24—8); кремень скребков, ножевидных пластинок и отщепов преимущественно светложелтый, а у наконечников стрел — с голубоватым оттенком.

В восточной части стоянки были собраны 33 черепка, принадлежащих, по видимому, двум сосудам. На черепках сохранился гребенчатый орнамент, представленный на рис. 28—1 и 2. Судя по изгибу черепков, диаметр сосудов не превышал 28 см при толщине стенок 8 мм. Наружная сторона черепков имеет красный цвет. В глину примешивалась дресва дробленого гранита (видно большое количество кварца и розовых кристаллов полевого шпата).

Третья стоянка. На крупном ярее, расположенном на той же 10—12-метровой террасе, что и вторая стоянка, в трех местах собраны наконечники стрел, нож, скребки, проколка и 22 кремневых отщепа. В одном месте найдено всего 2 черепка от одного сосуда. Среди наконечников имеется один листовидной формы с широким круглым насадом (рис. 24—9), другой — с острым насадом (рис. 24—10), третий сделан из ножевидной пластинки с тупым тыльем (рис. 24—12), четвертый — листовидный с тупой тыльной частью (рис. 24—11). Найдены 2 наконечника с острым насадом (рис. 25—1, 2), а два других — со слегка выпуклыми краями и выемкой в тыльной части (рис. 25—3, 4), обломанный наконечник стрелы и проколка (рис. 25—7), нож асимметричной формы (рис. 25—8) и скребок с круглым рабочим краем. Кремень всех перечисленных орудий преимущественно серого цвета. Черепки глиняного сосуда несут гребенчатые насечки и имеют с внешней стороны красноватый цвет (рис. 28—3). Форму сосуда по 2 черепкам установить не удается. Судя по орнаменту, обычно свойственному круглодонным сосудам других стоянок, он был, по видимому, круглодонным. Толщина стенок сосуда — 6 мм.

Четвертая стоянка. На небольшом ярее, расположенном в 250 м к востоку от третьей стоянки, найдено: 3 наконечника, 2 скребка и 23 кремневых отщепа, из которых два — с обработанными краями; 2 наконечника листовидной формы с тупым прямым тыльем (рис. 25—6, 10), третий — с острым насадом (рис. 25—9); один скребок с круглым рабочим краем, другой — треугольной формы с прямыми рабочими краями. Кремень преимущественно светлосерый и светложелтый.

Пятая стоянка. Пятая стоянка находится на западном берегу оз. Ярей-ты, которое расположено на западной стороне возвышенности Чун-Седа. Здесь золотые пески развеиваются на значительной площади, образуя глубокие яреи, на которых в трех пунктах были обнаружены кремневые и керамические остатки, принадлежащие древнему человеку.

Наибольшее количество кремневых орудий и черепков глиняных сосудов было собрано в южной части развеиваемых песков, вблизи озера. На дне ярея, вблизи красновато-бурого культурного слоя, среди большого количества кремневых отщепов (130 шт.) найдено: 2 наконечника стрел (рис. 26—1, 4), один из них сделан из зеленоватого сланца и имеет шлифованные края (рис. 26—5); наконечник копья (рис. 26—6); проколка (рис. 26—2); 9 скребков с круглыми рабочими краями (рис. 26—8—10), из которых один с круглой выемкой служил для обработки круглых предметов.

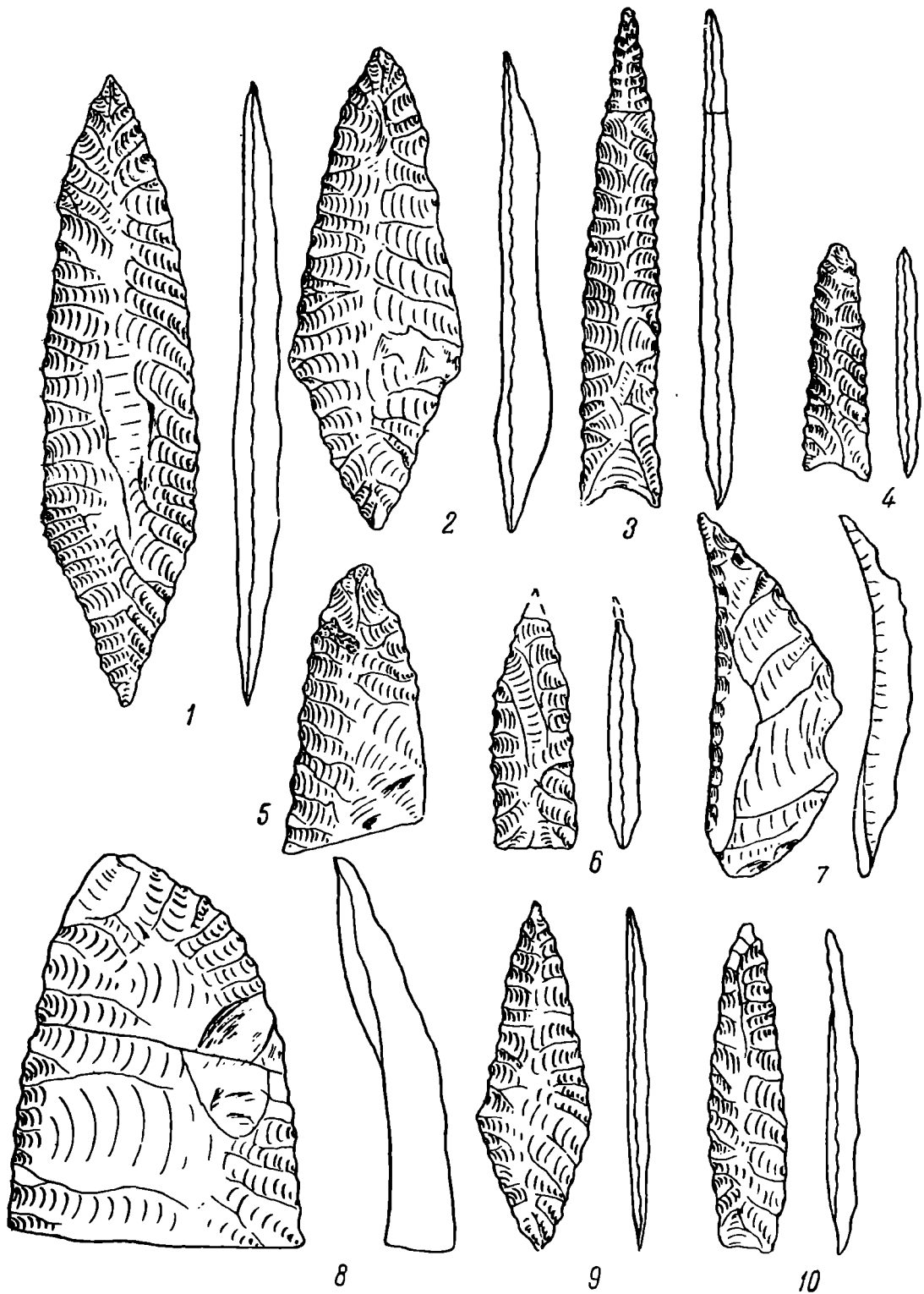

Рис. 25. Кремневый инвентарь со стоянок Большеземельской тундры

1 — 6, 9, 10 — наконечники стрел; 7 — проколка; 8 — обломок ножа (1 — 5, 7, 8 — с третьей стоянки; 6, 9, 10 — с четвертой)

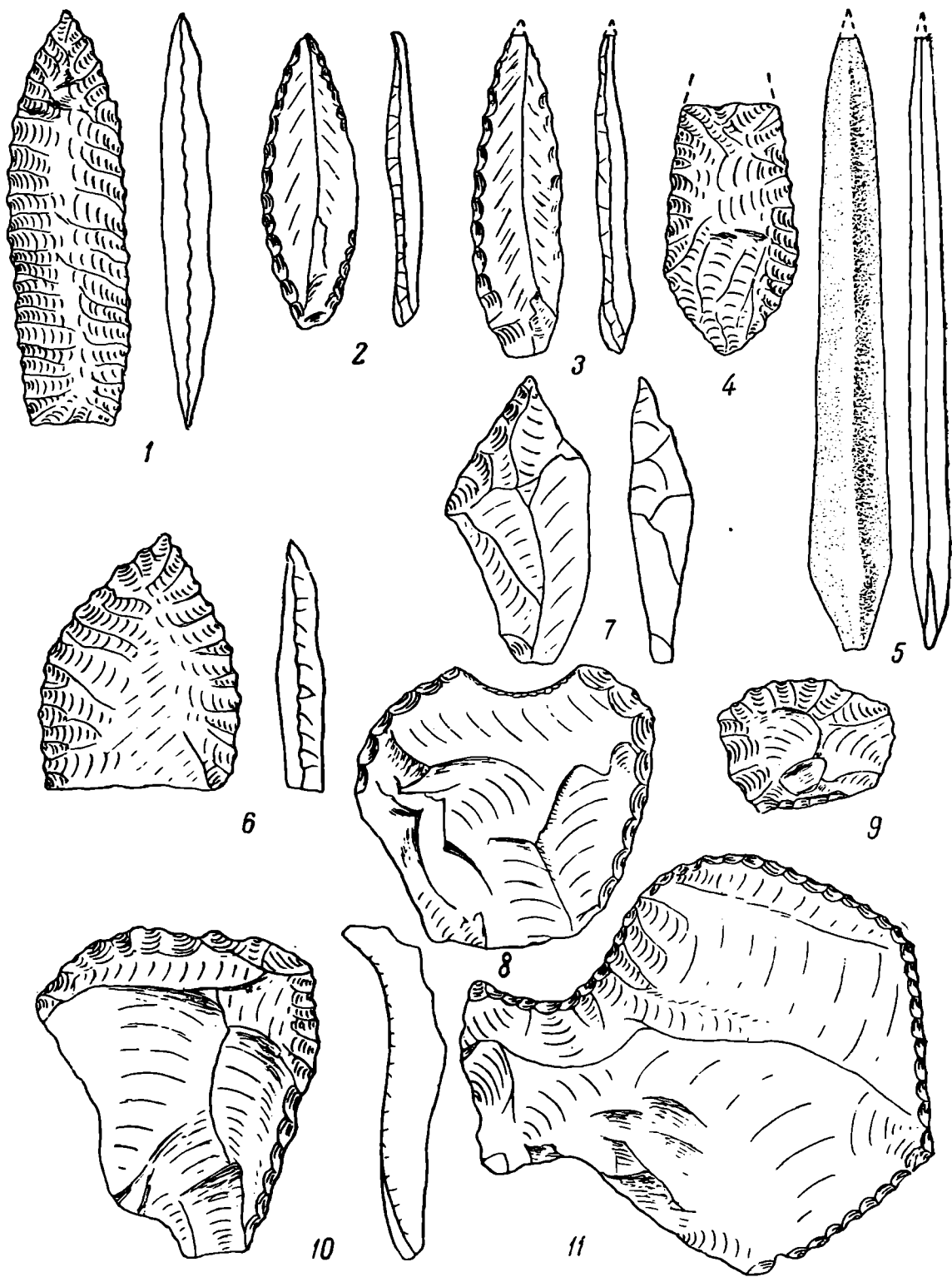

Рис. 26. Кремневый инвентарь пятой стоянки Большеземельской тундры
 1 — 5 — наконечники стрел (5 — из сланца); 6 — наконечник копья; 7 — проколка; 8 — 10 — скребки;
 11 — фигурка рыбы (камбалы)

Кроме этих предметов, здесь же оказался фигурный камень, изоб-ражающий, по всей вероятности, рыбу — камбалу (рис. 26—11) и 2 рас-колотые, продолговатой формы и небольших размеров гальки, служившие отбойниками (на удлиненных концах сохранились следы ударов). И нако-нец, найден небольшой обломок полированного орудия, сделанного из зеле-новатого сланца.

В 150 м западнее этого пункта в одном месте лежало 7 наконечников стрел, сделанных из ножевидных пластинок (рис. 26—2 и 3). Кремень най-денных орудий — различного цвета и качества; преобладает светложелтый и серый, встречается коричневатый и один голубоватый. Некоторые орудия сделаны из коричневатого халцедона.

Из собранных 54 глиняных черепков 6 оказались с гребенчатым орна-ментом из двух параллельных линий точечного штампа и принадлежали круглодонным сосудам. Сохранилась верхняя часть одного сосуда (рис. 28—4), имевшего не менее 20 см в диаметре у горла при толщине стенок в 5 мм. Толщина стенок другого сосуда достигает 8 мм. Почти все эти черепки имеют с обеих сторон красно-бурый цвет. Третий сосуд — без орнамента. Диаметр его достигал 30 см в поперечнике при толщине сте-нок в 7 мм. Состав глины у всех сосудов сходен и не содержит дресвы. Бока сосудов были прямыми или очень слабо выпуклыми.

Шестая и седьмая стоянки. Эти стоянки были обнаружены к востоку от озера Ярей-ты. Шестая стоянка расположена к юго-западу от небольшого озера, а седьмая — на его восточном берегу. На первой из них среди 26 кремневых отщепов и ножевидных пластинок оказались 2 скребка круглой формы и нож с затупленным противоположным лезвием краем. Нож сделан из крупного отщепа голубовато-серого кремня. Орудия лежали в юго-восточной части большого ярея, расположенного на 6—7 м выше уров-ня озера. На берегу озера кремневые орудия представлены 11 ножевид-ными пластинками, 4 скребками и 2 нуклеусами. Найдены 3 скребка с круг-лым рабочим краем.

Восьмая стоянка. На высокой сопке, расположенной восточнее предыдущей стоянки, на глубоких яреях, в одном месте, было собрано не-большое количество кремневых отщепов и 3 обломка от заготовок наконеч-ников стрел.

Девятая стоянка. На правом, 15-метровом берегу р. Северной, выше крутой излучины, на одном из яреев найдено: кремневый отщеп, 2 ножевидные пластинки с мелкой ретушью по краям и проколка.

Десятая, одиннадцатая и двенадцатая стоянки. Вдоль правого берега Хальмер-ю и вдоль правого берега ручья Ярей-шор нахо-дятся огромные яреи, распространяющиеся по береговой полосе шириной до 1 км. Здесь, несмотря на довольно тщательный осмотр значительной площади, удалось обнаружить весьма небольшой археологический материал в трех пунктах.

На правом, коренном берегу Хальмер-ю, в 4 км ниже устья Ярей-шора, был найден лишь один наконечник стрелы, сделанный из сероватого халцедона и имеющий листовидную форму с острым насадом.

Во втором пункте (одиннадцатая стоянка), у устья ручья Ярей-шор, найдено 5 кремневых отщепов и отщеп с обработанным краем, служивший, по видимому, скребком.

Третий пункт (двенадцатая стоянка) расположен на правом берегу, в верхнем течении ручья Ярей-шор. Здесь был найден скребок, сделанный из светлокоричневого халцедона с круглой выемкой с боку (рис. 27—1), и нож из розоватого кремня, сделанный из крупного отщепа.

Тринадцатая стоянка. Во время ожидания оленьего транспорта в гор. Нарьян-Маре мною было осмотрено место находок черепков глиня-ной посуды, отмеченное местным жителем города И. П. Поповым близ ста-

рицы одного из протоков р. Печоры, у дороги, идущей от гор. Нарьян-Мара. Здесь, к югу от дороги, при снятии дерна местами обнажился культурный слой. Под дерном, достигающим мощности до 35 см, выступает 2-сантиметровый слой песка черного цвета, содержащий мелкие угольки. Под ним залегают грязножелтые пески до 10 см мощности, ниже которых идут желтые пески.

Черепки глиняных сосудов залежали непосредственно на черном прослое. Из 86 собранных черепков 29 оказались орнаментированными и, возможно, принадлежали 3 сосудам (рис. 29—2).

Все сосуды, вероятно, были круглодонными: среди черепков не найдено обломков, указывающих на другую форму. Сосуды имели толщину стенок около 6 мм без утолщения венчика. На сосудах — сходный между собой ямочно-ребенчатый орнамент. Обжиг — красноватый. Черепки глиняных сосудов, находящиеся в музее, принадлежат 6 различным сосудам.

3 сосуда несут ямочно-ребенчатый орнамент, 2 — ямочно-ребенчатый с веревочным и один без орнамента, сделанный, в отличие от других, на гончарном круге, вследствие чего на его наружной стороне сохранились параллельные бороздки.

Два сосуда с ямочно-ребенчатым орнаментом очень сходны между собой (рис. 28—5) и несут насечки одного штампа овальной формы. Эти сосуды круглодонной формы, со слегка выпуклыми боками без утолщения венчика, имели до 30 см в диаметре (у горла) при толщине стенок всего лишь 6 мм. Обжиг их — красноватый; в глину примешана дресва, содержащая мелкие блестящие листочки золотистой слюды.

Сосуды с ямочно-ребенчатым и веревочным орнаментом (рис. 28—6) близки к сосудам, изображенным на рис. 28—5, которые несут тоже ямочно-ребенчатый орнамент, но, в отличие от последних, на них нанесен веревочный орнамент несколькими полосками, выше и ниже ямок, на несколько утолщенном венчике. Сосуды достигают тех же размеров, что и предыдущие, но имеют слабо выпуклые бока (рис. 28—6а). В обресе обоих сосудов видна белая слюдка.

Последний из сосудов, находящихся в музее гор. Нарьян-Мара, был сделан с сильно утолщенным венчиком, несущим ямочно-ребенчатый орнамент. На этом сосуде нанесены дополнительные неглубокие ямки, расположенные ниже основного ряда ямочного орнамента в шахматном порядке, но через некоторый промежуток. В глину примешано большое количество довольно крупной дресвы, полученной, по всей вероятности, путем дробления гранита.

Ч е т ы р ь н а д ц а т ы я с т о я н к а. Кроме черепков глиняной посуды, обнаруженных жителями гор. Нарьян-Мара, мне был передан каменный топор, найденный на берегу одного из озер, расположенных при устье р. Куи. Этот топор сделан из полосатого зеленоватого хлорито-кварцевого сланца (рис. 27—4). Он имеет вид долота, все 4 стороны которого представляют собой гладкие, отшлифованные поверхности. Более узкий его конец отколот. Следы ударов, которые повредили шлифованную гладкую нижнюю поверхность, сделаны человеком, нашедшим данный топор.

II. СТОЯНКИ НА р. ЧЕРНОЙ

Река Черная была исследована нами от верховий до устья на протяжении около 300 км. Однако стоянки на р. Черной были обнаружены только в среднем течении и в низовьях ее правых притоков.

То, что не было найдено стоянок в остальных частях реки, объясняется отчасти отсутствием золотых песков, которые широко развиты лишь в среднем течении реки.

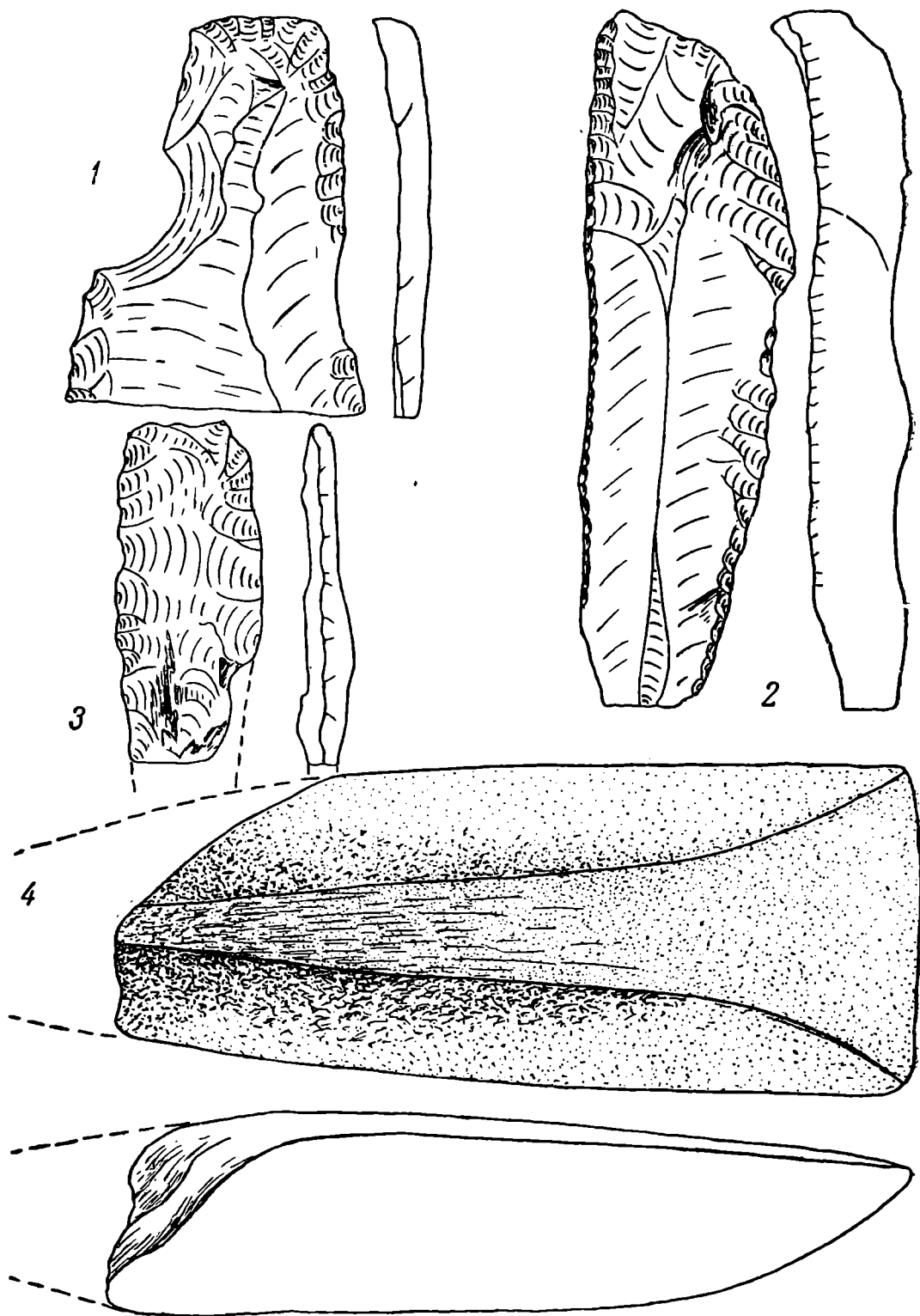

Рис. 27. Инвентарь со стоянок Большеземельской тундры

1 — скребок из халцедона (с двенадцатой стоянки); 2 — скребок из кремня (с пятнадцатой стоянки);
 3 — заготовка наконечника стрелы (с пятнадцатой стоянки); 4 — топор русско-карельского типа из хлорито-кварцевого сланца (с четырнадцатой стоянки)

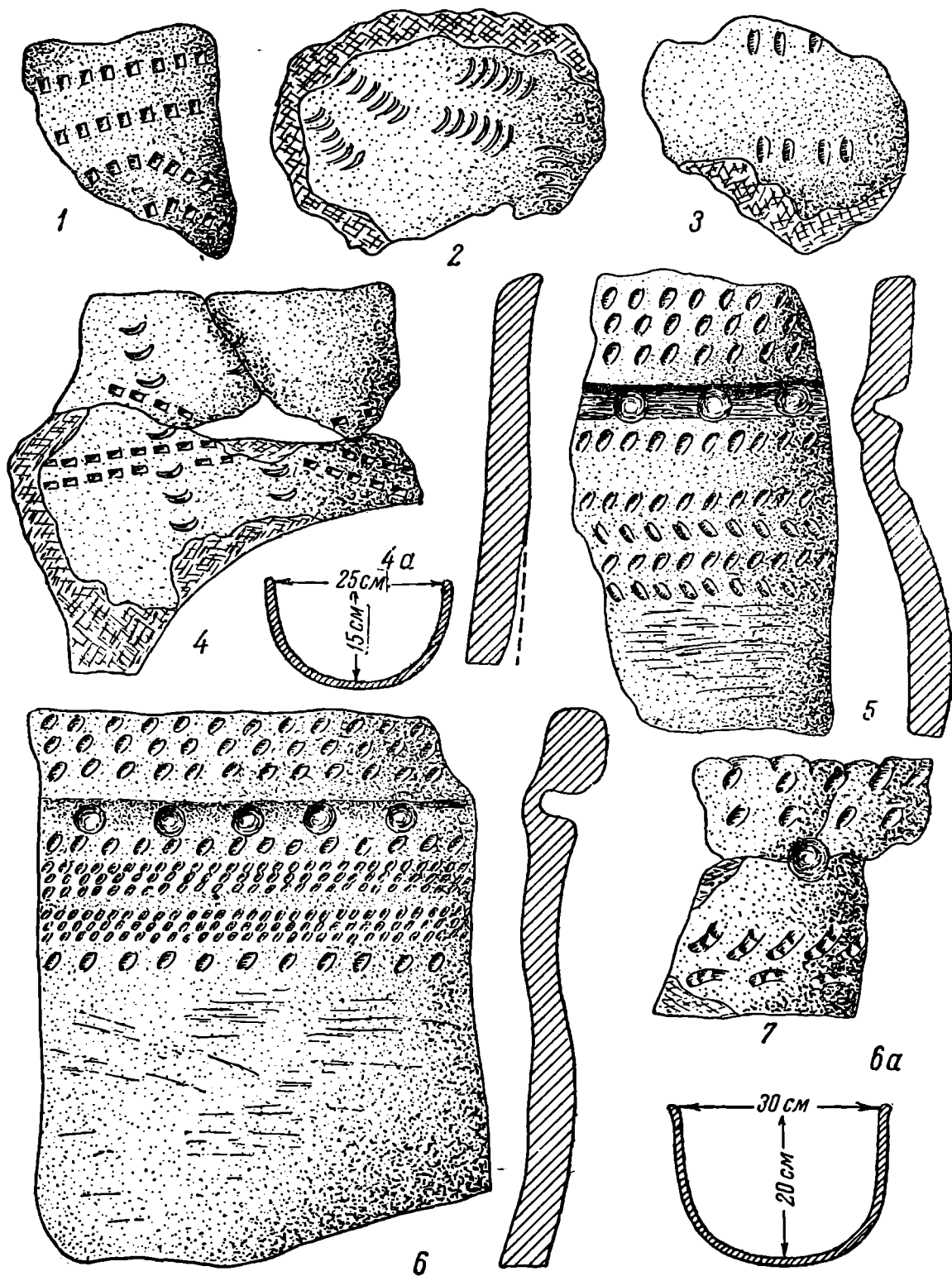

Рис. 28. Керамика со стоянок Большеземельской тундры
 1 и 2 — со второй стоянки; 3 — с третьей; 4 — с пятой; 5 — 7 — с тринадцатой

Здесь р. Черная течет в узкой долине, берега которой сложены четвертичными ледниковыми отложениями.

В основании берегов выступают моренные суглинки, прикрытые сверху желтыми флювиогляциальными или зандровыми песками последнего, третьего оледенения Большеземельской тундры¹. На бровке обоих берегов р. Черной образуются сравнительно небольшие яреи.

Пятнадцатая стоянка. Первые находки на р. Черной были сделаны на правом берегу, у устья Урер-яги.

На маленьком ярее 20-метрового коренного берега собрано 30 кремневых отщепов, скребок с круглым рабочим краем (рис. 27—2) и заготовка наконечника стрелы (рис. 27—3).

Шестнадцатая стоянка. На правом высоком (30-метровом) коренном берегу р. Черной, несколько ниже устья ручья, впадающего между рр. Ярей-ю и Надыр-яга, на небольших яреях собрано огромное количество отщепов — 770 шт. Они были сосредоточены в одном месте, на площади 10—15 м². Здесь, с северной стороны неглубокого ярея, виден его склон, в котором на глубине 40 см под золовыми песками и были найдены кремневые отщепы.

Среди огромного количества отщепов оказалось всего лишь 2 скребка и заготовка наконечника стрелы из коричневатого кремня. Почти все отщепы и оба скребка сделаны из желтого кремня.

На песках среди отщепов было найдено несколько черепков с гребенчатым орнаментом, принадлежащих двум глиняным сосудам (рис. 29—3, 4). К сожалению, черепки очень мелки и относятся к боковой части сосудов, поэтому форму сосудов восстановить не удастся. Один из сосудов с неотчетливым орнаментом был так слабо обожжен, что черепки его почти черного цвета. Другой был обожжен сильнее, имел с обеих сторон черепка бурый цвет. Толщина стенок первого сосуда до 8 мм, второго — до 9 мм.

Семнадцатая стоянка. На правом, коренном, берегу р. Черной выше устья р. Надыр-яга, расположены небольшие яреи; на одном из них найдено 3 скребка, сделанных из желтоватого кремня. Здесь же было собрано небольшое количество отщепов и ножевидных пластинок.

Восемнадцатая и девятнадцатая стоянки. Эти две стоянки расположены на р. Сада-яга. Восемнадцатая стоянка находится на бровке 17-метрового правого, коренного, берега, почти у самого устья реки. На небольших яреях среди найденных кремневых отщепов и ножевидных пластинок оказалось 4 нуклеуса коричневатого и желтого кремня. На девятнадцатой стоянке, находящейся на р. Сада-яга, в 2—2,5 км выше ее устья, на том же коренном берегу найдено всего лишь 4 ножевидные пластинки.

Двадцатая стоянка. Двадцатая стоянка была обнаружена на правом, коренном, берегу р. Черной, в 300 м выше устья р. Сындо. Здесь, на небольшом ярее, собрано несколько кремневых отщепов и скребок с круглым рабочим краем, сделанный из серого кремня.

Двадцать первая стоянка. На левом берегу р. Сындо, в 2 км от устья, на небольшом ярее, найден всего лишь один кремневый отщеп, ножевидная пластинка с мелкой ретушью по краям и орудие неизвестного назначения (вероятно, скребок), сделанное из кривого отщепа.

Двадцать вторая стоянка. Последняя стоянка р. Черной расположена на левом берегу реки, между устьями Нер-Тарка-яга и Надата-се. На двух маленьких яреях, разделенных оврагом, найдено 2 отщепа, нож овальной формы из серого кремня и скребок из желтого камня с круглым рабочим краем.

¹ Г. А. Чернов. Новые данные по четвертичной геологии Большеземельской тундры. Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода, № 9, 1947.

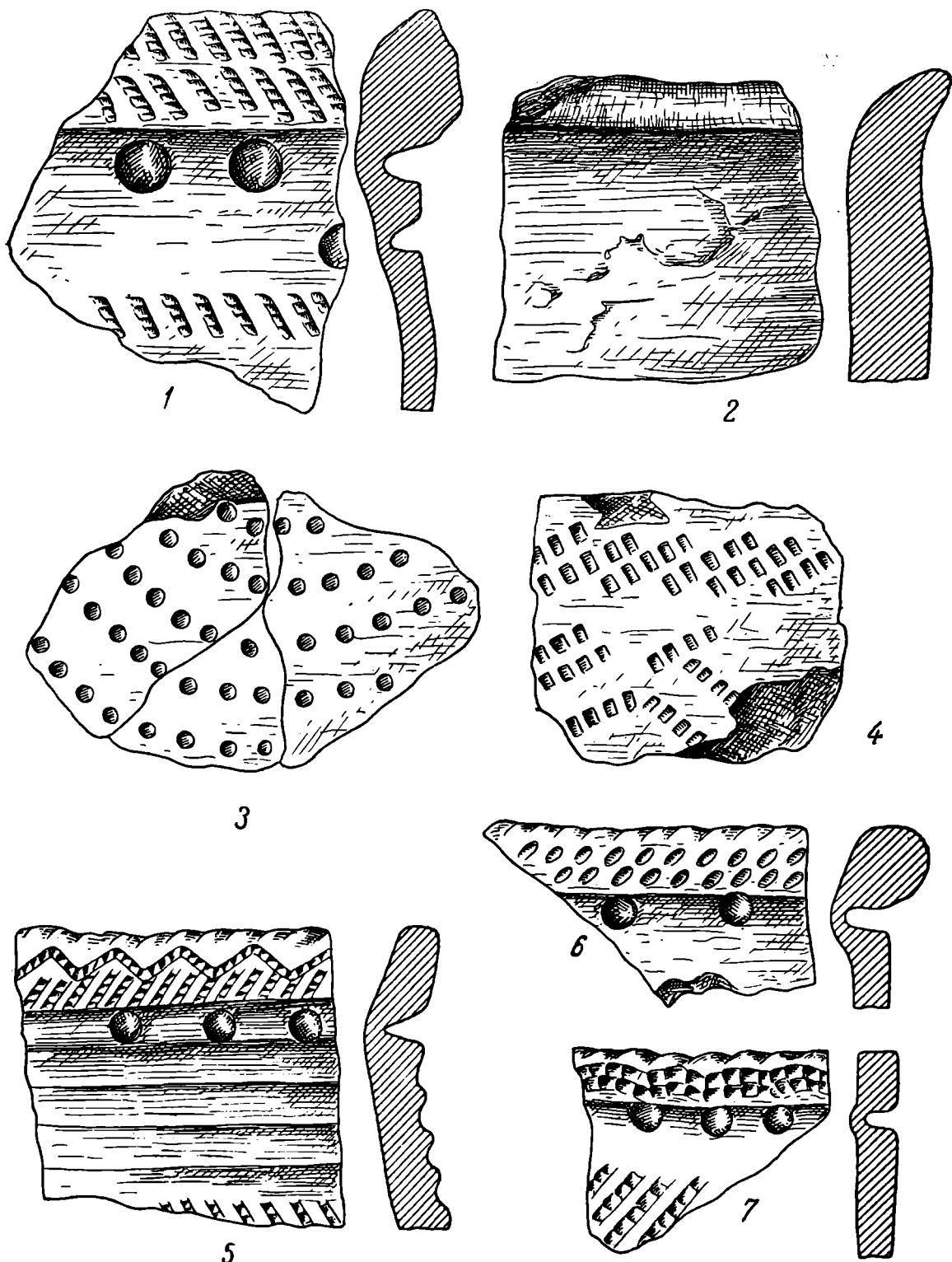

Рис. 29. Керамика со стоянок Большеземельской тундры

1 и 2 — с тринадцатой стоянки; 3 и 4 — с шестнадцатой; 5 — с двадцать седьмой; 6 и 7 — с двадцать восьмой

III. СТОЯНКИ НА р. ХЕЙБИДЕ-ПЭДАРА

Стоянки на р. Хейбиде-Пэдары были обнаружены на пройденном отрезке реки — устья Парч-вис до начала леса, который тянется по долине реки километров на шесть.

Река Хейбиде-Пэдары первоначально течет на запад среди 30—40-метровых коренных берегов, к которым прислонены хорошо выраженные пойменная и надпойменная террасы.

Здесь, преимущественно на склонах коренных берегов и частично по надпойменной 5-метровой террасе, растет еловый и березовый лес, являющийся самым северным лесным оазисом в Большеземельской тундре.

Лес распространяется не сплошной полосой, а отдельными небольшими участками, которые частично уже вырублены оленеводами. В этом районе коренные берега сложены в основании мореной, имеющей видимую мощность до 4 м. Морена покрыта сверху серыми грубозернистыми песками с галькой и прослоями галечников. Мощность песков достигает 15 м. Вверху пески становятся мелкозернистыми и, в свою очередь, покрываются слоем торфа до 2 м толщиной. В торфе встречаются прослойки эоловых песков, а в основании попадаются стволы березы до 10 см в поперечнике. На торфе местами залегают желтые эоловые пески до 3 м мощности, образующие неровности на вершине склона.

Ближе к устью реки коренные берега понижаются и у самого устья р. Сама-ю не превышают 15 м. От устья Сама-ю Хейбиде-Пэдары под прямым углом поворачивает на север. Здесь берега ее не превышают 13 м и имеют ровную поверхность. Почти на всем протяжении реки по обоим берегам развиты эоловые пески, которые занимают местами значительные площади.

Двадцать третья и двадцать четвертая стоянки. На очень маленьком ярее, расположенном на 12-метровом левом берегу Хейбиде-Пэдары, у самого устья р. Парчи-вис, найдено несколько очень маленьких кремневых отщепов и обломок заготовки наконечника стрелы.

На двадцать четвертой стоянке, расположенной на 1 км выше, по р. Хейбиде-Пэдары, среди кремневых отщепов оказалось 2 скребка и заготовка наконечника стрелы.

Двадцать пятая стоянка. На больших яреях, расположенных по правому берегу р. Хейбиде-Пэдары, были найдены только 2 отщепы и сломанный скребок.

Последние четыре стоянки (двадцать шестая — двадцать девятая) расположены на левом берегу р. Хейбиде-Пэдары, вблизи лесного оазиса.

Двадцать шестая стоянка. На маленьком ярее, расположенном в 400 м к югу от реки, найден черепок глиняного сосуда, имеющий ямочно-гребенчатый орнамент (рис. 29—5). Сосуд имел, повидимому, слегка выпуклые бока и был круглодонным. Обжиг довольно сильный, имеет коричневатый цвет.

Двадцать седьмая стоянка. К востоку от двадцать шестой стоянки, где левый коренной берег круто поворачивает к северу, располагаются огромные площади развеиваемых песков. Здесь, у оврага, на дне глубокого ярея, было собрано несколько черепков глиняного сосуда с плохо сохранившимся гребенчатым орнаментом.

Двадцать восьмая стоянка. Далее к северу, в 30 м от двадцать седьмой стоянки, где коренной берег образует небольшой мыс к северу и останец, расположенный к западу от этого мыса, на дне глубокого ярея собрано большое количество глиняных черепков, принадлежащих 10 сосудам.

Все черепки сильно разрушены с поверхности, и на большинстве из них сохранился лишь ямочный орнамент. Один сосуд имел сильно утолщенный

венчик, представляющий в разрезе почти круглую форму (рис. 29—6). Сосуд достигал не менее 30 см в диаметре (у горла) при толщине стенок 6 мм. Остальные сосуды не имели утолщения в венчике, как, например, сосуд, изображенный на рис. 29—7; другие если и имели, то очень слабое. Все черепки почти черного цвета и содержат очень большое количество крупной дресвы, повидимому, от раздробленного гранита¹.

Двадцать девятая стоянка. Последняя стоянка на р. Хейбиде-Пэдара находится у следующего выступа коренного берега. Здесь, с южной стороны леса, на эоловых песках, занимающих огромную площадь, найден всего лишь один отщеп белого кремня.

ВЫВОДЫ

Прежде чем перейти к датировке обнаруженных нами стоянок, следует сравнить и сопоставить условия нахождения археологического материала с условиями, в которых были сделаны находки на других стоянках Большеземельской тундры.

Как уже отмечалось выше, стоянки в северной части Большеземельской тундры группируются в бассейнах трех крупных рек (Куя, Черная, Хейбиде-Пэдара), и это, по нашему мнению, не случайное явление.

В прежних моих работах² указывалось, что древний человек селился в Большеземельской тундре главным образом на берегах крупных рек и озер, занимаясь рыбной ловлей и охотой.

К тому же реки для древнего человека были единственными путями сообщения, так как в то время, безусловно, еще не был приручен северный олень, и человек углублялся далеко в тундру по рекам. Судя по характеру каменных орудий, которые представлены преимущественно наконечниками стрел, древний человек уделял, несомненно, большое внимание охоте.

Большинство описываемых стоянок указывает на частые перемещения человека и недолгосрочность обитания на одних и тех же местах. Из всех стоянок бассейна р. Куи местами длительного проживания человека можно считать стоянки вторую и пятую, а также стоянку у гор. Нарьян-Мара. Здесь было собрано большое количество орудий и керамики.

Остальные стоянки, несомненно, были местами кратковременных остановок, связанных, может быть, лишь с необходимостью поделок кремневых орудий. На этих стоянках найдено небольшое количество кремневых отщепов. Единичные находки, как, например, в пунктах №№ 1, 10, 12, могли быть результатом потери охотниками кремневых орудий, и не обязательно считать, что эти пункты были местами жительства.

Стоянки на р. Черной также указывают на непродолжительность заселения этих мест древним человеком, за исключением шестнадцатой стоянки, которая была мастерской по выделке каменных орудий.

Река Черная привлекала к себе древнего человека не рыбой, которая в ней почти отсутствовала, а тысячами диких гусей, гнездившихся на ее берегах. Во время линьки гусей можно было добывать в огромном количестве почти без всякого труда. Эта река со спокойным течением является почти единственной рекой в Большеземельской тундре, на которой и в настоящее время водятся тысячи гусей.

В северной части Большеземельской тундры древний человек, повидимому, мало уделял внимания рыбной ловле, что подтверждается отсутствием стоянок на берегах крупных рыбных озер в бассейне р. Черной (озера Сындото и Надотейто), которые нами были частично осмотрены. То же

¹ Вблизи от черепков глиняных сосудов были найдены бронзовые предметы, которые описаны в другой работе.

² Г. А. Чернов. Указ. соч.

самое можно отметить и в отношении морского побережья, на котором не было обнаружено ни одной стоянки от пос. Алексеевка до Медынского заворота. Правда, здесь морской берег в большинстве случаев довольно сильно размывается.

На р. Хейбиде-Пэдара постоянным местом жительства древнего человека был район лесного базиса, именуемый ненцами Хейбиде-Пэдара, что означает «священный лес». Здесь обнаружено несколько стоянок, расположенных вблизи друг от друга. Можно не сомневаться, что при более детальном осмотре данного района, главным образом правого берега, который остался неосмотренным, будет обнаружено большое количество стоянок разного возраста.

Каменный материал описываемых стоянок, представленный, как мы видим, преимущественно кремневыми наконечниками стрел, скребками и лишь небольшим количеством других орудий, имеет большое сходство с орудиями остальных стоянок Большеземельской тундры. Можно отметить, например, что все формы наконечников стрел повторяют уже известные нам формы наконечников со стоянок рр. Колвы, Колвы-вис и Сандибей-ю, Падимей-вис и Коротайхи¹. То же самое можно сказать и в отношении техники обработки кремня, где мы не обнаружили какой-либо разницы, а наконечники стрел с пильчатыми краями указывают на поразительное сходство техники по кремню.

Новыми орудиями описанных стоянок являются: отшлифованный наконечник стрелы с пятой стоянки (рис. 26—5) и шлифованный топор русско-карельского типа (рис. 27—4). Кроме этого, следует указать, что на стоянках, расположенных в северной части Большеземельской тундры, найдены некоторые крупные орудия, как, например, скребки и ножи. Такие крупные размеры орудий в остальных частях Большеземельской тундры ранее нами не были встречены. Небольшой размер орудий мы объясняем отсутствием выходов коренных пород на данных реках. Кремнь брали исключительно из валунов, и он часто был недоброкачественным.

В северной части Большеземельской тундры моренные суглинки третьего, последнего, оледенения² содержат большее количество валунов, чем суглинки, выступающие в южном районе Большеземельской тундры. Валунны представлены преимущественно осадочными породами новоземельского происхождения; среди них встречаются крупные валуны кремня.

На стоянках северной части Большеземельской тундры керамики было найдено значительно меньше, чем на стоянках в остальных частях этой тундры. Так, например, черепки глиняных сосудов были обнаружены на 3 стоянках из общего числа 29, а в центральной части Большеземельской тундры — на 15 стоянках, в восточной части (где общее количество стоянок достигало 28) — на 20. Кроме того, уменьшилось и общее количество находок сосудов на стоянках, расположенных в северной части Большеземельской тундры. Сосудов насчитывается всего лишь 30, тогда как в восточной части — 50, а в центральной — 112 сосудов. Все эти факты не кажутся нам случайными явлениями, а скорее указывают на несколько меньшее заселение древним человеком северной части Большеземельской тундры по сравнению с восточной, а главным образом центральной, ее частью.

Материал для изготовления сосудов брали на месте. По всей вероятности, использовали озерную глину, которая довольно часто выступает на берегах. Присутствие в глиняных черепках иногда большого количества угловатых песчинок кварца, полевых шпатов и листочков белой слюды

¹ Г. А. Чернов. Указ. соч.

² Г. А. Чернов. Четвертичные отложения юго-восточной части Большеземельской тундры. Тр. Северной базы АН СССР, вып. 5, 1939.

указывает на то, что в озерную глину, которая обычно не загрязнена, при­мешивали дресву, приготовленную из валунов гранита, встречающегося на берегах рек.

Все сосуды были изготовлены без гончарного круга, за исключением одного (рис. 29—2), который, по всей вероятности, имел плоское дно. Остальные сосуды были крутлодонными с прямыми или слегка выпуклыми боками и слабо отогнутым венчиком, который лишь у немногих сосудов был утолщен. Диаметр не превышал 30 см (у горла) при толщине стенок 6—9 мм.

Орнамент наносили преимущественно ямочно-гребенчатый или один гребенчатый; в общих чертах он очень сходен с орнаментом некоторых сосудов, найденных в остальных частях тундры.

Однако следует отметить, что на описанных стоянках не были найдены сосуды с ногтевым орнаментом, который довольно часто встречался на сосудах из стоянок рр. Колва и Колва-вис. Зато на стоянках вблизи гор. Нарьян-Мара оказались сосуды, несущие веревочный орнамент, который до сего времени не был встречен на стоянках Большеземельской тундры.

Ямочно-гребенчатый орнамент наносили на верхнюю часть сосуда, и у большинства сосудов орнамент не спускался низко. Ис сосуды, орнаментированные одним гребенчатым орнаментом, покрывались им, кроме верхней части, и на боках; оставалась гладкой лишь самая нижняя и донная часть сосуда. Ямочный орнамент у большинства сосудов наносили у самого венчика в один ряд, и лишь у некоторых сосудов добавляли редкие дополнительные ямки ниже основного ряда. Сосуды с ямочным орнаментом, расположенным в несколько рядов, которые встречались в остальных частях Большеземельской тундры, не были встречены.

У большинства сосудов обжиг был слабым, и черепки имеют черный или темносерый цвет, на них часто присутствует жировой нагар. Только некоторые имеют кирпичный цвет, что указывает на довольно сильный обжиг.

В общем следует отметить, что сосуды со стоянок в северной части Большеземельской тундры имеют меньшее разнообразие в орнаментации, чем сосуды из стоянок остальных частей тундры, но все же орнамент их указывает на различные этапы заселения Большеземельской тундры древним человеком.

Переходя к датировке наших стоянок, необходимо отметить два неблагоприятных обстоятельства, которые пока что не позволяют нам точнее изучить развитие большеземельского неолита. Первое в том, что большое количество археологического материала было поднято на эоловых песках не из культурного слоя, а второе — отсутствие нескольких культурных слоев в одном месте.

Правда, это еще не означает, что многослойные стоянки отсутствуют в Большеземельской тундре. Нужно полагать, что они будут обнаружены при специальных археологических исследованиях. Пока нам удалось на р. Хейбиде-Пэдара обнаружить жертвенное место, которое, несомненно, указывает на длительное обитание на этих местах древнего человека. Здесь обнаружены глиняные сосуды, сходные по орнаменту с сосудами остальных стоянок. В этом же месте, в верхней части культурного слоя, найдены сосуды с поддоном совместно с серебряными, бронзовыми, медными и железными предметами, которые можно отнести ко времени с V по XIII в. н. э.

Датировать материал описываемых стоянок приходится путем сопоставления с материалами отдаленных районов Беломорского и Обского бассейнов. Если мы попробуем сравнить собранный нами каменный материал с материалом беломорских стоянок¹, то увидим поразительное сходство

¹ В. И. Смирнов. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области. СА, 1937, № 4.

Таблица 1 (продолжение)

Наименование и характеристика вещей	рр. Куя и Северная									р. Халь-мер-ю	р. Ярей-шор	гор. Нарьян-Мар	р. Куя	р. Черная			р. Сада-йга		р. Черная	р. Сындо	р. Черная	р. Хейбиде-Педара									Общее количество					
	1*	2	3	4	5	6	7	8	9					10	11	12	13	14				15	16	17	18	19	20	21	22	23		24	25	26	27	28
Каменный материал	Прочие	Ножи		1		1						1										1													4	
		Топоры												1																					1	
		Фигурка камбалы					1																												1	
		Отбойники					2																												2	
		Нуклеусы							2											4															6	
		Проколки			1		1					1																								3
		Ножевидные пластинки		3			1		11			2						2	42	4															65	
Кремневые отщепы	60	22	21	130	26	14	6	1		5					30.770	13	28		6	1	2	24	10	2						1		1170				
Керамика	Черепки	Общее количество черепков	—	33	2	—	54	—	—	—	—	—	86	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	8	287	—	481	
		с орнаментом	—	18	2	—	10	—	—	—	—	—	—	29	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	52	—	117
		без орнамента	—	15	—	—	44	—	—	—	—	—	—	57	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	235	—	364	
		Количество сосудов	—	2	2	—	3	—	—	—	—	—	—	9	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	10	—	30
Форма сосудов	Орнамент	Без орнамента				+							+																							
		Гребенчатый	+	+		+								+			+																			
		Ямочно-гребенчатый												+																						
Форма сосудов	Форма сосудов	Веревочный с ямочно-гребенчатым											+																							
		Круглодонные с прямыми боками					+							+																						
		Круглодонные со слабо выпуклыми боками												+			?																			
		Плоскодонные										+																								

* Цифры означают номера стоянок.

некоторых кремневых орудий, как, например, наконечников стрел с пильчатыми краями, что указывает, несомненно, на одну и ту же обработку кремня. Описываемый каменный шлифованный топор (рис. 27—4) является копией топора «русско-карельского типа» с устья р. Кинемы¹, который датируется М. Е. Фосс концом II тысячелетия до н. э.² Подобные топоры встречаются и в бассейне Оби.

Наконечник стрелы с пятой стоянки (рис. 26—5) имеет сходство с подобными наконечниками со стоянки Сале-Хард, относимой В. Н. Чернецовым к эпохе бронзы, т. е. к концу II — к началу I тысячелетия до н. э.³

Мы находим большое сходство в орнаменте описываемых сосудов и некоторых сосудов с обских стоянок, относимых В. Н. Чернецовым к I тысячелетию до н. э.³

Таким образом, судя по характеру кремневых орудий и орнаменту сосудов, обнаруженных на стоянках северной части Большеземельской тундры, время ее заселения древним человеком охватывает период от конца II до конца I тысячелетия до н. э., за исключением стоянки у гор. Нарьян-Мара, где были найдены черепки плоскодонного сосуда, сделанного на гончарном круге. Сосуд этот относится к значительно более позднему времени, повидимому, к XVII—XVIII вв. н. э.

На основании материала с большого количества стоянок, обнаруженных в Большеземельской тундре, которых насчитывается нами уже более 100, можно рассчитывать, что первые же специальные археологические исследования принесут богатейшие результаты как в отношении новых находок, так и в отношении изучения истории развития большеземельского неолита. (Табл. I).

---

¹ М. Е. Фосс. Стоянка на оз. Лача у устья р. Кинемы. КСИИМК, вып. XIV, 1947.

² М. Е. Фосс. О датировках неолита по данным естественных дисциплин КСИИМК, вып. XVI, 1947.

³ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. КСИИМК, вып. IX, 1941.

А. А. ФОРМОЗОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В РАЙОНЕ ОРСКА

Археологические работы в районе Орска, индустриального центра южного Приуралья, начались лишь в последнее время и были направлены на исследование рядовых андроновских и сарматских погребений¹. Андроновские поселения и памятники более раннего времени при этих работах почти не были выявлены. Во время разведок в районе Орска, в 1949 г.², мне удалось собрать материалы о поселениях доандроновской и андроновской эпох и ряде интересных андроновских памятников, заслуживающие публикации.

На южном Урале, по решению Уральского археологического совещания, должны быть произведены поиски палеолита. В связи с этим интересны находки четвертичной фауны в районе Орска. Зарегистрированы две находки представителей хазарского комплекса волжской фауны миндельрисского возраста: зуб *Elasmotherium sibiricum*, найденный в древней террасе в урочище Ущелье, между Орском и Ново-Троицком, на левом берегу Урала, и зубы *Camelus Knoblochi*, найденные на левом берегу р. Киимбай в 2 км от ее устья (бассейн Ори).

Обильней находки фауны верхнепалеолитического комплекса вюрмского возраста. Кости мамонта найдены на прииске Кумак Домбаровского района, в Ново-Покровском и Чураеве Ново-Покровского района, в самом Орске близ моста; зуб мамонта найден в Известняковом долу в Ново-Троицке, а кости мамонта вместе с черепом первобытного быка — напротив Орска, на правом берегу Урала.

Большой интерес для палеолитчиков представляют и карстовые пещеры, приуроченные к нижнекарбонским известнякам яикской синклинали. Мною зарегистрировано 13 таких пещер на протяжении 80 км к северу от Орска, от станицы Таналыкской до станицы Уртазымской.

Особенно интересна пещера, находящаяся в 10 км к юго-западу от станицы Уртазымской, на р. Уртазымке, в 4 км от ее впадения в Урал, на высоте 10 м над уровнем реки. Грот длиной 10 м, шириной 3—4 м и высотой до 2,5 м мог быть обитаем лишь временно, ибо он обращен входом на север и трудно доступен. В середине XIX в. в гроте велись грабительские

¹ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», вып. II, 1927. Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южно-уральских гидроэлектростанций. ИГАИМК, вып. 110, 1935. Г. В. Подгаецкий. Могилиник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА СССР, № 1, 1940. К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орска. Там же.

² Во время разведок большую помощь мне оказали геологи А. Л. Яншин и А. С. Новиченко, которым приношу свою глубокую благодарность.

раскопки¹, почти целиком уничтожившие его наслоения. На небольшом нетронутым участке прослежен культурный слой мощностью 25 см, с углистыми включениями. В нем найдены маленький отщеп и несколько расколотых галек. Указание Ф. Д. Нефедова о находке здесь костей «допотопных животных» позволяет предположить, что в пещере была палеолитическая стоянка вроде челябинских пещерных стоянок, исследованных С. Н. Бибиковым.

К более позднему времени относится пещерная стоянка на левом берегу Урала, между пос. Ново-Никольским и пос. Зубочистенским, выше устья р. Ташлы. Это полукруглый грот шириной у входа 7,5 м, длиной 4 м и высотой до 6 м. Под завалом камней, упавших с потолка пещеры, на глубине 40 см, здесь залегает углистый культурный слой толщиной 10 см. Ниже, под слоем завала камней (толщиной 10 см), лежит второй культурный слой мощностью 35 см, покоящийся на полу пещеры. Очевидно, некоторое время пещера не была обитаема, и успел образоваться слой камней, разделяющий культурные отложения.

Культурный слой мало насыщен и дал преимущественно расколотые, плохо определимые кости животных, часть которых принадлежит оленю и лисе. Найдены отщеп, подправленный скребковой ретушью, и часть ребра животного, использовавшаяся как наковаленка при ретушировке. В нижнем слое найден очаг из 14 камней, близ которого сосредоточены кости. Отсутствие керамики в очажном комплексе с костями вряд ли случайно. Вероятно, стоянка, как и ряд среднеуральских пещерных стоянок², давших находки костей диких животных с бедным кремневым инвентарем и без керамики, оставлена охотниками эпохи неолита.

Ко времени ранней бронзы относятся открытые Б. Н. Граковым стоянки Б и Г у ст. Таналыкской на р. Суундуке³, давшие большой материал при вторичном обследовании, и недавно открытая стоянка на левом берегу р. Киймбай (приток р. Камсак, впадающей в Орь), в 2 км выше аула Джаилган. Это небольшие охотничье-рыболовецкие поселения, расположенные на повышенных участках поймы. Орудия изготовлены из речной гальки, что обусловило их малые размеры, но встречаются и крупные поделки. Кремневый инвентарь интересен отличиями от орудий, найденных на стоянках Западного Казахстана⁴, что вызвано разным характером заготовок.

На западноказахстанских стоянках преобладающая находка — ножевидная пластина (основной полуфабрикат, из которого делались удлиненные концевые скребки с слабо выпуклым рабочим краем, наконечники стрел с зубчатой краевой ретушью и т. д.). На юрских стоянках над пластинами преобладают отщепы размером 4 × 3 см, 2,5 × 2 см. Так, на Таналыкской стоянке Б на 27 пластин приходится 120 отщепов. Из них делались основные орудия: скребки округлых очертаний с выпуклым рабочим краем (рис. 30—3, 17, 18). Концевые скребки сделаны также на пластинах и имеют подтреугольную форму (рис. 30—7, 10). Встречаются очень высокие скребки (рис. 30—8)⁵.

Из пластин изготовлялись лишь специальные орудия: проколки, скобели, косые режущие острия, вкладыши с притупленной спинкой

¹ Ф. Д. Нефедов. О курганах Приуральского края. «Антропологическая выставка», т. III, вып. 4, 1882, стр. 169.

² См. Н. А. Прокошев. Пещерные археологические памятники Урала (диссертация).

³ Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций, стр. 110—111.

⁴ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949.

⁵ Ср. рис. скребков у Б. Н. Гракова. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций, рис. 82, 89.

(рис. 30—4, 11—13). Стрелы известны только с двусторонней обработкой, листовидной формы, иногда со слабо намеченным черешком (рис. 30—5)¹.

Керамика сохранилась плохо. Интересно преобладание тальковой примеси в тесте, типичное для Урала. Отличаясь по типам орудий и по керамике от стоянок Приаралья, орские стоянки близки к североказахстанским

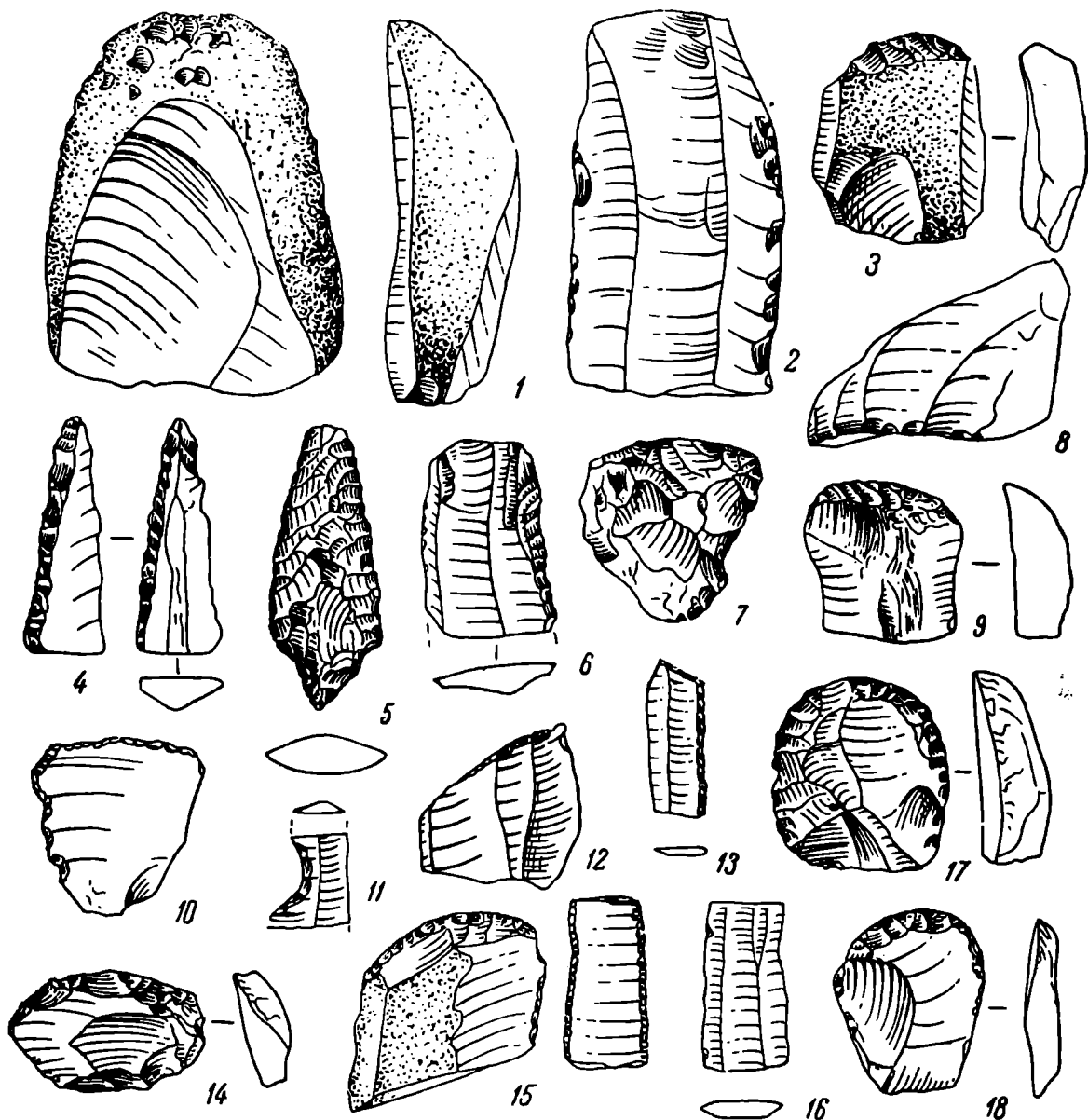

Рис. 30. Каменные орудия стоянок района Орска

1—10—с Таналыкской стоянки Б (1—галька-ваготовка); 11—15—с Джавлагальской стоянки; 16—18—с Таналыкской стоянки Г

(кустанайским) стоянкам Терсек-Карагай и Коль, где преобладают те же типы скребков и стрел². Поэтому можно говорить об общей «южноприуральской», «терсек-карагайской» культуре ранней бронзы, отличной от кельтеминарской культуры Приаралья.

Андроновские поселения в районе Орска не были известны, если не считать находок отдельных андроновских черепков, вероятно, с разрушенных

¹ Ср. рис. стрел у Б. Н. Гракова. Указ. соч., рис. 82, 89.

² А. А. Формозов. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом. Бюлл. Комиссии по изуч. четверт. периода, вып. 15, 1950.

стоянок в 3 км от ст. Таналыкской и близ пос. Хабарного¹. Мне удалось обследовать 3 андроновские стоянки, притом в очень интересном комплексе.

Геологи не раз отмечали следы древних разработок меди в 4 км к востоку от пос. Еленовки, на р. Киимбае и в 5 км от пос. Ушь-Катты, на р. Ушь-Каттинке, в Домбаровском районе². При осмотре их установлено, что добыча велась открытым способом большими овальными карьерами (40 × 25 м — в Еленовке, 130 × 20 и 25 × 15 м — в Ушь-Каттах), засыпанными собственным отвалом. На разработках находили древние орудия горного дела, аналогичные горным орудиям андроновского времени с

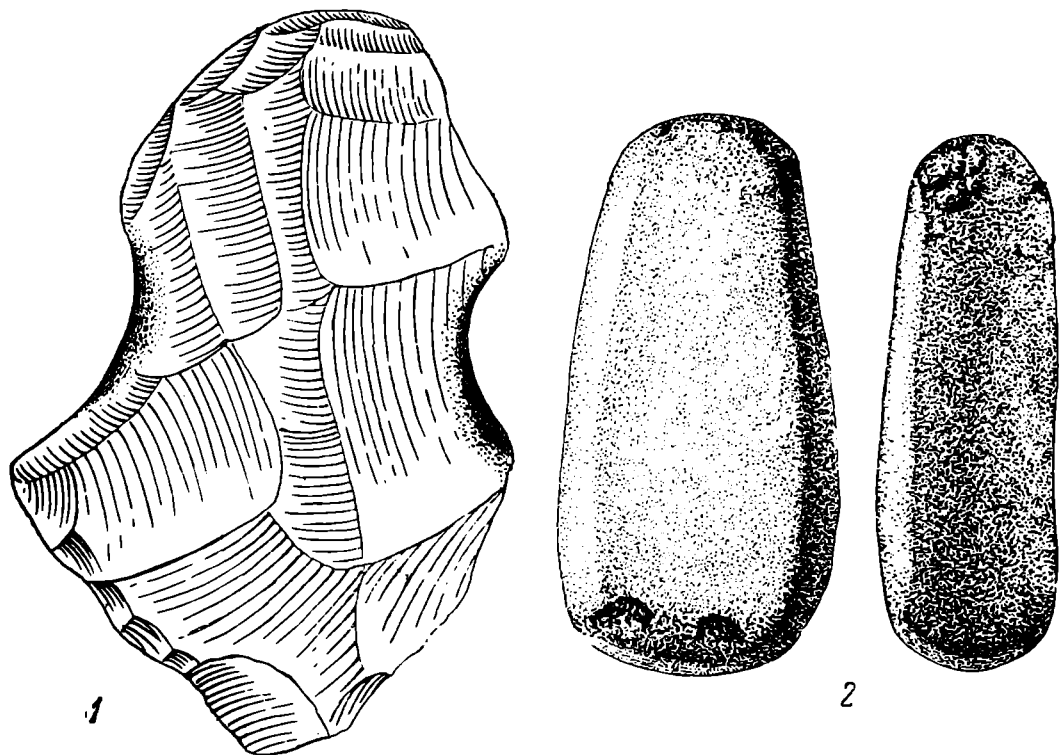

Рис. 31. Орудия горного дела, найденные на древних медных рудниках. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

1 — кайло из Ушь-Катты; 2 — пест для дробления руды из Еленовки

Алтая³: каменные кайла и молоты с желобками для привязывания, рудодробилки с пестами и т. д. (рис. 31). Близ рудника в Ушь-Каттах, в урочище Тажек-Сай, геологи нашли, очевидно на стоянке, медные «иглы и кольца», шлифованный молоток из пироксинита и керамику с геометрическим орнаментом⁴.

Еще более интересный комплекс удалось выявить у Еленовки. В 300 м от древнего рудника, на берегу старицы р. Киимбая, найдено много мелкодробленой руды; это место своеобразной «обогащительной фабрики» древних металлургов, где руда дробилась и промывалась. Плавка должна была производиться рядом, на стоянках, и действительно, стоянки обнаружены на правом берегу Киимбая: одна — почти напротив рудника, другая — в 1 км ниже, третья — в 4 км ниже Еленовки, у скалы Грань. Это типично андроновские поселения на первой надпойменной террасе, на хорошем выпасе, защищенные от северных ветров грядой скалистых холмов.

¹ Коллекции ГИМ.

² В. Л. Малютин. Новый район медных месторождений в Чкаловской области. Советская геология, 1940, № 10; Разведка недр, 1939, № 3. Л. П. Левитский. О древних рудниках. М.—Л., 1941, стр. 33—34.

³ Д. Н. Лев. К истории горного дела. Л., 1934. С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

⁴ В. Л. Малютин. Новый район медных месторождений в Чкаловской области.

Найдена «классическая» андроновская керамика с примесью талька и шамота в тесте, с профилировкой горла «уступчиком», с нарезным и гребенчатым орнаментом в виде заштрихованных треугольников и ромбов, зигзагов и т. д., иногда лощенная. Вместе с ней найдены фрагменты сосудов с гофрированной поверхностью и с наклепными валиками, появившимися, как доказано О. А. Граковой, в позднеандроновское время, на рубеже II и I тысячелетий до н. э.¹

Интересно наличие керамики с ямочным орнаментом, нанесенным палочкой или пальцем, поясом под венчиком. Это, вероятно, пережиток ямочной орнаментики, распространенной в южноуральских памятниках эпохи ранней бронзы².

На стоянке напротив рудника при разведочных раскопках найден четырехугольный очаг, размером $1,4 \times 1,0$ м, сложенный из пяти плит, с входом на одном из углов, перед которым находилась яма для выгреба золы. В очаге найдены кости овцы и фрагменты огромного для андроновской керамики баночного сосуда высотой 45 см и диаметром горла 40 см. В сосуде готовили пищу на значительный, вероятно большесемейный, коллектив.

В отличие от обычных андроновских стоянок, на описанных памятниках собрано много кусков медной руды, шлаков и капель меди. Это говорит о металлургии, как об одном из основных занятий жителей, рассчитанном не на домашнее потребление, а на вывоз. Масштаб работ, судя по рудникам, был значителен. В связи с этим нельзя пройти мимо проблемы топлива для металлургии в этих ныне безлесных местах. В Ушь-Каттах при шурфовке геологи нашли крупные скопления древесного угля. Очевидно, дерево было основным топливом, и в нем не было недостатка. Это подтверждает высказанную мною согласно палеоботаническим и археологическим данным мысль об облесенности южного Приуралья в эпоху бронзы³.

Близ Еленовки найден не только карьер, где добывали руду, место, где ее промывали, и стоянки, где ее плавил, но и могильник обитателей стоянки. Он находится напротив верхней стоянки, рядом с отвалом древнего рудника. Могильник сильно разрушен; сохранилось лишь 10 могил, обозначенных на поверхности типично андроновскими кольцами из камней диаметром 2—5 м, без насыпей. Для обкладки могил использовалась пустая порода из рудника. При шурфовке на могильнике геологи нашли горшок с орнаментом из заштрихованных треугольников, медную проволочную спиральную серьгу, хорошо известную по андроновским могильникам.

Комплекс из андроновских стоянок, могильника и горных разработок на Урале до сих пор не был обнаружен. Необходимо скорейшее исследование, тем более, что древняя металлургия Урала совсем не изучена⁴.

Андроновские погребения, раскопанные до сих пор близ Орска, являются могилами рядовых членов рода с бедным инвентарем. Лишь один раз здесь случайно было найдено исключительно богатое погребение, но материал из него пропал, а сведения, появившиеся о нем в печати, были неопределенны⁵. Мне удалось разыскать фотографии вещей из этого погребения и собрать возможные сведения об условиях находки.

¹ О. А. Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, т. XVII, 1948.

² А. А. Формозов. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом.

³ Там же

⁴ В 1950 г. К. В. Сальников продолжил наши работы в Еленовке, раскопав одно женское андроновское погребение с сосудом и бусами и заложив траншею на верхней стоянке.

⁵ М. Э. Паничкина. Обзор археологических находок за 1934—1935 гг. по газетным сообщениям. СА, 1937, № 2, стр. 233.

Погребение найдено в 1934 г. при строительстве, на правом берегу Урала, напротив Орска. Внешних признаков на поверхности оно не имело, а других погребений рядом не найдено. В могиле глубиной 3,5 м лежали два костяка, в головах которых стояло 2 сосуда, а в ногах лежали кости лошади. В головах одного костяка находились сложенные кучкой каменные наконечники стрел (21 шт.), а у черепа — украшения из сверленных клыков кабана. Справа от скелета лежали медные вещи: наконечник копья, два ножа и тесло.

Хотя нет фотографий сосудов, неясны поза и ориентация погребенных, андроновский возраст могилы по фотографиям остальных вещей (рис. 32) не вызывает сомнения. Каменные стрелы принадлежат к типу треугольных

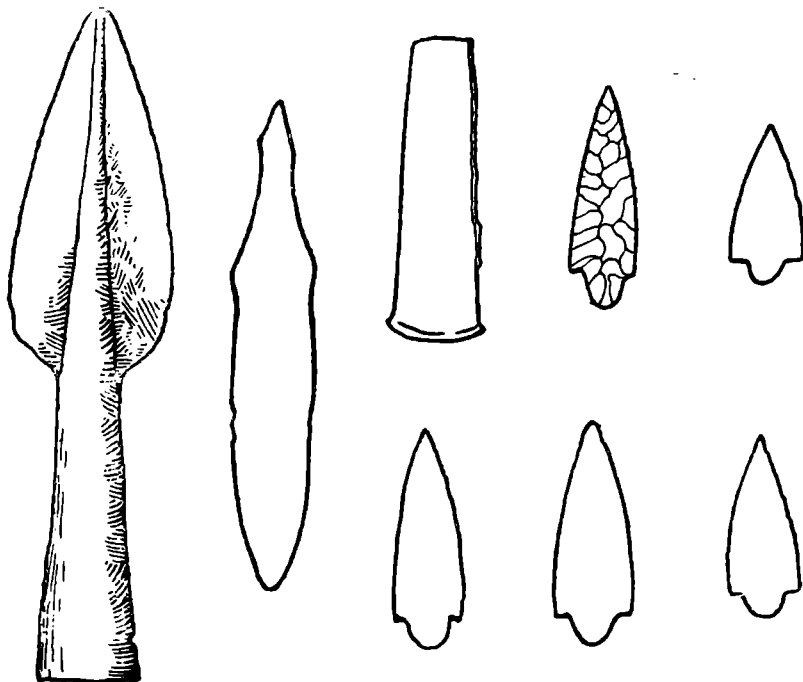

Рис. 32. Вещи из погребения на территории Орска (по фотографии 1934 г.)

черешковых и аналогичны наконечникам, найденным на андроновских стоянках Алексеевка¹, Садчиковка и Сыпсын-Агач². Один нож — листовидный, а другой с рукояткой, с двусторонними выемками и выступами срубного типа. Ножи-кинжалы близкого типа найдены в андроновских могильниках Малый Койтас³, Кожумбердынском⁴ и Илекском близ Актюбинска⁵, а лигейная форма для такого ножа — на стоянке в Мынчункуре в Западном Алтае⁶. Украшения из клыков животных встречены в ряде андроновских могильников: в Ала-Кульском на Урале, Абаканском в Сибири и т. д. Втульчатые копья с листовидным пером, с ребром, продолжающим втулку, и плоские пальстабовидные топоры (тесла) в андроновских погребениях до сих пор не найдены, но известны по случайным находкам в Казахстане⁷. Принадлежность их к развитой бронзе несомненна. Наконец, кости лошади встречаются в раннеандоновских погребениях Урала.

¹ О. А. Гракова. Алексеевское поселение и могильник, рис. 45.

² Коллекции ГИМ.

³ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, стр. 209.

⁴ О. А. Гракова. Указ. соч., рис. 74.

⁵ Коллекции Актюбинского музея.

⁶ С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая, т. VII.

⁷ Копье — J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, t. I, Helsinki. Paris, 1877, № 251 Тесло — С. С. Черников. Указ. соч., т. VIII, 2.

В целом перед нами исключительно богатое погребение, очевидно племенного вождя или жреца, похороненного в богатой одежде, украшенной талисманами — клыками кабана, с колчаном стрел, копьем, топором и двумя ножами. С ним была похоронена, вероятно, наложница, при которой вещей не положили. Столь богатых андроновских погребений нет; некоторой аналогией является лишь Чаглинское погребение, близ Кокчетава, на р. Чаглинке¹. Оно также расположено на берегу реки, было одиночным и без внешних признаков. Здесь найден костяк с богатым инвентарем, в том числе с 10 стрелами, 2 подвесками из зубов; в ногах лежали черепа и кости лошади.

Таким образом, можно наметить особенности обряда погребения видных членов рода в андроновское время. Это одиночные погребения на берегу реки, без внешних признаков, с богатым инвентарем, в том числе с талисманами — подвесками из зубов животных и со стрелами.

Дальнейшие работы в районе Орска должны дать еще более важные материалы об этом интересном районе.

---

¹ М. Н. Лентовский. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казакской ССР. Кокчетав, 1928.

К. В. САЛЬНИКОВ

РАСКОПКИ НА оз. БЕРЕЗОВОМ¹

Озеро Березовое расположено в 5 км к северо-западу от с. Сосновского, Покровского района, Свердловской обл. Оно имеет овальную форму при максимальной ширине до 1,5 км. Берега его отлоги и сплошь покрыты березовым лесом. На северном берегу лес занимает лишь узкую полосу заболачивающейся прибрежной части озера шириной около 150 м. Сам же берег свободен в этом месте от леса. Суша начинается низкой, 20—25-метровой площадкой, которая переходит в пологий склон, а последний через 60—70 м заканчивается ровным полем.

С начала текущего столетия известны случайные находки из района оз. Березового — изделия из бронзы (ножи-кинжалы срубного и андроновского типа, кельт сейминского типа). В 1927 г. на северном берегу озера провел разведочные раскопки А. В. Шмидт².

В 1928 г. здесь возник пос. Березовский, и началась интенсивная распашка свободной от леса площади. При этом выпахивались различные древние предметы.

Летом 1947 г. на северном берегу оз. Березового Свердловским областным краеведческим музеем при участии Уральского государственного университета³ были организованы раскопки на площади 120 м².

Шурфовка и распространение находок по пашне позволяют определить размеры селища: по берегу — 150 м, вглубь — 70 м.

Стратиграфия селища несложна. На грунтовой глине залегает слой чернозема, мощность которого увеличивается к берегу озера и уменьшается по мере подъема по склону. На нижних, южных участках толщина чернозема достигает 0,70 м, в северном конце она не превышает 0,25—0,30 м. Верхний горизонт чернозема перепахан, и поэтому местами находки встречаются уже с первого штыка. Основной же культурный слой приходится на второй штык и залегает в среднем на глубине 0,25 м. На южных участках верхние горизонты чернозема находок не дают; находки сосредоточиваются ниже глубины 15—20 см. Мощность культурного слоя в среднем равняется 0,15—0,25 м, утолщаясь к берегу до 0,50 м. В состав культурного слоя входят фрагменты керамики и небольшое количество поделок из камня и глины. Кость по почвенным условиям не сохранилась.

¹ Публикуемый в статье материал представляет несомненный интерес для исследователей древнейшей истории Урала, хотя некоторые выводы автора спорны (Ред.).

² А. В. Шмидт. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет. ПИМК, 1933, № 9—10. Коллекция хранится в Ленинграде, в Музее этнографии АН СССР.

³ Исследования производились автором при участии О. С. Тальской.

Раскопки дали также признаки жилищ: очаги, ямки от столбов, угол слегка углубленного в землю сооружения, и наконец, на наличие жилищ указывают случаи обнаружения раздавленных сосудов.

Очагов оказалось четыре. Они расположены в раскопе в направлении с юго-запада на северо-восток. Самый южный очаг (№ 1) — наиболее крупный. Его вскрытая часть равна $1,5 \text{ м}^2$ и приблизительно на 1 м^2 , видимо, уходила под стену раскопа. Очаг представлял собой скопление золы вокруг пятна прокаленного докрасна чернозема. Здесь оказалось также несколько камней. Входили ли они в состав очага, установить не удалось. В зольном слое, а местами в подстилающем его черноземе, обнаружены обожженные кости, черепки, зубы животных. Сверху золы найден небольшой кусок обгорелой сосновой коры. Так же выглядит и очаг № 2, расположенный в 5 м к северо-востоку от очага № 1.

В 6 м от второго очага на северо-восток оказался очаг № 3 площадью $0,70 \times 0,80 \text{ м}$, а в 2 м от него — очаг № 4 ($0,70 \times 0,40 \text{ м}$). Прокал в этих двух очагах обнаружен в переходном к грунтовой глине слое. В районе очагов № 1 и № 3 найдено несколько раздавленных сосудов или крупных их частей и большое число керамики в обломках.

Общий характер очагов одинаков. Это простые костры, обнаруживаемые в виде прокаленных участков почвы или грунтовой глины. Огонь разводился на уровне древней поверхности.

В районе очага № 3 обнаружены 3 ямки от столбов. В западной части раскопа обнаружено еще 7 ямок трех типов. 3 ямки имели диаметр $0,25 \text{ м}$ и глубину $0,21—0,48 \text{ м}$, две ямки — диаметр $0,15 \text{ м}$ и глубину $0,21—0,24 \text{ м}$. Последние ямки ко дну сильно суживались. Повидимому, здесь были не закопаны, а вбиты заостренные колья.

Третья группа состояла из двух ямок меньших размеров, диаметр и глубина их равнялись $0,10 \text{ м}$. Они были обнаружены внутри слегка углубленного жилища, возле его стенки. Удалось определить лишь северо-восточный угол этого жилища благодаря тому, что пол его слегка врезался (на $5—10 \text{ см}$) в грунтовую глину, образуя резкий «уступчик».

Ширина одного из жилищ определяется в $2,10 \text{ м}$, длина не установлена. Некоторые факты указывают на гибель жилищ поселка в результате какой-то катастрофы, вероятнее всего пожара. В северной части раскопа, вокруг очагов № 3 и № 4, найдено несколько раздавленных на месте сосудов, причем поверх черепков прослежены остатки перегорелых жердей (по всей вероятности, от рухнувшей во время пожара кровли).

Следов жилых сооружений слишком недостаточно для полной их реконструкции. О жилищах можно лишь сказать, что они представляли собой прямоугольные наземные хижины площадью $30—40 \text{ м}^2$ со стенами из плетенки и крышей из древесной коры, с очагом-костром посередине.

Находки на селище состоят из фрагментов керамики, раздавленных сосудов и различных поделок. Из глиняных изделий, помимо посуды, найдено: 3 «пряслица» из черепков, льячка, ножка плавильной чаши, 2 поделки в виде стержня, обломок литейной формы. Остальные поделки каменные: 2 кремневых наконечника стрел, 5 кремневых скребков, клювовидный резец, обломок асимметричного кремневого ножа, 2 сланцевых ножа, пест, 7 обломков каменных плиток и зернотерок, тальковый брусочек со скошенным концом, 5 поделок из талька, 7 ножевидных кремневых пластин и 29 отщепов. Из костного материала удалось найти лишь 4 зуба лошади и бабку маленького животного. Фрагменты керамики очень разнородны как по орнаменту, так и по форме сосудов, но весь керамический материал объединяется в три комплекса.

К первому относятся фрагменты сосудов неолитического облика (рис. 33—1—3), ко второму — андроновского облика, к третьему — сосуды предскифского облика.

Сосуды первого комплекса представляются прямыми, безгорлыбыми, иногда со слегка отогнутым краем, с острым или круглым дном с диаметром устья 15—27 см. Они орнаментированы всегда гребенчатым

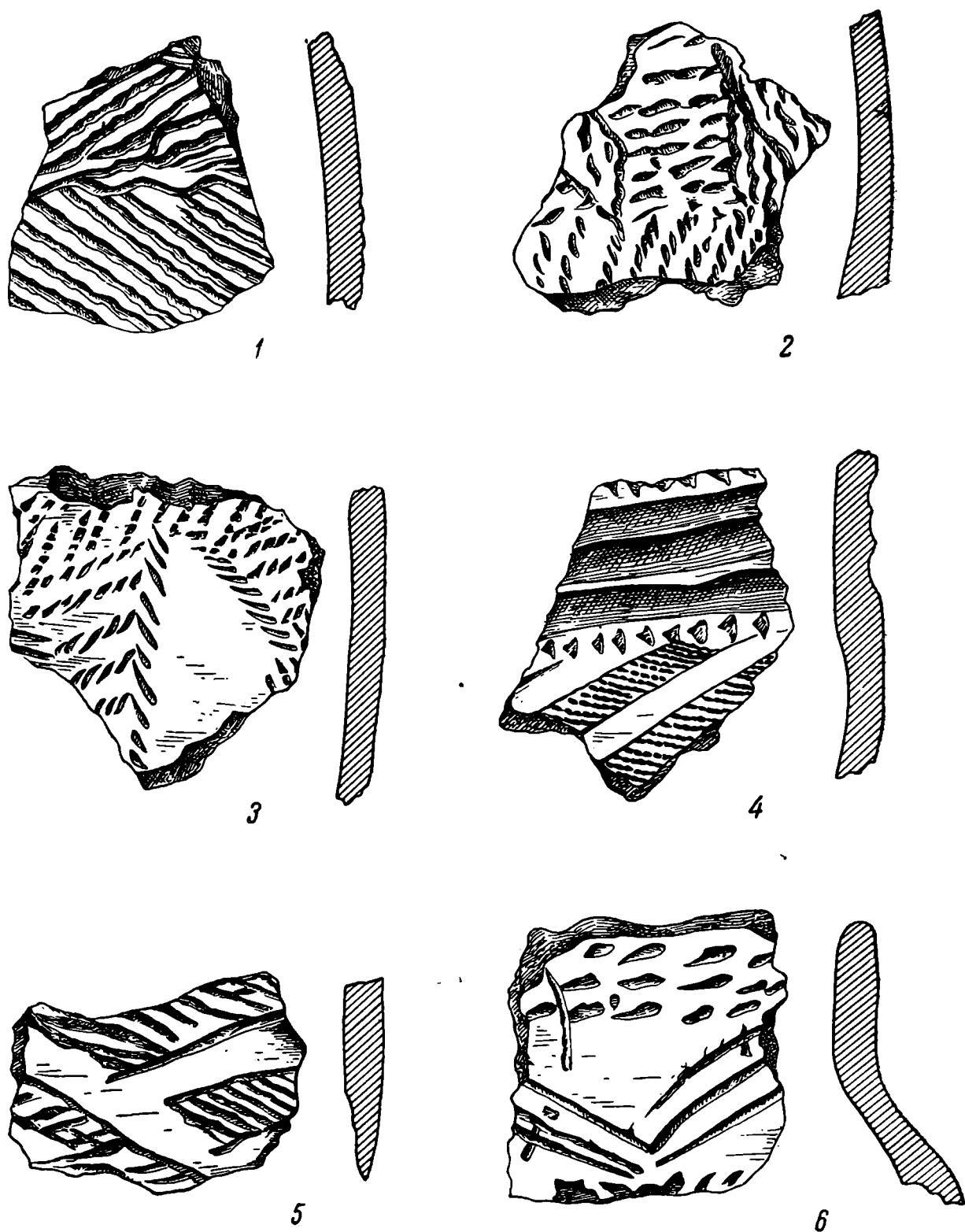

Рис. 33. Керамика селища на оз. Березовом (раннего комплекса)

штампом. Орнамент обычно покрывает всю поверхность, включая и дно. Часто также видны гребенчатые отиски по обрезу венчика и полоска орнамента по внутреннему краю сосуда, а иногда и карнизик.

По характеру орнамента наиболее многочисленны фрагменты, покрытые 2—3-зубой гребенкой с нечеткими зубцами. Наклонные короткие оттиски этого штампа составляют ряды горизонтальных поясков, елочек, зигзагов и целые поля; реже — заштрихованные полосы и треугольники (рис. 33—3). На днище орнамент образует концентрические круги, от которых вверх по стенкам иногда идут радиальные линии.

Второй разновидностью являются фрагменты сосудов, поверхность которых целиком орнаментирована широкими лентами, состоящими из сплошного поля рядов наклонной гребенки («псевдоверевочки») или струйчатых линий. Иногда эти как бы переплетающиеся полосы делятся арочной линией на горизонтальные зоны (рис. 33—1, 2). Реже представлены сосуды, орнаментированные многозубой гребенкой, оттиски которой образуют зональный рисунок, состоящий преимущественно из зигзагов и горизонтальных поясков. Большинство фрагментов этого комплекса имеет в глине большую примесь талька, но есть фрагменты и без примеси.

Андроновского типа керамика представлена преимущественно небольшими фрагментами с четырьмя типами орнамента: гребенчатым, резным, ямочно-точечным и желобчатым. Часто встречаются фрагменты, украшенные заштрихованными резными или гребенчатыми полосами, из которых составляются зигзаги, меандры, горизонтальные пояски (рис. 33—5, 6).

На втором месте стоят фрагменты с резными и гребенчатыми заштрихованными треугольниками и резными зигзагами, иногда образующими елочку. Желобки как самостоятельный мотив встречаются не часто и всегда на горле сосудов (рис. 33—4). Редки гребенчатые ромбы. Единичны заштрихованные фестоны, полоса мелкой ромбической сетки из перекрещивающихся линий и ряды из тонких коротких наклонных оттисков, собранных в группы по 3—5 линий (рис. 34—1).

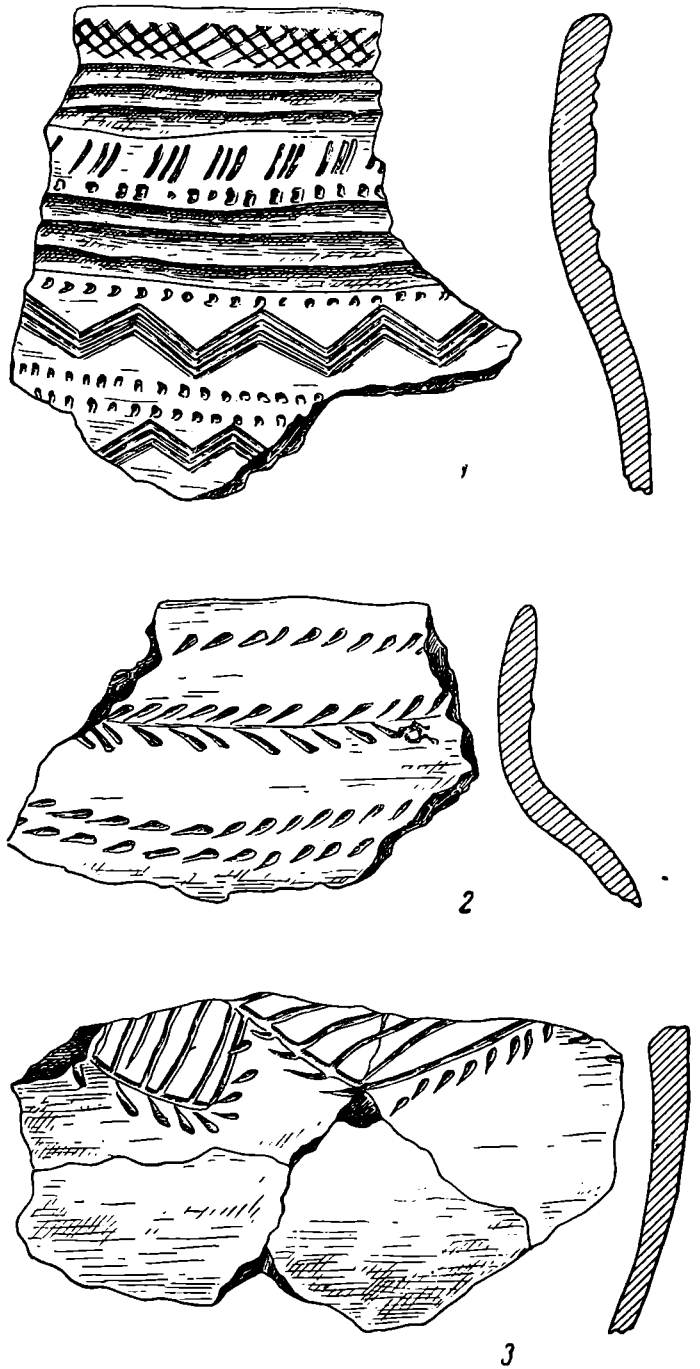

Рис. 34. Керамика селища на оз. Березовом (более позднего комплекса)

Последние три элемента не характерны для андроновской керамики, но первые два изредка все же встречаются на андроновских сосудах, а последний, так же как и первые два, сочетается на одном и том же фрагменте с типично андроновскими элементами и потому должен быть отнесен к этой же группе керамики. Ямочно-точечный орнамент лишь дополняет другие элементы.

Все фрагменты андроновской керамики относятся к плоскодонным сосудам горшечно-баночной формы с диаметром горла 0,17—0,25 м.

Третий комплекс представлен фрагментами с хорошо выраженным горлом, которое плавно переходит в довольно выпуклые плечики (рис. 34—2, 3). Дно преимущественно плоское, но возможно, что существовали и круглодонные сосуды. Диаметр горла сосудов — 17—27 см. Орнамент располагается по верхней половине сосуда и составляет резные зигзаги, одно- или многорядные, в сочетании с горизонтальными рядами ямок-насечек, горизонтальную елочку из резных линий или длинных насечек. Иногда елочка идет по слабо выраженному валику на горле и всегда дополняется рядами насечек (рис. 34—2). Последние покрывают горло и плечики в несколько рядов.

Встречается «псевдоверевочка», которая располагается в несколько рядов по горлу, переходя на плечики, или дополняет одним-двумя рядами орнамент, составленный из других элементов.

К неолитическому типу керамики относится 14% всех фрагментов, к андроновскому — 51%, к третьему комплексу — 35%. Посуду первого комплекса обычно находят при раскопках памятников лесной зоны среднего Зауралья. Керамика стоянки на оз. Мелком под Свердловском, хранящаяся в Свердловском областном краеведческом музее, характеризует эту стоянку как однослойную, без примесей в керамике андроновских и других поздних элементов. Эта керамика представлена остродонными сосудами с прямыми стенками, сплошь орнаментированными гребенчатыми оттисками, которые образуют зоны из рядов зигзагов и поясков, ряды наклонных оттисков 2—4-зубой гребенки, поля «псевдоверевочки», составляющие переплетающиеся полосы.

Зональный гребенчатый орнамент, состоящий из зигзагов и горизонтальных поясков, встречается на стоянке у с. Палкина, на Аятском озере, на Исетском озере (Коптяки IX) и на Горбуновском торфянике.

Орнамент, имитирующий оплетение сосудов широкими лентами, состоящими из сплошного поля рядов наклонной гребенки («псевдоверевочки»), является одним из основных на стоянках у с. Палкина и на Карасьих озерах. Встречается он также на Горбуновском торфянике¹ и на стоянках Шарташского озера. Орнамент из различных комбинаций оттисков 2—4-зубой гребенки нередок на Исетском озере (Коптяки IX) и на Палкинской стоянке.

Уже этих аналогий достаточно для доказательства, что керамика первого комплекса Березовского селища целиком относится к шигирской культуре.

Аналогии керамики неолитического облика Березовского селища встречаются также в памятниках андреевской культуры, например на второй Андреевской стоянке.

На связи с совершенно другими районами указывает керамика второго комплекса. Она имеет массу аналогий среди многочисленных курганных погребений и селищ лесостепной полосы Зауралья. Ближайшие (территориально) из последних — поселения, открытые В. Я. Толмачевым, главным

¹ Д. Н. Эдинг. Новые находки на Горбуновском торфянике. МИА СССР, № 1, стр. 55, рис. 2.

образом в 1914 г., на берегах рр. Синары и Караболки (ныне северо-запад Челябинской обл.), например селище Чесноковская пашня.

Необходимо отметить некоторое своеобразие в деталях андроновской керамики Березовского селища. Бросается в глаза большой процент желобчатых поясков в составе орнамента, которые в андроновских памятниках обычно занимают очень скромное место. Почти неизвестен в андроновской керамике такой оригинальный элемент, как ряды из тонких, коротких, наклонных резных линий, собранных в группы по 3—5. Впрочем, и этим элементам находят аналогии. На керамике, найденной на Чесноковской пашне, желобки в орнаменте играют, видимо, значительную роль, а ряды из групп наклонных линий известны на керамике андроновского облика с оз. Иткуль. Более отдаленные территориально аналогии мы находим в керамике абашевских памятников, среди которых весьма распространено применение желобков в орнаментации сосудов. Встречается и второй элемент на сосудах из раскопок П. П. Ефименко в Чувашии (не опубликовано).

Следовательно, отмеченные особенности андроновской керамики Березовского селища заставляют думать и о западных связях, наравне с южными, и о некотором влиянии абашевской культуры, которое сказывается в ряде памятников андроновской культуры на крайнем северо-западе территории ее распространения.

Обнаружение андроновской керамики на Березовском селище совместно с неолитической не является особенностью этого памятника. Такое сочетание широко известно в памятниках шигирской культуры: на Горбуновском торфянике и Исетском озере. Следовательно, и эта черта не выделяет в конечном счете Березовское селище из круга шигирских памятников.

Более редок среди зауральских памятников третий комплекс березовской керамики. Аналогии ему отыскиваются среди керамики со стоянок на Исетском озере, хранящейся в Свердловском областном краеведческом музее. Среди керамики с Исетского озера большой интерес представляет сосуд, который имеет форму, типичную для третьего комплекса березовской керамики, и такой же скудный орнамент, состоящий из рядов наклонных оттисков, покрывающих горло и плечики. Но, в отличие от березовских экземпляров, оттиски эти нанесены четырехзубой требенкой, столь типичной для сосудов неолитического облика. Такое сочетание заставляет говорить о преемственной связи, а может быть, и о сосуществовании древних неолитических форм керамики с сосудами третьего комплекса.

Необходимо подчеркнуть также близость — и в форме и в орнаменте — сосудов третьего комплекса к посуде поздней (замараевской) стадии андроновской культуры лесостепного Зауралья, причем, как и последняя, керамика третьего комплекса обнаруживает черты, характеризующие переход к типу керамики зауральских памятников эпохи раннего железа. Поэтому описанный комплекс должен рассматриваться как наиболее поздний.

В состав орудий труда, найденных на селище, входят преимущественно изделия из камня: наконечники стрел, скребки, ножи, зернотерки, пест. Кремневые наконечники стрел представлены двумя неполными экземплярами. Более полный из них имеет ланцетовидную узкую форму с небольшой выемкой в основании. Обе поверхности его покрыты ретушью, но форма не симметрична. По своему типу этот наконечник близок к характерным для шигирских памятников («Калмацкий брод», Горбуново) и второй Андреевской стоянки близ Тюмени. В тех же памятниках мы находим аналогии и для кремневого асимметричного ножа, найденного (в виде обломка) на Березовском селище. Менее выразительны прочие поделки из кремня. Они сделаны из отщепов, обычно очень грубых, с ретушью, нанесенной только по рабочему краю.

К каменным орудиям труда относятся, кроме того, 2 сланцевые пластинки-ножа, ножевидные кремневые пластинки, пест нешлифованный в форме усеченного конуса и 7 обломков каменных плиток. Орудиями труда являются также 2 поделки из глины с большой примесью талька. Первая — обломок глиняного удлиненного, овального в разрезе грузила с желобком на конце, типа второй Андреевской стоянки. Вторая поделка предположительно может рассматриваться как ложило (рис. 35—1). Она представляет собой концев (обломок) какого-то удлиненного предмета в форме плиточки толщиной около 1 см и шириной 2,3 см, причем к концу поделка заостряется путем суживания широких граней, от чего узкие грани сходятся. Изгиб последних неравномерен. Одна из узких граней изогнута сильнее и носит на себе следы сильной заглаженности, что и заставляет рассматривать эту грань как рабочую часть ложила для обработки поверхности глиняных сосудов.

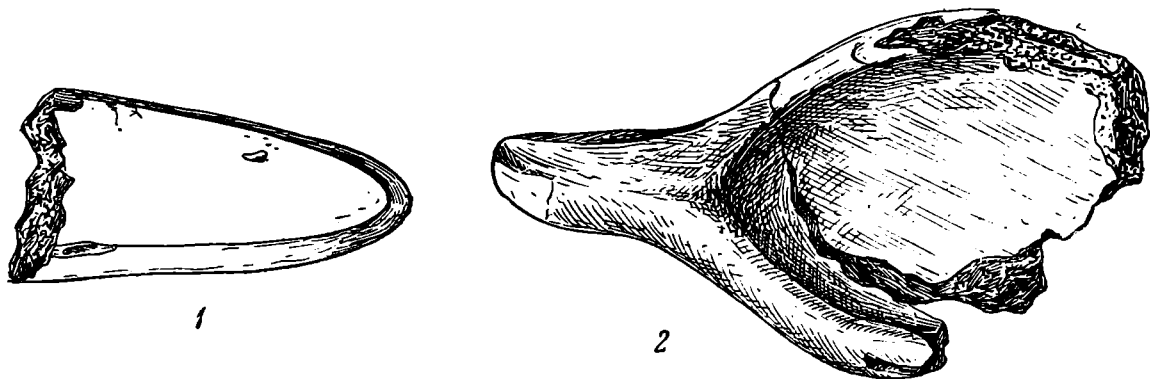

Рис. 35. Ложило и льячка с селища на оз. Березовом

Аналогичные ложила находятся в коллекции, хранящейся в ГИМ (раскопки Дружинина на Иртышском городище).

Предметы металлургического производства представлены тремя поделками из глины: льячкой, ножкой плавильной чаши и обломком литейной формы.

Льячка выглядит как небольшой, удлиненно-овальной формы ковшичек с ручкой (рис. 35—2). Как ножка плавильной чаши рассматривается обломок круглого поддона. Подобные изделия известны по памятникам эпохи бронзы во многих местах, в частности и на Урале, по обе стороны Уральского хребта¹.

Среди черепков найден фрагмент толстостенного сосуда, на внутренней поверхности которого оказалась выемка, напоминающая формочку для отливки какого-то плоского предмета.

К предметам неопределенного назначения относятся: 3 «пряслица» из черепков, круглый глиняный стержень, тальковый четырехгранный брусок и обломки других тальковых поделок. «Пряслица» имели отверстия незначительного диаметра и служили, видимо, пуговицами.

Для суждения о датировке и принадлежности памятника к определенной культуре мы располагаем небольшим числом различных поделок и значительным количеством керамики.

Как уже отмечалось, многие орудия — кремневые наконечники стрел с небольшой выемкой в основании, асимметричные кремневые ножи, глиняный удлиненный грузик с желобком на конце — имеют полную аналогию

¹ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Археологические исследования на линии Уфа — Ишимбай. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., табл. XXII.

в памятниках шигирской и андреевской культур. Керамика в своей основной массе также представлена типами, характерными для памятников лесного среднего Урала и Зауралья эпохи позднего неолита и бронзы.

Следовательно, весь состав находок связывает Березовское селище с районом, лежащим к северу от него, и заставляет относить его к поздней стадии шигирской культуры, типичной для лесного среднего Зауралья. Не противоречит этому выводу и значительный слой андроновской керамики. Как ни близка она к посуде андроновских памятников лесостепного Зауралья, знак равенства между ними поставить все же нельзя. Андроновский комплекс керамики Березовского селища имеет некоторые отличия от чисто андроновской. Кроме того, общеизвестно, что шигирские памятники на известной стадии своего развития имеют значительную примесь керамики андроновского облика.

Что касается датировки памятника в абсолютных цифрах, то дата существования селища определяется довольно точно началом первого тысячелетия до н. э. (IX—VIII вв.). На это указывают предскифские формы керамики третьего комплекса.

Керамику же двух других комплексов — более раннего неолитического и андроновского облика — надо рассматривать как пережитки старых форм, продолжавших бытовать одновременно с посудой третьего комплекса. На то, что селище возникло в более позднюю эпоху, чем неолит, указывает весь состав культурного слоя. Для последнего характерна малочисленность кремневого инвентаря и его грубость, что нужно объяснять тем, что обитатели селища хорошо были знакомы с обработкой металла.

Даже такой ранний элемент, как керамика неолитического комплекса, содержит поздние черты: несплошная орнаментация стенок некоторых сосудов и наличие заштрихованных полос в составе орнамента, являющихся доказательством андроновского влияния.

Как уже говорилось, культурный слой не делится стратиграфически на горизонты и должен рассматриваться как одно целое. Вместе с тем, камеральная обработка позволила выявить, что фрагменты керамики различных комплексов располагаются по площади раскопа не совсем равномерно.

Неолитическая керамика находилась главным образом на южных, нижних по склону, участках раскопа. В тех же участках и в таком же количестве найдена андроновская керамика, но фрагментов керамики третьего комплекса здесь оказалось всего только несколько экземпляров.

Для андроновской керамики характерно, наоборот, равномерное распределение по площади и глубинам раскопа.

Третий же комплекс керамики группируется в двух районах: в северо-восточной части раскопа и в его центре, т. е. вокруг очагов. В обоих указанных районах, кроме массы черепков, обнаружены и раздавленные целые сосуды или их крупные части типа, характерного для третьего комплекса. Наблюдалось также залегание керамики третьего комплекса в верхних горизонтах.

Если учесть, что раздавленные сосуды и крупные фрагменты относятся все к этому же комплексу, в то время как неолитические и андроновские фрагменты все очень измельчены, за исключением двух неолитических, то нужно сделать заключение о связи третьего комплекса керамики с последним этапом существования селища. Обрушившиеся покрытия жилищ раздавили сосуды, и их фрагменты в неповрежденном состоянии дошли до нас, что свидетельствует о том, что позднее жизнь на северном берегу оз. Березового не возобновилась.

Вместе с тем в начале существования селища керамика третьего типа некоторое время, вероятно, не была известна.

Что касается экономики обитателей селища, то она представляется нам весьма разнохарактерной. Судя по находкам наконечников, стрел и грузил,

наряду с охотой и рыболовством, которые вполне естественны в лесистой местности на берегу большого озера, жители Березовского поселения занимались земледелием и скотоводством. На земледелие указывают обломки зернотерок, на скотоводство — кости домашних животных, обнаруженные в культурном слое.

Бесспорно знакомство населения с металлургией бронзы. Красноречивое доказательство — находки льячки, обломка плавильной чаши и литейной формочки. Малочисленность кремневого инвентаря заставляет предполагать широкое употребление металла, хотя ни одного бронзового предмета при раскопках не обнаружено.

Общий облик экономики общины, населявшей Березовское селище, заставляет относить эту общину к раннепатриархальному родовому обществу.

При всей скромности размеров раскопок на Березовском селище и небольшом количестве находок исследования этого памятника дают весьма существенные результаты. Со всей определенностью установлено, что памятники шигирской культуры, изучавшиеся до сих пор лишь в районе Свердловска, распространяются до южной границы Свердловской области. Находка на Березовском селище зубов лошади заставляет пересмотреть представление о шигирской культуре как о культуре исключительно охотничье-рыболовческой. На поздней, предскифской стадии известная роль скотоводства в экономике шигирских племен среднего Урала теперь не подлежит сомнению.

Очень интересны данные о широких перекрещивающихся связях, которые установлены по материалам Березовского селища. Культура южных районов среднего Зауралья в эпоху перехода от бронзы к железу, по этим данным, рисуется как синтез элементов, происходящих из самых различных местностей. Здесь переплетаются элементы лесного Зауралья района Свердловска (шигирская культура), района Тюмени (андреевская культура), лесостепного Зауралья — территории Челябинской и Курганской обл. (андроновская культура), и наконец, устанавливаются связи с Европейским Предуральем (абашевская культура). Раскопки последних лет (1948—1950 гг.) под Магнитогорском доказали, что абашевская культура заходила и на восточный склон Урала¹.

Дальнейшие археологические исследования должны быть направлены на установление характера связей лесных и степных, северных и южных племен эпохи бронзы, сталкивавшихся в этом пограничном между лесом и степью районе, а также на установление генезиса местных первобытных племен более позднего времени — скифо-ананьинской эпохи.

---

¹ К. В. Сальников. Памятник абашевской культуры под Магнитогорском. КСИИМК, вып. XXXV, 1950 г.

*М. Р. ПОЛЕССКИХ*АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ДОЛИНЕ р. ОКИ,
ПРИТОКА АНГАРЫ

Река Ока, крупнейший приток Ангары, до последнего времени оставалась белым пятном на археологической карте Восточной Сибири. Между тем, интересное само по себе историко-археологическое изучение этой тысячекилометровой реки, связывающей среднюю Ангару и Приленье с Саянами и тюркоязычным Засаяньем, могло дать существенный материал, например при разрешении вопросов сложного этногенеза Прибайкалья эпохи ранней и средней поры железного века.

Во времени разведок, проведенных автором по среднему и нижнему течению р. Оки в 1948 и 1949 гг., имелись краткие сведения лишь о находках отдельных писаниц: П. А. Кропоткина — в верховьях Оки, Г. С. Виноградова — у с. Заваль, Пласковицкого — у с. Большая Када. В устье Оки в связи с ангарской археологической экспедицией проводил разведки А. П. Окладников.

Ландшафт долины Оки — типично таежный, населенные пункты крайне редки. Берега реки отличаются крутизной и скалистостью, следовательно — недостаточным развитием низких и широких террас.

Наиболее типичными породами окского горизонта являются светлые и желто-зеленоватые кварцевые мелкозернистые песчаники, известковистые песчаники и известняки, перемежающиеся в ряде мест с вишнево-красными песчаниками. Поверхностными отложениями на всех этих песчаниках являются супеси, часто со значительным включением галечника, пески и серые лёссовидные суглинки.

Почти по всему среднему течению, главным образом по левому берегу, прослеживается первая надпойменная терраса высотой в среднем от 3 до 5 м. На этой террасе, чаще всего около устьев речек, притоков Оки, удалось найти места с остатками древних культур.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА

Установлены следы неолита в 8 пунктах.

1. У с. Барлук, на левом берегу, в террасовидном образовании, сложенном из гумуса и галечника, на глубине 30 см найдено скопление кухонных остатков из расколотых и целых костей лося, косули, грызунов. Среди костей оказался резец травоядного животного с глубоким надпилем по середине. Около этого скопления, на поверхности бугра, собраны фрагменты керамики со штампованным узором и штрихом (рис. 36 — 1), отщепы из кремневой гальки.

2. В устье р. Каменной, на левом берегу Оки, в слое лёссовидного суглинка, на глубине 50—90 см, зачищен культурный слой, состоящий из «гнезд» древесных угольков, обгорелых костей козули, отщепов из окремненной гальки и желтоватого кремня, горшечных черепков. Интересны

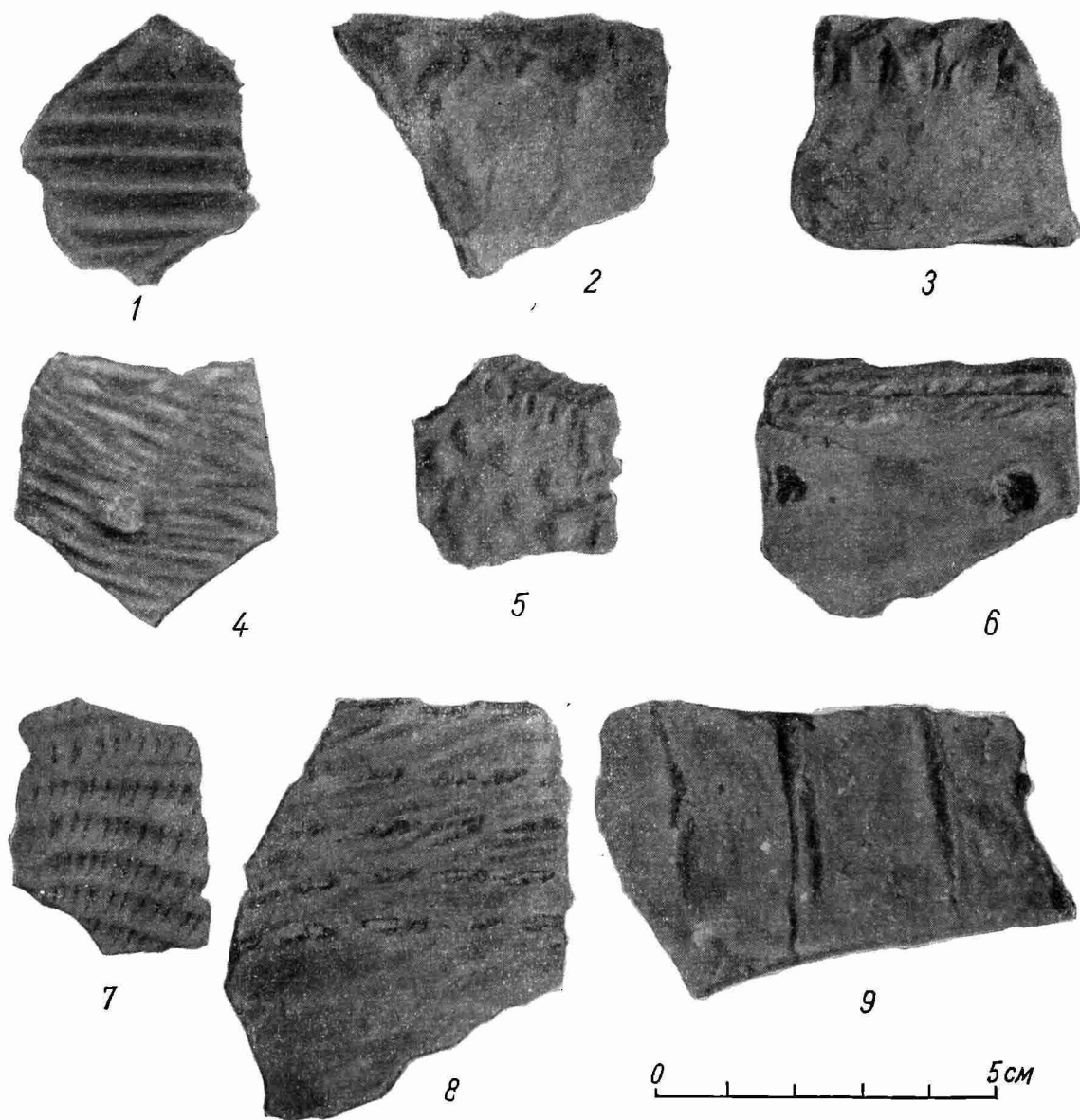

Рис. 36. Керамика с поселений долины р. Оки (приток Ангары)

1 — с. Барлук; 2 — р. Каменная; 3 — дер. Марал; 4 — р. Братская Када (южный склон); 5, 7, 8 — р. Братская Када (восточный склон); 6 — р. Панагия; 9 — Кириквяское

фрагменты горшков из грубого теста, имеющие толщину до 2,1 см и несущие отпечатки ногтя, внешней обмазки и внутреннего выглаживания пальцами (рис. 36—2).

3. В устье р. Братская Када, на левом берегу Оки, на высоком мысовидном участке террасы, сложенной из песка, супеси, суглинка и — в основании — галечника, прослежено на обширном пространстве мощное залегание культурного слоя. Культурный слой проходит в пласте серого суглинка (на южном склоне) на глубине 20—30 см и характеризуется содержанием керамики, древесного угля, обожженной, часто расколотой гальки,

изделиями и отщепами из камня. Обращает на себя внимание разнообразная по орнаменту керамика (рис. 36—4, 5, 7, 8).

Хорошо обожженные, с примесью очень мелкого песка, круглодонные горшки были украшены рябчатым узором, фигурным штампом, выпуклостями, насечками, штрихами. Венчики сосудов нередко снабжались затейливым лепным или штампованным узором. Как правило, внутренняя сторона черепков имеет черный цвет, повидимому, от нагара. Изделия из камня грубы и немногочисленны. Для их изготовления широко применялась речная галька, плохой желтоватый кремль, кварцит. Из находок интересны: наконечник стрелы из кварцита (совершенно такой же наконечник был найден автором на правом берегу р. Ангары, против с. Братска), обломок массивного ножа-резака из расколотой гальки с лезвием, обработанным по корковой стороне ровной крупной ретушью. Несколько скребков из гальки и кварцита обработаны грубо и невыразительно. Очень редки ножевидные пластинки из гладкого кремня. Культурный слой во многих местах сильно поврежден и часто, особенно по восточному склону, смешан с остатками, относящимися к железному веку.

4. У д. Аргей, на левом берегу Оки, на бровке 7-метровой надлуговой террасы, в слое вязкого желтого суглинка, на глубине около 18 см, встречаются осколки расколотых галек, осколки ровных ножевидных пластинок из кремня, отщепы из кремня и халцедона; найдено также несколько горшечных черепков со следами налепного валика.

5. В устье р. Усть-Атубь, на левом берегу Оки, на склоне прибрежного холма, в пласте поверхностного суглинка найдены: обломки керамики, изготовленной с примесью крупнозернистого песка и украшенной примитивным ямочным узором, черепки тонкостенные гладкие или со следами налепных украшений, обломок костяного шила.

6. Отдельные находки сделаны: а) около дер. Марал; здесь интересны черепки от горшков (рис. 36—3), изготовленных налепным ленточным способом, редким для древнекерамического производства в Прибайкалье; б) около с. Шаманово, на правом берегу Оки; в) на правом высоком берегу Оки, против о-ва Киринкинского, где наряду с находками эпохи железа обнаружены орудия и керамика неолита. Только в данном местонахождении зарегистрировано полированное орудие — долото из кремнистого сланца.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Остатки культуры железного века обнаружены в ряде мест долины р. Оки.

1. Железовыжигание — в устье р. Панагина, на правом берегу р. Оки. На бровке крутого склона, представляющего собой величественную дюну, найдены остатки древнего сыродутного производства железа. Место находки удалено от оконечности мыска на 50 м и возвышается над речкой на 12 м. Послойное расположение культурных остатков, состоящих из железных шлаков, угля, углистой почвы и керамики, отчетливо обрисовывает заднюю, уцелевшую часть печи, в которой при помощи ветровой тяги, без применения мехов, производилось выжигание кричного железа. Господствующий в долине северо-западный ветер создавал в яме-печи усиленное давление воздуха и, следовательно, температуру, необходимую для неполного восстановления металла. Керамика своими элементами орнамента из ямочек и лепного валика сходна с керамикой, характерной для ранней поры железного века из Мухтуйского поселения на р. Лене¹.

¹ А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии. Вып. 1, Якутск, 1943, стр. 53.

На оконечности того же мыска, где терраса снижается до 4 м, в пласте суглинка на глубине 25—155 см найдены остатки сыродутного производства, возможно, с применением примитивного небольшого горна из глины, представленного здесь уцелевшей его частью в виде плитки от свода горна размером 35 × 17 × 1 см. Связь плитки с железными шлаками очень живо подчеркивается кусочком этой плитки, застрявшим в углублении одного из кусков шлака. К сожалению, отчетливую картину культурного слоя установить не удалось, так как в более позднее время структура его была нарушена.

В нижнем горизонте всего слоя встретились фрагменты керамики неолита (рис. 36—б), отщепы из окремненной гальки, галька-грузило, пест из гальки

2. Находки против о-ва Киринкинского: на склоне высокой береговой террасы, покрытой лесом, собраны куски железного шлака, железный наконечник стрелы, 11 фрагментов керамики кирпично-красного цвета, содержащей примесь крупнозернистого песка и орнаментированной легкими вертикальными лепными валиками (рис. 36—9).

3. Железные шлаки и сопутствующая им керамика обнаружены в пунктах: Братская Када — восточный склон, Марал, левый берег Оки. Керамика железного века найдена близ устья р. Катыгирова, в огородах с. Шаманово (на левом берегу). Огромное количество железных шлаков попадает в огородах дер. Юльевки, на левом берегу Оки; здесь от колхозников получены сведения о местонахождении в тайге каких-то заброшенных «колодцев», не имеющих воды, возможно, заброшенных шахт.

Несколько кусков шлака с разных местонахождений было подвергнуто химическому анализу¹, давшему следующие результаты (в %):

Местонахождение шлаков	Окись кремния	Окись железа	Окись алюминия	Окись кальция	Окись магния	Закись железа	Закись марганца	Окись фосфора
Устье р. Панагина . . .	20,88	8,49	2,38	1,91	1,52	62,08	2,32	0,42
То же	16,80	7,62	6,64	0,58	сл.	65,49	2,34	0,53
Мыс на р. Танагина . .	20,0	8,79	1,46	1,56	0,90	63,93	2,56	0,80
Против Киринкинского о-ва	31,80	6,69	8,74	1,22	сл.	50,39	0,82	0,34
То же	26,40	8,64	1,54	1,48	1,30	57,49	2,79	0,36
Дер. Юльевка	26,20	1,68	12,64	0,87	сл.	55,50	3,05	0,60

Эти цифры показывают прежде всего количественно высокое содержание в шлаках окислов железа. Наименьшая сумма окислов железа равняется 57,08% (местонахождение «Киринкинское»), наибольшая — 73,11% (местонахождение Панагина).

Сопоставление этих данных с данными современного металлургического производства, где сумма окислов в основных шлаках равняется 12—18%, наглядно свидетельствует о том, что восстановление так называемого кричного железа в древнеметаллургическом производстве было минимальным.

Далее, анализ показывает разницу в потере железа между производствами с различных местонахождений. Согласно исследованию Б. Е. Деген-Ковалевского², подобная разница в потере железа свидетельствует о

¹ Произведен С. Я. Бухинником и В. И. Приймак по заданию главного инженера А. Г. Корина. Всем им автор выражает свою благодарность.

² Б. Е. Деген-Ковалевский. К истории железного производства Закавказья. А. А. Иессен и Б. Е. Деген-Ковалевский. Из истории древней металлургии Кавказа. Соцэкиз. 1935, стр. 288.

большем или меньшем совершенстве сыродутного процесса, или, возможно, о степени удаи проведенной производственной операции.

Значительное содержание в шлаках окиси кремния идет за счет усиленного засорения этих сварочных шлаков песком — результат крайне примитивной техники древнего сыродутного производства. В двух пробах анализ показал следы титана. Это указывает на местное происхождение руд.

Разведкой по р. Оке были исследованы писаницы близ с. Заваль и у Больше-Кадинских порогов. Здесь были открыты новые наскальные рисунки, высеченные, вышлифованные и нарисованные на прибрежных скалах. Кроме того, открыта писаница с изображением оленя на скале около устья р. Зана.

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБЕ

В 1948 г. по поручению Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР продолжались раскопки на городище Афрасиабе (место древнего Самарканда до 1220 г.). Работы производились в пункте № 10, на левом берегу оврага, у мавзолея Ходжа-Даньяра, в северной части городища, к востоку от цитадели. Здесь еще в 1945 г. нами был открыт большой район, занятый остатками гончарных мастерских времени Тали-Барзу I, которое мы датируем рубежом нашей эры. Большой зольник, отчетливо заметный в вертикальном обрыве оврага, судя по предварительному осмотру, мог дать много материалов, которые позволят глубже изучить этот важный, но еще очень слабо освещенный этап в истории материальной культуры Самарканда.

Раскопками в этом пункте вскрыта на глубину 7 м площадка 18 м длины и 5—9 м ширины. Пройти всю толщу культурных наслоений нам не удалось, так как, судя по обнажению, она достигает 9—10 м.

Вскрытая толща сложилась из наслоений трех культурных этапов: верхних — мусульманского средневековья, средних — тюркского периода (Тали-Барзу V) и нижних, самых мощных, соответствующих периоду Тали-Барзу I.

Слои мусульманского средневековья почти полностью уничтожены смывами в овраг. Только большое количество поглощающих колодцев, открытых раскопками, показало действительное значение этого места в жизни средневекового города. Ямы трех колодцев оказались особенно интересными.

Яма колодца № 1 заполнена остатками, происходившими из мастерской ремесленника, оружейника-панцырщика. В ней найдено железное массивное зубило, небольшая наковаленка, 45 продолговатых железных пластин от различных панцырей и 2 гвоздя с широкими шляпками. Посуда из колодца представлена обломками чашечек из кашина (белая фарфористая масса), покрытых прекрасной голубой глазурью, белых глазированных блюд с росписью темной и светлой коричневой, желтой и зеленой красками, кувшинов из светлосерой глины. Судя по этой посуде, имеющей черты сходства с самаркандской керамикой уже монгольского периода (XIII—XIV вв.), колодец можно отнести к XI или, вернее, к XII в.

Колодец № 4 дал одновременные культурные остатки. Он был неглубок и содержал почти сплошную массу разбитых рюмок с высокими ножками из прозрачного белого стекла; среди них найдены чашечка желтовато-зеленого стекла, разные пастовые бусы и подвески от дешевых ожерелий, железный нож, обрывок железной кольчуги и 6 игральные косточки из овечьих астрагалов.

Колодец № 3 был более 13 м глубины. У самого верха его найден единственный обломок белого глазированного блюда с голубовато-зеленой расплывчатой росписью. Вся прочая глиняная посуда имеет простой красный обжиг. Кроме обломков хумов, кувшинов, кружек, украшенных срезами по плечу, найдены: целая кружка с замешанным в ней гипсом, миниатюрный горшочек, 2 низкие плоские с ребристым плечом, большое количество обломков стеклянных кружек с рельефным узором, целая железная теша (среднеазиатское тесло) и целый железный кетмень (мотыга). Ряд типичных черт указывает, что данный комплекс относится к концу VIII в. и может быть связан со двором какого-то жителя Самарканда, занимавшегося садоводством и земледелием.

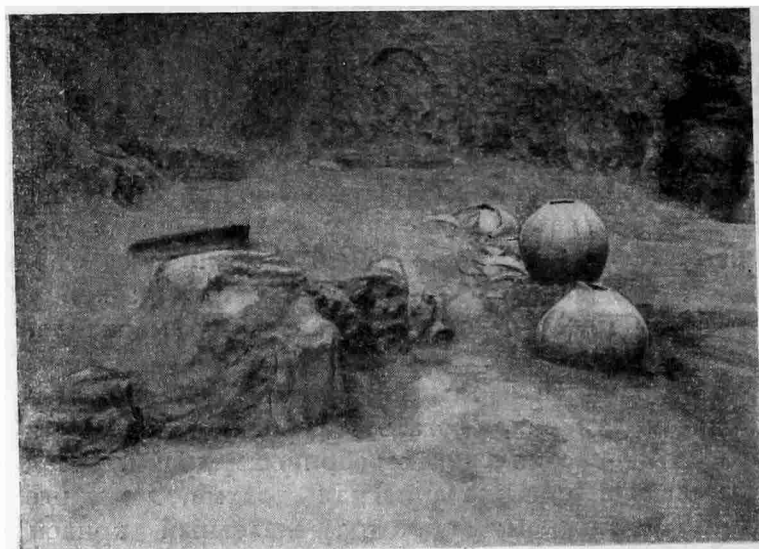
В слое тюркского периода сохранился небольшой участок пола помещения со стоявшей на нем корчагой для вина, богато украшенной резьбой и налепами; внутри нее оказалось 20 сасанидских серебряных драхм. Над полом и в его настиле найдены еще одна сасанидская драхма, 3 медные монеты согдийской чеканки по китайскому образцу, железный кривой (садового типа) нож, простой нож с горбатой спинкой, крупное кольцо из нефрита, бронзовая поделка в виде тонкой ручки с двумя головками коньков, ручка пальметкой от бронзового косметического сосулика, 6 тонких железных проколов (шильца? иглы?) и свинцовая ворварка.

На 2 м ниже поверхности, под весьма плотным слоем глинобитных кладок, открылся зольник, а рядом с ним — гончарная печь, относящиеся к стадии Тали-Барзу I. От гончарной печи сохранилась топка с обрушившимся сводом, разделенная внутри толстой перегородкой на две половины. В общем она имела одинаковое устройство с гончарной печью, которая была исследована нами в пункте № 9 (на берегу этого же оврага) в 1945 г. В золе и земле, заполнявшей печь, найден почти целый кубок в виде вазы на устойчивой ножке, детский молочник — кувшинчик с носиком для сосания, глубокая мисочка и часть сильно попорченного глиняного изображения с двумя головами баранов.

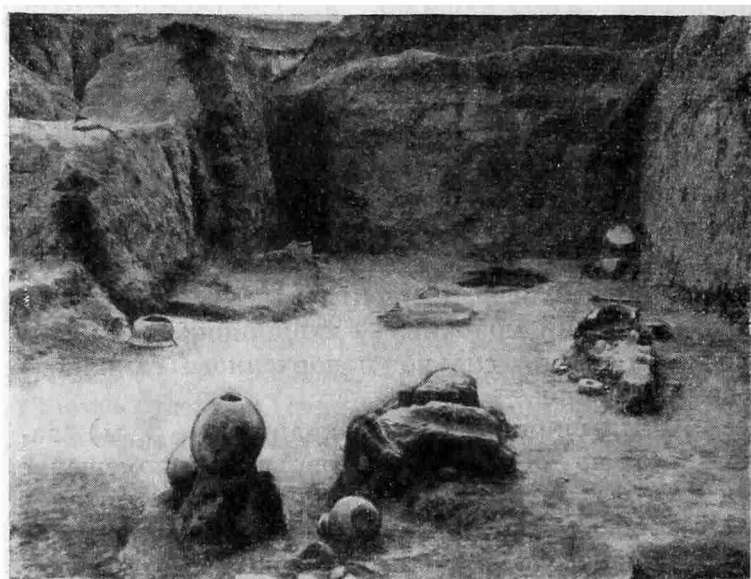
Зольник (длина — более 10 м, ширина — 5 м, толщина — 3 м) заполнял не яму, как это казалось по обнажению в овраге, а помещение гончарной мастерской. Он состоял из золы с прослойками спекшихся в огне комьев глины, кусков обмазки от гончарных печей, глиняных шлаков и обломков глиняных сосудов. Обращает внимание почти полное отсутствие обломков керамического брака, получавшегося от чрезмерно высоких температур. Среди обломков преобладали хумы (корчаги) и кубки. В верхних горизонтах встречались кубки типа вазы на высокой устойчивой ножке, ниже — чаще стали встречаться такие же вазы на укороченной ножке, а то и просто на поддоне (в последнем случае они имеют вид простых чаш). Нашлось несколько обломков от вырождающихся (крайнее огрубение форм) конических кубков на неустойчивой ножке типа Афрасиаб IV. Хумы имеют отогнутый край, увенчанный простым круглым валиком или широким гладким пояском. Они чаще других сосудов украшались волнистым орнаментом. Встречались обычные для стадии Тали-Барзу I конические крышки для хумов с выступом посередине.

В находках представлены корчажки с широким краем, которые при большем отгибе края и меньшей высоте имеют вид глубоких блюд. Они обычно украшались по краю узором из волнистых линий и короткими косыми нарезками. Есть воронки в виде конической мисочки с одним отверстием в дне.

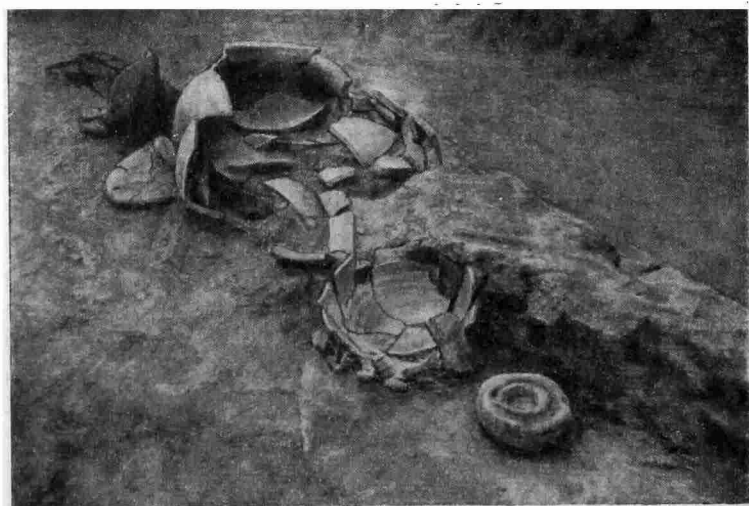
В зольнике найдено значительное количество обломков шаровидных котлов, чем подтверждается правильность нашего предположения, что они в это время делались уже не домашним путем, как раньше, а гончарами-ремесленниками. От обжига в гончарных печах они имеют в изломе желтовато-красный цвет. Были найдены курильницы в виде чаши на высокой

1

2

3

Рис. 37. Афрасиаб. Гончарная мастерская

1 — северная часть (на переднем плане — запас глины); 2 — южная часть; 3 — камень (пята для оси) от гончарного круга и сосуды

ножке, вылепленные из такой же глины с обильной примесью песка или дресвы, из какой делались котлы.

Весьма интересна одна глиняная курильница красного обжига, сделанная в виде колонны на трех ножках с чашей наверху и лепными изображениями стоящих и сидящих фигурок божеств в двух ярусах по стволу колонны. К сожалению, курильница сильно фрагментирована. Сохранилась, и то без головы, одна самая крупная и, повидимому, самая главная фигурка в этом «пантеоне». Она изображена сидящей с поджатыми ногами и руками, положенными на колени. Свободой композиции фигурка ближе всего напоминает изображения на кушанских монетах.

Не менее интересны терракотовые фигурки, найденные в большом количестве в разных горизонтах зольника. Среди них две совершенно целые, что так редко для находок на Афрасиабе. Все они односторонние, оттиснутые в формах. Женские фигурки, которые, повидимому, совершенно справедливо Г. В. Григорьев считает изображениями Анахиты, имеют на голове «фригийский» колпак с загнутым вперед или набок верхом, гривну на шее и пестро

декорированные длинные одеяния. Каждая из них держит в одной руке плод, повидимому граната, а в другой руке — цветок. У мужских фигурок в руках нет ничего. Одеждой у них служит род короткого кафтана, перетянутого поясом, и обувь в виде высоких сапог. Есть обычные фигурки всадников на конях сильно схематизированного типа. Любопытна головка крупной фигурки лося или оленя с широкими рогами.

Рис. 38. Афрасиаб. Изображения Анахиты (?) по глиняным слепкам с формочек, найденных в керамической мастерской. $\frac{3}{4}$ нат. вел.

Упомянем еще находку глиняных столиков на трех ножках с тамгой кушанского типа, прочерченной пальцем на нижней стороне, но не с тремя, а с четырьмя зубцами ($\frac{|||}{|}$).

Под зольником и земляным завалом на глубине 6—7 м ниже поверхности открылась часть гончарной мастерской с глинобитными стенками до 3 м высоты. Длина помещения — 10 м, ширину определить не удалось, так как с одной стороны оно не полностью вошло в площадь раскопок.

В северной стене помещения (рис. 37—1) находился большой каминно-образный очаг, рядом с которым в пол был врыт хум и лежал обломок большой ручной зернотерки. Почти в середине помещения возвышалась куча желтой глины, обсеченная по краям лопаточкой, которой гончар брал глину для изготовления сосудов. Около лежал большой ком зеленоватой глины, такой же, какую и современные самаркандские гончары добавляют в замес, чтобы улучшить его пластичность.

Между северной стеной и глиной на полу находились 2 корчаги, 2 кувшина без горла, небольшой целый кувшин (раздавлен землей) и длинный сланцевый точильный камень.

К юго-западу от кучи заготовленной глины (рис. 37—2, 3) стоял круглый гранитный камень с лункой, служивший пятой для гончарного круга, от вращения которого края камня отполировались до блеска. Рядом находились две глиняные формы для изготовления терракотовых женских статуэток (рис. 38—1, 2), фляга-мустахара, крышка грубой ручной лепки, небольшой котел и снова целая форма для штамповки терракотовых статуэток (рис. 38—3).

К юго-востоку от глиняных запасов стояла перевернутая вниз горлом корчажка без дна; дно было вырезано до обжига. Внутри нее находился необожженный круглодонный сосудик ручной лепки. Рядом находились котел и корчажка с плоским дном (оба раздавленные землей). Ближе к южной стене был сделан из обломков сырцовых кирпичей очаг.

У южной стены найдены 2 гранитные ручные зернотерки и 2 раздавленных котла.

Наконец, у восточной стены лежал раздавленный землей хум, около которого найдены 2 ручки в виде животных от небольших глиняных сосудов и весьма своеобразный высокий кубок с коническим дном, сделанный без ножи.

Пол мастерской местами сплошь покрыт обрезками глины, получающимися при изготовлении сосудов на гончарном круге, и раздавленными необожженными сосудами различных форм. Совокупность открытого рисует перед нами обстановку и многие стороны керамического процесса, так сказать на ходу, в большой гончарной мастерской, покинутой ее владельцем и работниками совершенно внезапно, вероятнее всего по случаю какой-нибудь катастрофы, постигшей древний Самарканд.

Раскопки в пункте № 10 дали много новых данных о гончарном ремесленном производстве времени Тали-Барзу I, т. е. на рубеже нашей эры. Они дали широкое представление о богатстве керамических форм, значительно углубили представление об уровне материальной культуры и даже об искусстве. Более четко определился стиль терракот, которые впервые найдены на Афрасиабе в таком значительном количестве и, что особенно важно, комплексно в составе прочих предметов материальной культуры этой древности.

Крайне интересны формы для терракот, лежавшие около гончарного круга в мастерской. Изображение одной из них (рис. 38—3) может быть поставлено в связь с памятниками гандхарского искусства, конечно не одеяниями, носящими совершенно местные черты, а скульптурой головы. В изображении другой формы (рис. 38—2) можно видеть воспроизведение какой-то настоящей статуи, позволяющей и по этой миниатюрной копии говорить об известной выразительности и самостоятельности древнего согдийского искусства. Ручки сосудов из мастерской, оформленные в виде животных, подтвердили правильность заключения Г. В. Григорьева о связи Согда времени Тали-Барзу I с ташкентской культурой Каунчи II, что на данном этапе наших знаний, в свою очередь, служит веским доводом в пользу признания датировки Тали-Барзу I рубежом нашей эры.

С. А. ТАРАКАНОВА

ПСКОВСКИЕ КУРГАНЫ С ТРУПОСОЖЖЕНИЕМ

*(Доклад, прочитанный в секторе этногенеза народов СССР ИИМК
8 декабря 1949 г.)*

Псковская область богата курганами. Здесь имеются курганы длинные, удлинённые, комбинированные (длинные с круглыми), высокие круглые курганы сопочного типа, низкие расплывчатые «пряники» — все с трупосожжением, а также более поздние небольшие круглые курганы с трупоположением и жальники. Особенно часто курганы встречаются в северных районах Псковской обл. по восточному берегу Псковского и Чудского озёр, в бассейнах рр. Плюссы, Луги, а также в верховьях Великой.

Изучение псковских курганов началось ещё в прошлом столетии¹, но раскопки их в большинстве случаев велись случайно², не систематически; при этом обычно раскапывались сравнительно поздние курганы с трупоположением.

Уже самый факт наличия в Псковской области большого количества курганов с трупосожжением, весьма разнообразных по форме насыпей, невольно обращает на себя внимание. Между тем, случаи раскопок таких курганов здесь насчитываются буквально единицами. Кроме того, несовершенство применяемой в прошлом методики раскопок курганов траншеями или колодцами и недостаточная в некоторых случаях фиксация процесса раскопок значительно снижают ценность имеющихся материалов по этим памятникам.

Псковские курганы с трупосожжением при внимательном и глубоком их изучении могут послужить прекрасным материалом для разрешения многих вопросов истории славян-кривичей и их взаимоотношений как с западными соседями — прибалтийскими племенами, так и с другими соприкасавшимися с ними племенами восточных славян.

Псковская экспедиция ИИМК АН СССР в течение двух лет (1948—1949 гг.) провела большую работу по изучению такого рода памятников. Учитывая весь имеющийся материал — как опубликованный, так и архивный, экспедиция произвела обследование известных³ и разведку новых курганных групп с трупосожжением, а также раскопки нескольких курга-

¹ Раскопки курганов в Псковской губернии производили: Забароский, Крейтон, Соколов, Бернштам, Кислинский, Василев, Глазов, Гольмстен и др.

² Исключением являются Гдовские курганы, раскопанные В. Н. Глазовым. МАР, № 29.

³ Такие обследования вызывались необходимостью проверки сведений, имеющих в литературе, так как часть этих сведений, почерпнутая из различных и чисто случайных источников, оказывалась недостоверной (как в «Материалах для археологической карты Псковской губ.» Н. Окрулич-Казарина) или носила слишком общий характер (как, например, в «Материалах к карте длинных курганов и сопков» Н. Н. Чернягина).

нов. Весь собранный материал будет использован автором в подготовляемой им более обширной, чем данная статья, работе. В данной же статье публикуются результаты раскопок курганов, так как имеющиеся материалы по этим памятникам очень скудны.

* * *

На высоком каменистом берегу р. Каменки, левого притока р. Великой, впадающего вблизи ее устья, находится группа больших курганов. Это единственная группа на левом берегу реки (протяженность Каменки не превышает 10 км). Курганы расположены у южной околицы дер. Северик, по правую сторону шоссе на дороге Логазовичи — Корлы, в 140 м от берега реки. На расстоянии 200—250 м от этой группы стоит одинокий круглый курган диаметром 12 м и высотой 2 м. Эти курганы упоминаются в литературе¹, но сведения о них настолько общи, что не дают необходимого представления даже о внешнем их виде.

Группа состоит из шести курганов: двух длинных и четырех удлиненных. Курган № 1 (длинный), длиной 17 м, шириной 10 м и высотой 1,5 м, имеет прекрасную сохранность. Он ориентирован с севера на юг вдоль берега реки. Боковые склоны его крутые. Южный конец, спускаясь плавно, немного ниже северного. Вокруг основания хорошо заметен ровик в 50—60 см шириной. Под дерновым слоем, покрывавшим курган, виднелись крупные валуны. Курган № 2 такого же типа, длиной 21 м, шириной 6,5 м и высотой 1,5 м, расположен на расстоянии 15 м южнее кургана № 1. Северная его половина распахана. Этот курган, так же как и курган № 1, ориентирован вдоль берега реки. Четыре остальных кургана по форме насыпей очень своеобразны. Высота их достигает 2—2,5 м, но они не круглые, а вытянуто-овальные в 6—7 м длиной и в 3—4 м шириной. В отличие от длинных курганов, все они ориентированы перпендикулярно берегу Каменки. Два кургана хорошей сохранности, на двух других видны следы раскопок глубокими ямами.

Экспедиция раскопала длинный курган № 1 (раскопки всех курганов производились на снос). Для получения профилей насыпи вдоль гребня кургана, а также поперек его, были оставлены бровки полуметровой ширины. Этими бровками курган делился во время раскопок на четыре сектора. Снятие насыпи производилось в каждом секторе по пластам (штыкам) толщиной по 20 см каждый.

По снятии дернового покрова выяснилось, что насыпь кургана, состоящую из речного песка, почти сплошь покрывали валунные и плитняковые камни различных размеров. Особенно крупные валуны и плитняки находились на гребне кургана в южном и северном его концах. В насыпи обнаружена каменная кладка, расположенная вдоль гребня кургана, причем в южном его конце были только валунные камни, достигавшие иногда около 1 м в диаметре, а в северном встречались и плитняковые. Разрозненные камни различных размеров были и в других местах насыпи. Под насыпью кургана, вокруг его основания, также лежали почти сплошным кольцом плитняк и валуны (рис. 39а).

Раскопки показали, что курган был насыпан в один прием. Никаких признаков постепенного увеличения насыпи не было обнаружено.

Каменные кладки и вообще камни в длинных курганах встречаются редко. В некоторых группах этих памятников, например Смоленской, каменных кладок совсем нет. Назначение таких кладок было различно. В раскопанном нами кургане они имели, видимо, конструктивное значение,

¹ Тр. Псковск. археол. об-ва, вып. 10, 1915, стр. 239. МИА СССР, вып. 6, 1941, стр. 103.

в других случаях — ритуальное. Так, например, в одном из Тайловских курганов, близ города Печоры Псковской обл., валунные камни средних размеров образовывали кольцо диаметром в 1,1 м, в центре которого находились остатки трупосожжения¹.

В раскопанном кургане у дер. Северик было вскрыто 16 погребений с трупосожжением. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем усыпальницу большой патриархально-родовой семьи. Несколько таких усыпальниц, объединенных в одну курганную группу, являлись рядовым кладбищем.

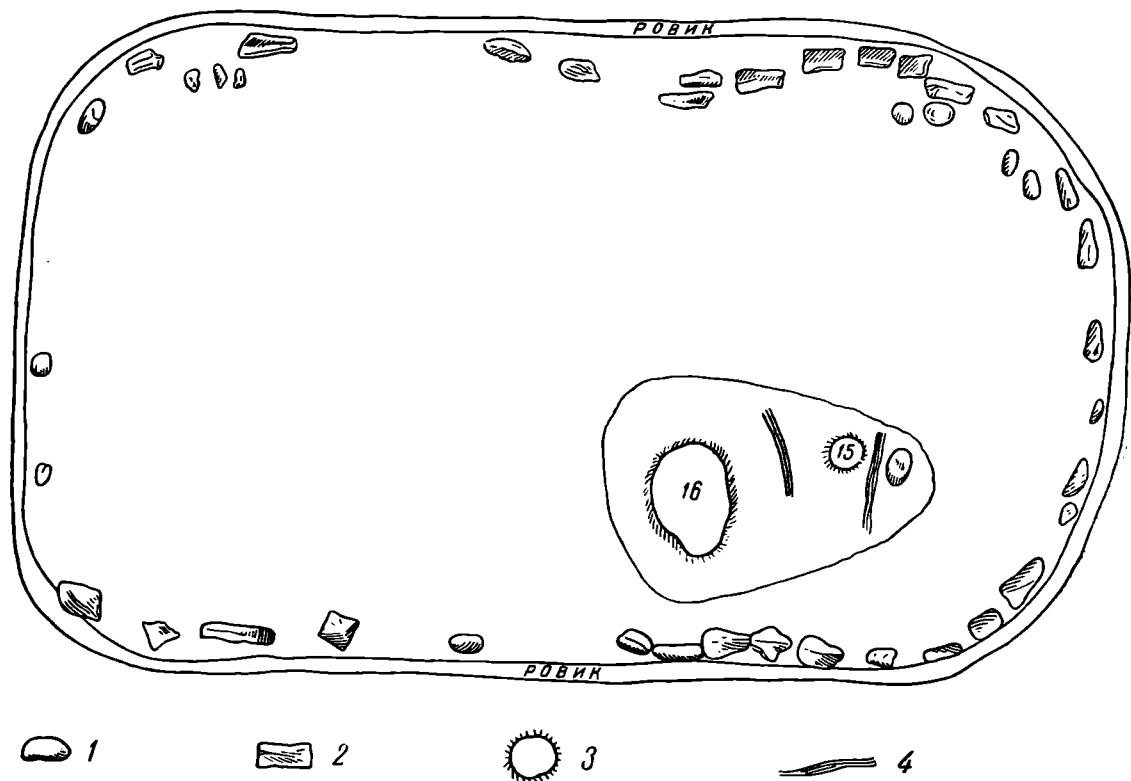

Рис. 39а. Курганы с трупосожжением. План длинного кургана № 1 у дер. Северик
1 — валуны; 2 — плитняк; 3 — погребение (с порядковым номером); 4 — обугленное дерево

Погребения в кургане располагались различно: два из них находились на материке, остальные — в насыпи, на разной ее глубине. Тринадцать погребений были вскрыты в западном склоне кургана и 3 — в восточном (все в юго-восточном секторе). В разных местах насыпи встречались кости животных, в частности лошади.

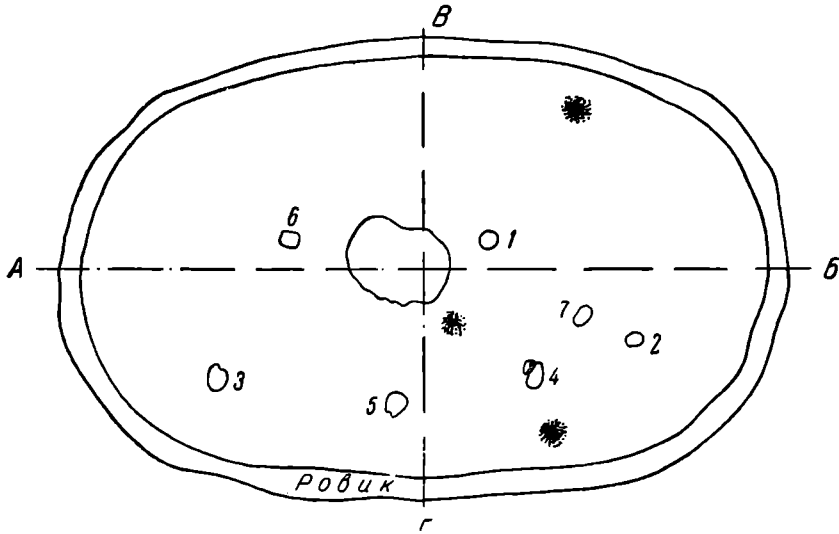
Погребальный обряд, обнаруженный в данном кургане, очень разнообразен. Часть погребений (№№ 3—5, 7, 11, 13, 14) представляла собою небольшие кучки, диаметром в 20—30 см, кальцинированных костей, перемешанных с темною землею и мелкими угольками, заключенными прямо в насыпи кургана. Около одного такого погребения (№ 5) найден зуб лошади.

Другие погребения находились в урнах (№№ 1 и 2): В первом случае глиняный горшок, наполненный темною землею с мелкими угольками и пережженными косточками, вскрытый на глубине 30—40 см близ гребня

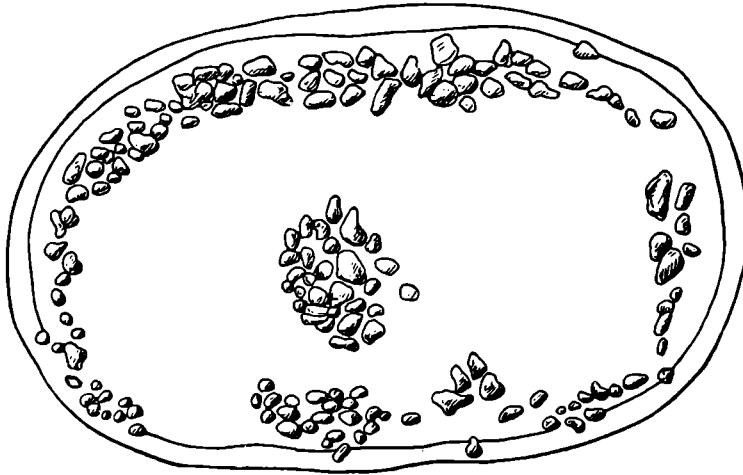
¹ Тр. Псковск. археол. об-ва, вып. 10, 1915, стр. 8—9.

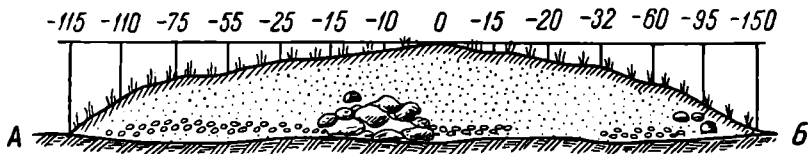
План кургана с погребениями

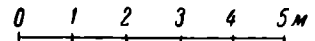
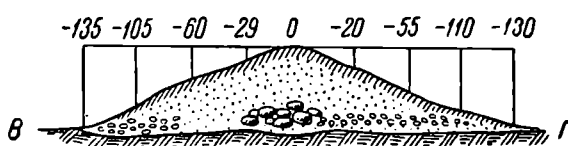
План кургана на материке

Продольный профиль

Поперечный профиль

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

Рис. 396. Курганы с трупосожжением. План длинного кургана у дер. Лосинцы

1 — растительный слой; 2 — почва; 3 — желтый песок; 4 — камни; 5 — белый песок; 6 — угли; 7 — погребения (с порядковым номером); 8 — материк

кургана, лежал раздавленный на боку. Около него, в небольшой кучке темной земли, находились кальцинированные кости и мелкие угольки. Это погребение заключалось в своеобразном каменном ящике, дном которого служила большая горизонтально лежащая плита. С двух ее сторон стояли по

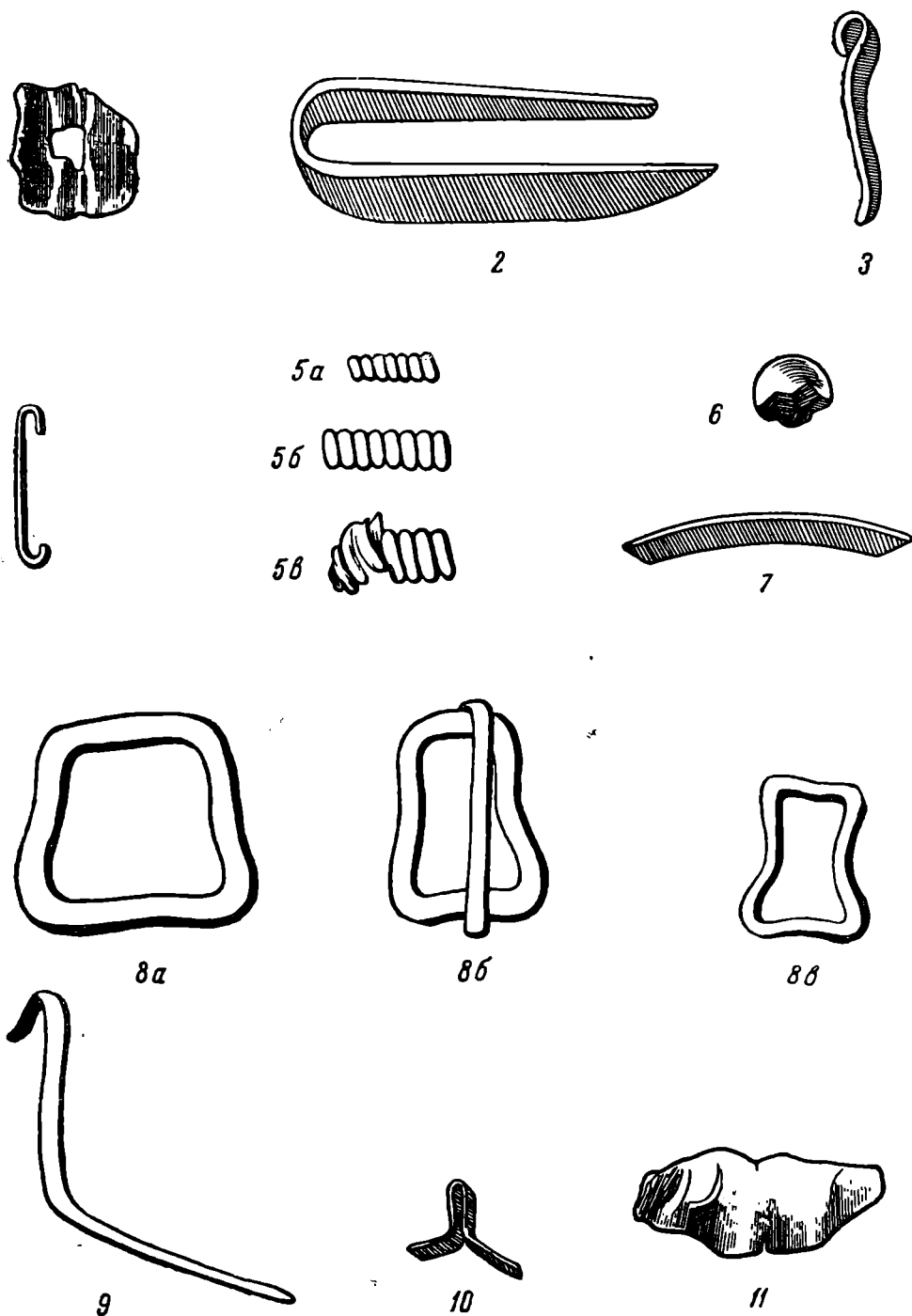

Рис. 40 Вещи из курганов с трупосожжением

два таких же больших плитняковых камня, поставленных на ребро. Расстояние между ними в том месте, где находилась урна, равнялось 90 см. Сверху погребение было прикрыто также большой плитой. Никаких вещей в этом погребении найдено не было. Во втором случае остатки трупосожжения также находились в раздавленной урне, лежавшей на боку. С четырех сторон урна была окружена большими, поставленными на ребро плитами. Под урной находилась большая плита, сверху урна была прикрыта

таким же камнем. Все погребальное сооружение имело четырехугольную форму размером 80×95 см, глубиной 50 см. В урне среди костей найден обломок металлической пластинки с отверстием посередине (рис. 40—1).

С внешней стороны погребального ящика лежала кость животного.

Два других погребения — без урн (№№ 8 и 12), в ямках насыпи — были сверху прикрыты большими плитами. Следующие два погребения в насыпи кургана, также без урн (№№ 6 и 10), были окружены плотной желтой глиной, хотя насыпь кургана состояла только из песка. В погребении № 10 среди кальцинированных костей найден железный ножик, согнутый пополам (рис. 40—2). Наконец, три погребения (№№ 9, 15 и 16) были в виде кострищ: два — на материке и одно — в насыпи кургана (рис. 39а).

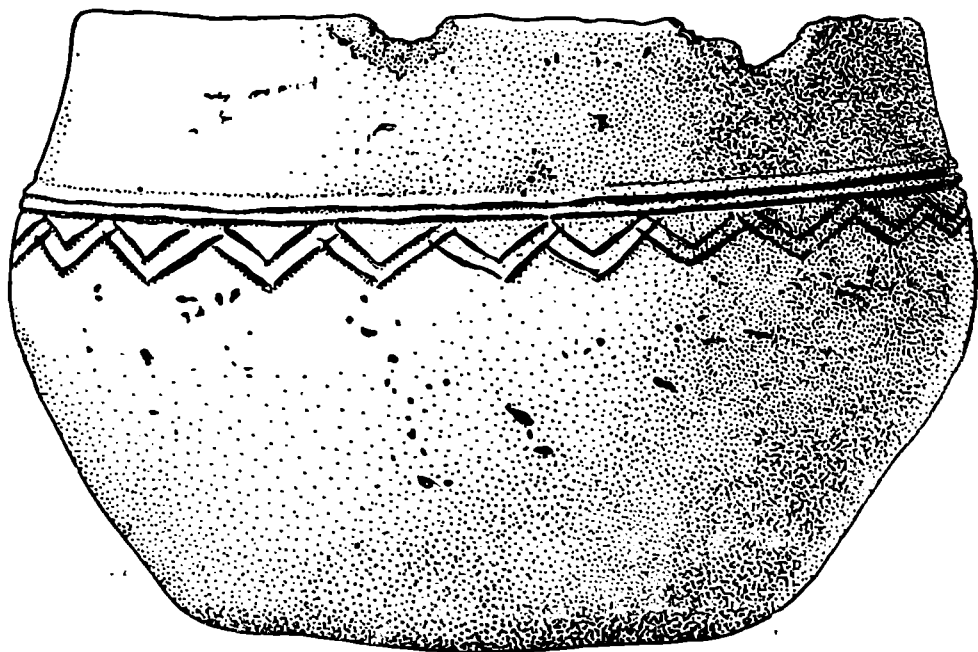

Рис. 41. Горшок из погребения № 16 (курган № 1).

Погребение на материке обнаружено в четвертом секторе кургана. Здесь вскрыто большое кострище, размером $1,9 \times 2,6$ м в виде угольно-зольного пятна, на котором на расстоянии 60—80 см друг от друга лежали два обугленных обрубка дерева длиной каждое около 80 см. Рядом с одним из них находился большой валунный камень. На этом кострище хорошо были заметны два скопления кальцинированных костей. Одно из них (погребение № 15) помещалось между обугленными плахами. Кроме косточек и мелких угольков, в этом погребении ничего не оказалось.

На северном конце кострища находилось погребение № 16 в виде большого скопления пережженных косточек, перемешанных с темною землею и мелкими угольками. Диаметр погребального пятна достигал 95 см. Здесь среди косточек были найдены: слиток бус из синего стекла, язычок от фибулы, кусочек бронзовой проволоки, загнутой с двух концов, три бронзовые спиральки различных размеров, медная выпуклая бляшка-скорлупка с обломанными скобочками, обломок медной узкой, слегка изогнутой пластинки (рис. 40—3, 4, 5а, б, в, 6, 7). Собранные пережженные кости из этого погребения весят свыше двух килограммов. Несомненно, что здесь было сожжено несколько трупов, в том числе и женских, о чем говорят находки.

Под кострищем оказался лежавший на боку горшок, наполненный темной землей, в которой изредка встречались пережженные косточки и мелкие угольки. Горшок вылеплен из глины красноватого цвета без примесей.

Форма его несколько приземистая, стенки выпуклые, шейка вертикальная, дно немного округленное, поверхность стенок хорошо заглажена. По плечикам проходит орнамент из нескольких параллельных и ломаных линий в виде городочков (рис. 41). Этот горшок являлся не урной, а скорее посудой с каким-либо жертвоприношением, так как он находился под кострищем и заключал в себе очень немного пережженных косточек, тогда как поверх и около него они лежали почти сплошным слоем.

Несмотря на наличие кострища внутри кургана, трупосожжение в данном случае было произведено вне кургана. На это указывает не только расположение кальцинированных костей на кострище двумя отдельными группами, но главным образом и то, что земля под кострищем оказалась совершенно не обожженной. Остатки сожженных где-то на стороне трупов были перенесены в курган и погребены там в виде кострища. Это подтверждается и характером погребения № 9, вскрытого в насыпи этого же кургана, в северном его склоне, в секторе № 3, на глубине 50 см от вершины.

Погребение № 9 представляло собою также кострище размером $1,5 \times 2$ м, толщиной 3—5 см, состоящее из угольно-зольного пятна, в котором встречались угли и кальцинированные косточки. С южной стороны это кострище было обложено плотной желтой глиной, булыжными и плитняковыми камнями. По северному краю его проходило обугленное дерево длиной в 1,75 м. Остатки трупосожжения лежали на плитняковых камнях, выстланных берестой, которая оказалась лишь только обугленной. Это доказывает, что трупосожжение было произведено на стороне, а в насыпь кургана помещены были еще не остывшие его остатки. На кострище среди кальцинированных косточек были найдены 3 четырехугольные пряжки с вогнутыми боками, две из них без язычков, металлический изогнутый стержень, кусочек изогнутой бронзовой пластинки в виде петли, обломок большой круглой бляшки с выпуклым орнаментом (рис. 40—8 а, б, в, 9—11).

Разнообразные формы погребального обряда, отмеченные при раскопках кургана, указывают на то, что население, оставившее нам эти памятники, сохранило у себя еще некоторые черты различных предшествовавших ему племенных групп, принимавших участие в его формировании. Так, например, погребения в урнах и каменных ящиках находят себе аналогию в памятниках культуры ящичных и подколпачных погребений V—II вв. до н. э. Поморской и Юго-Западной Польши. Трупосожжения, заключенные в урнах, а также в виде кострищ в длинных курганах, имеют сходные черты с «полями погребений», что указывает на этническое родство племен, от которых остались те и другие памятники.

Найденный в кургане инвентарь, особенно керамика, дает некоторую возможность датировать этот памятник. До настоящего времени длинные курганы датировались второй половиной I тысячелетия н. э., в пределах VI—X вв. Эта датировка должна быть изменена в сторону признания большей древности курганов.

Погребальные урны описываемого кургана по форме и технике изготовления представляют полное тождество с керамикой, находимой в нижних горизонтах культурного слоя Псковского кремля, где она встречается одновременно с сетчатой керамикой дьякова типа. Особенного внимания заслуживает горшок из погребения № 16. Его форма и техника изготовления, а также орнамент никак не могут быть отнесены к столь позднему периоду, как вторая половина I тысячелетия н. э. Отдельные вещи — бляшки-скорлупки со скобочками и четырехугольные пряжки с вогнутыми боками — также указывают на более раннюю дату кургана: II—III и следующие века н. э.

Между дер. Лосицы и поселком Лог Лядского района Псковской обл., в 400 м от р. Плюссы, экспедицией была открыта новая, до настоящего времени неизвестная группа курганов. Эта группа состоит из 5 длинных,

нескольких круглых курганов с трупосожжением и жальников. Курганы и жальники непосредственно примыкают к современному сельскому кладбищу.

Один из длинных курганов, длиной в 13 м, шириною в 8 м и высотой в 1,5 м, был нами раскопан¹. Сохранность кургана хорошая. Он ориентирован с северо-востока на юго-запад. Вокруг кургана заметен ровик с крутыми боковыми склонами. Юго-западный конец более пологий, чем северо-восточный. Курган раскапывался тем же методом, что и описанный выше.

Курган был насыпан из песка в один прием. Под насыпью его на материке вокруг основания лежали плотным слоем в несколько рядов булыжные и валунные камни. Это каменное кольцо разрывалось только в юго-западном секторе кургана. В основании всей насыпи проходила прослойка из белого песка. Такие прослойки в длинных и удлиненных курганах встречаются сравнительно редко, но представляют обычное явление в каменных могилах Прибалтики.

В кургане вскрыто 8 погребений с трупосожжением, все без вещей. Семь погребений в виде небольших кучек кальцинированных костей, перемешанных с мелкими угольками, помещались прямо в насыпи кургана. Восьмое погребение находилось на материке, почти в центре кургана. Оно представляло собою кострище в 2,2 м в диаметре, в темной земле которого встречались разбросанные мелкие пережженные косточки и угольки. Это погребение было прикрыто сверху грудой валунных камней, лежавших в несколько рядов в виде пирамиды. Все восемь погребений представляли собой остатки трупосожжений, произведенных на стороне (рис. 39 б).

В 40 км севернее Пскова и в 6 км восточнее Псковского озера, в сосновом лесу урочища Совий бор, находится большая группа курганов с трупосожжением. Это самая крупная группа такого типа в Псковской области. Она состоит из 78 насыпей, из которых 19 — длинных и удлиненных курганов, 2 — комбинированных (длинные с круглыми), остальные — круглые с трупосожжением. Курганы вытянулись узкой полосой на протяжении полукилометра вдоль берега Псковского озера. Эта группа интересна не только тем, что она является наиболее крупной по числу насыпей, но и тем, что в нее входят курганы, различные по своей форме. Изучение этих курганов может помочь выяснению их связи между собою. С этой целью экспедиция и произвела раскопки курганов данной группы.

Всего было раскопано 6 курганов: один длинный (№ 1), два удлиненных (№№ 4 и 6), один комбинированный (№ 3), один круглый сопочного типа (№ 2) и один круглый, низкий — «пряник» (№ 5). Все эти курганы находились близко один от другого, а длинный курган № 1 и круглый курган № 2 были рядом, и ровики их в месте соприкосновения насыпей сливались.

Курган № 1, длиной 21 м, шириною 8 м и высотой в 1 м, по своим размерам уступал многим другим длинным курганам этой группы, длина которых достигала свыше 40 м. Высота длинных и удлиненных курганов здесь, за небольшим исключением, равнялась 1 м. Курган № 1, ориентированный с севера на юг, при раскопках делился на 6 секторов юдной продольной и двумя поперечными бровками, расположенными на расстоянии 7 м одна от другой. Он был насыпан из мягкого желтого песка в один прием. Никаких каменных кладок в нем не обнаружено. Только в юго-западном секторе насыпи кургана найдена группка из пяти булыжных камней, да в северо-западном секторе встречен один булыжный камень.

По всему основанию кургана проходила зольная прослойка, смешанная с песком, с редким вкраплением мелких угольков. Такая прослойка могла образоваться здесь от пережигания хвороста или сучьев еще до сооруже-

¹ В раскопках кургана деятельное участие принял коллектив учащихся и педагогов лосицкой неполной средней школы во главе с ее директором П. И. Андреевым.

ния насыпи кургана. Зольные (или, как их еще называют, угольно-пепельные) прослойки в длинных курганах Псковской обл.— явление весьма распространенное. Но они не представляют собой остатков погребальных костров: в них, кроме мелких угольков, ничего не встречается. Зольные

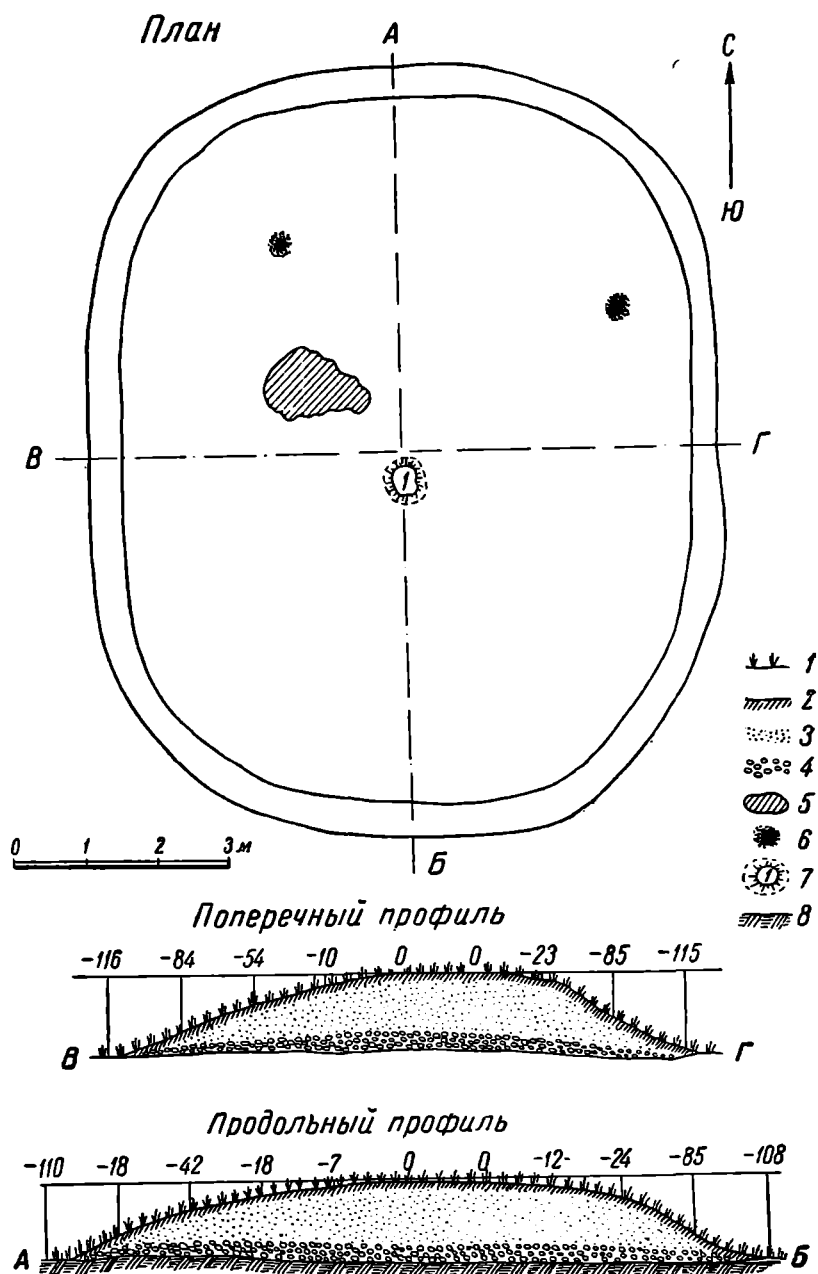

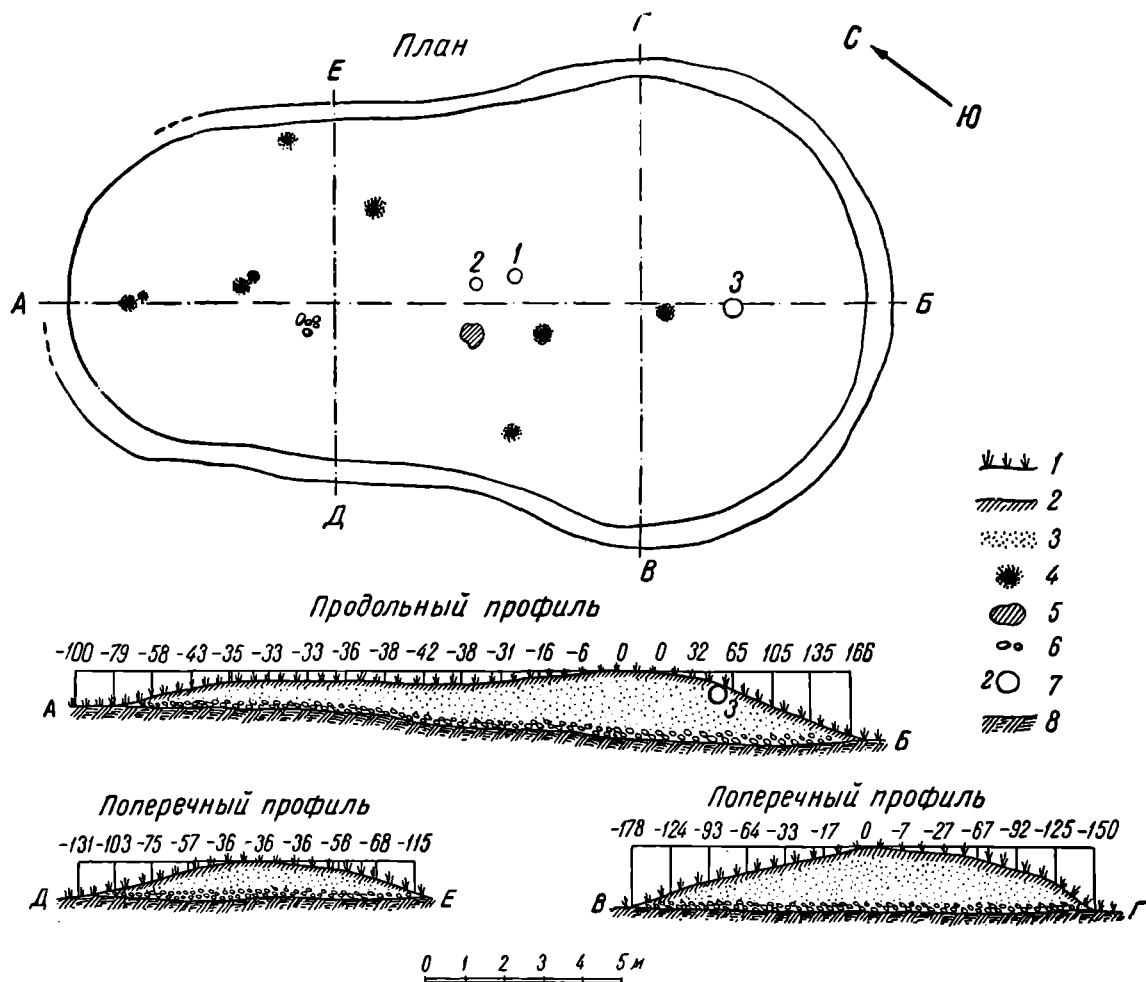
Рис. 42а. Курганы с трупосожжением. План удлиненного кургана № 6

1 — растительный слой; 2 — почва; 3 — грунт кургана (желтый песок); 4 — белый песок; 5 — пятна темной земли; 6 — кучки угля; 7 — погребения; 8 — материк

прослойки образовались в результате очистительного костра, который разводился на месте будущей насыпи кургана. По этому признаку псковские длинные курганы отличаются от смоленских, в которых зольные прослойки отсутствуют.

В кургане было вскрыто два погребения, состоящих из кальцинированных косточек, оба без вещей. Они помещались прямо в насыпи, в южном конце кургана. В 8 местах насыпи, на различной ее глубине, вскрыты маленькие кучки углей.

Длинные валообразные насыпи, содержащие в себе остатки трупосожжений, еще в прошлом столетии привлекли внимание археологов. Подметив некоторые своеобразные черты форм этих курганов, А. А. Спицын подразделил их на удлиненные и длинные, отметив, что первые являются наиболее древней формой захоронения и что длинные курганы происходят от удлиненных¹. Действительно, среди курганов такого типа намечаются две группы. Одни из них имеют форму вала различной длины (длинные курганы). К числу их принадлежат и раскопанные нами курганы у дд. Северик и Лосицы и курган № 1 в Совьем бору.

426. Курганы с трупосожжением. План комбинированного кургана № 3

1 — растительный слой; 2 — почва; 3 — грунт кургана (желтый песок); 4 — кучки угля; 5 — пятна темной земли; 6 — камни; 7 — погребения (цифры обозначают нумерацию погребений); 8 — материк

Но есть курганы и несколько иной формы: овальные, прямоугольные, иногда квадратные в плане. Такого типа насыпи встречаются на территории распространения длинных курганов. Размеры их иногда бывают значительными. У погоста Щепец, Псковской обл., находится курган правильной прямоугольной формы, который имеет длину 19,8 м, ширину 13,3 м и высоту 0,9 м². У пос. Рудня, Полоцкого округа, находится курган овальной формы, имеющий 13 м по большой оси³. Два кургана такого типа и были нами раскопаны в Совьем бору.

¹ Зап. Русск. археол. об-ва, т. 5, вып. 1, 1903, стр. 196—202.

² Архив ИИМК, № 114, 1928.

³ «Працы», т. 11, Минск, 1930, стр. 186

Курган № 4 размером $12 \times 8 \times 1$ м, ориентированный с севера на юг, имел в плане прямоугольную форму со слегка закругленными углами. Вокруг кургана — ровик. В основании его песчаной насыпи, без камней, проходила прослойка из белого песка, поверх которой находилась тонкая зольная прослойка, не покрывавшая всего основания кургана. В ней встречались мелкие угольки. В северо-восточном секторе кургана, в насыпи, обнаружена маленькая кучка углей. В самом центре кургана, на глубине 35 см, найдено погребение в виде кучки кальцинированных костей. Вещей при нем не было.

Курган № 6 размером $10 \times 8 \times 1$ м, ориентированный с севера на юг (рис. 42 а), также имел вокруг основания ровик. Насыпь песчаная, без камней. В основании — прослойка из белого песка. В северной половине кургана обнаружены две кучки углей и небольшое пятно темной земли. В центре кургана, на глубине 12 см, вскрыто погребение остатков трупосожжения в урне — раздавленном горшке, стоявшем на дне. Сверху горшка лежал амулет — медвежий клык со сверлиной. Немного кальцинированных косточек найдено и около горшка. Поверх них лежал железный нож, обращенный острием к горшку.

Оба раскопанных кургана по обряду погребения и характеру насыпей весьма сходны с длинными курганами, но между ними есть существенная разница. Прежде всего, такие курганы, в отличие от длинных, содержат, как правило, индивидуальные захоронения. Весьма разнообразная форма их насыпей, сохраняющая некоторые черты длинных курганов (продолговатость) и в то же время имеющая черты круглых курганов (овал), дает основание выделить их в особую группу «удлиненных» курганов. Следовательно, и по характеру захоронений, и по форме насыпей, удлиненные курганы занимают промежуточное положение между длинными и круглыми. Поэтому следует признать, вопреки мнению А. А. Спицына, что удлиненные курганы произошли от длинных, а не наоборот. Курганы эти относятся ко второй половине I тысячелетия н. э. Небольшое количество таких насыпей имеется и в Гнездовском могильнике.

* * *

В Псковской обл., особенно в северных ее районах, имеются круглые курганы типа новгородских сопок. Высота их различная, но особенно высоких сопок в 10 м и более, какие мы видим на рр. Ловати, Волхове, Мсте и в других местах, здесь нет.

Сопки в Псковской обл. встречаются одиночными насыпями, но чаще всего в виде курганных групп вместе с длинными и удлиненными курганами, как это уже отмечалось нами при описании курганов у дер. Лосицы и в урочище Совий бор. Интересное расположение сопок и длинных курганов экспедиция обнаружила у дер. Заборовки, Полновского района, Псковской обл. Здесь курганная группа состояла из 2 длинных и 6 круглых курганов, расположенных таким образом, что длинные курганы находились на расстоянии 150 м один от другого и около каждого из них группировались по 3 круглые насыпи. Высота всех курганов не превышала $1\frac{1}{2}$ м.

Что представляют собою новгородские сопки? Этот вопрос до настоящего времени остается неясным, хотя изучением указанных памятников занималось не одно поколение археологов. В данном случае мы не собираемся затрагивать всех очень сложных и спорных вопросов, связанных с изучением сопок, и ограничимся освещением этих памятников лишь в той части, которая обрисовывается нашими раскопками.

Три трудности неизбежно встают перед исследователем при изучении сопок. Во-первых, по форме своих насыпей они ничем не выделяются из

массы прочих круглых славянских курганов с трупосожжением. Во-вторых, размеры сопки, как известно, очень различны. Это послужило одним из поводов к различным толкованиям о принадлежности этих памятников. Одни авторы рассматривают сопки как рядовые памятники периода патриархально-родовых отношений¹, другие видят в сопках памятники феодализирующейся верхушки, патриархально-родового общества². Мнение, что новгородские сопки являются погребальными памятниками норманов, давно опровергнуто археологической наукой³. В-третьих, сопки, содержащие в себе остатки трупосожжений, весьма бедны инвентарем. Слабая изученность этого инвентаря, отсутствие разбивки его на группы по отдельным их типам привели к тому, что все сопки датировались в пределах VI—X вв.

В свое время А. А. Спицын предложил считать сопками, в отличие от прочих курганов северных районов, насыпи, содержащие трупосожжение высотой в 2 м и более⁴. Этому же принципа, хотя и с оговорками, придерживался Н. Н. Чернягин, заноса на свою карту сопки курганы с трупосожжением высотой в 2 м и более⁵ и оставляя за пределами карты данного района все прочие круглые курганы с трупосожжением. В. С. Пономарев признавал за сопки курганы с трупосожжением высотой в 3 м и выше⁶. Совершенно очевидно, что такой «метровый» подход к определению сопки является искусственным, надуманным; он мог появиться только потому, что не было никакого другого критерия для определения этих памятников.

В урочище Совий бор, кроме длинных, удлиненных и комбинированных курганов, имеются 57 круглых насыпей, из которых подавляющее большинство высотой в 1½ м. Кроме того, имеется несколько низких расплывчатых круглых курганов — «пряников». Среди круглых курганов особенно выделяется раскопанный нами курган № 2, имеющий высоту в 2,5 м при диаметре основания в 15 м.

Расположение круглых курганов в одной группе с длинными и удлиненными указывает на какие-то связи, существовавшие между населением, оставившим нам эти памятники. Более того, мы можем говорить об одновременном существовании некоторых из этих памятников, так как длинные и круглые курганы встречаются слитыми в одну насыпь. Таких насыпей или комбинированных курганов в Совьем бору имеется две. Одна из них была нами раскопана.

Комбинированный курган № 3 (рис. 42 б) состоял из двух неразрывных частей — северной длинной и южной — круглой. Общая протяженность кургана равнялась 21 м. Ширина длинной части — 9 м, высота — 1 м. Диаметр круглой части — 12 м, высота — 1,5 м. Никаких следов разграничения круглой и длинной частей кургана не обнаружено. Весь курган, как показали раскопки, насыпан в один прием. Курган ориентирован с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Вокруг него — ровик, который исчезает в северо-западной части кургана. Насыпь состояла из мягкого желтого песка. Камни, за исключением маленькой кучки в насыпи северной части кургана, отсутствовали. По всему основанию хорошо прослеживалась прослойка из белого песка. В насыпи кургана — как в длинной, так и в круглой его частях — обнаружено 7 маленьких кучек углей. В кургане

¹ П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена, стр. 37—39.
Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА СССР, вып. 6, 1941, стр. 95—97.

² В. С. Пономарев. Новгородские сопки. Архив ИИМК, № 155, 1938.

³ П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948.

⁴ А. А. Спицын. Сопки и жальники. ЗРАО, т. XI, вып. 1 и 2, стр. 142—145.

⁵ Н. Н. Чернягин. Указ. соч., стр. 96.

⁶ Архив ИИМК, № 155, 1938.

вскрыто 3 погребения с трупосожжением: одно почти в центре круглой насыпи на глубине 30 см в виде кучки пережженных косточек, перемешанных с темной землей и мелкими угольками. Два погребения находились близ центра всего кургана: первое — на глубине 15 см, второе — на глубине 60 см. При втором погребении найдены обломки медной пластинки.

Такие комбинированные курганы имеются не только в Совьем бору; они, хотя и редко, встречаются в других курганных группах Псковской обл. При этом комбинация насыпей бывает различная. Так, у дд. Большое Заполье и Городня, Псковской обл., имеются курганы, длинные насыпи которых соединены с двумя круглыми¹. Длинные курганы с одной круглой насыпью известны у дд. Новоселье и Сельцо той же области².

Соединение круглых курганов с длинными доказывает одновременность бытования этих двух групп памятников. На основании этого можно считать, что и круглые курганы подобного типа, насыпанные отдельно, синхронны длинным курганам, т. е. могут быть датированы первой половиной I тысячелетия н. э. Такие курганы часто встречаются на территории распространения новгородских сопок и представляют собою не что иное, как древнейшую, и при

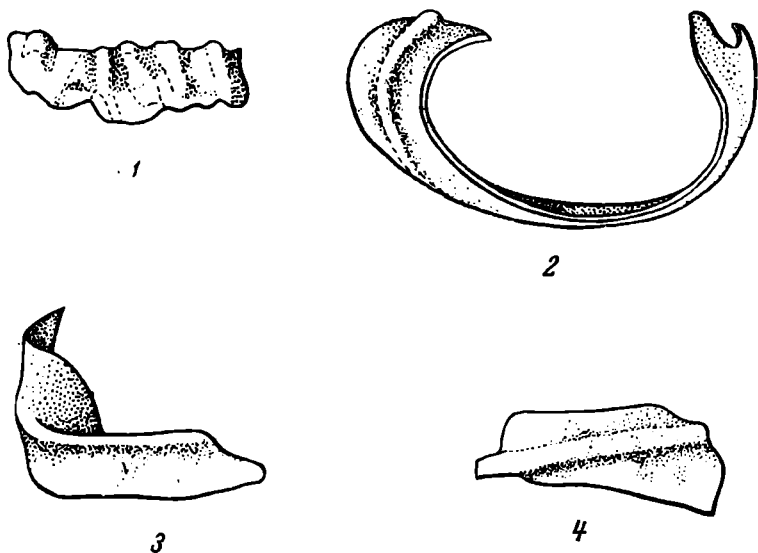

Рис. 43. Веши из курганов с трупосожжениями

этом наиболее многочисленную, группу этих памятников. Оставление этих курганов вне внимания исследователей приводило к большим ошибкам в отношении датировок сопок и определения района их распространения.

Раскопанный нами круглый высокий курган № 2 был разделен двумя перекрестными бровками на четыре сектора: северный, южный, восточный и западный. Вокруг основания проходил ровик. Курган насыпан из желтого песка. Каменных кладок в нем не было. Только в двух местах насыпи встретилось по одному булыжному камню. В разных местах кургана обнаружено 10 маленьких кучек мелких угольков, из них по четыре кучки в южном и западном секторах и по одной — в северном и восточном. В восточном секторе имелось 2 небольших пятна темной земли. В основании кургана проходила зольная прослойка. Она покрывалась прослойкой белого песка, поверх которой опять проходила зольная прослойка. Раскопками установлено, что весь курган насыпан в один прием.

Изучение новгородских сопок в других местах их распространения показывает одновременность их сооружения. Исключение составляют Ловатские сопки, у которых прослежена слоистость насыпи, хотя истинное происхождение таких прослоек окончательно еще не установлено.

В кургане № 2 вскрыто 4 погребения: в насыпи — 3, на материке, в северо-западной поле кургана — 1. Погребение № 1, вскрытое на глубине 40 см от поверхности кургана, представляло значительную кучу кальцини-

¹ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. №№ 27 и 28.

² Там же, №№ 39 и 43.

розованных костей, что дает возможность предполагать наличие здесь не одного, а нескольких одновременных погребений с трупосожжением. В погребении найдены 2 медных пластинчатых несомкнутых браслета с продольным ребром посередине (рис. 43—3, 4). Погребение № 2 в виде маленькой кучки кальцинированных костей было обнаружено на глубине 70 см от поверхности. При нем найдено несколько фрагментов лепной керамики. Погребение № 3 такого же типа, как и погребение № 2, вскрыто на глубине 1,1 м. Вещей не было. Погребение № 4 было заключено в раздавленном горшке, стоявшем на дне, в маленькой ямке, вырытой в материке. Вещей не оказалось.

Раскопанный курган (сопка) по характеру насыпи и обряду погребения имеет много сходных черт с длинными и удлиненными курганами, что говорит о большой этнической близости племенных групп, оставивших нам длинные курганы и сопки. Датировка кургана № 2 может быть определена приблизительно по браслетам, найденным в погребении № 1. Такого же типа браслеты были найдены в удлиненных курганах у дер. Горско, Псковской обл.¹, и в круглом кургане с трупосожжением у дер. Городня той же области².

Следовательно, сопки такого типа, как и удлиненные курганы, могут относиться к одному времени, т. е. ко второй половине I тысячелетия н. э.

Экспедиция раскопала также один низкий круглый курган — «пряник» (№ 5) диаметром 8 м, высотой 95 см. Вокруг кургана заметен заплывший ровик. Курган насыпан из желтого песка, в основании его проходит прослойка из белого песка. В этом кургане, кроме 2 маленьких кучек углей, ничего не найдено.

---

¹ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. № 32, табл. 1, рис. 7—8.

² Там же, № 37, табл. 1, рис. 12.

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

РАБОТЫ НА ПАСТЕРСКОМ ГОРОДИЩЕ в 1949 г.

1

Пастерское городище впервые было подвергнуто археологическим раскопкам в 1898 г. За несколько лет перед этим крестьяне с. Пастерского начали выкорчевку леса на урочище Галушино, где расположено городище. При этом весьма часто попадались различные древние предметы, в том числе и из драгоценных металлов. Последние сбывались находчиками златопольским ювелирам и благодаря этому стали известны любителям старины. В 1898 г. В. Хвойка по приглашению Ханенко начал на городище раскопки, сразу давшие чрезвычайно важные материалы. В 1899 г. курганы близ городища раскопал Н. Бранденбург, а в 1900—1901 гг. на самом городище продолжал работы В. Хвойка. Результаты его работ опубликованы в Трудах XII Археологического съезда, а также в виде коротких публикаций Н. Беяшевского в Археологической Летописи Южной России.

Материалы раскопок, опубликованные в «Древностях Приднепровья», совершенно исключительны по своему богатству и многообразию. В. Хвойка фиксировал на городище в качестве основного культурного слоя — слой скифского времени. К этому же периоду, между прочим, относил он и насыпку самого городища. Кроме того, в раскопках его были встречены материалы, которые тогда же были отнесены к культуре «полей погребений» типа Черняхова и Ромашек. Наконец, встречались в раскопках вещи «готского стиля», которые, однако, сам Хвойка отказался квалифицировать в качестве собственно готских¹.

Таким образом, основываясь на данных старых раскопок, можно было реально говорить о трех комплексах, наличных на Пастерском городище: скифском, культуры полей погребений и антском, представленном большим количеством вещей ювелирного производства (пальчатых, антропоморфных и зооморфных фибул, браслетов с расширенными концами, пряжек, подвесок и т. д.).

К сожалению, качество научной фиксации не позволяло категорически говорить об отношениях этих трех комплексов друг к другу. В. Хвойка раскапывал на городище определенные монументальные памятники, но материал, с ними связанный, не был выделен из общей массы вещей. Более того, крестьяне, помнившие раскопки Хвойки, утверждали, что, помимо всего прочего, последний применял для извлечения вещей из земли глубокую пропашку поверхности городища плугом, в который впрягалось несколько пар волов.

¹ В. Хвойка. Городища в Среднем Приднепровье. Тр. XII АС, т. I.

Все это, естественно, в значительной степени обесценивало прекрасный вещевой материал, происходящий с Пастерского городища.

В 1938 г. на городище побывала разведочная экспедиция Института археологии АН УССР под руководством И. Фабрициус¹, которая заложила 9 шурфов, придя, однако, к выводу о полной разрушенности культурных слоев памятника. Такое же мнение сложилось и у побывавшего здесь в 1946 г. П. Н. Третьякова².

В результате этих двух разведок возникла определенная точка зрения на Пастерское городище как на памятник, окончательно погибший для науки, исследование которого путем раскопок не может дать положительных результатов.

Между тем, место, занимаемое Пастерским городищем среди других памятников Среднего Приднепровья, настолько значительно, что редкая работа по скифской или раннеславянской тематике может обойтись без соответствующих ссылок на его материалы.

Летом 1949 г. Институт археологии АН УССР произвел на Пастерском городище разведочные раскопки с целью раз навсегда установить состояние культурных слоев и возможность ведения здесь археологических исследований.

В процессе раскопок удалось не только полностью реабилитировать памятник со стороны его сохранности, но и получить ценный археологический материал, относящийся к эпохе раннего железа (раннескифский), латену (позднескифский) и ко второй половине I тысячелетия н. э.

2

Пастерское (Галущинское) городище расположено на западной окраине с. Пастерского, Златопольского района, Кировоградской обл. Топографически оно занимает оба берега небольшой речки Сухой Ташлык, которая перерезает городище на две неравные части: большую юго-западную (правобережную) и меньшую северо-восточную (левобережную). Правый берег значительно выше и круче левого. Левобережная часть, в свою очередь, разрезается глубоким оврагом на две части.

Городище обнесено довольно хорошо сохранившимся валом, имеющим 4 въезда (3 — на одной стороне и 1 — на другой). Кроме того, на левобережной половине вал разорван уже упоминавшимся выше оврагом. С наружной стороны вала имеется ров, местами переходящий в овраги.

Территория городища в настоящее время занята усадьбами хутора Свинолуповки, Пастерского сельсовета, в силу чего часть площади, непосредственно под постройками, естественно, выпадает из поля зрения археолога. Часть поверхности, занятая садами, представляет для исследования известные трудности. Однако основная площадь городища используется под огороды и вполне доступна для самых широких исследований и раскопок.

Учитывая разведочные задачи экспедиции, раскопки производились в различных частях городища — как на высокой, правобережной, так и на более низкой, левобережной, его половинах. Раскопки показали, что культурный слой сохранился по всей основной площади, исключая, конечно, места старых раскопок В. Хвойки и участки, потревоженные постройками современного села (из 15 раскопов археологических объектов не дали только 4).

Зачисткой вала в юго-восточной части городища установлено, что время насыпки валов относится к наиболее древнему периоду существования городища, т. е. к раннескифской эпохе. Культурный слой этого времени

¹ Отчет в Архиве Института археологии АН УССР (Киев).

² П. Третьяков. Днепровская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, 1947.

подходит с обеих сторон — и с внешней, и с внутренней — к самой подошве вала, где перекрывается наплывом земли последнего: однако под самой насыпью культурные остатки полностью отсутствуют.

Судя по сохранности валов, местами совершенно расплывшихся, и по мощности наплывов, имеющих даже в наиболее сохранившихся местах, валы в послескифское время не подсыпались. При раскопке самого вала и непосредственно прилежащих к нему участков никаких признаков дополнительной подсыпки не обнаружилось.

Это обстоятельство согласуется с современным представлением, что распространенная в Среднем Приднепровье культура «полей погребений» характеризуется исключительно открытыми поселениями, лишенными всяких укреплений, и ни одно городище этого времени науке не известно.

3

В литературе Пастерское городище известно, в первую очередь, как памятник скифской культуры. Действительно, раскопки показывают исключительную насыщенность его слоев скифским материалом. Слой этого времени занимает всю поверхность городища и продолжается за валом в юго-восточном направлении.

В прежних раскопках В. Хвойки скифский период существования городища выступал хронологически не расчлененным. В результате раскопок 1949 г. можно говорить фактически о двух периодах — раннем и позднем, разделенных, возможно, некоторым перерывом в жизни поселения.

Скифская архаика представлена прежде всего жилищем земляночного типа, раскрытым в южной части городища, непосредственно у самой подошвы вала, близ одного из въездов. Жилище это имело два яруса, отвечающих двум различным периодам его существования. Верхний ярус, отмеченный развалом глиняной печи с овальным подом, сохранившимся в значительной своей части, датируется обломком греческого ионийского сосуда а также бронзовым маленьким браслетом (вероятно, обломком его), находящим себе аналогии среди архаических ольвийских древностей, первой половины VI в. до н. э. (рис. 44 и 45).

Нижний ярус, отмеченный очагом открытого типа, расположенным в западной части сооружения, и относящийся к более древнему времени, должен, следовательно, датироваться примерно VII в. до н. э. Любопытно, что при чрезвычайной насыщенности скифских слоев Пастерского городища привозной античной керамикой, в том числе огромным количеством обломков расписных пухлогорлых архаических ионийских амфор, в этом нижнем ярусе жилища не встречено ни одного даже самого незначительного фрагмента привозной греческой керамики. Это обстоятельство можно поставить в связь с вероятной датировкой комплекса, устанавливаемой стратиграфически: в VII в. до н. э. еще, видимо, нельзя говорить о каких-либо связях Скифии с античным миром.

Землянка, раскопанная в 1949 г. на Пастерском городище, имеет, таким образом, существенное значение для науки, помогая освещению наиболее древнего периода скифской культуры. Памятники этого времени, не датированные привозным античным материалом, представляют для своего определения существенные трудности и до сих пор как следует не изучены. В этом свете весьма любопытно, что керамический материал обоих ярусов, отличаясь в деталях от обычного раннескифского материала (в том числе и от происходящего с расположенного в нескольких километрах Шарповского городища, датированного второй половиной VI столетия до н. э.), в то же время представляет собою по сути один комплекс, не давая возможности различить более древнюю и более позднюю группу, которые соответствовали бы нижнему и верхнему ярусам.

С другой стороны, в нем можно усматривать некоторые общие черты с материалами архаических скифских городищ и иных памятников на других территориях. Для примера укажу на статуэтку коня (рис. 44), тождественную подобным же статуэткам из ранних зольников, которые были раскопаны М. Рудынским на Полтавщине и датированы им VI в. до н. э.¹ Эта статуэтка происходит из нижнего яруса и датируется, следовательно, еще более древним временем.

Материал Пастерского городища выясняет корни скифской лесостепной культуры Среднего Приднепровья, идущие с глубокой древности.

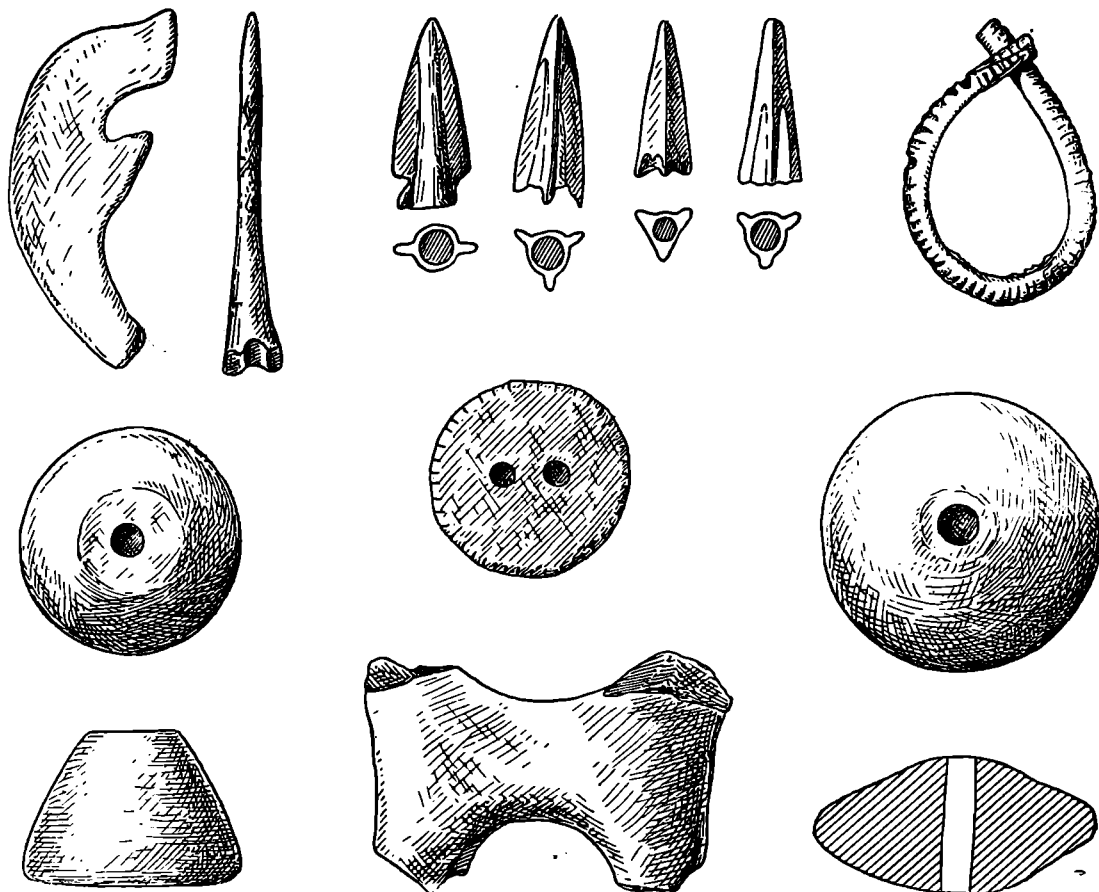

Рис. 44. Пастерское городище. Вещи скифского времени

Хронологически этому периоду должны соответствовать несколько глубоких ям, часть которых также, возможно, служила жилищами (в одной из них обнаружены даже остатки очага). Глубина как землянки, так и ям (до 2 м), а также отсутствие вокруг них ямок от столбов заставляет предполагать, что конструктивно они представляли собою просто углубления в земле, перекрытые сверху настилом, положенным прямо на края. Ступенек, вырубленных в стенках, не было, и сообщение с земной поверхностью осуществлялось, повидимому, при помощи приставных лестниц.

4

Время V—IV вв. до н. э. не представлено в раскопках 1949 г. какими-либо сооружениями. Возможно, что это простая случайность. Возможно, что в жизни городища был перерыв, поскольку и среди отдельных находок

¹ М. Рудинський. Мачухська експедиція Інституту Археології в 1946 р. Арх. Пам. УРСР, т. II, Київ, 1949.

подъемного материала не встречаем ничего, безусловно относящегося к V в. до н. э. Фрагменты чернолаковой посуды, найденные на городище, могут быть датированы и IV в. до н. э.

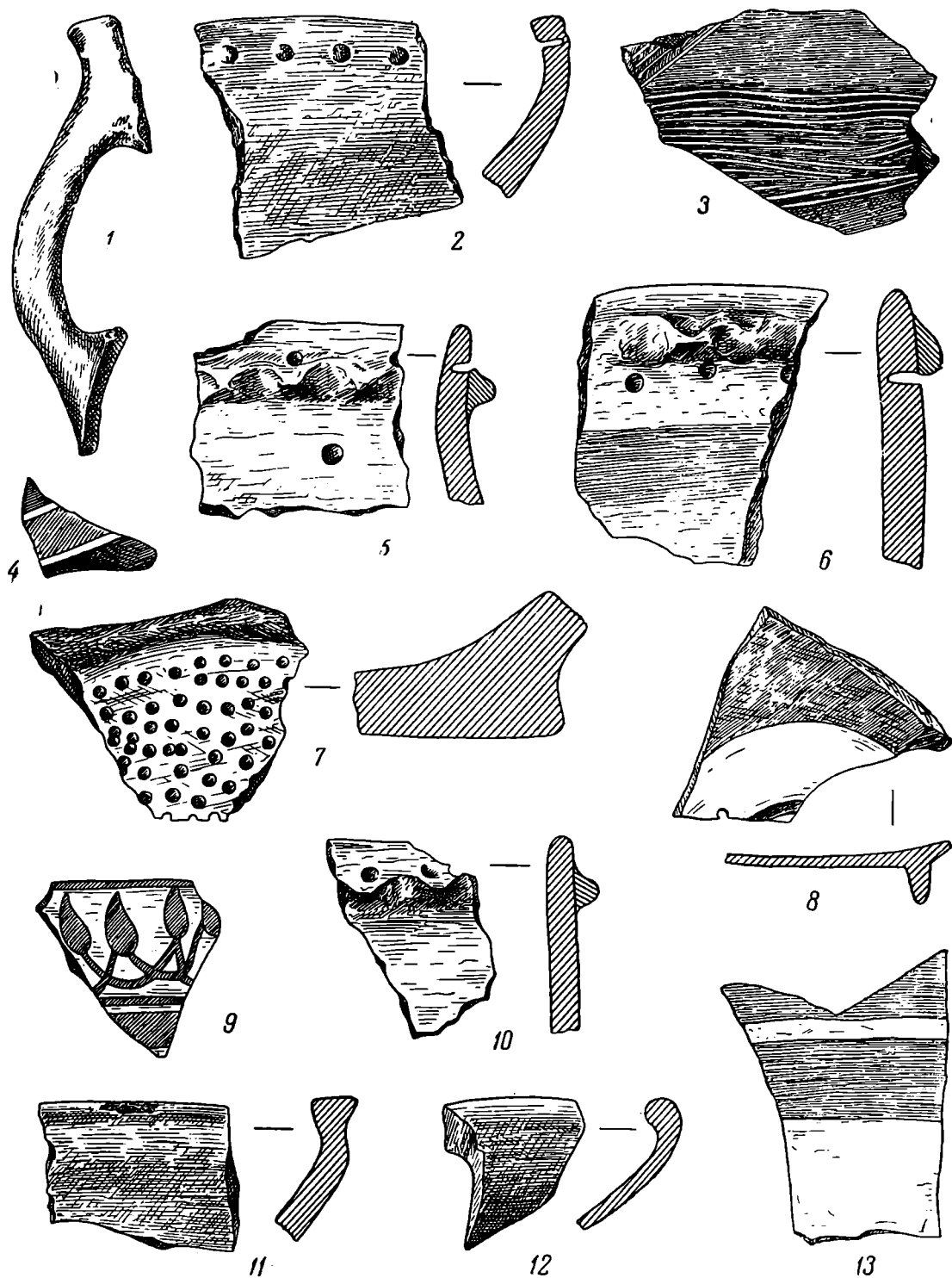

Рис. 45. Пастерское городище. Образцы керамики раннескифского времени

1 — 5, 7, 10, 11 — местного производства; 6, 8, 9, 12, 13 — привозной

Эпоха латен в лесостепной части Восточной Европы изучена очень слабо и представляет собою одну из насущнейших проблем современной археологии. В какой-то части названной территории время последних веков до нашей эры должно быть определено как время позднескифское. Но и позднескифская культура изучена в настоящее время очень слабо.

Пастерское городище, повидимому, должно занять в разработке этой проблемы значительное место. Отсюда, между прочим, происходит одна из немногих (трех или четырех) чертозских фибул, найденных на территории УССР¹.

В этом плане безусловно любопытными представляются остатки 2 наземных жилищ, слегка углубленных в землю, с остатками глиняных печей, относящихся к последним векам до нашей эры. Материал этих жилищ, главным образом керамический, имеет общий облик, близкий к скифскому. Чрезвычайно интересны обломки красноглиняной посуды, изготовленной на гончарном круге. О том, что гончарный круг в Среднем Приднепровье появился уже в последние века до нашей эры, свидетельствуют материалы мокиевских курганов, расположенных в нескольких километрах от Пастерского городища и датированных временем около III в. до н. э.²

5

Наибольший интерес, безусловно, представляют собою памятники раннесредневекового времени, относящиеся к третьей четверти I тыс. н. э.

Этот период на территории лесостепи Восточной Европы до последнего времени оставался совершенно не выясненным. Между временем культуры полей погребений и периодом Киевской Руси в нашей науке существует пробел, заполнить который монументальными памятниками долгое время не удавалось, и время VI—IX вв. н. э. до сих пор представлено главным образом, кладами и находками отдельных вещей ювелирного производства.

В. Хвойка, производивший в старое время раскопки Пастерского городища, сообщал о находках на нем, с одной стороны, материалов культуры полей погребений, а с другой — предметов так называемого «готского типа»³, которые современная наука считает антскими.

Что касается последних, то изумительное количество и разнообразие их, неоднократно останавливавшее внимание исследователей, позволяет рассматривать Пастерское городище как исключительный, очевидно не имеющий себе равных в этом отношении, памятник среди известных нам археологических объектов Среднего Приднепровья. Антские предметы встречаются на городище и в настоящее время, о чем свидетельствуют материалы разведок 1938 и 1946 гг. и экспедиции 1949 г. (рис. 46).

Количество находок VI—VIII вв. исключает всякое предположение об их случайности.

Основной вопрос, следовательно, заключается в том, с каким именно культурным слоем их следует связывать. В сообщениях В. Хвойки этот вопрос не нашел достаточно четкого освещения, хотя намеки на его решение имелись.

В Трудах XII АС В. Хвойка писал о приднепровских городищах, имея в виду Пастерское:

«Мы находим на них предметы готского типа, представляющие, однако же, некоторые отклонения от стиля таких же западноевропейских изделий; здесь же замечаются и следы культуры, сопровождающей недавно открытые в наших местах поля погребений»⁴.

Отсюда можно заключить, что в раскопках В. Хвойки антские вещи оказались стратиграфически связанными со слоем, давшим материал, подобный материалу культуры полей погребений. В этом можно было бы усмотреть некоторое несоответствие в хронологии, если бы на Пастерском

¹ Хранится в Киевском Центральном историческом музее УССР.

² Е. Покровська. Розкопки коло с. Мокіївки. Арх. пам. УРСР, т. II, Київ, 1949.

³ В. Хвойка. Тр. XII АС, т. I, стр. 102.

⁴ В. Хвойка. Указ. соч., стр. 102.

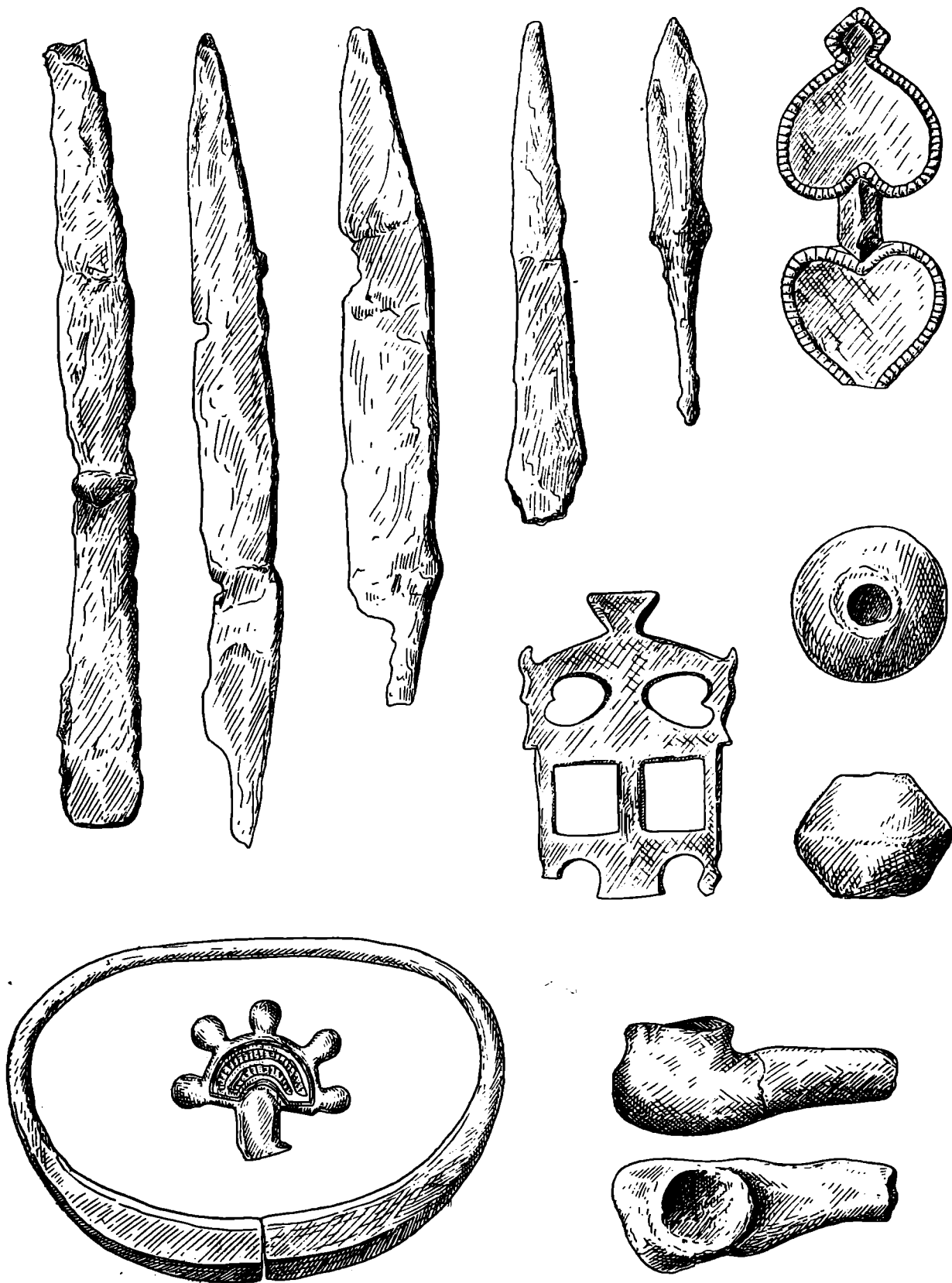

Рис. 46. Пастерское городище. Вещи раннесредневекового времени

городище мы имели дело действительно с культурным слоем собственно черняховского типа, датируемого обычно временем II—V вв. н. э.

Как выяснилось в результате обследования и раскопок городища в 1949 г., тезис о наличии подобного слоя не находит себе подтверждения. Действительно, здесь встречается керамика, довольно близкая к черняховскому типу, однако она не представляет самостоятельного комплекса, входя лишь одним из компонентов в состав керамики раннесредневекового времени.

6

Остатки сооружений раннесредневекового времени представлены в наших раскопках двумя типами построек: наземными жилищами и полуземлянками.

Наземные жилища находят себе аналогии в памятниках культуры полей погребений. Укажу для примера на Жуковцы или Ягнятин (последний хронологически очень близок к нашим находкам)¹. Они представляли собою сооружения, имеющие в основании деревянный каркас, обмазанный глиной. Остатки таких жилищ выступают в виде развалов печины с отпечатками деревянных конструкций и остатков глиняных печей или очагов.

Полуземлянки представляют собою небольшие по площади сооружения, углубленные в землю примерно на 0,4—0,5 м. Наземная часть их покоилась на 6 или 8 столбах, ямки от которых прослеживаются по углам и посередине стенок. Стены, видимо, также были обмазаны глиной, следами чего служат сплошные завалы обожженной глины и остатки обгоревших столбов, в ряде случаев прослеженных на некотором протяжении. В одном месте под остатками обгоревшего столба был найден раздавленный горшочек.

В одном из углов помещалась печь-каменка, построенная либо целиком из камней, либо частично врезанная в лёсс, а частью сложенная из камня. Любопытно заметить, что в обоих раскопанных в 1949 г. полуземлянках печи помещались в правом углу (если стать лицом к устью). Такое же место печи занимают во всех без исключения жилищах, раскопанных на Волинцевском поселении (Путивльщина), относящемся к VII—VIII вв. н. э., а также в жилищах культуры городищ роменского типа.

Керамика наземных жилищ и полуземлянок относится примерно к третьей четверти I тысячелетия н. э. и связывается с многочисленными находками на городище предметов ювелирного производства. По способу изготовления керамика делится на две группы: формованную на гончарном круге и лепную (рис. 47).

Лепная керамика отличается крайней неустойчивостью типов, общей грубостью и отсутствием каких-либо особенных, специфических признаков. Наличие фрагментов, украшенных защипами по венчику и — очень редко — наклепным валиком, показывает преемственность этого типа керамики от скифского керамического производства. Процент ее в полуземляночных сооружениях значительно выше, чем в наземных.

Керамика, изготовленная на гончарном круге, разделяется, в свою очередь, на несколько групп.

Одна из них, как сказано, близка керамике культуры полей погребений, хотя значительно от нее отличается. Это сероглиняная посуда, изготовленная из хорошо промешанной глины, изредка имеющая плохое лощение. Для нее особенно характерен орнамент в виде пролощенных линий. По формам своим она близка посуде культуры полей погребений.

Особо следует отметить близкую к предыдущей группе керамики, изготовленную из тонко отмученной, но чрезвычайно слабой и маркой глины. Такая керамика характерна для так называемой культуры подкарпатских

¹ Е. Махно. Поселення культури полів поховань на північно-західньому Правобережжі. Арх. Пам. УРСР, т. I. Київ, 1949.

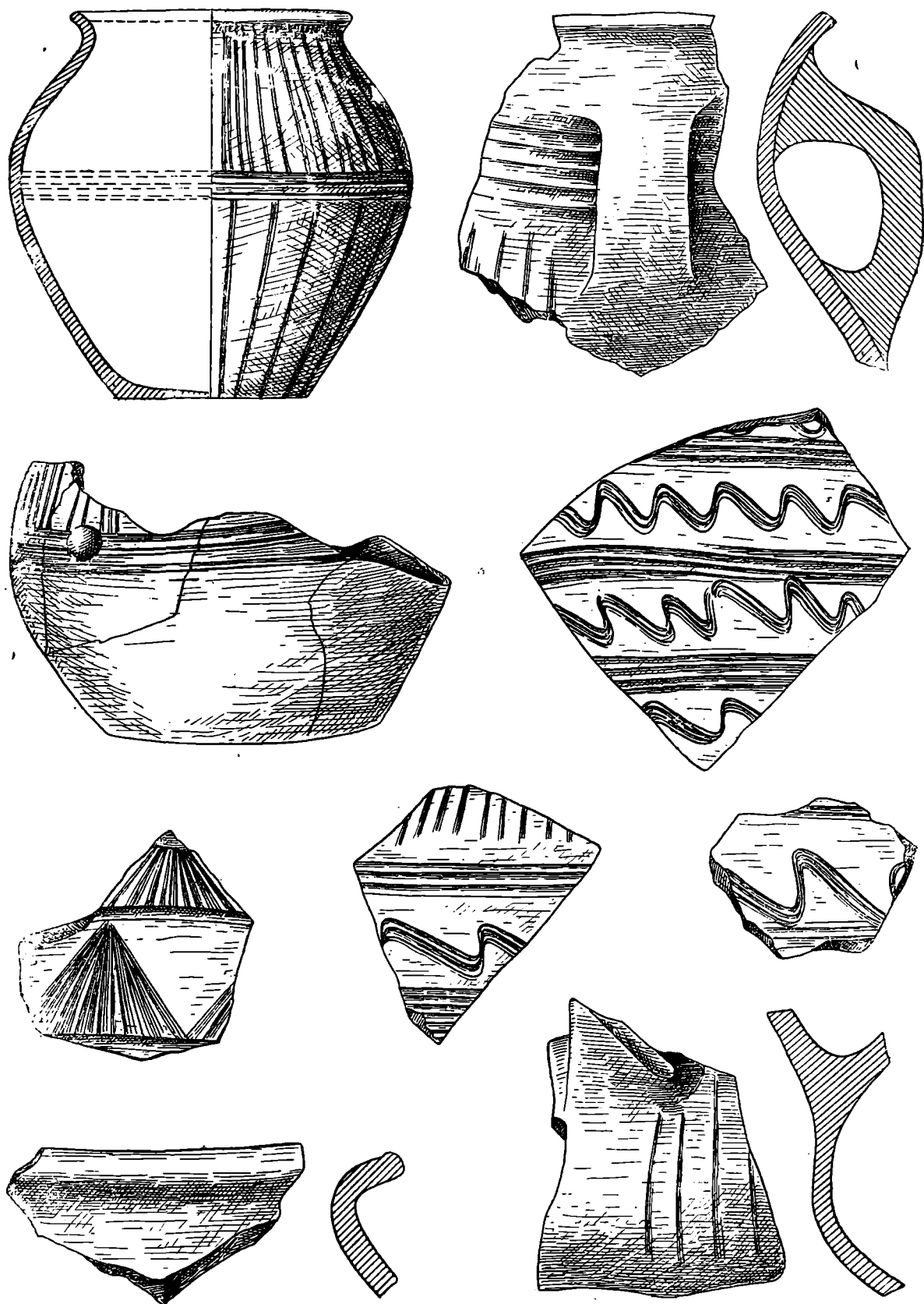

Рис. 47. Пастерское городище. Образцы керамики раннесредневекового времени

курганов¹, представляющей собою заключительный этап культуры полей погребений на западе и датируемой V—VI вв. н. э. Подобная керамика известна мне не только в Прикарпатье, но и в Южной Волины.

Следующую группу составляет керамика, отличающаяся прекрасными технологическими качествами. Для этой керамики чрезвычайно характерны волнистый и линейный орнамент, нанесенный зубчатым штампом и покрывающий, насколько это можно установить на основании обломков, все тулово сосуда. Любопытно, что и на черепках посуды этого типа нередко встречается орнамент в виде вертикальных пролощенных линий, сочетающийся с волнистым и линейным.

К этому типу примыкает керамика, представленная горшкообразными сосудами с черной сглаженной поверхностью, украшенными линейным нарезным и пролощенным орнаментом. Такая керамика в небольшом количестве встречается в Волинцевском могильнике VII—VIII вв. н. э. на северном Левобережье (Путивльщина)².

Некоторые фрагменты по своему типу уже довольно близки керамике времени Киевской Руси. На приближение к последней указывает также ряд общих признаков, таких, как характерно отогнутые наружу венчики, широкое применение линейного и волнистого орнамента и т. д. Вместе с тем категорически можно утверждать, что на городище совершенно отсутствует керамика, вполне идентичная подлинной посуде времени Киевской Руси.

7

Весь комплекс найденных на городище вещей, некоторые, правда дальние, аналогии, находка в слое железного наконечника стрелы, типа, известного в памятниках VII—VIII вв. н. э. и, наконец, находка в одной из полуземлянок бусины типа, характерного для VIII в. н. э., не оставляют сомнения в том, что перед нами раннесредневековый комплекс, датируемый третьей четвертью I тысячелетия н. э. К этому времени, точнее — к VI—VIII вв. н. э., следует относить раскопанные в 1949 г. сооружения.

Характер материала, происходящего из данных комплексов, не соответствует старым представлениям о раннесредневековой культуре в Среднем Приднепровье, согласно которым последняя якобы после своего расцвета в первой половине I тысячелетия н. э. (время классической культуры полей погребений), в V—VI вв. н. э. переживает некоторый регресс, сопровождающийся падением ремесла, находящим свое выражение, в частности, в исчезновении гончарного круга.

Эта точка зрения, представлявшая для своего объяснения весьма значительные трудности, как видим, не находит своего подтверждения в имеющемся сейчас фактическом материале. Это относится не только к Пастерскому городищу, но и к таким памятникам, как подкарпатские курганы, памятники Луцкой группы³, Ягнятин⁴, Лука-Райковецкая⁵ и некоторые другие.

В свете этих данных необходим пересмотр общей концепции раннего средневековья на землях обитания южной группы восточнославянских племен. Материалы Пастерского городища, безусловно, должны сыграть здесь далеко не последнюю роль.

¹ Хранится в Львовском историческом музее.

² Отчет Д. Березовца, хранящийся в Архиве Института археологии АН УССР (Киев).

³ Хранятся в Луцком краеведческом музее.

⁴ Е. Махно. Поселення культури політ поховань на північно-західньому Правобережжі.

⁵ В. Гончаров. Райковецкое городище.

IV. ИНФОРМАЦИЯ

О. Н. БАДЕР

МУСТЬЕРСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ
У дер. МАЗАНКА В КРЫМУ

Как известно, в изучении памятников мустьерской эпохи в СССР Крым сыграл и продолжает играть особую роль. Новый мустьерский памятник, предлагаемый здесь вниманию, публикуется впервые.

В октябре 1939 г., во время наших последних раскопок в Волчьем гроте, садовод колхоза «Красный Октябрь» (с. Старая Мазанка) И. К. Яковлев принес нам крупное кремневое орудие, найденное за день до того (18 октября) на левом берегу р. Бештерек.

Место находки было немедленно осмотрено нами вместе с И. К. Яковлевым. Оно расположено на склоне левого берега р. Бештерек, у самого края скал, обрывающихся в долину несколько ниже Волчьего грота, который находится на противоположном берегу долины. Орудие лежало на поверхности, в том месте, где скала выходит из-под почвы. Уровень залегания находки над долиной примерно совпадает с уровнем площадки перед Волчьим гротом, сохранившим наиболее богатые культурные отложения мустьерской эпохи¹. Произведенные нами разведочные вскрытия почвы и подпочвенных слоев в пункте находки и выше по склону не дали положительных результатов: никаких признаков расположения стоянки не обнаружено, и орудие надо считать случайно потерянным здесь в древности.

Находка представляет собой крупное скребловидное орудие из темно-серого, почти черного, кремня хорошего качества; местами орудие заметно патинировано, что выражается более светлым оттенком отдельных участков поверхности и многочисленными серыми и светлосерыми пятнышками округлой и расплывчатой формы. С одной стороны сохранились остатки коричневой корки от поверхности желвака. На боковой грани, имеющейся на массивной части орудия, — позднейшая известняковая корка. Во многих других местах, преимущественно в углах сколов, — также отложение извести на обработанной поверхности. Общие размеры орудия $11 \times 5,5 \times 1,7$ см.

Орудие сделано из очень широкого крупного и массивного кремневого отщепа и имеет несколько изогнутый профиль (рис. 48). На слабо вогнутой стороне его, у массивного незаостренного края, видимо, сохранилась часть первоначального скола — брюшка упомянутого отщепа. Вся прочая поверхность как этой, так и противоположной, выпуклой, стороны

¹ КСИМК, вып. VIII, 1940.

орудия обработана крупными плоскими сколами, направление которых — от краев к середине.

Близкая овалу, форма орудия и один необработанный массивный длинный край заставляют считать его скреблом. Действительно, оно близко к крупным скреблам соседнего Волчьего грота и других памятников развитого мустье. Вдоль длинного рабочего края с выпуклой стороны орудия

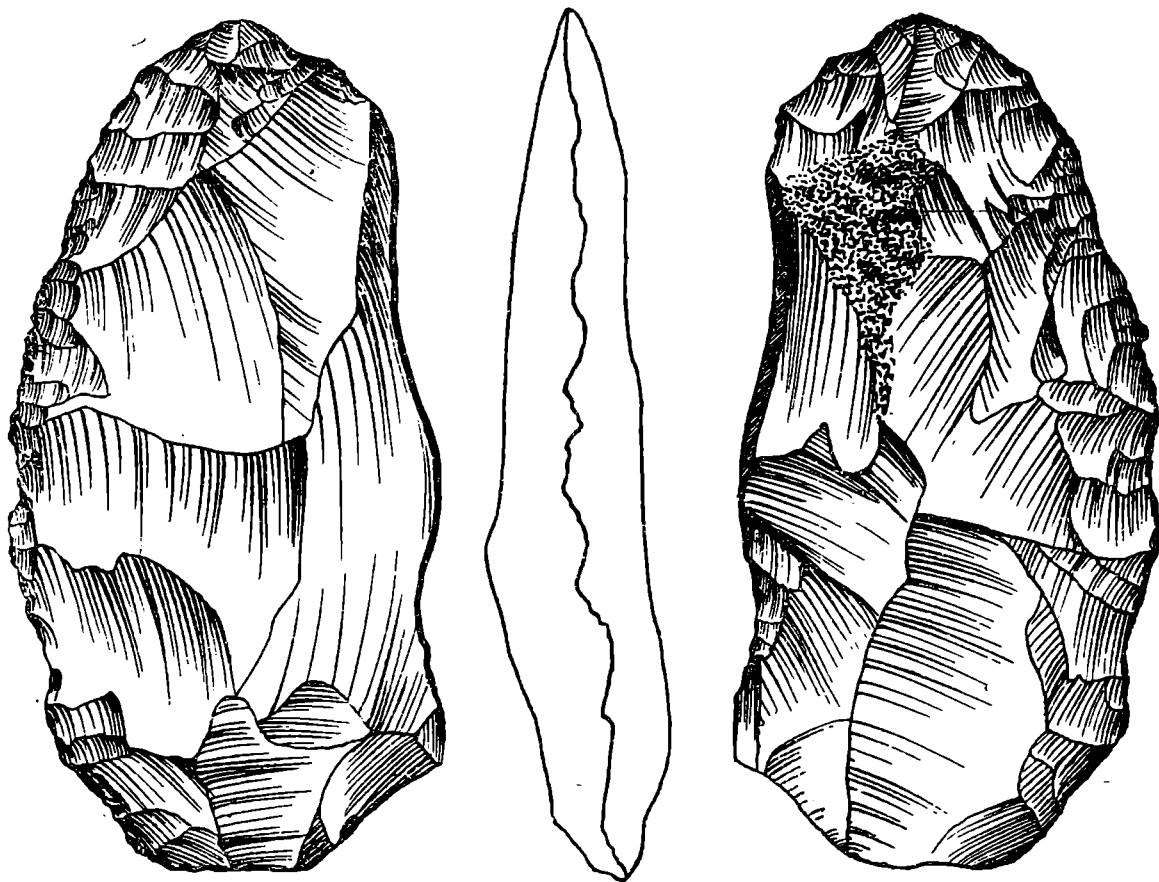

Рис. 48. Мустьерское скребло, найденное у дер. Мазанки. 7_8 нат. вел.

и на более узком его конце — следы густых заостряющихся вторичных сколов. С обратной стороны орудия, на узком конце, — такая же, притом очень плоская, ретушь, образующая здесь, в сочетании с ретушью обратной стороны, острый режущий край.

Возможно, что описанное орудие так или иначе связано со стоянкой у Волчьего грота. Его меньшее, чем на находках из Волчьего грота, патинирование может объясняться иными условиями залегания.

В. В. ПИОТРОВСКИЙ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА
НА БЕРЕГУ оз. КРУГЛОГО (МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В июне 1947 г. группа студентов Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии при прохождении практики по геоморфологии посетила оз. Круглое, расположенное в 8 км к западу от ст. Луговая Савеловской ж. д.

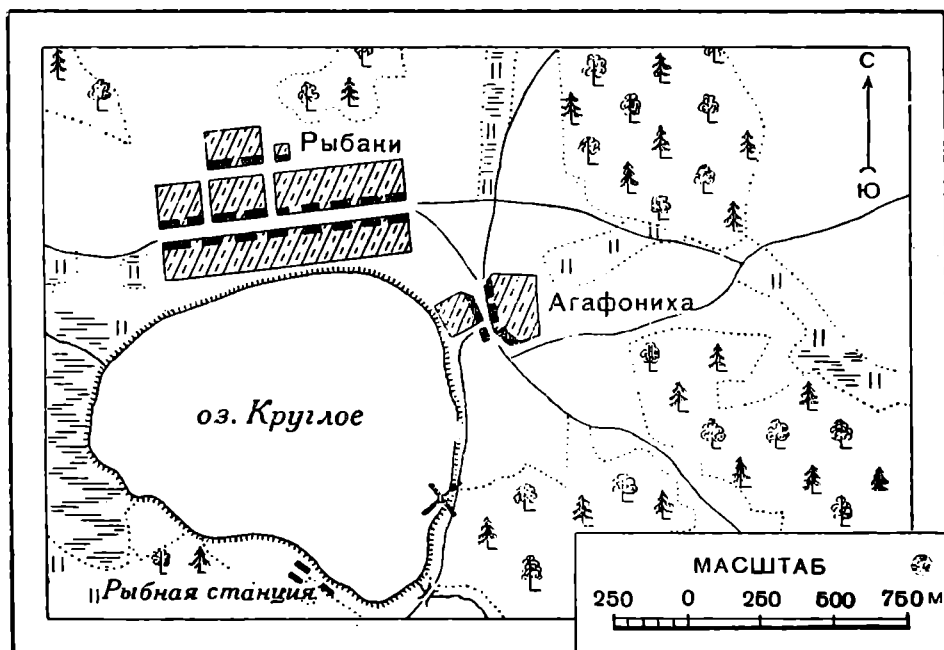

Рис. 49. Местонахождение стоянки у оз. Круглого

При изучении озера, на его восточном берегу, в полукилометре к югу от дер. Агафониха, в осыпи небольшого естественного разреза нижней террасы был найден фрагмент глиняного сосуда с обжигом и орнаментом, указывающим на его глубокую древность (рис. 50—1). На прилагаемой карте (рис. 49) место находки отмечено крестиком.

У места находки на площади около 100 м² были предприняты поиски и сделана очень небольшая расчистка осыпи и разреза. При расчистке в растительном слое, имеющем мощность 15—20 см, было найдено еще 3 фрагмента глиняных сосудов, сходных с первым, но меньших размеров и 2 куски кремня со следами обработки их руками человека (рис. 50—6).

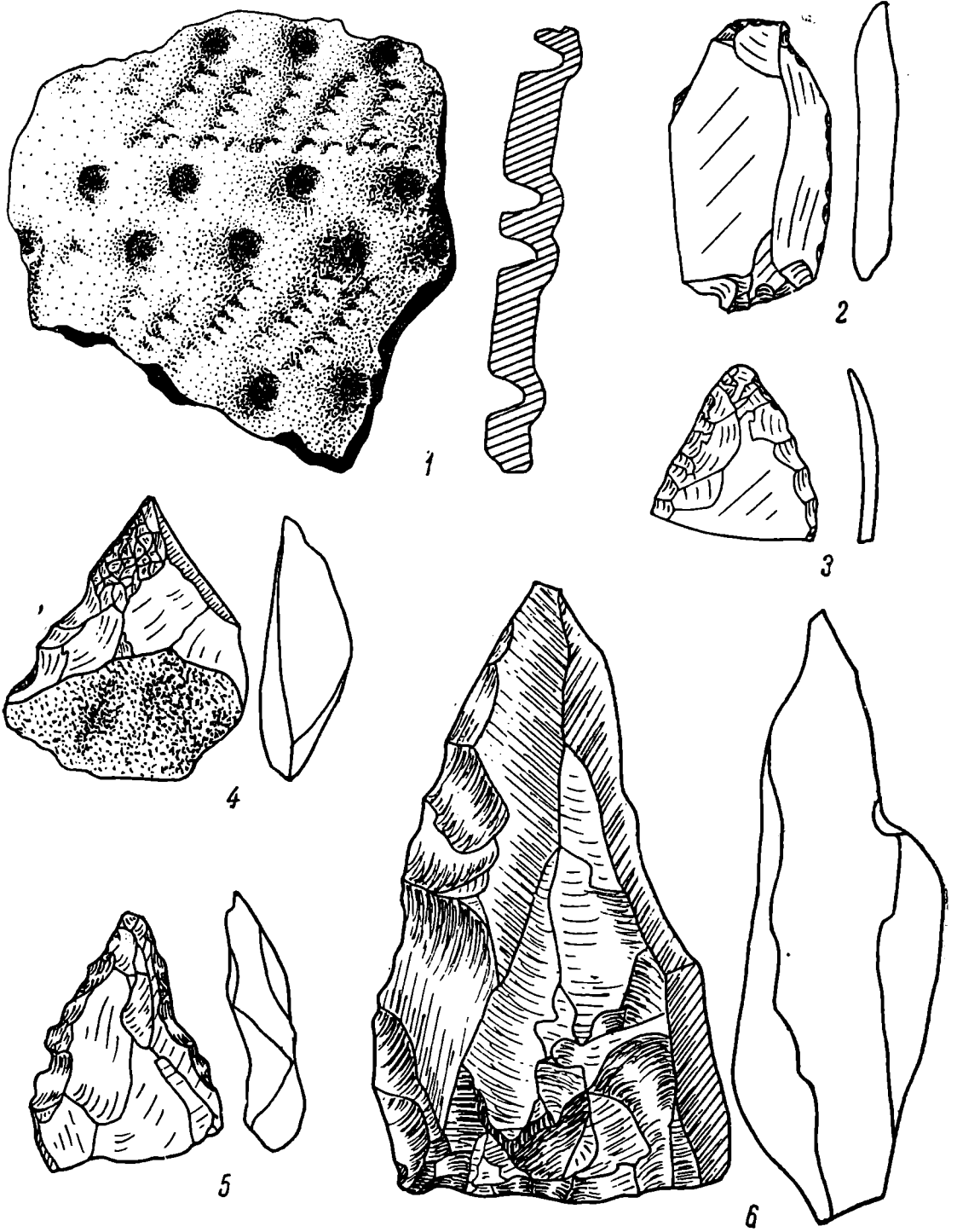

Рис. 50. Фрагмент глиняного сосуда и кремневые орудия со стоянки у оз. Круглого

На поверхности террасы, в колеях проходящей здесь проселочной дороги, было найдено еще 27 обломков кремня; некоторые из них также несут следы обработки (рис. 50—2, 4, 5).

Орнамент керамики, грубая обработка кремневых орудий и большое сходство с керамикой и орудиями других известных и уже описанных неолитических стоянок Московской обл. позволяют отнести обнаруженную стоянку также к неолиту, тем более, что эта стоянка находится в бассейне р. Клязьмы, где уже известно несколько таких стоянок, и среди них стоянка у с. Льялова¹.

Описываемая нами стоянка, как и стоянка у с. Льялова, располагалась на берегу озера. Оз. Круглое еще не заросло, а озеро у с. Льялова превратилось в торфяник.

Учитывая, что собранный на стоянке материал взят в основном с поверхности террасы и только 5 предметов обнаружено при помощи ничтожной по своим размерам расчистки, можно надеяться, что более тщательные поиски и расчистка большой площади значительно умножат количество находок и дадут возможность точнее установить дату стоянки.

Предварительно стоянка может быть приближенно датирована III—II тысячелетием до н. э. Но весьма возможно, что она окажется и более древней.

Собранный материал передан в Московский исторический музей для дальнейшей обработки и изучения.

---

¹ А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА СССР. № 7. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1947.

А. М. ЕФИМОВА

СВЕРЛЕННЫЕ МОЛОТЫ

(из коллекции Государственного музея Татарской АССР)

К числу малоизученных вопросов древней истории бассейна Средней Волги относится эпоха II тысячелетия до н. э., к которой принадлежат фатьяновская (балановская) и абашевская культуры. Для исторической интерпретации памятников этих культур требуется привлечение большого материала, и здесь значительную роль может сыграть прекрасное собрание каменных сверленных молотов, найденных на территории Чувашской, Марийской и Татарской АССР. Могильники балановского и абашевского типа не открыты пока в двух последних республиках; однако и там мы встречаем сверленные молоты, характерные для фатьяновской культуры.

Каменные сверленные молоты имели широкое распространение на территории Средней и Восточной Европы. Районом значительного их скопления является Волжско-Камский край (рис. 51). Известно более 500 молотов, найденных на территории б. Казанской и южной части б. Вятской губ.¹ 400 молотов находится в известной коллекции Заусайлова (хранится в музее г. Хельсинки). Более 150 экземпляров имеется в настоящее время в собрании Государственного музея Татарской АССР.

Как явствует из скудной и отрывочной документации, молоты Государственного музея Татарской АССР являются подъемным материалом, собранным местными исследователями Штукенбергом, Высоцким, Заусайловым, Лихачевым, Кротовым и др. в конце XIX и в начале XX вв.

Молоты, найденные в Волжско-Камском крае, относительно единообразны: короткие, массивные, грузные, чрезвычайно простой формы — тело плосковато-округлое, в поперечном сечении приближается к горизонтально вытянутому овалу, лобная поверхность слегка дугообразна, тыльная — прямая, обух — округлый, лезвие — прямое или слегка дугообразное. Иногда втулка занимает центральное положение, и обух удлиняется. Некоторые экземпляры широки и коротки; они дают близкие измерения в длину и ширину. Характерными экземплярами, отличающимися простотой формы, являются некоторые молоты из Балановского могильника Козловского района Чувашской АССР².

Молоты данного типа распространены и вне территории Волжско-Камского края. Аналогичные молоты, иногда более уплощенные, с более

¹ Dugård Å. Über die Streitaktkulturen in Russland. Eurasia Septentrionalis Antiqua. т. VIII, стр. 23, 1933.

² О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай, близ ст. Баланово. СА, 1940, № 6.

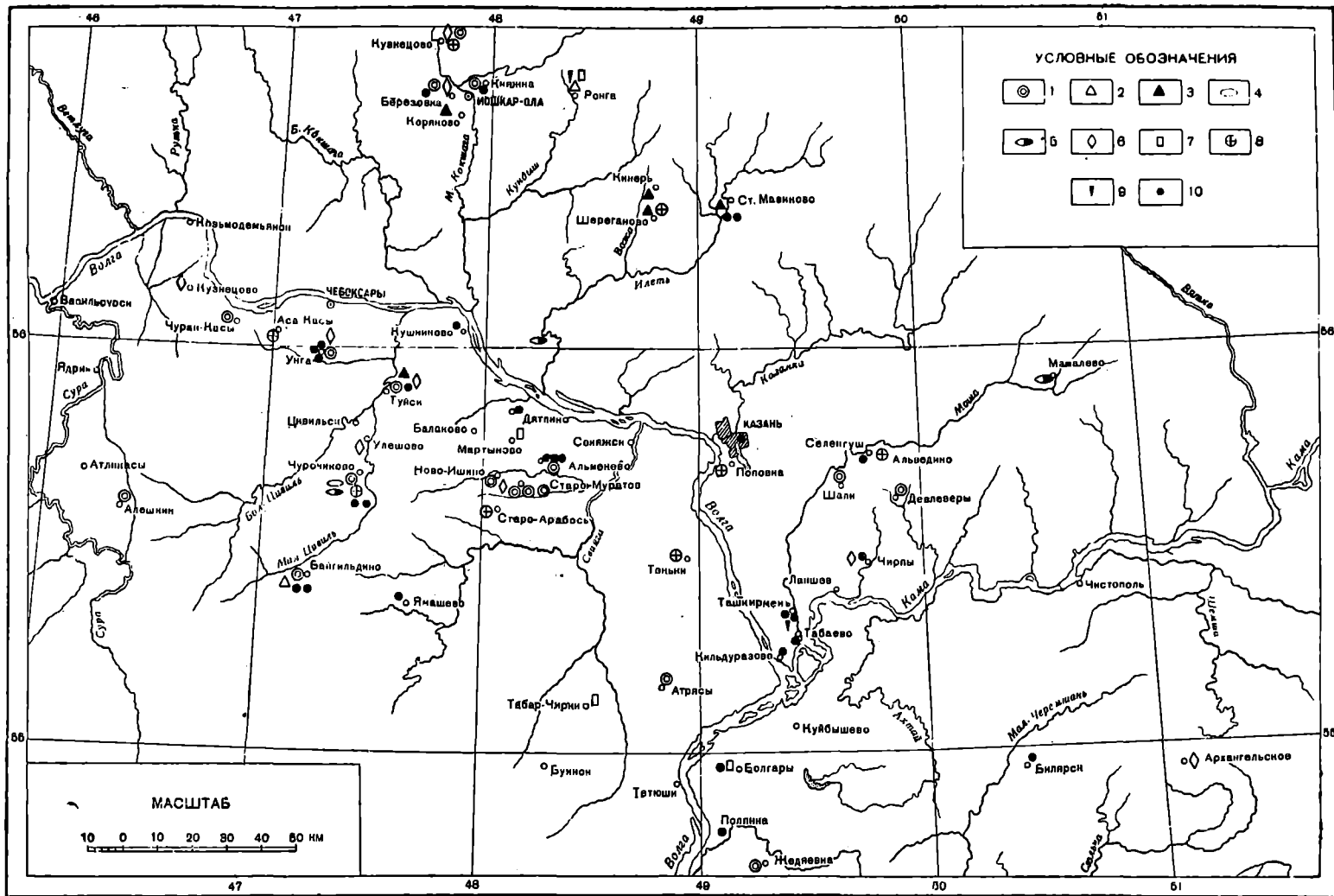

Рис. 51. Карта находок каменных сверленых молотов в Волжско-Камском крае

1 — молоты обушковые; 2 — молоты лопастные; 3 — молоты обушковые с неразвитой лопастью; 4 — молоты ладьевидные; 5 — молоты ладьевидные сметанные; 6 — молоты ромбические и смешанные; 7 — молоты прямоспинные; 8 — молоты, отражающие влияние южных культур; 9 — молоты г-образные; 10 — заготовки и фрагменты молотов

резко выраженными ребрами, были также найдены в могильниках фатьяновской культуры и среди отдельных находок в области ее распространения¹. Находки их известны на территории восточных районов Белоруссии. В. А. Городцов, называя такой молот обушковым, отмечает значительную распространенность данного типа².

Выделяется довольно многочисленная группа обушковых молотов с намечающейся неразвитой лопастью. Лопастные молоты, характерные для ярославского варианта фатьяновской культуры, в коллекциях музея очень немногочисленны.

Следует отметить несколько молотов, не имеющих лопасти, но напоминающих фатьяновские лопастные по пропорциям. Таковы молоты из сс. Старое Мазиково, Коряково, Шереганово (Марийская АССР) и из Чувашской АССР (без точного указания места находки). Известна находка подобного молота также в Балановском могильнике (молот хранится в Государственном историческом музее).

Некоторые молоты, найденные на территории Волжско-Камского края, имеют аналогии в культурах южнорусских степей и Северного Кавказа. Относительно 2 экз. этого типа нет указаний о месте находки. Эти молоты отличаются значительной изогнутостью лобной поверхности, посредине которой проходит выпуклая линия — хорда, по терминологии В. А. Городцова³. Лезвийная часть имеет форму клинка, тело узкое, высокое, в сечении дающее вертикальный овал.

Аналогичные экземпляры найдены в катакомбных погребениях Кубанской области и в курганах среднекубанской группы периода развитой бронзы, датируемых II тысячелетием до н. э.⁴

Молоты из курганов среднекубанской группы сосуществуют с развитой бронзовой индустрией. В их форме можно проследить влияние металлообрабатывающей техники, что ясно выражено и на молотах из казанской коллекции. Ребро на лобной поверхности, не связанное с целевым назначением орудия, может быть объяснено как подражание литейным швам ранних металлических изделий. Боковые поверхности лезвия обработаны в виде зашлифованных треугольников.

Описанные типы молотов — обушковый, обушковый с неразвитой лопастью и видоизмененный северокавказский молот — характерны для культуры Волжско-Камского края в период бронзы.

Следует отметить несколько молотов южных форм, представляющих единичные экземпляры и не имеющих органической связи с местной культурой.

Молот, место находки которого неизвестно (хранится в Государственном музее Татарской АССР под № XVIII 16/10), дугообразно изогнут, лезвие округло изгибается вниз, обушок округлый, четко отграниченный от лезвийной части. Он близок к так называемым пятигорским молотам Северного Кавказа, относящимся ко второй стадии эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.)⁵.

К южным культурам относятся также молот из с. Чурайское (Марийская АССР) и молот без указания места находки (хранится в Государственном музее Татарской АССР под № XVIII 16/8), имеющие узкое

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 30, рис. 8.

² В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет ГИМ за 1914 г., стр. 132—135.

³ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 11, 12 и др.

⁴ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА СССР, № 3, 1941, стр. 238, табл. XVI, 4-а, 4-б.

⁵ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 238, рис. 33, 1, 2, табл. X, рис. 1-а, 1-б.

дугообразно изогнутое тело. Лезвийная часть на одном экземпляре имеет форму клинка и округло загибается вниз. Интересен также молот из с. Аса-Касы (Чувашская АССР). Лезвийная часть узкая, клинкообразная, плечи и поверхности близ втулки вздуты, припухлы. Молот близок по форме медному молоту из кургана у станицы Воздвиженской Кубанской обл.¹.

Связи с южными культурами — катакомбной, северокавказской — шли во II тысячелетии до н. э. на север, в Волго-Камье, влияя здесь на формы местных орудий. Несомненны связи родовых общин Волго-Камья во II тысячелетии до н. э. с населением украинских степей и Северного Кавказа.

В Волжско-Камском крае были найдены и ладьевидные молоты. Ближайшую аналогию они находят себе в нескольких молотах, найденных в области распространения фатьяновской культуры: в Москве, в дер. Свиридово Московской обл., случайная находка на р. Оке, в Калининской обл. (хранятся в Государственном историческом музее). Аналогичен также молот из кургана близ с. Быстры, Юрьев-Польского района, найденный вместе с шаровидным сосудом².

Следует отметить небольшое количество молотов смешанного типа, соединяющих ромбическо-ладьевидную изогнутую форму с толщиной и грузностью молотов из Волжско-Камского края. Таковы 5 молотов из с. Чурайского (Чувашская АССР), с. Мамалево (Татарская АССР), из Чувашской АССР (точное местонахождение неизвестно) и 2 молота, место находки которых неизвестно. К группе ладьевидных следует отнести также молот, найденный в Чувашии, на р. Илеть. Его особенность — уплощенное ладьевидно-изогнутое тело и слегка выступающая на тыльной поверхности втулка. Подобные молоты были найдены в Волжско-Камском крае, известны 4 экземпляра в составе коллекции Заусайлова³.

В области распространения фатьяновской культуры известны находки молотов с аналогичными чертами (из с. Фатьяново и Чотома Ярославской обл., из с. Ботово Московской обл.; хранятся в Государственном историческом музее). Но здесь, так же как и у молотов из Волжско-Камского края, тип выражен слабо; сильно выражены черты данного типа в ладьевидных молотах с выступающей втулкой, найденных в областях Могилевской и Витебской (в с. Сосновая грива Гомельского округа, в с. Бодейково Лепельского округа — хранятся в Государственном историческом музее).

С группой ладьевидных молотов связаны также так называемые ромбические молоты — плоские, прямые, формой напоминающие ромб. От ладьевидных молотов отличает их отсутствие изогнутости тела, большая простота формы. В коллекциях музея имеется до 12 экземпляров подобных молотов из сс. Кузнецово и Коряково (Марийская АССР), сс. Улешево, Муратово, Туйси (Чувашская АССР), с. Чирпы (Татарская АССР), из Кировской обл. (б. Яранский уезд Вятской губ.), 2 экземпляра из Чувашской АССР без указания точного места находки.

Известны подобные находки и в области распространения фатьяновской культуры (в Мамичевском Бору Костромской обл., в Калининской обл. у р. Вазузы, в Калужской обл.; хранятся в Государственном историческом музее). Более многочисленны они на территории Белоруссии, в Минской и Витебской обл. (по материалам коллекций Государственного исторического музея).

¹ Раскопки Н. И. Веселовского. Кубанская область. Отчет Археологической комиссии за 1899 г., стр. 46, рис. 80, изд. 1902 г.

² Сборник статей по археологии СССР. Тр. ГИМ, вып. VIII, стр. 67, 1938.

³ Заусайлов. Древние каменные орудия, собранные в пределах Казанской губ. Казань, 1884.

В. А. Городцов¹, называя молот ромбическим, отмечает его значительное распространение в Польше, прибалтийских странах и Финляндии. Ромбические молоты, найденные в Волго-Камье, имеют большую толщину тела, что сближает их с доминирующим в крае типом молотов.

С археологическими культурами Белоруссии и Прибалтики связаны также прямоспинные молоты с выступающей втулкой; коллекции музея располагают 6 экз. подобных молотов — из сс. Мартыново, Тябулево и Тоябинской (Чувашская АССР), с. Ронга (Марийская АССР), из сборных коллекций Высоцкого без указания места находок. 23 экз. прямоспинных молотов с выступающей втулкой, найденные на территории б. Казанской губ., известны в составе коллекций Заусайлова (хранятся в музее г. Хельсинки). Они найдены в районе наибольшего распространения молотов — Волжском Правобережье, в бассейнах рр. Свяги, Большого и Малого Цивиля.

В области распространения соседней фатьяновской культуры находки прямоспинных молотов редки.

Рассмотрение каменных сверленых молотов из коллекций Государственного музея Татарской АССР выявило комплекс молотов Волжско-Камского края, характеризующий культуру края и ее связи в период бронзы.

Несомненна значительная общность комплексов волжско-камских молотов и молотов фатьяновской культуры. Наряду с этим следует отметить проникновение в край форм южной, северокавказской культуры.

В значительном большинстве случаев местонахождение молотов характеризуется также находками других каменных орудий.

Остановлюсь на характеристике отделки молотов. Техническая отделка их отличается совершенством: поверхность отшлифована, лезвие отточено. Обнаруженные полуготовые экземпляры дают некоторые указания на процесс их выделки. Сверление предшествовало окончательной отделке молота. Оно производилось на болванках, оформленных, но не законченных отделкой. Незаконченное сверление дает чашеобразное углубление с прямыми стенками. Лишь в одном случае встречены следы полового сверла. Сверление велось с лобной поверхности и заканчивалось встречным сверлением с тыльной поверхности. Законченное сверление давало круглую цилиндрическую втулку диаметром от 15 до 30 мм, в зависимости от размеров орудия. На местах встречного сверления прослеживаются рубцы. Диаметр втулки на лобной и тыльной поверхности различен: на лобной — на 1—3 мм больше, нежели на тыльной. Это можно объяснить тем, что процесс сверления в большей части производился с лобной поверхности и края втулки несколько разрабатывались вращательным движением сверла.

В некоторых местах найдены комплексы орудий, включающие разные типы сверленых молотов. Однако условия находок неизвестны и не дают материала для датировки.

Наиболее многочисленную группу сопутствующих находок представляют плоские клиновидные топоры различных размеров, от крупных массивных топоров-клиньев до маленьких изящных топориков. Топоры к тыльной поверхности немного сужены для укрепления в рукоятке, в сечении в большинстве случаев близки четырехугольнику. Они хорошо отшлифованы по всей поверхности, особенно тщательно отделано лезвие; узкие стороны в отдельных случаях не шлифованы.

Довольно многочисленны также долота — плосковыпуклые, широкие и узкие, желобчатые с высокой горбатой спинкой. Некоторые экземпляры этих последних отличаются высокой техникой обработки, хорошо

¹ В. А. Городцов Культура бронзовой эпохи в Средней России, стр. 130—131.

выработанной формой, прекрасной шлифовкой поверхности. Встречены большие массивные орудия, выпуклые поверхности которых обработаны гранями. Менее многочисленны мелкие орудия (наконечники стрел, ножевидные пластины). Наконечники стрел — листовидной и ланцетовидной форм и треугольные с черешком. Поверхность стрел тщательно обработана мелкой ретушью. Ножевидные пластины обработаны по краю крутой ретушью. Встречена пильчатая ретушь. Встречаются также дротики, колотушки, молоты с бороздкой для привязывания, шлифовальные камни и призматические нуклеусы.

Очевидно, пункты скопления находок каменных орудий являются нарушенными археологическими памятниками, стоянками или могильниками. Находки молотов в сопровождении плоских клиновидных топоров и шаровидных сосудов были сделаны в могильниках северо-западной части Чувашии (Балановском) в курганной группе у дер. Атли-Касы, в погребении в с. Пайгусово¹.

Балановские молоты и молот из с. Пайгусово хорошо укладываются в рассмотренный выше культурный комплекс волжско-камских молотов. Возможно допустить их культурное единство. В таком случае территория распространения молотов представляет в известной мере ареал памятников культурного круга Балановского могильника. Данное положение требует подтверждения дальнейшими археологическими исследованиями местных памятников периода бронзы.

Нам известны места находок 95 молотов, из них 82 экз. найдены в Заволжье и Предволжье (Марийская и Чувашская АССР), в том числе 45 экз. в Волжском Правобережье, от Суры до Свияги (Чувашская АССР). Лишь 17 молотов найдены в Прикамье и Закамье (Татарская АССР), в том числе в Закамье — 5 экз.

Таким образом, наиболее многочисленны находки в лесных и лесостепных областях Предволжья и Заволжья (Чувашская и Марийская АССР), особенно в Волжском правобережье от Суры до Свияги (Чувашская АССР). Здесь же расположены и курганные могильники — Балановский и Атли-Касы, где также найдены молоты наряду с другим погребальным инвентарем.

В степных и лесостепных районах Прикамья, особенно Закамья, находят лишь единичные, рассеянные экземпляры. Очевидно, молоты связаны с Балановской культурой Волжского Правобережья. В районы Камской лесостепи они попадали в результате культурных связей.

Следует остановиться на вопросе о назначении и использовании сверленных молотов. Они несут следы значительной сработанности лезвий и обухов. Лезвия затуплены, имеют многочисленные мелкие сколы. Обухи также имеют сколы на поверхности и по краям, иногда несколько деформированы, как бы стертые многократными ударами по твердым поверхностям. Очевидно, рабочей частью молотов служили и лезвие, и обух. Сложность формы сверленных молотов заставляет исключить их из круга лесорубных инструментов. Возможно, они употреблялись для более сложных и тонких ударных работ (ковка металлических изделий). Обух и лезвие использовались соответственно при более грубых и более мелких деталях работ.

Из массы рабочих молотов следует, видимо, исключить молоты красивой, изящной формы, иногда отделанные орнаментом. Один такой экзем-

---

¹ П. Н. Третьяков. Из материалов Средне-Волжской экспедиции ГАИМК. Сообщ. ГАИМК, № 3, 1931. Износков. Заметки о городах, курганах и древних жилищах, находящихся в Курганской губ. Изв. Об-ва археол., истор., этногр. при Каз. ун-те, 1880—1882, т. III, стр. 81—82. А. С. Уваров. Археология России, т. II, стр. 109, рис. 115.

пляр имеется в коллекциях Государственного музея Татарской АССР — молот из с. Болгары Куйбышевского района. Это фрагмент лезвийной части изящной удлиненной формы, отделанный на лобной поверхности двумя углубленными изогнутыми линиями. Трудно допустить, что такие молоты использовались в качестве орудий труда; вероятно, это были боевые молоты, служившие оружием.

Родовые общины населения Волго-Камского края во II тысячелетии до н. э. вышли из состояния первобытной замкнутости. Несомненно их связи с населением соседних и более отдаленных областей, отразившиеся на развитии культуры края.

Н. В. ХОШТАРИА

ОБ ОДНОМ БРОНЗОВОМ ОРУДИИ ИЗ КОЛХИДЫ

Среди древних бронз Колхиды (третьего этапа — конца II — начала I тысячелетия до н. э.)¹, наряду с колхским топором, служившим и боевым, и хозяйственным орудием, значительная роль принадлежит и другим хозяйственным орудиям. Из них наиболее распространены: мотыга, цалди — лесной топор и сегментовидное орудие.

Мотыгами называют обычно два различных по назначению орудия: собственно мотыгу и тесло. Одно — земледельческое, другое — деревообрабатывающее орудие, и то, и другое — весьма важные в условиях Колхиды. В литературе до сих пор нет окончательного разграничения между мотыгой и теслом, хотя такое разграничение возможно.

Основная территория распространения мотыги — Западная Грузия, но встречается она иногда и в Восточной и в Южной. Несмотря на кажущуюся однородность орудий этой группы и почти одинаковые размеры, при ближайшем рассмотрении из нее без особенного труда можно выделить собственно мотыги и тесла. Мотыги отличаются от тесел более крупными размерами и, в свою очередь, разбиваются на две разновидности: первая — с округлым лезвием широкой сегментовидной формы, приближающейся к полукругу, вторая — с прямым лезвием в форме заметно расширяющегося внизу треугольника.

Тесла имеют более мелкие размеры, более узки по форме и только слегка расширяются внизу. Бока у них прямолинейные, лезвие — слабо изогнутое. Кроме того, лезвие тесла дополнительно укреплено радиально расходящимися от втулки рельефными ребрами. Экземпляры, бывшие в употреблении, обычно изогнуты по длинной оси, причем изгиб этот крутой и вершина его падает на среднюю часть лезвия. У некоторых орудий края сильно сработаны, особенно левый угол лезвия. Мотыги также бывают иногда изогнуты, но перегиб помещается почти у самой втулки; линия лезвия при этом или совершенно прямая, или слегка только изогнутая.

Что касается двух других из названных выше бронзовых орудий Колхиды: цалди — лесного топора и сегментовидного орудия — сечки, то они встречаются только в Колхиде и нигде, помимо нее, неизвестны. И в пределах самой Колхиды орудия эти имеют вполне определенную территорию распространения.

Цалди, или лесной топор, — орудие и до настоящего времени распространенное по всей Западной Грузии. Это легкий топор на длинной руко-

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, М.—Л., 1935.

По указанной же работе даны введенные автором названия орудий: лесной топор, сегментовидное орудие, или сечка.

ятке; он имеет вертикально расположенное лезвие и выступающий вверх носик; втулка помещается внизу топора, и потому насаженное на рукоятку орудие возвышается над ней. Это самое распространенное орудие в хозяйстве Западной Грузии.

Помимо использования цалди как топора, последний применялся и для обрезки лозы («маглари») и других сельскохозяйственных культур.

Нас в настоящее время занимает треть из названных выше орудий, так называемое сегментовидное, или сечка. Несмотря на большое количество находок таких орудий, вопрос о их назначении до настоящего времени не решен. Орудия эти считают то сечками, то ножами кожевника или сапожника, то меновыми единицами; им приписывают и другие различные назначения. Вопросу о назначении этого орудия посвящена специальная работа Н. В. Трубниковой¹.

Сегментовидные орудия описаны уже не раз, а потому мы здесь характеризуем их лишь вкратце. Это плоское тонкое орудие, по форме приближающееся к полукругу или сегменту с отходящим назад стержнем. Рабочий край его округл, боковые же линии более или менее вогнуты. Размеры орудия без стержня 6—9 × 12 см (стержень — 2—3 × 3—5 см). Отлито оно в открытой форме, внешняя поверхность — слегка выпуклая, гладкая, обратная — плоская, шероховатая. Многие экземпляры орудий отделаны дополнительно, на поверхности их имеются следы ударов, проковки в виде коротких штрихов, расположенных или в направлении стержня, или же перекрещиваясь по срединной линии. Такая проковка, очевидно, делала орудие более крепким, стойким к поломам и изгибам. На орудиях также наблюдаются следы использования и подправки лезвия.

В настоящее время известно довольно большое количество сегментовидных орудий и свыше 20 случаев их находок. В кладках эти орудия встречаются как целыми, так и в обломках, что указывает на то, что они повреждались в работе или же иногда были браком производства и вторично шли в литье.

Количество случайных находок «сегментовидных» орудий указывает на большое распространение и какое-то очень определенное назначение их в хозяйстве Колхиды. Известны экземпляры и из железа (Ванский район), что указывает на очень длительный период существования этой формы орудий.

Сегментовидные орудия встречаются на севере Колхиды, начиная от г. Сухуми, и распространяются на юг, до территории Турецкого Лазистана.

В пределах Колхиды находки рассматриваемого орудия занимают территорию собственно Колхидской низменности и примыкающую к ней часть побережья Черного моря, не заходя на востоке далее предгорий Кавказа и среднего течения р. Риони (район г. Кутаиси).

Своими очертаниями это орудие очень напоминает мотыгу из Западной Грузии как бронзовую, так и отличающуюся более крупными размерами и наличием втулки — железную. Как известно, современная железная мотыга в Западной Грузии имеет несколько вариантов в зависимости от ее использования; узкие формы присущи так называемой огородной мотыге, широкие — мотыге для полки кукурузы.

Интересно также отметить, что по своей форме бронзовые сегментовидные орудия очень похожи и на значительно более древние, неолитические треугольные плоские каменные мотыжки, в большом количестве обнаруженные в районе г. Сочи (выставка Музея Сочи)².

¹ Н. В. Трубникова. К вопросу о назначении кобанских «сечек». КСИИМК, вып. XVIII, М.—Л., 1947.

² Вопрос о сходстве по форме сегментовидного бронзового орудия Колхиды с неолитическими треугольными мотыжками из района г. Сочи затронут в моей работе, так же как и вопрос о назначении сегментовидных орудий как мотыжек. См. Н. В. Хогариа. Древнее поселение в Даблагоми (Западная Грузия). Тбилиси, 1940.

Неолит района Сочи может рассматриваться как естественное продолжение неолита Западной Грузии (с юга на север — Анасеули, район Кутаиси, Одиши, Урта, Гудаута и др.).

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что сегментовидные орудия встречаются постоянно в комплексах с сельскохозяйственными орудиями.

Вопрос о назначении хозяйственного орудия не может быть решен вне связи с той средой, где распространено орудие. Интересующее нас бронзовое орудие встречается, как мы уже отмечали, в пределах Колхидской низменности и едва достигает предгорий.

Эта часть Колхиды с древних пор известна своим сельским хозяйством, сочетавшимся со скотоводством. Колхида производила лен, пеньку и другие сельскохозяйственные продукты. Многообразие процветавших здесь сельскохозяйственных культур было связано с исключительным плодородием почв Колхиды, впервые отвоевываемых у леса. Лен, производившийся в Колхиде, пользовался широкой известностью и конкурировал с египетским. Культура льна в Колхиде, известная раньше только по письменным источникам, подтверждается в настоящее время и археологическими материалами. Показателями сельскохозяйственного развития страны являются и многочисленные находки бронзовых (и медных) сельскохозяйственных орудий, среди них и мотыги.

Однако трудно сказать, была ли бронзовая мотыга единственным земледельческим орудием в рассматриваемый период или же играла подсобную роль. Вопрос о древнем земледелии в Колхиде еще недостаточно изучен археологами.

При богатом растительном покрове Колхиды сельское хозяйство могло быть здесь лесного типа, или подсечного, т. е. велось на участках, освобожденных от леса при помощи огня. Такое сельское хозяйство должно было обеспечивать весьма высокие урожаи, особенно в первые годы (3—5 лет).

Подсечное хозяйство, в древности сыгравшее большую роль в развитии сельского хозяйства, привело со временем, как известно, к истреблению лесов и вместе с тем к истощению почв. Последнее явление, так называемая эрозия почв, было, вероятно, одной из причин оставления населением Колхиды древних культурных районов и переселения на новые места и объясняет одну из загадочных причин запустения мест древних поселений в Колхиде. Широкая волна переселения в новые лесные зоны наблюдается около рубежа нашей эры, что связано с распространением железного топора как массового рабочего орудия.

В последующие годы урожайность на упомянутых участках должна была быстро падать, и было целесообразнее, при обилии свободных площадей и небольшой сравнительно плотности населения, обращаться к новым участкам, чем обрабатывать старые, истощившиеся и покрывающиеся к тому же очень быстро сорной растительностью. В таких условиях населению Колхиды через небольшие промежутки времени приходилось осваивать новые лесные площади. Обработка лесного участка в течение периода пользования им не могла оставаться при этом одинаковой. В первый год после очистки лесной площади, если сожжение леса было проведено удачно, посев на участках мог производиться без всякой предварительной обработки почвы, прямо в покрывающую поверхность золу.

Колхидская низменность с ее сплошным густым лесным покровом, в котором большая роль принадлежит ольхе¹, представляла особенно благоприятные условия для такого хозяйства. Как известно, ольха среди древесных растений отличается большой золоностью; зола же является

¹ Археологические данные подтверждают это и для древних периодов.

хорошим удобрением, а также повышает структурность почвы. Участки с ольховыми зарослями являются поэтому лучшими для земледелия, и при выборе участка под обработку предпочтение отдается им¹.

Для таких новых участков² в первый год работы могли использоваться описываемые сегментовидные орудия или плоские мотыжки. С помощью таких мотыжек и перекапывали золу, образовавшуюся от сожжения растительности на поверхности участка, и в нее производили посев. Такую плоскую мотыжку можно было укреплять на палке с загнутым концом, который расщепляли. В расщеп помещали стержень мотыжки, и затем это место обвязывали. Не исключена возможность, что известные единичные, более крупные, экземпляры таких сегментовидных орудий лопатообразной формы использовались при этом и как лопаты в таких же условиях.

Вкладах бронзовых орудий Колхиды мы должны иметь, таким образом, два основных сельскохозяйственных орудия Колхиды: *цалди* — лесной топор и мотыгу в двух ее разновидностях, втульчатую и плоскую.

Еще в XVIII в. эти два орудия представляли необходимый минимум, с которым можно было просуществовать в Западной Грузии, как об этом говорит царевич Вахушти в своей «Географии Грузии»: «...ибо один только рабочий человек, имея только *цалди* с мотыгой, обзаводится домом, добывает пропитание для семьи и выплачивает налог...»³.

---

¹ О подсечном хозяйстве в Западной Грузии говорит ряд источников, относящихся к различным периодам. Кроме того, нами в разных частях Западной Грузии собраны дополнительные материалы. Сверх этого, мы пользовались специальной работой по рассматриваемому вопросу (П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Изв. ГАИМК, т. XIV, вып. 1, 1932), а также и материалами по данному вопросу, имеющимися в общей археологической литературе.

² В Грузии и сейчас сохранилась специальная мотыга для таких целей, так называемая «ахос тохи», но ввиду существенно изменившейся с древних времен природной среды, в которой применяется такая мотыга, и вид ее не мог остаться без изменений.

³ Царевич Вахушти. География Грузии. Перевод М. Г. Джанашвили. Тифлис, 1904, стр. 194—195. (В переводе нами восстановлено слово «*цалди*» оригинала).

М. И. ИСАКОВ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ДАГЕСТАНЕ

Дагестанская АССР до последнего времени остается наименее изученной в историко-археологическом отношении, и всякая новая археологическая находка на территории Дагестана является новым историческим источником для изучения края.

В этом плане заслуживают внимания памятники материальной культуры, обнаруженные нами в южном и северном районах Дагестана летом и осенью 1949 г.

Возле стекольного завода «Дагогни» (Дербентский район) мне удалось обнаружить и зарегистрировать кромлех. Памятник находится за южной окраиной завода и имеет вид насыпи с плосковатой поверхностью. Форма его в плане вытянутая с севера на юг, со скошенными углами. Длина — 70 м при ширине — 50 м.

Кромлех имеет ограду из довольно больших естественных каменных плит, поставленных вертикально в один ряд по всей окружности его. Камни ограды большие: длина — 0,5—1 м, ширина — 0,7—0,9 м, толщина — 0,4—0,5 м. Лежат они в земле, видны только верхние края их на поверхности почвы. Некоторые камни совсем скры-

ваются под землей, о чем свидетельствует обнаруженная при земляных работах на глубине 0,5 м от поверхности почвы очень большая каменная плита ограды, стоящая вертикально. На глубине в 1,5 м был обнаружен горизонтальный слой золы толщиной в 5—6 см с мелкими кусками древесного угля. Ограда в окружности кромлеха местами разрушена рабочими завода для хозяйственных надобностей. По восточному краю она сохранилась целиком, по северному и южному краям — частично, а по западному краю не сохранилась вовсе. Поверхность кромлеха частично занята хозяйственными постройками.

Такой же кромлех летом того же года был обнаружен В. И. Марковым и зарегистрирован мною в 0,5 км к северо-западу от сел. Капчугая. Он имел в плане эллипсоидную форму.

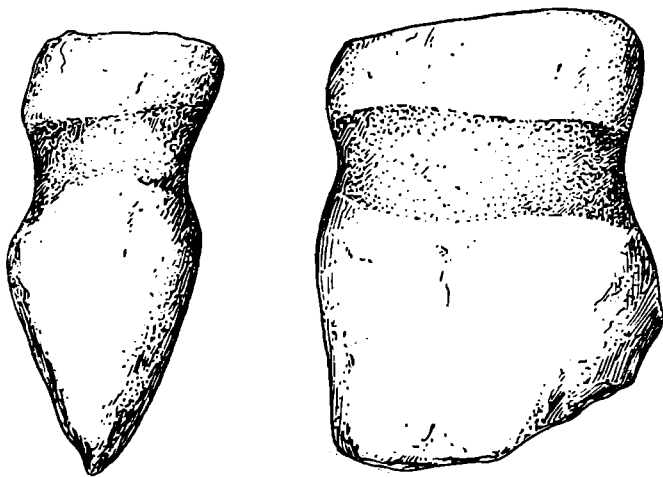
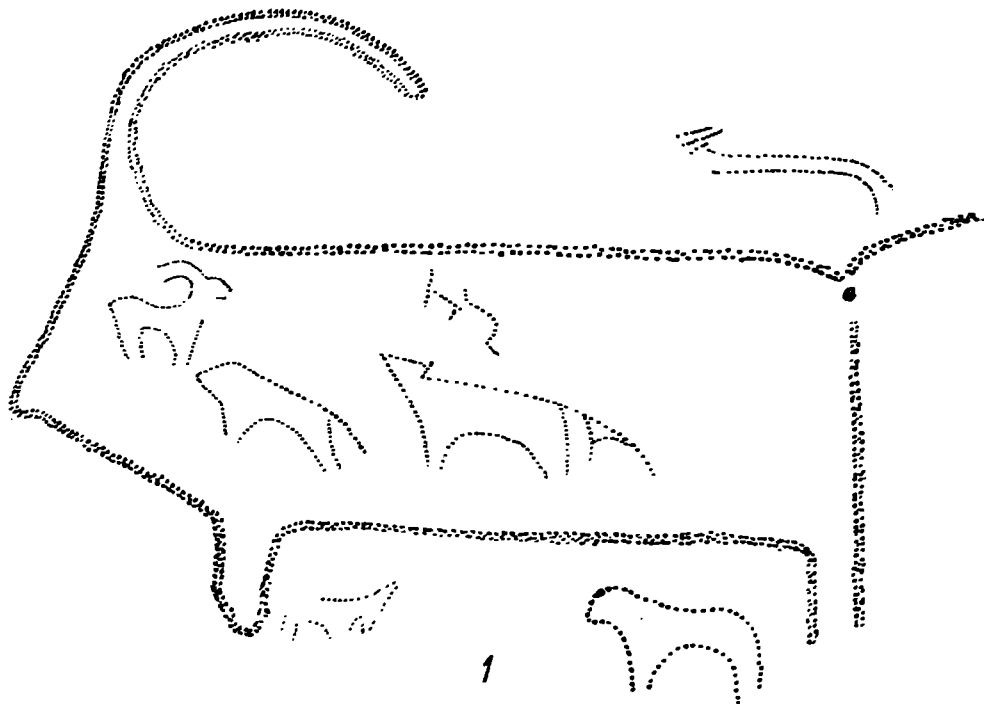
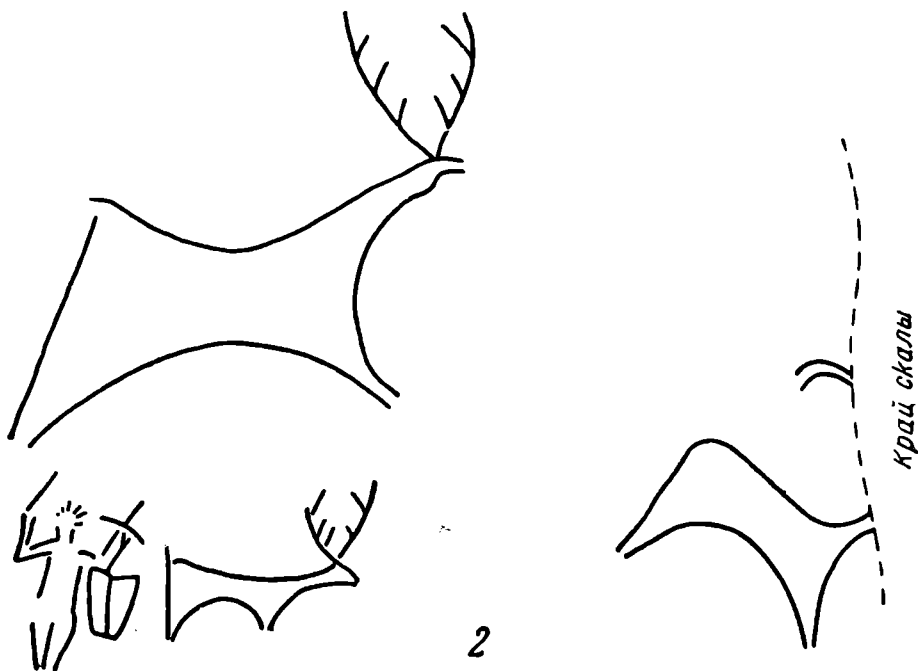

Рис. 52. Каменный топор-молот из сел. Капчугая

1

Край скалы

2

Рис. 53. Наскальные изображения в пещере сел. Капчугая

Окружающая его ограда состоит из вертикально поставленных камней — менгиров. Площадь кромлеха равна приблизительно 60 м². Внутри ограды заметны отдельные оградки из камней в виде квадратов (2×2 м), прямоугольников (2×3 м) и кругов (диаметр 2—3 м).

Подобные объекты известны на Кавказе¹, но в Дагестане встречены впервые. Только археологические раскопки найденных кромлехов смогут уточнить время и характер этих новых для Дагестана памятников.

В том же районе (территория сел. Капчугая) В. И. Марковиным был случайно найден каменный топор-молот из темносерого кварцита (рис. 52). Его вес — около 3 кг. Топор свидетельствует о примитивной технике изготовления. Тыльная часть его опоясана желобком (шейка), служившим для скрепления с рукоятью. Подобный тип топора известен широко, в том числе и на Кавказе, и наиболее характерен для энеолита и бронзовой эпохи.

Несомненный интерес представляют обнаруженные мною на отвесных скалах ущелий на территории Капчугайского сельсовета, Буйнакского района, древние изображения животных. Подобные же изображения оказались в обнаруженной В. И. Марковиным пещере (гроте), которая находится в том же районе, на склоне скалистой горы, и в плане имеет форму треугольника. Ширина входного дугообразного отверстия — 8 м при высоте в 4 м. Глубина пещеры — 12 м. Потолок сильно закопчен. На скалистом полу заметна зольная прослойка с углем до 15 см толщины. Стены пещеры (грота) покрыты множеством изображений животных и непонятных символических знаков (рис. 53). Техника изображений различна. Одни нанесены пунктиром, иногда двойным, другие — прорисовкой сплошной линией.

В окрестных ущельях на отвесных скалах также сохранились изображения оленей, горных туров и других животных вместе с различными знаками. Некоторые рисунки составляют целые сцены охоты на животных; охотники вооружены луками. Часть изображений расположена группами до 25—27 рисунков. Всего нами зарегистрировано 17 таких групп. Оказывается, что подобные изображения прослеживаются и на территории Ленин-кентского сельсовета Махачкалинского района.

Некоторые из обнаруженных нами рисунков в Капчугае морфологически оказываются близкими, с одной стороны, наскальным изображениям в Кабристане (Азербайджанская ССР)², с другой — бронзовым фигуркам животных и орнаментальным мотивам на керамике Закавказья I тысячелетия до н. э.³

Этим подчеркивается интерес обнаруженных нами в Дагестане наскальных рисунков и важность их изучения в самое ближайшее время.

¹ МАК, вып. II, табл. IX.

² Изв. АН Азерб. ССР, вып. 1, № 1 Баку, 1946, стр. 32, рис. 7.

³ МАК, вып. VI, табл. VI, рис. 1—3. Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 28, фиг. 11

А. И. МИНОРСКИЙ

ДРЕВНИЕ НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Во время съемки киноочерков «В горах Алтая» я нашел древние на скальные рисунки. Они были засняты для киноочерка и зафиксированы для историков. Такие «писанные скалы», называемые по-алтайски «бичик-ту», были обнаружены мною в 20 пунктах различных районов Горно-Алтайской автономной области.

Выбор места для исполнения писаниц характерен. «Бичик-ту» расположены на гладких каменных поверхностях, удобных для технического исполнения рисунков. Они выделяются на окружающем фоне и приковывают внимание. «Бичик-ту» всегда находятся около древних дорог: рядом с тропинками, ведущими через ущелье, перевалы или вершины гор, вдоль узких полосок берега реки. Иногда рисунки можно увидеть с лодки, проносимой течением мимо «писаной скалы». Это древнее искусство, повидимому, создавалось с расчетом на зрителя, причем зрителя, выражаясь языком современности, массового.

В качестве примеров можно привести два местонахождения памятников древнего искусства с разными по времени и стилю рисунками. Первое — в Онгудайском аймаке Елинского сельсовета, близ колхоза «Дьяны-Дьел». На южном конце колхозного селения находится маслодельный завод. В восточном направлении от завода протянулась узкая долина, поднимающаяся постепенно вверх до перевала. За 130—150 метров до перевала начинается протоптанная среди небольших скал и утесов тропа, которая ведет к перевалу и затем круто спускается по западному склону горы. При общем взгляде на рельеф местности (горный кряж тянется с севера на юг) сразу видно, что тропа всегда была самым удобным переходом через гору. На перевальной точке находятся большие скалы, образующие подобие амфитеатра вокруг сравнительно ровной площадки. На площадке, в нескольких шагах к югу от тропы, расположена горизонтальная плитообразная скала. Эту плиту, хорошо видную с тропинки, колхозники называют «бичик-ту». Ее размеры — приблизительно 3×3 м.

Рисунки сделаны следующим образом. Они выбиты в камне на глубину от 0,5 до 1 см. Высота отдельных изображений — от 10 до 20 см. На поверхности их ясно видны мелкие точкообразные углубления, сделанные сотнями очень точных ударов. Горизонтальное положение углубленных в камень рисунков характерно и часто встречается на Алтае.

Рисунки представляют сцену охоты людей на диких животных (рис. 54—1). Все животные, разных пород, повернуты головами вправо. В центре — гигантский архар с типичным круглым рогом, загнутым на спину (сейчас архаров на Алтае нет — они вымерли), перед ним — марал с ветвистыми рогами. Вокруг архара — несколько диких горных козлов (бунов)

с длинными вытянутыми назад рогами. Буны сейчас живут примерно в трехстах километрах от данной местности, на неприступных вершинах Чуйских Альп.

Этим разнообразным животным противопоставлено изображение человека, который смотрит в другом направлении, справа налево. В его руках лук со стрелой, направленный против животных. Внизу изображены группы людей без луков.

Художник правильно передал в рисунке облик всех разнообразных животных. Хотя они и неподвижны, но их позы показывают напряжение и силу.

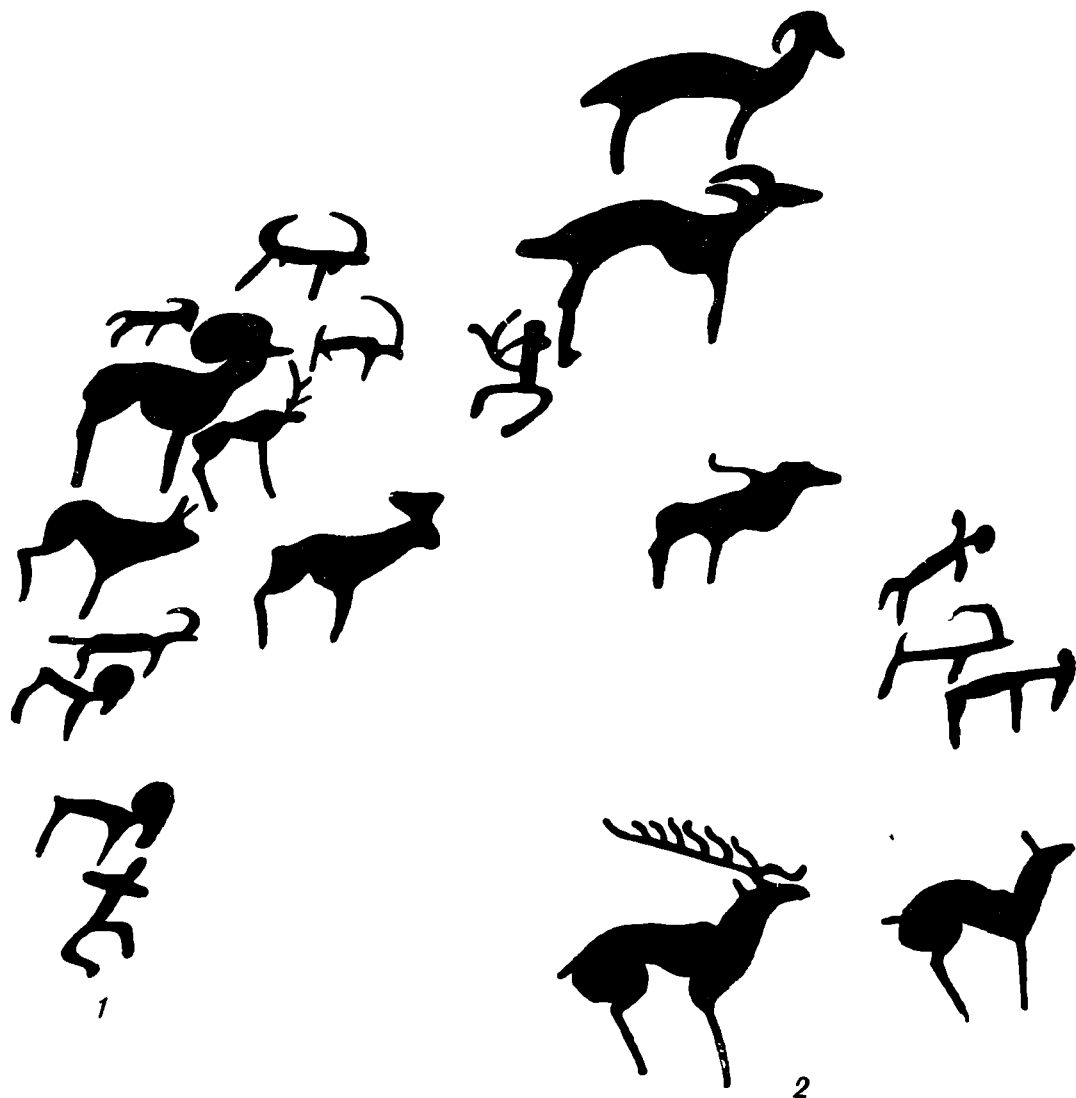

Рис. 54. Наскальные рисунки горного Алтая

С людьми художник поступает смелее. Они даны в движении, но при этом теряется реализм, присущий изображениям животных.

Дьяны-дьяельские рисунки характерны тем, что изображают не отдельный охотничий эпизод (в этом случае перед охотником было бы однородное стадо маралов, или архаров, или бунюв), а дают в смелой композиции обобщенное представление художника об охотничьем промысле древнего Алтая.

Наскальные рисунки, одинаковые по технике выполнения с дьяны-дьяельскими, мною были найдены вблизи с. Кулада, Онгудайского аймака. Здесь также изображены различные животные. На рис. 54—2 даны изображения оленей — самца и самки.

Третья группа писаниц находится в Онгудайском аймаке Каракольского сельсовета, близ колхоза им. Карла Маркса. На левом берегу р. Каракол, приблизительно в 2 км от места впадения ее в р. Урсул, находится гора, называемая, как и все другие «писанные скалы» Алтая, «бичик-ту». От нее до колхоза 150 м.

Весь южный склон «бичик-ту» состоит из каменных плит. От подножья до вершины горы они громоздятся десятком «этажей», а поперек горы тянутся вдоль узких, опасных для перехода тропинок. Плиты стоят в вертикальном положении. Размеры их различные, от 0,5 до 3—4 м². Цвет плит коричневый, с красной патиной. Поверхность гладкая. Почти на всех

Рис. 55. Наскальные рисунки горного Алтая

плитах имеются рисунки; на некоторых видны надписи. Общее количество рисунков на каракольских «бичик-ту» достигает сотен экземпляров.

На нижнем «этаже» рисунки можно рассматривать, стоя на узкой полоске берега, у подножья горы. Размеры рисунков — от 5 до 15—20 см.

Большинство рисунков представляет оленей. На рис. 55—1 изображен лежащий с подогнутыми ногами олень, гордо поднятая голова которого украшена ветвистыми рогами.

На рис. 55—2 показано, как олень спускается с горы; его сильное тело изогнуто, всей тяжестью он опирается на передние стройные ноги.

На рис. 55—3 мы видим группу оленей; один из них изображен в прыжке. Он так высоко поднял голову, что ветвистые рога почти коснулись спины. Ниже изображены два молодых оленя: самец и повернувшая к нему голову самка. Прыгающий олень,— может быть, вожак, охраняющий стадо.

Рис. 56. Наскальные рисунки горного Алтая

На рис. 55—4 показана охотничья сцена: пасущийся олень, а сзади охотник, натянув тетиву лука, готовится пустить в него стрелу (это изображение сохранилось частично).

На другом рисунке олень изображен в прыжке (рис. 56—1), а сзади него — стоящий на одном колене охотник с натянутым луком и стрелой. За его поясом заткнуты еще три стрелы.

В этой же группе рисунков интересно изображение двух людей, подающих друг другу руки (рис. 56—2). Люди с торчащими сзади волосами изображены в длиннополых костюмах. Неподалеку от них расположена надпись из вертикально стоящих друг за другом знаков.

Кроме оленей и людей, здесь же имеются изображения лошади (рис. 56—3), кабана (рис. 56—4), орла (рис. 56—5) и оленя, летящего галопом (рис. 56—6).

Техника рисунков гравюрная. Они процарапаны по камню тонким острием, повидимому круглым шилом, так как плоский резец произвел бы на крутых поворотах искаженные линии.

Сначала выцарапывали линейный контур, затем более тонкими линиями наносили детали: глаза, копыта, полосы шерсти на шее (рис. 56—6), стрелы и пр.

Художник варьировал рисунок, искал наиболее правильную линию тела, в особенности ног, находящихся в движении. Это было ему нужно, чтобы выразить динамику. Один и тот же олень изображен с положениями ног в двух вариантах. В первом случае ноги выброшены следующим образом: правая передняя и правая задняя — вперед, а левая передняя и левая задняя — назад; во втором случае ноги выброшены попарно: передние выброшены вперед, а задние — назад. Второй вариант окончательный, поэтому художник сделал его более глубокими линиями.

Изображения животных и людей не кажутся плоскостными. Художник при помощи линии умел пространственно изобразить предмет: на одном из красивейших рисунков изображение оленя перекрывается фигурой повернувшей к нему голову самки. Разнообразнейшие рисунки, найденные на Каракольских скалах, являются замечательным памятником народного творчества.

По сравнению с дьяны-дъельскими и другими наскальными рисунками Алтая, каракольские представляют высшую ступень изобразительного искусства. Статическое изображение животных здесь преодолено, и художники смело, пространственно, в ракурсе изображают самые разнообразные движения животных, их повадки и различные моменты охоты.

Эти рисунки свидетельствуют об острой наблюдательности и высоком реалистическом изобразительном мастерстве, а также и о художественных исканиях, которые видны в разнообразных эскизах одного и того же рисунка.

«Бичик-ту» в Караколе — изумительная галерея древнего реалистического творчества предков современных народов Сибири. Эти памятники привлекают внимание не только ученых, но и художников.

Л. А. ЕВТЮХОВА

К ВОПРОСУ О ПИСАНИЦАХ АЛТАЯ

Наскальные рисунки, обнаруженные А. И. Минорским в горном Алтае, чрезвычайно интересны. Все исследователи Алтая мало обращали внимания на этот тип памятников, и поэтому до сих пор они были почти неизвестны.

Общие пути развития истории народов южной Сибири, населявших территорию современных Хакасской, Тувинской и Горно-Алтайской автономных областей, а также их постоянная взаимосвязь в древности достаточно изучены по материалам археологических раскопок и другим памятникам. Однако изобразительное искусство в виде наскальных рисунков хорошо нам известно только по писаницам Минусинской котловины.

После работ последних лет Саяно-Алтайской археологической экспедиции (под руководством С. В. Киселева) в Тувинской автономной области и обследования А. И. Минорским наскальных изображений на Алтае становится ясным, что жители этих двух районов не отставали от населения Минусинской котловины и в области развития изобразительного искусства.

Публикуемые А. И. Минорским образцы наскальных рисунков относятся к разному времени. Некоторые изображения животных (рис. 54—1 и 2) выполнены пунктирной набивной техникой со сплошным заполнением контура. По этим признакам они могут быть отнесены к тагарско-майэмирскому времени (т. е. к VII—IV вв. до н. э.).

Все остальные рисунки, выполненные резным контуром, не только по технике, но и по сюжетам поразительно похожи на широко известные писаницы Минусинской котловины более позднего времени. Особенно близки каракольским изображениям рисунки «писаной горы» на Сулеке.

Эти скальные рисунки, на основании анализа предметов конского убора, а также оружия — наконечников стрел, копий и проч., изображенных в сценах охоты и у всадников на Сулекской писанице, нами относятся к VIII—IX вв.¹ Предметы вооружения и конского убора из курганов енисейских кыргызов полностью совпадают с такими же предметами, изображенными на скальных рисунках.

Небольшое собрание эстампажей А. И. Минорского с древних рисунков уже теперь дает возможность судить об одновременности изображений из горного Алтая, выполненных линейным прорезным контуром, с древне-хакасскими не только по технике их выполнения. На рис. 55—4 и 56—1 мы видим охотников, стреляющих из составных луков стрелами, наконеч-

¹ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан, 1948.

ники которых столь схожи с трехлопастными наконечниками из погребений Саяно-Алтайского нагорья VII—IX вв.

К сожалению, А. И. Минорский не сделал эстампажей с надписей, встреченных им при обследовании скал с рисунками. Однако, судя по его описанию, эти надписи сделаны знаками орхоно-енисейского алфавита. Их содержание, безусловно, внесло бы новые данные в изучение древнего изобразительного искусства и его значения в жизни алтайских племен. Достаточно вспомнить, что имеющаяся на Сулекской писанице надпись: „b^ä n, kü k^aja“ — «памятная скала» — определяет значение ее изображений.

П. П. ХОРОШИХ

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ НА ГОРЕ МАНХАЙ II

(Кудинские степи)

Весной 1948 г. мною совместно с научным сотрудником Иркутского областного музея М. Р. Полесских и директором Усть-Ордынского музея В. И. Преловским была осмотрена гора Манхай II, расположенная по левому берегу р. Куды, в 11 км от пос. Усть-Орда и в 1 км на юго-восток от горы Манхай I (рис. 57).

На горе Манхай II были обнаружены разнообразные наскальные рисунки ранней поры железного века¹. Рисунки высечены на гладких выступах скал из красного песчаника, выходы которого идут по южному склону горы Манхай II, у самой ее вершины.

Некоторые выступы скал покрылись налетом серого лишайника, и поэтому рисунки иногда плохо заметны.

Все фигуры животных и людей на писанице Манхай II высечены по контуру; сплошные высекания на рисунках не встречаются. Размер отдельных фигур — от 2 до 28 см. Глубина высекания различная — от 1 до 6 мм. Некоторые рисунки сделаны нажимом какого-то металлического орудия, и они иногда слабо заметны.

Основные сюжеты — облавные охоты на коз. Охотники несутся на лошадях полным карьером. Лошади встречаются нескольких пород, но чаще — легкого сложения. Некоторые фигуры лошадей по своему сложению очень близки к породистым лошадям Средней Азии.

В передаче фигур животных, особенно коз и лошадей, видны большая наблюдательность и реалистичность. Древние художники удачно изобразили

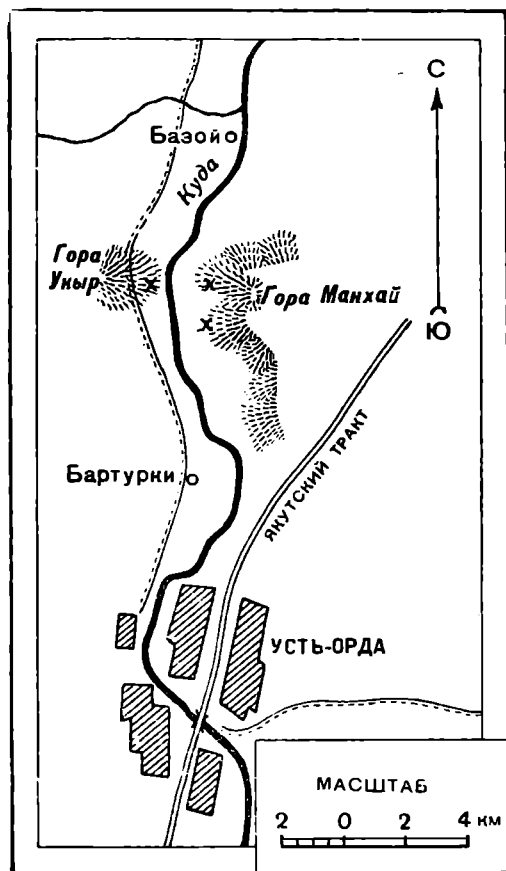

Рис. 57. Расположение писаниц на горах Укыр и Манхай по р. Куде

¹ Летом 1948 г. обследование рисунков на горах Манхай I и Манхай II производилось экспедицией Иркутского педагогического института под руководством автора данной статьи. Рисунки, эстампажи и фотоснимки с писаниц, сделанные этой экспедицией, хранятся в Иркутском областном научном музее.

все типичные, отличительные внешние признаки в строении тела этих копытных животных.

У некоторых породистых лошадей на шее изображены треугольные зубцы или ряд линий, что означает завязанную в пучки или подстриженную гриву (рис. 58—1, 2, 3). Такие изображения лошадей встречаются на писаницах по рр. Лене, Енисею, Черному Июсу и в других местах Сибири.

Среди многочисленных фигур животных на писанице Манхай II выделяется одна: глубоко высеченная фигура лошади, на голове которой изображены рога (рис. 58—4). Повидимому, в этой фигуре следует признать изображение лошади в маске.

Рисунки на скале Манхай II знакомят с различными способами охоты, применявшимися древними народами, жившими в Прибайкалье в начале нашей эры.

На одних рисунках всадники-охотники показаны стреляющими из лука (рис. 58—6, 7). На рис. 58—7 наглядно переданы полеты стрел, пущенных в коз охотниками. На других рисунках охотники показаны с арканами и укрюками (рис. 58—2, 5, 8). Такие способы ловли животных с древних времен были известны среди многих народностей Сибири. На рис. 59—4 изображена лошадь с четырьмя стрелами на спине. По стилю данная фигура заметно отличается от всех других лошадей, высеченных на скалах горы Манхай II. Этот рисунок, повидимому, более позднего происхождения.

Можно предполагать, что часть рисунков на скале горы Манхай II имела магическое значение, делалась древними художниками с определенной направленностью, например с целью обеспечения удачи на охоте, подчинения животных на охоте воле охотника и т. п.

По сравнению с прекрасно изображенными фигурами животных, человеческие фигуры на писанице Манхай II переданы очень схематично. Некоторые из них даны без одежды. На одной из скал высечены две идущие фигуры в длинных халатах среднеазиатского покроя с шапками округлой формы (рис. 59—1). Выше этих фигур на скале нацарапаны небольшие человеческие фигурки. Эти рисунки не древнего происхождения, они сделаны очень схематично.

Большой интерес представляет изображение жилища в виде войлочной юрты (кибитки), внутри которой показаны 4 человеческие фигуры. По бокам юрты стоят арбы, т. е. двухколесные телеги (рис. 59—2). Правая телега, повидимому, изображена с бочкой; оглобли бочки подперты.

В пределах Восточной Сибири такие рисунки найдены впервые. Войлочные кибитки, близкие по форме изображенной на рисунке, известны на одной из Ленских скал в местности Шишкинская шаманка и на Боярской писанице, описанной А. В. Адриановым¹ и М. П. Грязновым².

При рассматривании наскальных рисунков на горах Манхай I и Манхай II со стороны техники исполнения, содержания, сюжета, общей композиции и стилистических признаков видно, что эти рисунки принадлежат не одной народности и давность их различна.

Часть рисунков (более древних) относится к группе кыргызских (хакасских) рисунков первых веков нашей эры. Подобные им известны на скалах Хакассии у улуса Сулек и описаны Л. А. Евтюховой³. Вторая группа наскальных рисунков Кудинских степей, вероятно, принадлежит кырыканам — предкам якутов, жившим в пределах Прибайкалья в V—X вв. н. э. Третья группа (более поздняя) принадлежит предкам бурят-монголов.

¹ А. В. Адрианов. Писаница Боярская. Изв. Русск. комитета для изучения Средней и Восточной Азии, 1906, № 6.

² М. П. Грязнов. Боярская писаница. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 41—45, с рисунком.

³ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Изд. Хакасского научно-иссл. ин-та языка, литературы и истории. Абакан, 1948.

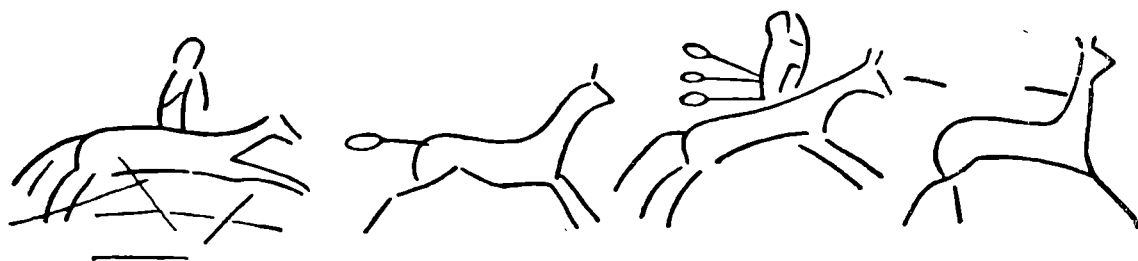
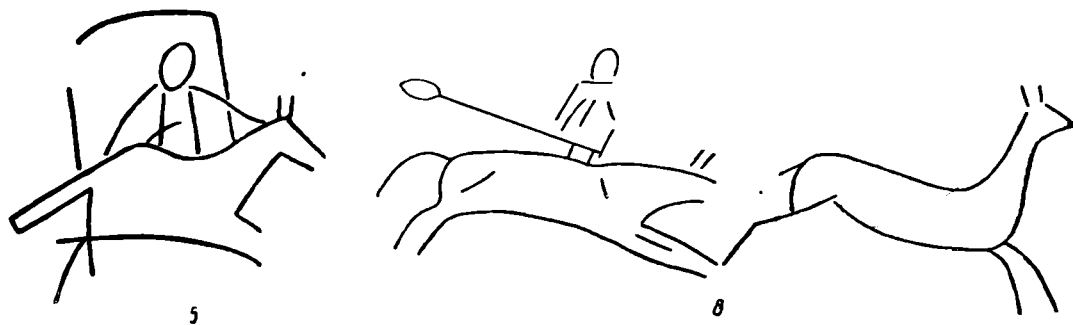
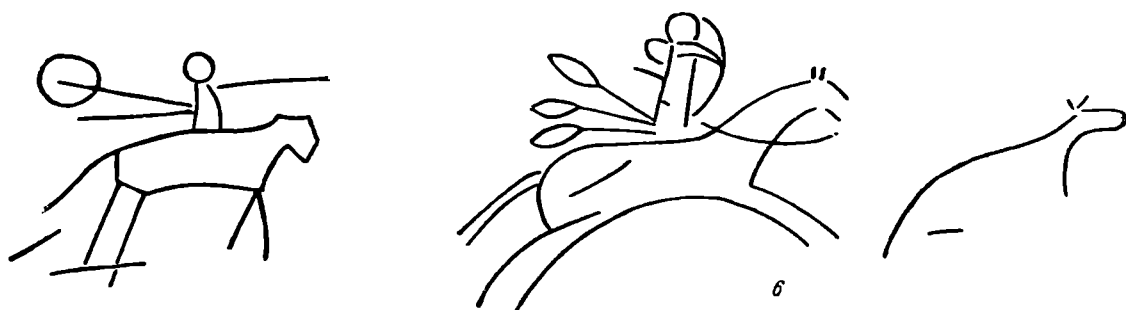
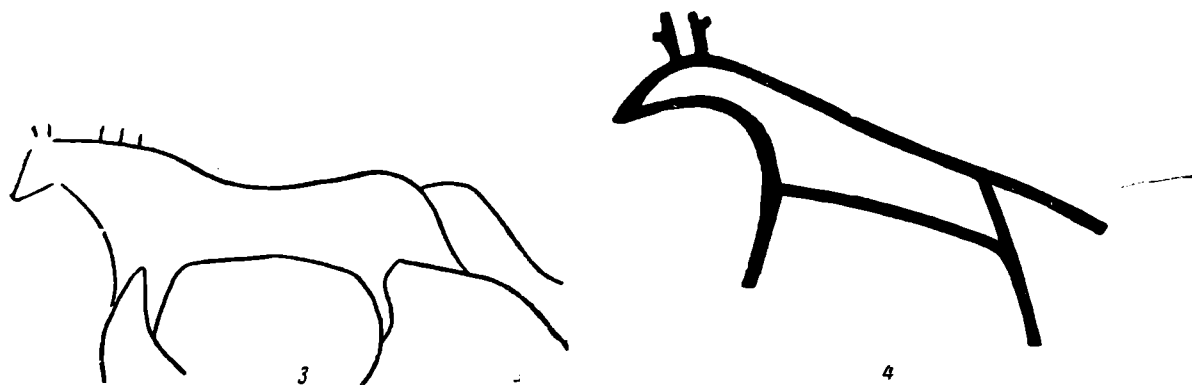

Рис. 58. Наскальные рисунки на горе Манхай II

1 — всадник ($1/8$ нат. вел.); 2 — всадник с арканом, луком и стрелами ($1/8$ нат. вел.); 3 — лошадь ($1/8$ нат. вел.); 4 — лошадь в маске ($1/2$ нат. вел.); 5 — всадники ($1/2$ нат. вел.); 6 — охота на маралу ($2/8$ нат. вел.); 7 — охота на коз ($2/8$ нат. вел.); 8 — охота на козу с арканом ($2/8$ нат. вел.)

Рис. 59. Наскальные рисунки на горе Манхай II

1 — человеческие фигуры ($\frac{2}{3}$ нат. вел.); 2 — войлочная юрта и арбы ($\frac{2}{3}$ нат. вел.); 3 — различные животные ($\frac{2}{3}$ нат. вел.); 4 — лошадь со стрелами ($\frac{2}{3}$ нат. вел.); 5 — всадник и лошадь с вьюком ($\frac{2}{3}$ нат. вел.); 6 — всадник ($\frac{2}{3}$ нат. вел.); 7 — бегущая коза ($\frac{2}{3}$ нат. вел.); 8 — лошадь ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

Эти рисунки значительно отличаются от кыргызских и курыканских своим схематизмом и простотой сюжетов.

Наскальные рисунки Кудинских степей (рис. 59—2) подтверждают предположения, что в I тысячелетии н. э. Прибайкалье было одним из центров культуры древних тюркоязычных племен. От этой культуры в V—X вв. отпочковалась якутская культура в ее первоначальном виде. Формирование якутов произошло путем сложного процесса взаимодействия местных и пришлых — таежных и степных — элементов.

А. П. Окладников считает, что искусство курыканов выросло из одних корней с искусством тюрков Алтая и Минусинского края, развивалось на общей с ними почве. Оно было самым северным ответвлением этого западно-тюркского, по-своему пышного и красочного, искусства.

В. Ф. ГЕНИНГ

К ВОПРОСУ О СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В одной из последних работ о распространении на север ананьинской культуры А. В. Збруева пишет: «Наиболее северными являются два памятника, расположенные на верховьях Камы, выше впадения р. Чусовой, близ устья маленькой речки Гаревой. Это селище и могильник у сел. Большой Скородум»¹.

Еще в конце прошлого столетия был опубликован ряд ананьинских вещей, найденных значительно севернее вышеуказанного района. Так, в Висимской даче найден «железный кинжал с изображением двух лежащих зверей на рукояти»², отнесенный А. А. Спицыным к ананьинскому времени. Еще дальше к северу, у сел. Верх-Боровского, около гор. Соликамска, было найдено ананьинское копьё³.

Н. А. Прокошев о распространении ананьинской культуры на север Прикамья писал, что памятники этой культуры должны там быть и что отсутствие находок объясняется недостаточной исследованностью этого района⁴. Н. А. Прокошев указывает на 2 копия из Верхнего Прикамья — из Висимской дачи⁵ и с речки Черной (притока Сылвы)⁶. Знакомство с этими вещами показывает, что в ананьинское время существовали весьма архаичные формы копий, очень близкие сейминским. Все эти находки заставляли предполагать, что могильник Скородум не является крайним предделом распространения ананьинской культуры.

Работая в 1949 г. в Вишерском отряде Камской археологической экспедиции Молотовского университета, мы обнаружили несколько новых памятников, два из которых имеют прямое отношение к интересующему нас вопросу.

В 230 км от устья вверх по течению р. Вишеры, у дер. Писаной Сыпучинского сельсовета Красновишерского района, Молотовской обл., нами были открыты и обследованы стоянка у камня Бычок и жертвенное место в пещере Темной.

¹ А. В. Збруева. Происхождение ананьинской культуры. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 37.

² А. А. Спицын. Древности Камской Чуди. МАР, № 26, стр. 21, табл. XXVII—8.

³ Ф. А. Теплоухов. Рисунки древностей Пермской Чуди, принадлежащих Пермскому музею. Пермь, 1897, стр. 9, табл. XII—11.

⁴ Н. А. Прокошев. Из материалов по изучению ананьинской культуры. СА, вып. X, 1948, стр. 202.

⁵ А. А. Спицын. Древности Камской Чуди, табл. XXVII—9.

⁶ Н. А. Прокошев. Указ. соч., стр. 202, рис. 15—1.

Стоянка Бычок расположена на правом берегу р. Вишеры, в 0,5 км к востоку от дер. Писаной. Площадка стоянки находится под навесом скалы, в 10 м от берега и на 5 м над уровнем реки.

Площадь под навесом небольшая — около 80 м². Заложенные нами под руководством О. Н. Бадера по длине площадки 3 шурфа дали наличие культурного слоя мощностью до 33 см. Шурф № 2 (в центре площадки) обнаружил мощный слой золы — остатки большого, видимо постоянного,

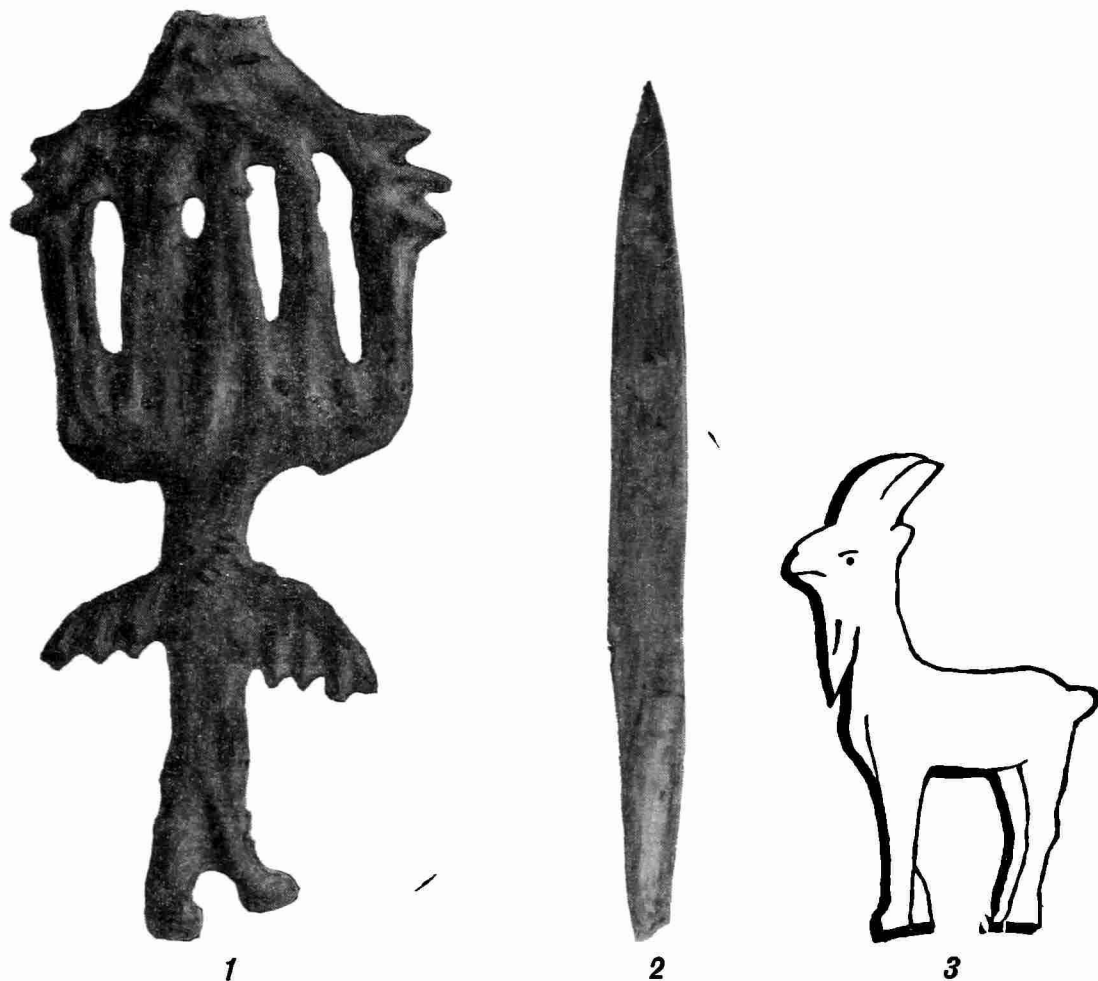

Рис. 60. Вещи ананьинского времени

1 — медный идол; 2 — костяной наконечник стрелы из пещеры Темной; 3 — бронзовое изображение козла с верховьев р. Вишеры

костра. В 30 м к северо-западу от стоянки Бычок, на высоте 20 м над уровнем р. Вишеры, находится вход в пещеру Темную, ориентированный на юго-юго-запад. Пещера очень сырая, вход низкий (от 1,1 до 2,7 м), длина — до 50 м. Как поселение пещера, вероятно, служить не могла.

Два шурфа, заложенные на площадке у входа в пещеру, дали наличие культурного слоя мощностью от 15 до 30 см. В шурфе № 1 (в центре площадки) культурный слой содержал массу угля; в самом нижнем горизонте найден костяной наконечник стрелы (рис. 60—2).

В шурфе № 2 (у восточной стенки) культурный слой также черно-углистого цвета, но остатков угля мало. Здесь найдены медный идол (рис. 60—1) и несколько фрагментов одного сосуда.

По всей вероятности, в пещере было жертвенное место, в ритуале которого большую роль играл огонь, о чем свидетельствует масса угля в центре площадки и находка только одного сосуда, также содержавшего внутри уголь.

Керамика обоих памятников принадлежит к одному типу (рис. 61—1, 3).

Керамика имеет примесь толченой раковины в черном глиняном тесте. Внешние и внутренние стенки сосудов покрыты тонким слоем глины серо-желтого или оранжевого цвета. Сосуды изготовлены от руки ленточной техникой, обработка поверхности проводилась путем сглаживания мокрой тряпкой или кожей.

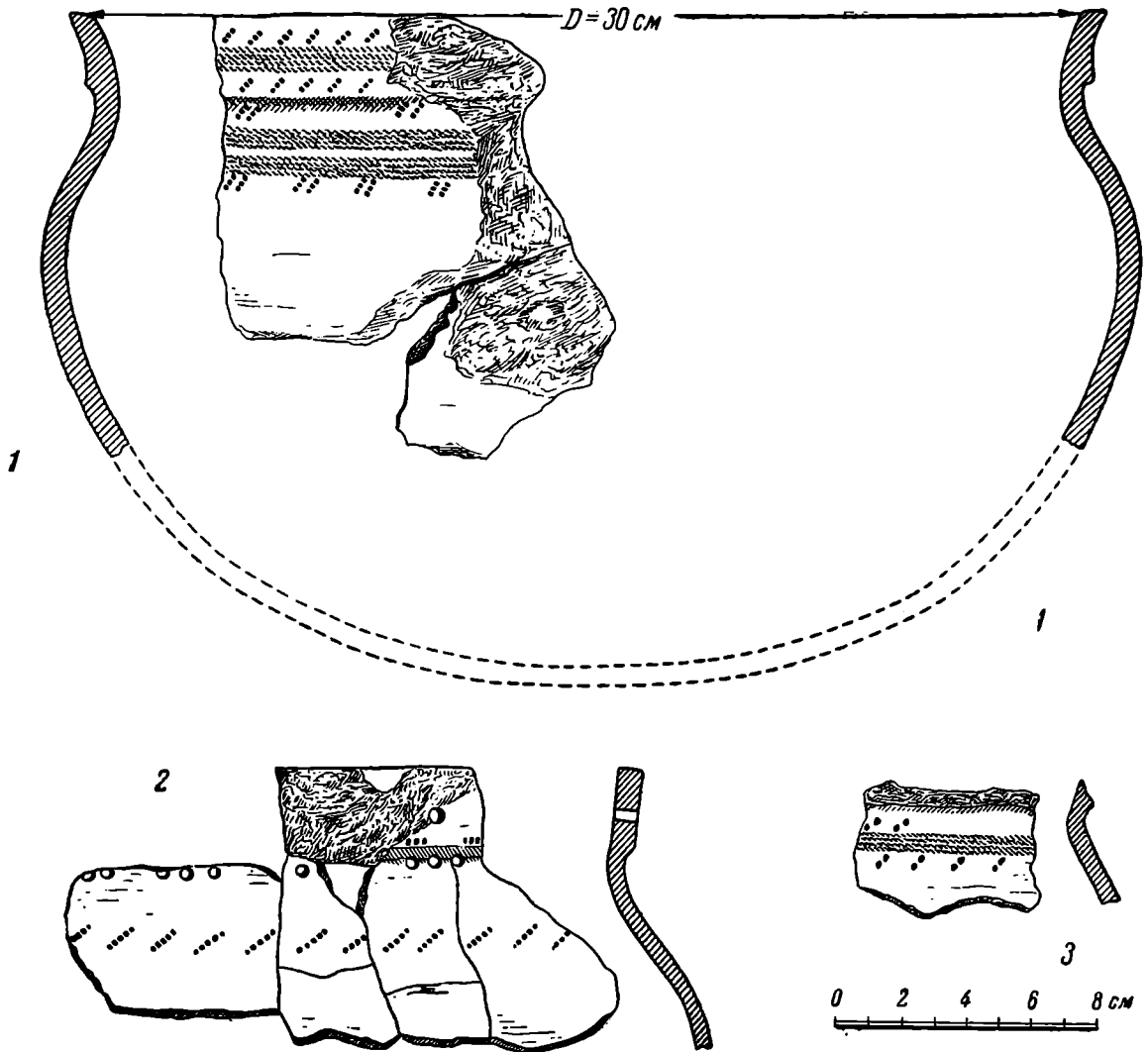

Рис. 61. Керамика ананьинского времени

1 — из пещеры Темной; 2 и 3 — со стоянки Бычок

Шейки имеют хорошо выраженные ананьинские воротнички. Орнамент и форма шеек находят близкие аналогии в керамике Пижемского городища¹, Конецгорского селища² и Галкинского городища³, что и позволяет датировать эти памятники V—IV вв. до н. э. и отнести их к ананьинской культуре.

Таким образом, граница распространения ананьинской культуры должна быть отодвинута по крайней мере на 400 км к северу и, помимо Вишеры, вероятно, должна включать также весь бассейн Верхней Камы, а сделанные ранее находки отдельных предметов (в частности, упомянутые

¹ А. В. Збруева. Пижемское городище. Сб. «Из истории родового общества на территории СССР», М., 1935, стр. 291, рис. 43—2 и 45—6.

² Сборы кабинета археологии Молотовского университета.

³ А. В. Збруева. Галкинское городище. МИА СССР, № 1, стр. 97, табл. V—7.

выше) должны рассматриваться не как случайно занесенные вещи, а как происходящие с памятников ананьинской культуры, еще не найденных.

Весьма интересен идол из пещеры Темной (рис. 60—1), найденный рядом с сосудом (рис. 61—1). Химический анализ, произведенный В. Г. Поповой в спектрально-аналитической лаборатории Молотовского университета, показал, что идол сделан из чистой меди. Он изготовлен плоским литьем, поверхность обработке не подвергалась. В верхней части идол имел продолжение, впоследствии обломанное (если это не отлом излишнего металла после литья). В нижней части дана фигура мужчины (на левой стороне идола трактуется мужской половой орган).

Руки фигуры даны в виде крыльев птицы. Изображение лица выполнено простыми поперечными выпуклостями, обозначающими глаза и рот (или нос). Верхняя композиция изображает, повидимому, фигуры трех женщин (в верхней части каждой фигуры выделены груди), обрамленных четырехугольником, который увенчан сверху одним лицом, а сбоку — тоже руками в виде крыльев. Вполне вероятно, что верхняя композиция изображает головной убор нижней фигуры.

В Чердынском краеведческом музее имеется интересная находка с верховьев р. Вишеры. Это литое бронзовое изображение козла (рис. 60—3); размеры — 53×25 мм. Подобные изображения имеются в тагарской культуре южной Сибири¹ и в Прикамье². Время этой культуры, как известно, синхронично ананьинскому.

Аналогий в культовых изображениях этого времени нам пока не удалось найти. Может быть, это указывает на культурные особенности населения Вишеры в ананьинское время, связанные с тем, что природные условия Вишерского края во многом отличны от условий основных районов распространения ананьинской культуры, и в условиях горного севера основой хозяйства жителей этих мест могли быть только охота и рыболовство, что подтверждает и характер стоянки, в то время как в основных районах распространения ананьинской культуры такой основой были земледелие и скотоводство.

Поэтому вполне вероятно, что племена северных горных районов Прикамья несколько отличались в культурном отношении от своих южных соседей в Прикамье.

Открытие ананьинских памятников на Вишере ставит вопрос о необходимости дальнейших поисков следов этой культуры на севере и северо-западе Прикамья, т. е. в бассейнах Верхней Камы, Колвы, а возможно, Вычегды и Печоры.

---

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА СССР, вып. 9, 1949, стр. 133, табл. XX, рис. 2, 13, табл. XXI, рис. 1.

² Там же, стр. 137, табл. XXII, рис. 5, 6. Согласно тексту (стр. 134), эти фигуры — из б. Пермской губ.

В. В. ОБОРИН

ПЛЁХОВСКИЙ МОГИЛЬНИК НА КАМЕ

Летом 1949 г., обследуя совместно с В. Денисовым археологические памятники по заданию Молотовского облкультпросветотдела, мы обнаружили следы разрушенного могильника у дер. Плёховой Соликамского района.

Упоминание об этом могильнике есть у А. Дмитриева¹. Его сведения повторяет И. Я. Кривошеков². Однако указанные авторы не дают описания могильника и вещей, найденных в нем.

При обследовании мы обнаружили, что могильник располагался в 250 м к западу от дер. Плёховой, на склоне песчаной первой надпойменной террасы левого берега р. Камы, на уровне 8 м над заболоченной поймой, в 3 км к востоку от реки. В настоящее время площадь могильника частью распахана под картофельное поле, частью (по самому склону террасы) сохранилась от распашки. На месте могильника было обнаружено 52 углубления диаметром до 4—5 м, глубиной от 10 до 50 см, беспорядочно разбросанных на площади около 10 000 м² по склону террасы. Вскрытие 5 таких углублений не дало находок вещей или костей. До 60 см вглубь шел слой почвы, перемешанной с песком, а ниже, до 1,5 м (глубина раскопа), — желтый крупнозернистый песок. В перемешанном слое обнаружены остатки корней. Очевидно, углубления эти — следы выкорчевки леса. Внимательный осмотр прилегающей пашни никаких находок не дал.

А между тем, жители дер. Плёховой и близлежащей дер. Пузиковой рассказывают, что именно на этом месте при раскорчевке леса и последующей распашке они находили бронзовые и медные вещи. По рассказам жителей, вещи лежали прямо на поверхности; в числе их были медные бусы, бронзовые украшения в виде двух конских головок с цепочками и др. Отсутствие находок костей можно объяснить тем, что в песке они могли не сохраниться или жители не обратили внимания на них. Жители дер. Плёховой начали находить вещи с середины XIX в., когда впервые началась корчевка леса на месте могильника. Эти находки продолжаются, но более редко, до последнего времени.

Житель дер. Плёховой Д. А. Чуклинов передал нам несколько бронзовых украшений, найденных им на месте могильника лет 10 назад. В их числе: основа шумящей подвески — бронзовая, двусторонняя, рельефная, с изображением трех птиц, очевидно орлов (рис. 62—2). Одна из птиц

¹ А. Дмитриев. Пермская старина. Пермь, 1891, вып. III, стр. 80.

² И. Я. Кривошеков. Пермь Великая. Матер. по изуч. Пермск. края. Пермь, 1911, вып. IV, стр. 136.

дана в анфас в центре, две другие — в профиль, образуя над первой арку. Чуклинов говорит, что в нижней части имелась цепочка с колокольчиками, которые утеряны им. Кроме этой подвески, в числе вещей оказалась флаконовидная бронзовая подвеска (рис. 62—6), средних размеров пронизка с двумя прорезными вздутиями (рис. 62—1), бронзовая крупная бусина (рис. 62—3), обломок решетчатой флаконовидной подвески (рис. 62—4) и обломок плоского браслета с расплюснутым концом (рис. 62—5). Браслет имеет резной орнамент из двух параллельных рядов мелких кружков.

Рис. 62. Бронзовые вещи из Плеховского могильника (нат. вел.)

Вещи из Плеховского могильника имеют много аналогий среди материала прикамских могильников и городищ родановского времени (X—XIV вв. н. э.). Так, подвеска с тремя орлами находит почти полную аналогию в подвеске из с. Редикор Чердынского района; датируется Спицыным IX—X в. н. э.¹; флаконовидная подвеска аналогична такой же подвеске из дер. Вакина; датируется Спицыным XI в. н. э.². Решетчатая флаконовидная подвеска находит аналогию в такой же подвеске из дер. Мальцевой; датируется X в. н. э.³. Пронизка с прорезными вздутиями аналогична такой же пронизке из дер. Харина; датируется X—XI в. н. э.⁴ Обломок браслета аналогичен браслету из дер. Загарье; датируется X в.

¹ А. А. Спицын. Древности Камской Чуди по коллекциям Теплоуховых. СПб., 1902. МАР, т. 26, табл. XXII, рис. 3.

² Там же, табл. IX, рис. 13.

³ Там же, табл. IX, рис. 14.

⁴ Там же, табл. X, рис. 28.

н. э.¹. Наиболее близкая аналогия бусине имеется в бусине из дер. Мальцевой; датируется X в. н. э.².

Таким образом, могильник можно датировать IX—XI вв. н. э. Коньковые подвески, которые находят здесь (по словам местных жителей), тоже датируются Спичиным IX—XII вв.

В полутора километрах севернее могильника, у дер. Пузиковой, находится городище. Керамика этого городища очень близка к керамике нижнего слоя Родановского городища, выделенного М. В. Талицким. М. В. Талицкий относит этот слой к раннему периоду родановской культуры. Очевидно, городище и могильник составляют единый культурный комплекс.

Разрушенный могильник у дер. Плеховой может занять место на археологической карте Прикамья в ряду немногочисленных и мало изученных юга могильников родановской культуры (X—XIV вв. н. э.).

---

¹ Там же, табл. XV, рис. 21.

² Там же, табл. XL, рис. 4.

V. ХРОНИКА

ОБСУЖДЕНИЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В Институте истории материальной культуры широко проводилось обсуждение трудов товарища Сталина по вопросам языкознания. В день опубликования работы И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании» на заседаниях секторов Института состоялись их первые обсуждения. Все выступавшие отмечали огромное значение работ И. В. Сталина, разоблачивших антимарксистскую сущность «теории» Марра, которая оказала вредное влияние и на развитие советской археологии. Особо были выделены положения И. В. Сталина, указывающие правильные пути для разрешения вопросов этногенеза и сложения культур древних племен и народов.

На состоявшемся 5 июля 1950 г. открытом партийном собрании Института выступил директор ИИМК член-корр. АН СССР А. Д. Удальцов с докладом: «Труды И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании и задачи советской археологии»¹.

Это собрание приняло резолюцию, в которой выразило глубокую благодарность великому вождю и учителю товарищу Сталину за его повседневную заботу о развитии советской науки, и отметило огромное значение для всей советской науки, в том числе и для археологии, выдающихся трудов И. В. Сталина по языкознанию, необходимость развертывания широкой критики и самокритики. Был намечен ряд конкретных мероприятий, в том числе организация специального заседания Ученого совета, посвященного разработке теоретических проблем советской археологии в свете произведений товарища Сталина по вопросам языкознания.

В сентябре было проведено расширенное объединенное заседание секторов ИИМК, организованное сектором этногенеза, с докладом зав. сектором доктора исторических наук проф. П. Н. Третьякова «Работы И. В. Сталина о языке и языкознании и вопросы этногенеза»².

В Ленинградском отделении Института первое обсуждение работ И. В. Сталина по вопросам языкознания было проведено лишь 22 и 23 ноября, когда собрался Ученый совет Ленинградского отделения для обсуждения доклада зав. отделением доктора исторических наук А. П. Окладникова «Труды И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании».

Вместо самокритического освещения работы руководимого им Ленинградского отделения и своих собственных работ А. П. Окладников, лишь

¹ Информация об открытом партийном собрании ИИМК опубликована в «Вестнике Древней Истории», 1950, № 3, стр. 202—207.

² Доклад опубликован в журнале «Вопросы истории», 1950, № 10.

вскользь упомянув о своих ошибках, попытался взять под свою защиту Н. Я. Марра как археолога, объявив его крупнейшим ученым этой области, сняв фактически вопрос о критике ошибочных «теоретических» взглядов Марра в археологии.

Доклад А. П. Окладникова был подвергнут резкой критике со стороны коллектива. Еще до состоявшегося в ноябре Ученого совета ЛОИИМК статьи в «Ленинградской Правде» и в № 7 «Вестника АН СССР» за 1950 г. (статья главного ученого секретаря АН СССР академика А. В. Топчиева) отметили, что «культ» Марра и восхваление его мнимых «заслуг» насаждались в Ленинградском отделении Института.

28—30 декабря 1950 г. в Москве состоялось открытое заседание Ученого совета ИИМК с тремя докладами, посвященными задачам археологической науки в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. После оживленного двухдневного обсуждения докладов Ученый совет принял резолюцию, помещенную ниже.

РЕЗОЛЮЦИЯ

ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР ПО ВОПРОСАМ АРХЕОЛОГИИ В СВЕТЕ РАБОТ И. В. СТАЛИНА

от 28—30 декабря 1950 г.

Заслушав и обсудив доклады доктора историч. наук С. В. Киселева «Вопросы археологии первобытного общества в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию»¹, доктора историч. наук П. Н. Третьякова «Проблема происхождения народов в свете трудов И. В. Сталина» и доктора историч. наук Б. А. Рыбакова «Вопросы археологии древней Руси в свете работ И. В. Сталина», Ученый совет прежде всего отмечает, что значение гениальных трудов товарища Сталина о языкознании далеко выходит за пределы собственно лингвистических вопросов. Эти труды имеют огромное значение для развития марксизма-ленинизма и советской науки в целом. В своих работах товарищ Сталин дает исчерпывающее определение марксизма как науки и указывает пути творческой философской и методологической разработки важнейших проблем исторического значения. Товарищ Сталин по-новому разрешил важнейшие вопросы проблемы базиса и надстройки, характера соотношений между ними, изменений базиса и надстройки и особенностей языка, который «коренным образом отличается от надстройки».

Глубочайшее теоретическое значение имеют положения И. В. Сталина по вопросу об особенностях диалектического развития общества в условиях классового строя, когда общество разделено на враждебные классы, и в условиях развития общества, «не имеющего враждебных классов».

В свете сталинских положений ясно видна полная несостоятельность всех основных положений так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра и его школы: трактовки языка как надстройки, утверждения классовости языка, языковых «революций», демагогических требований замены «устарелых классовых языков новыми», теории стадильности и палеонтологического анализа по четырем элементам, теории скрещивания и многих других, часто противоречащих друг другу утверждений, основанных на порочных, идеалистических представлениях, прикрываемых отдельными марксистскообразными фразами, которые только показывают, что Н. Я. Марр никогда не был марксистом, а был «всего лишь упрощителем и вульгаризатором марксизма».

¹ Доклад С. В. Киселева печатается в настоящем выпуске, стр. 3—13.

Для советских археологов, имеющих прежде всего дело с первобытно-общинным строем и раннеклассовыми обществами, исключительно важное значение представляют слова И. В. Сталина о ходе развития языков «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным». Здесь, перед советскими археологами разворачиваются широчайшие дороги для конкретного исследования родов и племен, населявших территорию нашей Родины в древнейшее время. Не отвлеченные «стадии», а конкретные общества в их историческом развитии должны являться предметом археологического исследования.

Товарищ Сталин указывает, что «язык и законы его развития можно понять только в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка».

Большое значение имеет установленное И. В. Сталиным соотношение между культурой и языком в ходе истории. В то время как «культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества..., — язык остаётся в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую».

Теория скрещивания, вульгаризованная Н. Я. Марром и его учениками, завела в тупик исследование развития языков в ходе этногенеза. Единственно возможный путь исследования указан товарищем Сталиным: «при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает».

Столь же блестяще опровергнута порочная антимарксистская формула Н. Я. Марра о классовости языка. С предельной ясностью показал товарищ Сталин, что всюду, на всех этапах развития, язык всегда был общенародным явлением, что он был «создан всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений».

Совершенно новое освещение получил в трудах И. В. Сталина важнейший вопрос о роли языка в общественной жизни. Решительно опровергнута вредная теория Н. Я. Марра о языке-надстройке над общественным базисом. Впервые выдвинутое товарищем Сталиным положение о «всенародном языке», непосредственно связанном с производительной деятельностью человека, как средстве общения людей между собой, по-новому решает ряд коренных языковедных вопросов.

Огромное значение имеет указание товарища Сталина на роль борьбы мнений в науке и на необходимость покончить с попытками установления аракчеевского режима в науке.

Ученый совет Института истории материальной культуры Академии Наук СССР отмечает, что в археологической науке имели место использование отдельных антинаучных положений так называемого «нового учения о языке», попытки перенесения в область археологических исследований теории стадильности, четырехэлементного анализа, положения о кинетической речи и других вульгаризаторских положений Марра, связанных прежде всего с антимарксистским пониманием языка как надстройки.

Примером такого проникновения в область археологии противоречащих марксизму-ленинизму взглядов Марра является изданный в 1938 г. на правах рукописи макет I и II томов «Истории СССР». В этом издании, несмотря на попытки дать освещение древнейшей истории народов Советского Союза с марксистско-ленинских позиций на основании анализа огромного материала, накопленного советскими археологами, сказалось влияние антинаучных взглядов Марра.

К сожалению, за последние годы влияние так называемого «нового учения о языке» на отдельных археологов даже усилилось. Об этом свидетельствует двухтомная «История первобытного общества» члена-корр. АН СССР В. И. Равдоникаса, насквозь пронизанная марристскими положениями.

Немарксистские взгляды Н. Я. Марра широко применялись в работах советских археологов (М. И. Артамонова, Б. Б. Пиотровского, П. Н. Третьякова, С. П. Толстова и А. Д. Удальцова), посвященных этногенезу.

В крупных историко-археологических монографиях, написанных за последние годы, отразились отдельные ошибочные положения Н. Я. Марра (книги А. Н. Бернштама, С. В. Киселева, Т. С. Пассек, А. П. Окладникова, С. П. Толстова и др.).

В среде советских археологов имело также место неправильное понимание роли Н. Я. Марра в советской науке. Крайним проявлением этого является тот культ Н. Я. Марра, который искусственно насаждался в Ленинградском отделении Института и против которого дирекция ИИМК надлежащих мер не принимала. Вследствие этого дважды (в 1948 и 1949 гг.) была издана книга В. А. Миханковой «Н. Я. Марр», представляющая собой апологетическое освещение деятельности Марра не только в языкознании, но и в археологии. В 1950 г. в издании Гос. Эрмитажа вышла брошюра зам. директора ИИМК и зав. ЛОИИМК, доктора исторических наук А. П. Окладникова «Н. Я. Марр и советская археология». В этой брошюре все успехи советской археологии за 30 лет ее существования ложно связывались с деятельностью Марра, и этот вульгаризатор в науке, создавший в возглавлявшейся им ГАИМК аракчеевский режим, объявлялся основателем и вождем советской археологии, вопреки всякой истине.

В действительности же, «теоретические» взгляды Марра в области археологии заключались в попытке подчинить археологию так называемому «новому учению о языке», перенести на археологию свои глубоко ошибочные положения по языкознанию. Совершенно очевидно, что организационная и административная деятельность Марра в археологии заключалась в стремлении подчинить археологию так называемому «новому учению о языке» и, уводя археологов от конкретно исторических исследований в область антинаучной стадильной фантастики, создать видимость подтверждения археологическим материалом вульгаризаторских теорий в области языкознания.

Что же касается деятельности Н. Я. Марра как полевого исследователя, то ознакомление с его отчетами показывает, что в проводившихся им раскопках (которыми он занимался только до Великой Октябрьской социалистической революции) он стоял много ниже в методическом отношении большинства специалистов — своих современников.

Исходя из вышеуказанного, Ученый совет Института истории материальной культуры не может пройти мимо заседания Ученого совета ЛОИИМК, состоявшегося 22—23 ноября 1950 г., на котором обсуждался доклад А. П. Окладникова «Работы товарища Сталина по вопросам марксизма в языкознании».

Заседание Ученого совета Ленинградского отделения Института прошло на недостаточно высоком идейно-теоретическом уровне. В своем докладе и в ответах на вопросы А. П. Окладников, вместо серьезного рассмотрения того вреда, который принесла деятельность Марра в археологии, вместо выяснения ошибок сотрудников ЛОИИМК, связанных с восхвалением Марра и применением его ошибочных взглядов в своих работах, фактически взял под защиту Марра, как археолога, объявив его крупным ученым в этой области и положительно охарактеризовав деятельность в качестве руководителя ГАИМК этого создателя аракчеевского режима.

При этом А. П. Окладников обошел молчанием критику ЛОИИМК со стороны Ленинградской печати и Президиума АН СССР, а в ответ на справедливую критику своих товарищей по Институту, опубликованную в «Известиях Отделения истории и философии» и в «Вестнике древней истории», ответил огульным отрицанием этой критики и попыткой опорочить критикующих. Кроме того, А. П. Окладников не подал примера развернутой критики и самокритики. Не объяснил А. П. Окладников и причин, по которым обсуждение важнейших вопросов археологии было начато в ЛОИИМК спустя полгода после исторических выступлений И. В. Сталина.

Доклад А. П. Окладникова и его ответы на вопросы не были принципиальными, неправильно ориентировали общественное мнение, что и нашло свое отражение в его обсуждении.

Поэтому Ученый совет Института истории материальной культуры АН СССР не мог бы согласиться с директором ИИМК членом-корр. АН СССР А. Д. Удальцовым, который, председательствуя на заседании Ученого совета ЛОИИМК, при переходе к ответам на вопросы дал положительную оценку докладу А. П. Окладникова. Необходимо, однако, отметить, что А. Д. Удальцов от этой оценки отказался и выступил на Ученом совете ИИМК с развернутой самокритикой.

Неправильную позицию А. П. Окладникова целиком поддержали доктор исторических наук А. Н. Бернштам и член-корр. АН СССР В. И. Равдоникас. Неверную оценку Марра, как якобы выдающегося археолога, дали, кроме того, член-корр. АН СССР К. В. Тревер и некоторые другие из выступавших. Совершенно недостаточно была развернута на заседании критика и самокритика.

Крайним проявлением некритического отношения к Марру, игнорированием гениальных работ товарища Сталина явилось выступление А. Н. Бернштама, который, искажая смысл произведений товарища Сталина, призывал Ученый совет ЛОИИМК к тому, чтобы выискивать положительные стороны наследия Марра, вместо решительной его критики. В связи с этим Бернштам допустил политически неправильное определение задач, стоящих перед советскими археологами, которые якобы должны, сохраняя наследие Марра, занять позицию выжидания, в надежде на то, что настанет время, когда вновь можно будет пропагандировать положения Марра.

Ряд выступавших правильно отметили недостатки доклада и отдельных выступлений, подвергли критике установленный Марром аракеевский режим и подчеркнули необходимость скорейшего преодоления вредного влияния положений так называемого «нового учения о языке».

Ученый совет Института одобряет правильную позицию, занятую на заседании Ученого совета ЛОИИМК прибывшими из Москвы доктором исторических наук Б. А. Рыбаковым, кандидатами исторических наук А. Л. Монгайтом и Г. Б. Федоровым.

Ученый совет ИИМК АН СССР не может дать такой оценки выступлению на настоящем заседании доктора исторических наук А. П. Окладникова, который больше говорил о своих честных побуждениях, чем о допущенных им ошибках и ничего не сказал о недостатках своего руководства ЛОИИМК.

Нельзя не отметить и того факта, что кандидат исторических наук М. К. Каргер, выступивший на заседании Ученого совета ЛОИИМК с правильной критикой доклада А. П. Окладникова и ошибочных выступлений Бернштама, Равдоникаса и других, на настоящем заседании стремился всячески преуменьшить их ошибки, изобразив эти ошибки, как случайные.

Существование в Ленинградском отделении Института культа Марра поддерживалось наличием в его составе организованного еще в 1934 г. в

ГАИМК кабинета Марра, созывом ежегодных пленумов в Ленинграде, посвященных памяти Марра, изданием апологетических книг и брошюр, восхвалявших «заслуги» Марра.

Все это облегчалось недостаточной централизацией руководства Институтом истории материальной культуры. Ленинградское отделение ИИМК по установившейся вредной традиции по существу было автономно, располагая собственным Ученым советом, самостоятельными секторами и руководством. Дирекция ИИМК не приняла своевременных мер к устранению этого ненормального положения.

Ученый совет Института истории материальной культуры Академии Наук СССР считает необходимым изменение структуры Института и организации руководства с тем, чтобы было обеспечено полное единство в организации работы всего Института в целом и необходимая централизация руководства.

Переходя к оценке положения в советской археологической науке и ее задач, высказанных в докладах и выступлениях настоящего заседания, Ученый совет Института истории материальной культуры отмечает, что ошибки, связанные с использованием в археологии вредных положений Н. Я. Марра, объясняются прежде всего недостаточным овладением советскими археологами марксистско-ленинской теорией.

Перед советскими археологами стоит задача окончательного искоренения влияния антинаучных взглядов Марра, постоянная углубленная работа по овладению марксистско-ленинской теорией, разрешение проблем советской археологии, неизменно следуя по пути, указанному И. В. Сталиным в его гениальных работах.

Ученый совет выражает твердую уверенность в том, что советские археологи и прежде всего сотрудники Института истории материальной культуры справятся со стоящими перед ними задачами.

Необходимо отметить, что, несмотря на крикливую пропаганду порочных идей Марра его апологетами и их попытку приписать все достижения советской археологии деятельности Н. Я. Марра, советская археология в действительности развивалась по марксистско-ленинскому пути. Следуя по этому единственно правильному пути, советские археологи внесли большой вклад в историю народов СССР, в основном правильно осветив древнейшие периоды истории нашей Родины.

Советские археологи, вопреки «марристским» заблуждениям некоторых своих товарищей, неизменно боролись против зарубежной буржуазной «науки». Совместно с советскими этнографами и антропологами, советские археологи вскрыли реакционную человеконенавистническую сущность расистских «теорий» англо-американских и других «ученых», откровенно поставивших себя на службу империалистической политике колонизаторов и поджигателей войны.

Вместе с тем советские археологи, следуя указаниям партии Ленина — Сталина, неизменно боролись против проникновения в советскую науку влияния буржуазной «науки»: против космополитизма, безидейности, аполитичности и т. п.

Гениальные работы товарища Сталина по языкознанию, разоблачившие антинаучный характер всех теоретических положений так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра и раскрывшие перед советскими учеными широчайшие перспективы научного творчества, имеют огромное значение в подъеме советской археологии на высшую ступень.

Ученый совет Института истории материальной культуры считает, что задачи, стоящие перед советскими археологами в области археологии первобытного общества, в области изучения происхождения народов и по вопросам археологии древней Руси, были в основном правильно намечены в заслушанных на его заседаниях докладах.

В области археологии первобытного общества первоочередной задачей является определение древних племен, исследование их древней истории и выявление среди них тех племен, которые стали ведущими в процессе сложения народностей. Это приведет к созданию подлинной гражданской истории древности и одновременно окажет помощь в деле конкретного изучения процесса образования народностей.

В области исследования процессов образования народов, где особенно были сильны вредные влияния «теорий» Марра, необходимо пересмотреть всю ранее проведенную работу с целью искоренения этих влияний. Дальнейшие исследования в этой области, руководствуясь указаниями товарища Сталина, необходимо осуществлять в тесном контакте с лингвистами.

При этом должно быть полностью использовано положение И. В. Сталина о том, что «элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства».

В области археологии древней Руси необходимо до конца выявить все ошибки Марра и развенчать его «теории», касающиеся древних славян, русского государства и русского языка.

Нужно тщательно исследовать по археологическим данным область древних руссов, являвшихся частью юго-восточных славянских племен. Необходимо продолжать борьбу с пережитками норманистской теории. Нужно обратить особое внимание на область курско-орловского и полтавско-киевского диалектов, изучив их древнейшую историю. Необходимо изучение топонимики.

Важнейшей темой должно быть изучение образования Киевского государства и его дальнейшей истории, а также истории русской культуры. Археологи должны быть тесно связаны в своей работе как с лингвистами, так и с этнографами.

Ученый совет Института истории материальной культуры отмечает, что настоящие заседания являются только началом той большой теоретической и научно-организационной работы, которая поможет советским археологам в возможно более короткий срок преодолеть ошибки, связанные с некритическим использованием вредных вульгаризаторских взглядов Марра, правильно определить первоочередные задачи в своих исследованиях и успешно двигаться вперед по пути, начертанному в гениальных работах товарища Сталина.

Ученый совет призывает всех археологов дружно, объединенными усилиями взяться за выполнение этой неотложной работы.

Ученый совет Института истории материальной культуры Академии Наук СССР выражает глубокую благодарность вождю и учителю, величайшему корифею науки, товарищу Сталину за его повседневную заботу о развитии марксистско-ленинской науки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО — Записки Российского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
IosPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МiAK — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
ИОН — Известия отделения общественных наук
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
ХИФО — Харьковское историко-филологическое отделение
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДОКЛАДЫ

- С. В. Киселев.* Вопросы археологии первобытного общества в свете трудов
И. В. Сталина по языкознанию 3

II. СТАТЬИ

- Н. Я. Мерперт.* О генезисе салтовской культуры 14
Е. М. Штаерман. Керамические клейма из Тиры 31
Л. Р. Кызласов. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна (Алтай) 50
Ф. Д. Гуревич. Рагинянский могильник 56
Э. А. Володченко. Перстень-печать XII в. 62
Е. С. Видонова. Детская одежда начала XVI в. 68

III. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- М. З. Паничкина.* Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении 76
Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму 87
Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской
тундры 96
А. А. Формозов. Археологические памятники в районе Орска 115
К. В. Сальников. Раскопки на оз. Березовом 122
М. Р. Полесских. Археологические разведки в долине р. Оки, притока Ангары 131
А. И. Тереножкин. Раскопки на гордище Афраснабе 136
С. А. Тараканова. Псковские курганы с трупосожжением 141
М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г. 155

IV. ИНФОРМАЦИЯ

- О. Н. Бадер.* Мустьерское местонахождение у дер. Мазанки в Крыму 165
В. В. Пиотровский. Неолитическая стоянка на берегу оз. Круглого (Московская
область) 167
А. М. Ефимова. Сверленные молоты (из коллекции Государственного музея
Татарской АССР) 170
Н. В. Хоштариа. Об одном бронзовом орудии из Колхиды 177
М. И. Исаков. Новые археологические находки в Дагестане 181
А. И. Минорский. Древние наскальные рисунки горного Алтая 184
Л. А. Евтюхова. К вопросу о писаницах Алтая 189
П. П. Хороших. Наскальные рисунки на горе Манхай II (Кудинские степи) 191
В. Ф. Генинг. К вопросу о северных границах распространения ананьинской
культуры 196
В. В. Оборин. Плеховский могильник на Каме 200

V. ХРОНИКА

- Обсуждение трудов *И. В. Сталина* по вопросам языкознания 203

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Корректор *Т. А. Савич*

*

РИСО АН СССР № 4278. Т-00154. Издат. № 2805.
Тип. заказ № 688. Подп. к печ. 3/III 1951 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 18,15 Бум. л. 6 62
Уч.-издат. л. 18,25. Тираж 1500.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер. д. 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
110	6 св.	базиса	оазиса
117	Подпись под рис. 30	Джаилгальской	Джаилганской
134	В табл. в графе 1	р. Танагина	р. Панагина

Кр. сообщ. ИИМК, вып. 36